
ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ

ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЛИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО КОНЦА XIV ВѢКА.

П. А. ИВАНОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ
ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЛИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО КОНЦА XIV ВѢКА.

ОДЕССА.

„Экономическая“ типографія, Почтовая ул., д. № 43.

1895.

Дозволено цензурою. Одесса, 15 Апрѣля 1895 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР
Предисловіе.	I.
Источники и пособія.	3.
I. Природа страны.	7.
II. Первобытные насельники Волыни.	12.
III. Славяне-язычники на территоріи Волыни. Ихъ судьба до к. X в.	27.
IV. Географическій очеркъ Волынскаго княжества съ к. X в. до к. XIV в.	66.
V. Волынь съ к. X в. и до $\frac{1}{2}$ XII в.	107.
VI. Волынь до к. XIV в.	147.
VII. Очеркъ внутренняго быта Волынской земли до к. XIV в.	263.
Заключеніе	315.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая вниманію читателей свой трудъ по исторіи одного изъ древнерусскихъ княжествъ, считаю нужнымъ предпослать нѣсколько словъ.

По исторіи Волыни (одной или вмѣстѣ съ Галичемъ) есть нѣсколько солидныхъ сочиненій, но всѣ они страдаютъ важнымъ недостаткомъ, заключающимся, по моему мнѣнію, въ томъ, что авторы ихъ обратили слишкомъ много вниманія на внѣшнюю исторію, внутренней-же коснулись только вскользь.

Не смотря на скудость относящагося къ внутренней исторіи Волынской земли до в. XIV в. матеріала, я, однако, старался, насколько то возможно было, избѣгнуть указанного недостатка.

Далѣе, излагая какъ внѣшнюю исторію Волыни до в. XIV в., такъ и ея внутренній бытъ за то-же время, я поневолѣ долженъ былъ иногда, за отсутствіемъ положительныхъ указаній въ источникахъ, прибѣгать къ гипотетическому элементу. Не думаю, чтобы кто-нибудь поставилъ мнѣ это въ вину—вѣдь никакая гипотеза,—говоря словами почтеннаго проф. Львовскаго университета М. С. Грушевскаго (см. его—Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до в. XIV ст., стр. XI), — не повредитъ

успѣху изслѣдованія, если предлагается лишь, какъ гипотеза.

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ принести искреннюю благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя такъ или иначе содѣйствовали мнѣ при написаніи предлагаемой работы, въ особенности же, профессорамъ В. Б. Антоновичу и А. И. Маркевичу.

Источники и пособія.

- 1) Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 1871 г.
- 2) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изд. 1872 г.
- 3) Лѣтопись Новгородская первая по синодальному харатейному списку (изд. 1888 г.).
- 4) Лѣтопись по Кенигсбергскому списку, изд. 1867 г.
- 5) Густынская лѣтопись. П. С. Р. Л. т. II.
- 6) Русская лѣтопись по Воскресенскому списку. П. С. Р. Л. т. VII и VIII.
- 7) Русская лѣтопись по Нпконовскому списку. Ч. I—III. Спб. 1767—1786. П. С. Р. Л. т. IX.
- 8) Тверская лѣтопись. П. С. Р. Л. т. XV.
- 9) Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго, составленный въ нач. XIII в., изд. К. М. Оболенскимъ. М. 1851 г.
- 10) Лѣтописный сборникъ, именуемый Лѣтописью Авраамки. Спб. 1889. П. С. Р. Л. т. XVI.
- 11) Сводная лѣтопись, составленная Л. И. Лейбовичемъ. Спб. 1876.
- 12) В. И. Татищевъ—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 4 ч. М. 1768—74.
- 13) Степенная книга. ч. I. М. 1775.
- 14) Патерикъ Кіево-Печерской лавры. 1843 г.
- 15) Древній памятникъ Кіево-Печер. лавры. Чт. въ историческомъ общ. Нестора лѣтописца. Кн. VI, Кіевъ, 1892 г.
- 16) «Чтеніе о житіи и погубленіи блж. страст. Бориса и Глѣба» Нестора, изд. Срезневскаго 1860 г.
- 17) «Житіе преп. Θεодосія» Нестора въ Чт. въ Импер. общ. ист. и др. при Московскомъ унив. 1879, кн. I.

18) Лѣтопись вел. кн. литовскихъ. Уч. Зап. II отд. Акад. Наукъ т. I (издана Ал. И. Поповымъ).

19) *Latopisiec Litwy i kronika Ruska* pracą Jgnacego Daniłowicza. Wilno, 1827.

20) Лѣтопись т. н. Быховца—*Pomniki do dziejow Litewskich. Zebrane przez Teodora Narbutta.* Wilno 1846.

21) *Monumenta Poloniae historica.* Т. I—II (1864—72). Wyd. A. Bielowski. Т. III, wyd. nakładem akademii umiejętności w Krakowie. 1878.

22) Joannis Dlugossi — *Historia Polonica* (изд. 1615 г. и 1711 г.). Извлечение въ «Лѣтописи занятій археограф. коммиссіи». вып. IV, Спб. 1868 г., подъ заглавіемъ—Русскія извѣстія Длугоша до 1386 г. (по изд. 1711 г.).

23) Martini Cromeri—*de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX.* Basileae 1558.

24) Guagnini — *Sarmatiae Europaeae descriptio.* Spirae 1581 г.

25) M. Strykowskiego. *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiój Rusi.* Т. I—II. Warszawa 1846.

26) Alb. Kojałowicz—*Historiae Litvanae p I et II. Dentisci 1650 и Antverpiae 1669.*

27) Iohannis Vitodurani chronicon ed. a Jo. Georgio Eccardo. Т. I, Lipsiae. An. 1723.

28) Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, т. I. Спб. 1846.

29) Акты, относящіяся къ исторіи южн. и зап. Россіи, собранные и изданные Археограф. коммиссіей. Т. I. Спб. 1863.

30) Архивъ юго-зап. Россіи, ч. I, т. I.

31) Акты историческіе, относящіяся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ д. с. с. Тургеньвымъ. Т. I. Спб., 1841, т. II.

32) Дополненія къ актамъ историческимъ, относящимся къ Россіи. Спб., 1848.

33) *Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie.* Т. I. We Lwowie, 1887.

34) *Codex epistolaris Vitoldi* ed. A. Prochaska, 1882.

35) *Scarbiec diplomatów papieżkich, cesars., krolewskich etc.* zebrał i w treści opisał Jgn. Daniłowicz. Т. I. Wilno, 1860.

36) Raynaldi. *Annales ecclesiastici* т. XXIII.

37) Roepell K. Ueber die Verbreitung des Magdeburger stadtrechts in gebiete des alten Polnischen Rechts ostwärts der Weichsel. Breslaw. 1857. Beilage I.

38) Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae ab Aug. Theiner T. I. Romae, 1860.

39) Ero-же. Vetera monumenta historica Hungariam Sacram illustrantia. Romae. T. I—II, 1859.

40) Codex diplomaticus Prussicus herausgegeben von Joh. Voigt. III Band. Königsb. 1848.

41) Протоколы Константинопольскаго патриархата, извлеченные проф. Григоровичемъ и изданные въ Ж. М. Н. Пр. 1847, ч. 54.

42) Русская историческая библіотека, т. VI. Приложенія. Памятники русскаго каноническаго права XIII—XV в., сохранившіеся въ греческомъ подлинникѣ.

43) В. Г. Васильевскій. Записи о поставленіи русскихъ епископовъ при митр. Феоноста въ Ватиканскомъ греч. сборникѣ. Ж. М. Н. Пр. 1888, II.

44) Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и Руси. 1870 г.

45) Записки Импер. Ак. Наукъ, т. XXXII, прил. 46 (извѣстія Ал.—Бекри).

46) Плато-Карпини. Путешествіе къ татарамъ. Изд. и пер. Языковымъ. Спб. 1825.

47) Труды этнограф. статистической экспедиціи въ зап. русскій край. Спб. 1872, т. I—III.

48) Труды 3-го археолог. съѣзда, бывшаго 1874 г. въ Киевѣ. Т. I—II. 1878 г.

49) Извѣстія IX археологическаго съѣзда въ г. Вильнѣ. 1893 г.

50) Zbiór wiadomości do Antropologii krajowej, wyd. komisji antrop. Akad. Umiejętności w Krakowie. T. I—III, VI).

51) Бобровскій—Гродненская губернія. Т. I—II, 1863 г.

52) А. Забѣляинъ—Военно-статистическое обозрѣніе Волынской губ., ч. I, Киевъ, 1887 г.

53) Оссовскій—Геолого-геогностическій очеркъ Волынской губ. Житомиръ, 1867 г.

54) Stupnicki — Galicya pod względem topograficzno-geograficzno-statystycznym. 1869.

55) Шараневичъ—Исслѣдованіе на поли отечественной географіи и исторіи. 1869 г.

56) Его-же. Исторія Галицко-Володимірской Руси. 1863 г.

57) Гр. Уваровъ—Археологія Россіи. Каменный вѣкъ. Т. I—II. 1881.

58) Барсовъ. Очерки русской исторической географіи. Варшава, 1885.

59) Его-же. Матерьялы для историко-географическаго словаря. 1865 г.

60) Бѣллевъ. О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Руси. Зап. Геогр. общ., кн. VI, 1852 г.

61) Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. т. II, IV. Спб. 1842 и 1851 г.

62) Соловьевъ. Исторія Россіи.

63) Погодинъ—Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русской исторіи, т. I—VI. 1846—59.

64) Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. Т. I, 1872, т. II, 1885 г.

65) Иловайскій. Исторія Россіи. Т. I и II.

66) *Narbutt. Dzieje narodu lit. t. I.*

67) В. Антоновичъ. Очеркъ исторіи в. к. литовскаго. Т. I. Кіевъ, 1885 г.

68) Брянцевъ. Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Вильна. 1889 г.

69) Бобржинскій—Исторія Польши, т. I. пер. съ польскаго подъ ред. проф. Н. И. Карѣва. Спб. 1888 г.

70) Зубрицкій. Исторія Галицко-Русскаго княжества. Т. I—III. 1852—55.

71) Его-же. Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси. 1845 г.

72) Смирновъ. Судьбы Червонной или Галицкой Руси. 1860.

73) Его-же. Ягайло Яковъ—Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею. 1868 г.

74) Stecki—Wolyń pod względem statystycznym, historycznym i archeol. Т. I—II. Lwów 1864—71.

75) Его-же. Łuck starożytny i dzisiejszy. 1876 г.

76) Андріашевъ. Очеркъ исторіи Волинской земли до к. XIV ст. (въ Сборникѣ сочиненій студ. унив. св. Владиміра. вып. VI. Кіевъ. 1888, и отдѣльно).

77) Батюшковъ. Памятники старины въ зап. губерніяхъ имперіи, вып. I—III, VII. 1868—1886.

78) Его же. Холмская Русь. Спб., 1887 г.

79) Его-же. Бѣлоруссія и Литва. Спб., 1890.

80) Его-же. Бѣлоруссія и Литва. Спб., 1890 г.

81) Волинскія губернскія вѣдомости за 1854—1881 г.

82) Н. Дашкевичъ. Запѣтки по исторіи Литовско-русскаго государства. Кіевъ. 1885 г.

83) Его-же. Княженіе Данила Галицкаго. Кіевъ, 1873 г.

84) Его-же. Первая унія юго-зап. Руси съ католичествомъ. Кіевъ, 1884 г.

85) Его-же. Болоховская земля. Кіевъ, 1876 г.

86) Его-же. Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и о болоховцахъ. Унив. изв. (кіевскія). 1884, кн. VI.

87) K. Stadnicki. Synowie Gedymina t. I и II, 1849.

88) Его-же. Bracia Władysława Jagiełły. 1867.

89) И. Ляниченко. Взаимныя отношенія Руси и Польши до к. XII в. К. унив. изв. 1882—83 г. (п отдѣльно. Кіевъ 1884 г.).

90) Его-же. Черты изъ исторіи сословій въ юго-зап. (Галицкой) Руси XIV в. М. 1894 г.

91) Флєвичъ. Борьба Польши и Литвы—Руси за Галицко-владимірское наслѣдіе. Ж. М. Н. Пр. 1889—90, XI—III. Отдѣльно—Спб. 1890 г.

92) Лонгиновъ. Червенскіе города. 1885 г.

93) Его-же. Грамоты малорусскаго князя Юрія II и вкладная записъ Юрія Даниловича Холмскаго XIV в. Москва, 1887 г.

94) Řežabek — Jiří II, poslední kníže veškeré Male Rusi. v. Praze. 1883 г.

95) Милковичъ—Студія критични надъ исторією руско-польскою. Ч. I. Львовъ, 1893 г.

96) Joh. Matijów Der polnisch-ungarische Streit um Galizien und Lodomerien. Lemberg, 1886.

97) Ern. Breiter. Władisław książę Opolski. Lwów, 1889.

98) Е. Н. Дверницкій. Памятники древняго православія въ г. Владиміръ-Волинскомъ. Кіевъ, 1889 г.

99) О. И. Левицкій. Историческое описаніе Владиміро-вол. Успенскаго храма.

100) Теодоровичъ. Г. Владиміръ Волинской губерніи въ связи съ исторією Волинской епархіи. Почаевъ, 1893 г.

101. М. Грушевскій. Очеркъ исторіи Киевской земли. Киевъ, 1891 г.
- 102) Его-же. Барское староство. Киевъ, 1894 г.
- 103) Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. 1888 г.
- 104) Его-же. Населеніе юго-зап. Россіи отъ половины XIII до 1/2 XV в. Въ Архивѣ юго-зап. Россіи. Ч. VII, т. I.
- 105) Любавскій. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута.
- 106) Голубинскій. Исторія русской церкви. Т. I, М., 1880 г.
- 107) Чистовичъ. Очеркъ исторіи западн. русской церкви. Ч. I. Спб., 1882 г.
- 108) Митрополита Макарія. Исторія русской церкви. Кн. I. Спб., 1866 г.
- 109) Зотовъ. О черниговскихъ князьяхъ по Любечкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время. Спб., 1892 г.
- 110) Н. Молчановскій. Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г. (Сборникъ соч. студентовъ универ. св. Владиміра, вып. VIII).
- 111) Максимовичъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I и II. 1876—77.
- 112) Голубовскій. Печенѣги, Торки и Половцы до наше- ствія татаръ. Киевъ, 1884 г.
- 113) Проф. Ключевскій. Боярская дума древней Руси. М. 1883 г.
- 114) Котляревскій. О погребальныхъ обрядахъ языческихъ славянъ. М. 1868 г.
- 115) Самоквасовъ. Древніе города Россіи. 1873 г.
- 116) Его-же. Исторія русскаго права. Кн. I. Варшава, 1888 г.
- 117) Шафарикъ. Слав. древности, пер. Бодянского. 1848 г.
- 118) Записки Одесскаго общества исторіи и древ. т. XV
- 119) «Древняя и Новая Россія» 1876 г., т. III.
- 120) Ждановъ. «Пѣсни о Романѣ» Ж. М. Н. Пр. 1890, IV.

I. Природа страны¹⁾.

Нынѣшняя Волинь, точнѣе Волынская губернія, за исклю-
ченіемъ Житомирскаго, Овручскаго и части Новградволинскаго
уѣздовъ, составляла ядро той прежней Волини²⁾, Волынской

¹⁾ Очеркъ этотъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи слѣдую-
щихъ сочиненій :

Забѣлинь—Военно-стат. обзоръ Волынской губ.; гр. *Уваровъ*—Археологія
Россіи. Кам. пер., М. 1881 г.; *Шараневичъ*—Изслѣдованіе на полн. Отечествен-
ной географіи и исторіи. Львовъ 1869 г.; *Стецькій* — *Wolyn*, t. I. Lwów,
1864 г., seria 2—ga, Lwów, 1871 г.; *Оссовскій* — Геолого-геогностическій
очеркъ Вол. губ.—Жит., 1867 г.; *Stupnicki*—*Galicja pod względem topograf.-*
geogr.-hist. Lwów, 1869 г.

²⁾ Въ лѣтописи до к. XIII в., да и въ болѣе позднихъ источникахъ, нѣтъ
термина «Волынское княжество», а — Волиняне, Волинь и Волинія, Велынь-
ская и Волынская земля, Волинцы, Волынскіе князья. См., напр., Ип. 7, 140,
392, 495, 588; Новгород. I лѣт. по Синод. хар. сп. Спб. 1888 г., стр. 326—27,
350; *Lietopisiec wielkich kniazaj Litow. Wilno* 1827 г., изд. Даниловича,
стр. 1;—Арх. ю. з. Руси, ч. V, т. I, стр. 13, 18.

Въ составъ древней Волини разновременно входили и сосѣднія съ те-
перешней Волинью земли, какъ-то: части Грод. и Любл. губ. и Галиціи, и
до XIV в. названіе «Волинь» распространялось на княжество Владимірское
съ Берестейской землей, Луцкое, Белзкое и Холмско-Червенское, т. е. на
территорію, лежащую по правую и лѣвую сторону р. Зап. Буга; съ XIV в.
названіе это стали усваивать только княжествамъ Владимірскому и Луцкому,
т. е. землѣ, находящейся по правую сторону Зап. Буга.

Относительно происхожденія имени «Волинь» существуетъ много гипотезъ,
но большая часть изъ нихъ не выдерживаетъ никакой критики.—Правдоподобнѣе
всего производить въ данномъ случаѣ названіе страны и народа—
Волинь и Волиняне—отъ названія города—Волинь, на существованіе кото-

земли (Волинскаго княжества), исторіи которой посвященъ настоящій нашъ трудъ.

По характеру мѣстности Волинь представляетъ большое

раго указываетъ какъ наша лѣтопись, такъ и польскій писатель Длугошъ (о мѣстоположеніи города см. дальше). См. *Андріашевъ* — Очеркъ ист. Вол. 3., стр. 8, пр. 1.—Въ «Истор. Вѣстникѣ» за 1889 г., № 5 (т. XXXVI, стр. 469) помѣщена небольшая замѣтка подъ заглавіемъ — «Нѣсколько словъ о происхожденіи названія «Волинь». — Сказавъ, что всѣ существующія въ настоящее время сочиненія, посвященныя исторіи Волини, полагаютъ, что названіе свое Волинская земля получила отъ города Волини, который лежалъ на лѣв. берегу р. Буга при впаденіи въ него р. Гучавы (Гучвы?), въ 20 вер. (?) отъ Новградволинска (Звягля), но что «относительно основанія города и происхожденія его названія существуетъ много самыхъ разнообразныхъ, часто ни на чемъ не основанныхъ гипотезъ (при этомъ, авторъ приводитъ мнѣнія — польскихъ писателей Стрыйковского и Гаваньини (отъ Guagnini?) Длугоша и митр. Сестренцевича, производившихъ это названіе отъ названія Волги; Руссова—производившаго слово Волинь отъ 2-хъ словъ — «воль» и «гиль» (рус. «гоня»), — на томъ основаніи, что между южными частями Волинской земли, гдѣ черноземная почва по своему плодородію и обилію тучныхъ пастбищъ давала возможность разводить рогатый скотъ, преимущественно воловъ, и сѣверными предѣлами Литвы и Польши издавна производился торгъ волами. Волонъ прогоняли съ юга на сѣверъ, вслѣдствіе чего сборный пунктъ, а затѣмъ и вся страна получили названіе Волгини или Волини»; Максимовича, полагавшаго, что отрасль прибалтійскихъ славянъ «волиняне», жившая на о. Велынь, переселилась въ земли бужанъ и заставила ихъ принять свое имя). авторъ сообщаетъ читателямъ свою гипотезу. По его мнѣнію, «Волинь» основана выходцами изъ сосѣднихъ славянскихъ земель, которые, будучи недовольны существующимъ у нихъ порядкомъ, и болѣе всего, не желая подчиниться объединительнымъ стремленіямъ кievскихъ князей, оставляли свою родину и собирались въ одномъ мѣстѣ, представляя собою *вольное* поселеніе». «Очень можетъ быть», говоритъ дальше авторъ, что подобно тому, какъ въ XII в. новгородскіе повольники основали г. Хлыновъ (теп. г. Вятка), выходцы изъ сосѣднихъ славянскихъ земель. — «а потому вольные люди», — основали при впаденіи р. Гучавы въ Бугъ городъ вольныхъ людей — «Волинь» — Къ сожалѣнію, авторъ замѣтки не привелъ никакихъ серьезныхъ основаній въ пользу своего мнѣнія.

Г. Иловайскій имя волинянъ ставитъ въ связь съ Каспійскимъ моремъ, которое, говоритъ онъ, въ древней Россіи было извѣстно подъ названіемъ Хвалынскаго или Валынскаго. «Разысканія о началѣ Руси». М. 1882, стр. 294. По Балинскому и Липинскому, «Волиняне» — видоизмѣненное названіе «Волжанъ» (Wolbanie) (отъ р. Волги) Staroż. Polska, т. III, р. 3.

разнообразіе въ своихъ частяхъ: тогда какъ южная ея часть преимущественно возвышенна (собственно Волинь), сѣверная — низменна (Волинское Полѣсье).

Естественной границей между этими двумя частями можетъ служить линія, проведенная отъ м. Устилуга черезъ г. Владиміровольнскъ, м. Торчинъ, г. Луцкъ, м. Клеванъ, с. Оржевъ (на р. Горыни), по р. Горыни до м. Тучина, далѣе черезъ м. Корецъ до г. Новградволинска и отъ него до границы Житомирскаго уѣзда по шоссе, наконецъ, въ Житомирскомъ уѣздѣ по теченію рѣкъ Лѣсной и Тетерева ¹⁾).

Въ зап. части южной Волини отъ г. Луцка до г. Владиміровольнска тянется равнина, сливающаяся съ таковой-же, идущей отъ г. Львова вдоль р. Полтвы (притока Зап. Буга и Вепря) къ г. Холму и дальше, идѣя пересѣченная холмами, отрогами одной (западной) изъ тѣхъ двухъ отраслей Карпатскихъ горъ, которыя наполняютъ собственную Волинь. — Эти двѣ отрасли направляются отъ горнаго узла, — что у г. Злочева (въ Галиціи), — къ Волини и вступаютъ въ предѣлы ея въ двухъ разныхъ мѣстахъ: одна у м. Дружкополя, Владиміровольнскаго уѣзда, другая — между истоками р. Иквы и Горыни, у дер. Волицы, Кременецкаго уѣзда. — Первая отъ м. Дружкополя тянется на сѣверъ и со своими отрогами, расходящимися въ разные стороны, наполняетъ южныя части Владиміровольнскаго и Луцкаго уѣздовъ. — Влѣдствіе незначительной высоты главнаго хребта и его отроговъ, страна, имъ наполняемая, имѣетъ характеръ — открытый, частью пересѣченный, холмистый. — Что касается восточной части (по сравненію съ зап. большей) Волини, то ее наполняетъ со своими двумя вѣтвями и ихъ отрогами другая, болѣе высокая и болѣе значительная по протяженію, отрасль Карпатскихъ горъ. Последняя тянется отъ д. Волпы вдоль рус.-австрійской границы съ зап. на востокъ (составляя водораздѣлъ рѣкъ, изливающихся въ Припять и Днѣстръ) къ верховьямъ р. Збруча; здѣсь, у селъ Щасновки и Авратынки, она получаетъ названіе Авратынской возвышенности, Авратынскихъ горъ, даю-

¹⁾ *Забѣлиня*. — Военно-стат. обзор. Вол. губ., стр. 2.

шихъ начало юж. и юго-восточному отрогамъ. Главный хребетъ, вѣтви его, и многочисленные отроги ихъ, прорѣзывая въ разныхъ направленіяхъ восточную часть южной Волини (уѣзды — Кременецкій, Дубенскій, Острожскій, Заславскій и Староконстантиновскій), образуютъ здѣсь множество овраговъ, глубокихъ долинъ и ущелій, загроможденныхъ камнями, и придаютъ странѣ видъ холмистый и частью даже гористый; говоримъ—холмистый, потому что здѣшнія горы не особенно высоки; наибольшей высотой отличается та вѣтвь главнаго хребта, которая, отдѣлившись отъ него сѣвернѣе д. Волицы, идетъ къ г. Кременцу, достигаетъ вблизи этого города около 1328 ф. высоты, направляется дальше на сѣв.-в. къ с. Мосты, а отсюда поворачивается на сѣв.-зап. и приближается къ гор. Дубно; при чемъ, по мѣрѣ приближенія къ этому городу все болѣе и болѣе понижается.

Орошена южная Волинь (какъ и вся вообще Волинь) прекрасно: здѣсь много есть озеръ, ручьевъ и рѣкъ. Такъ, тутъ протекаютъ полноводныя и теперь (а въ старину и по-давно) сплавыя рѣки, сближающіяся своими истоками — Зап. Бугъ, Стирь, Горынь съ Случью. Кромѣ этихъ рѣкъ, игравшихъ выдающуюся роль въ исторіи Волини, слѣдуетъ упомянуть и объ ихъ многочисленныхъ притокахъ, берущихъ начало въ возвышенностяхъ, покрывающихъ южную Волинь, каковы—Иква, Вилія и др.

Территорія, описываемая нами, имѣетъ и имѣла очень плодородную почву, благодаря присутствію въ ней въ восточной части территоріи каолиновыхъ частицъ, а въ западной—известковыхъ. Равнины и возвышенности какъ южной, такъ и сѣверной Волини покрыты лѣсами (еще въ недавнее сравнительно время обширными), богатыми множествомъ разныхъ породъ звѣрей; нѣкоторыя изъ здѣсь бывшихъ породъ уже исчезли: такъ, во многихъ мѣстностяхъ прежняго Волинскаго княжества находятъ остатки мамонта; о существованіи на Волини тура напоминаютъ только названія нѣкоторыхъ мѣстъ, какъ «Турово болото», городъ Турійскъ и др.; также и олени водились нѣкогда въ лѣсахъ Волини, доказательствомъ чему служатъ выкапываемые изъ земли огромной величины олени рога; рыси, выдры, рѣдкія теперь

въ лѣсахъ Ковельскаго, Ровенскаго и др. у. Вол. губ., прежде хорошо выводились во всѣхъ лѣсахъ ея; черныя кунницы, бобры, лось встрѣчаются теперь уже какъ рѣдкость, а прежде ихъ тутъ было много.

Въ противоположность южной части Волыни, вообще возвышенной, изрѣзанной глубокими долинами, съ глинистою, но тучною, умеренно орошенною водами почвою, съ лѣтственными лѣсами,—сѣверная часть ея, такъ называемое теперь Волынское Полѣсье ¹⁾, представляетъ изъ себя страну низменную, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только (преимущественно по берегамъ главныхъ рѣкъ) холмистую, покрытую почти сплошь обширными лѣсами, съ почвой то песчаной, то болотистой. Болотъ здѣсь очень много (они составляютъ характеристическую особенность сѣверной Волыни), при чемъ, самыя большія изъ нихъ занимаютъ сѣв. часть уѣздовъ Владиміровскаго и Ковельскаго; въ Луцкомъ уѣздѣ тянутся они надъ р. Стиремъ, въ Ровенскомъ—надъ р. Случью ²⁾. Вслѣдствіе указанныхъ свойствъ природы, сѣверная Волынь и теперь представляющая мало доступную страну (въ особенности, весною и осенью), въ древнія времена, когда рѣки, ручьи и озера были болѣе полноводны, естественно, должна была быть и того недоступнѣе, — чѣмъ рѣзко отличалась отъ южной Волыни.

¹⁾ Полѣсье начинается съ сѣв. за Слонимомъ, Случкомъ и Бобрыйскомъ, тянется на югъ до Ковеля, Клевана и Радомысла; отъ зап. къ вост. оно занимаетъ пространство между Брестомъ или, вѣрнѣе, Кобринимъ и Лоевомъ, между Зап. Бугомъ и Днѣпромъ. Оно обнимаетъ слѣдующіе уѣзды теперешней Волынской губ.: сѣв. ч. Луцкаго. Владиміровскаго, Ковельскаго, Житомирскаго, Овручскаго и Ровенскаго.

²⁾ Болота эти наводятъ на мысль о существованіи когда-то на сѣверѣ Волыни моря,—что до нѣкоторой степени подтверждается какъ сохранившимися въ народѣ преданіями о пинскомъ морѣ, о добытыхъ изъ земли якоряхъ, остаткахъ судовъ, такъ и весьма интереснымъ явленіемъ природы, наблюдаемымъ на Полѣсьѣ—погруженіемъ въ землю огромныхъ пространствъ лѣсовъ, на мѣстѣ которыхъ появляются озера съ торчащими изъ нихъ верхушками деревьевъ.

I. Первобытные насельники Волыни.

Изъ краткаго очерка природы страны, сдѣланнаго нами въ предшествующей главѣ, видно, что Волынь представляла благоприятныя условія для скорого ея заселенія съ самыхъ древнихъ временъ. Въ самомъ дѣлѣ, многочисленныя ея рѣки сближаются своими истоками,—что весьма важно было при первоначальномъ заселеніи края, — высокихъ горъ, которыя бы оказывали большое препятствіе при передвиженіи людей, здѣсь нѣтъ; почва—очень плодородна, страна покрыта дремучими лѣсами, въ которыхъ находятъ себѣ пріютъ масса разнородныхъ породъ звѣрей, а рѣки изобилуютъ рыбой; и лѣса, и звѣри, и рыбы, и хорошая почва — все это было въ высшей степени необходимо для первыхъ засельниковъ края, и всего этого вдоволь было на Волыни. Кромѣ того, Волынь со своими возвышенностями мѣловыхъ и пзвестковыхъ формаций, со своимъ разнообразіемъ кристаллическихъ породъ представляла для первобытнаго человѣка какъ удобное убѣжище, такъ и матеріаль, необходимый для приготовления незатѣйливыхъ орудій его обихода. — Всѣ эти благоприятныя условія для жизни человѣка должны были повести къ тому, что еще за-долго до образованія Волынскаго княжества, территория его была заселена.

Но Волынь была заселена не вездѣ равномерно. Тогда какъ южная ея часть, вслѣдствіе болѣе благоприятныхъ условий для жизни, имѣла болѣе густое населеніе,—что доказывается, между прочимъ, множествомъ находящихся тутъ кургановъ, городищъ,—сѣверная, благодаря своей негостепріимной природѣ, никогда не

обладала многочисленнымъ населеніемъ. Стоитъ посмотрѣть на современную намъ карту Волынской и смежныхъ съ нею губерній, чтобы убѣдиться, что даже и теперь, когда человѣкъ болѣе приспособленъ къ борьбѣ съ природой, населеніе сѣверной части бывшаго Волынскаго княжества не густо. Какое-же рѣдкое населеніе было тутъ въ древнее время!

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы судить о постепенности заселенія Волыни. Археологическія находки въ предѣлахъ бывшаго Волынскаго княжества указываютъ на несомнѣнное существованіе тутъ человѣка въ неолитическую эпоху. Волынская территорія представляла всѣ благоприятныя условія для заселенія ея и къ палеолитическую эпоху; однако, судя по извѣстнымъ намъ находкамъ, мы не можемъ утвердительно сказать, что человѣкъ существовалъ здѣсь и въ эту древнѣйшую эпоху каменнаго вѣка. Правда, на этой территоріи то тамъ, то сямъ попадаются орудія, подобныя орудіямъ человѣка палеолитической эпохи, сдѣланныя изъ кремня (матерьяла, наиболѣе употреблявшагося при приготовленіи орудій въ эту эпоху) и безъ всякаго слѣда шлифованія; но это обстоятельство не можетъ еще служить признакомъ принадлежности этихъ орудій человѣку палеолитической эпохи; необходимо, чтобы подобное орудіе было найдено совмѣстно съ остатками главнаго кормильца человѣка въ эту эпоху—мамонта, или чтобы оно находилось въ такомъ слоѣ земной коры, глубокая древность котораго не подлежитъ сомнѣнію¹⁾. Хотя на территоріи Волыни и были найдены остатки мамонта²⁾, но намъ неизвѣстно ни одного случая совмѣстнаго нахожденія здѣсь нешлифованныхъ кремневыхъ орудій въ древнемъ, диллювіальномъ слоѣ земли.

Изъ всего этого еще не слѣдуетъ, конечно, чтобы человѣкъ, дѣйствительно, не существовалъ на территоріи Волыни въ палеолитическую эпоху. Видимое отсутствіе его въ эту эпоху нужно приписать тому обстоятельству, что до сихъ поръ археологія

¹⁾ Гр. Уваровъ—Археол. Россіи, т. I, 43—52. М. 1881.

²⁾ Мѣста, въ которыхъ найдены остатки мамонта, указаны гр. Уваровымъ въ его Арх. Россіи, т. I, 150—155.

очень мало сдѣлала для Волыни. Въ самомъ дѣлѣ, на территории послѣдней было произведено очень мало раскопокъ со спеціальною научною цѣлью, и многія мѣстности ея остаются до сихъ поръ совершенно необсѣдованными въ археологическомъ отношеніи¹⁾. — Въ этомъ отношеніи больше всего посчастливилось Острожскому уѣзду, нахожденіе-же предметовъ каменнаго вѣка въ другихъ мѣстахъ бывшаго Волынскаго княжества явля-

¹⁾ Рогге, въ своемъ рефератѣ — «Матеріалы для археологіи Волыни» (прочитанномъ на 3-мъ археол. съѣздѣ), — перечисляетъ всѣ извѣстные ему случаи (очень немногочисленные) археологическихъ раскопокъ на Волыни, при чемъ, говоритъ, что, насколько ему извѣстно, спеціальныхъ раскопокъ съ научною цѣлью въ Волынской губ. произведено не было. Въ большинствѣ случаевъ, частныя лица предпринимали раскопки съ цѣлью исанія кладовъ (Труды 3-го археол. съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ Авг. 1874 г., т. I, стр. 161).

Насколько намъ извѣстно научныя раскопки производили слѣдующія лица :

1) Въ 1868 г. Оссовскій раскопалъ городище, лежащее въ 30 вер. отъ Острога, въ сѣв. ч. Острожскаго у., между м. Аннополемъ и с. Глубочкомъ. Найдены предметы, относящіеся къ желѣзному вѣку (Волынскія Губ. Вѣд. за 1868 г., ст. — «Изъ путевыхъ замѣтокъ по Волынской губерніи — Оссовскаго.

2) Въ 1869 году тотъ-же Оссовскій произвелъ раскопку кургана-могилы въ с. Залужѣ, Острожскаго у.; при чемъ былъ найденъ костякъ человека и предметы, несомнѣнно, относящіеся къ неолитической эпохѣ (Труды 3-го арх. съѣзда, т. I — «О находкахъ предметовъ каменнаго вѣка въ Волынской губ.»).

3) Въ сентябрѣ 1876 г. Глогеръ и Радзимицкій произвели раскопки въ окрестностяхъ д. Радзимица, Сивекъ и Секеринецъ (Острож. у.); найдено было очень много предметовъ каменнаго вѣка (изъ которыхъ заслуживаютъ особеннаго вниманія «закривленные ножи» скандинавскаго типа) съ человѣческими костяками.

4) Въ 1879 г. Радзимицкій произвелъ раскопки замка и городища въ окрестностяхъ д. Радзимица; найдено было много каменныхъ орудій. Zbiór wiadom. do Antropolog. kraj., wyd. komis. antrop. Akad. Umiejęt. w Krakowie. t. I. Kr. 1877. «Poszukiwania arch. w pow. Ostrog. na Wołyniu, dokonane, w r. 1876 Zygm. Glogera i Zygm. Luba—Radziwińskiego». — Также — Zb. wiad. t. II, Kr. 1878 — «Wiadomość o nowych wykopaliskach w pow. Ostrog. na Wołyniu Zygm. Radz. — «Извѣстія» IX арх. съѣзда въ г. Вильнѣ. № 9, стр. 3.

ется по большей части дѣломъ случая, и по мѣстностямъ предметы распредѣляются крайне неравномѣрно, на что уже указалъ Волошинскій въ своемъ сообщеніи III арх. съѣзду¹⁾.

Тогда какъ въ Ровенскомъ уѣздѣ, Дубенскомъ и Острожскомъ найдена масса каменныхъ орудій, количество послѣднихъ въ такихъ уѣздахъ, какъ, напр., Владиміровольнскій, Луцкій, Ковельскій измѣряется единицами, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (Заславскомъ, Староконстантиновскомъ) ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Значитъ-ли это, что въ этихъ мѣстахъ совсѣмъ не было человѣка въ эпоху каменнаго вѣка? Волошинскій, въ своемъ сообщеніи 3-му арх. съѣзду, говоритъ по этому поводу слѣдующее:

5) Въ 1886 г. проф. В. Б., Антоновичъ вскрылъ 5 кургановъ, расположенныхъ въ лѣсу, въ окрестностяхъ с. Зимно, Владиміровольнскаго уѣзда; найденные въ нихъ предметы принадлежатъ желѣзному вѣку (газ. «Зари», 1886 г., № 158).

6) Еще въ 1858 г. было положено начало раскопкамъ языческаго кладбища въ с. Б. Рыкань, Дубенскаго у., при чемъ, по сообщенію г. Житинскаго, сдѣланному на IX арх. съѣздѣ, здѣсь найдены костяки мужчинъ и женщинъ и при нихъ разнообразныя предметы каменные, стеклянные, янтарные и бронзовые («Извѣстія IX арх. съѣзда въ г. Вильнѣ, № 9, стр. 5).

¹⁾ Волошинскій, въ своемъ сообщеніи 3-му археолог. съѣзду (Труды 3-го археологич. съѣзда, т. II), насчитываетъ 182 экземпляра каменныхъ орудій, найденныхъ въ Волынской губерніи (большая часть которой, какъ сказано выше, входила въ предѣлы бывшаго Волынскаго княженія), при чемъ, такимъ образомъ распредѣляетъ ихъ по уѣздамъ: въ Овручскомъ—7, Ровенскомъ—2, Новградв.—1, Житомир.—1, Острож.—1, Кременецкомъ—2, Луцкомъ—2, Владимиров.—2, Дубенскомъ—164; въ уѣздахъ Ковельскомъ, Заславскомъ и Староконстантиновскомъ не найдено ни одного орудія.—Хотя соотношеніе цифръ съ того времени и значительно измѣнилось, все-таки, неравномѣрность распредѣленія бьетъ въ глаза.

У гр. Уварова, въ его извѣстномъ сочиненіи по археологій Россіи,—найденные въ предѣлахъ Волыни каменные предметы распредѣлены по уѣздамъ ея такъ: Ров. 206 (прежде 2), Дуб. 180, Овр.—58, Луцк. 3, Остр. 8, Житомир. 5., Крем. 3, Новградв. 5, Владимір. 2, Ковельск. 1 (прежде ни одного). Арх. Р., т. II, стр. 91 и 149. Но при перечисленіи этомъ гр. Уваровъ не имѣлъ въ виду раскопокъ Радзиминскаго въ Острож. у.; ему также не были извѣстны всѣ тѣ орудія каменнаго вѣка, найденныя случайно въ томъ-же уѣздѣ, свѣдѣнія о которыхъ сообщаетъ Радзимиинскій. Если-же принять во вниманіе эти находки, то цифра находокъ кам. вѣка для Острожскаго уѣзда возрастетъ значительно.

«Нисколько не утверждая, что заселеніе разсматриваемыхъ мною губерній во времена каменной эпохи послѣдовало едино-временно и во всѣхъ мѣстахъ равномѣрно, я, однако, не думаю, чтобы отсутствіе каменныхъ орудій въ той или другой изъ болѣе обширныхъ мѣстностей разсматриваемой полосы нашего края обозначало именно ихъ незаселенность»¹⁾).

Съ этими словами Волошинскаго можно согласиться только отчасти. Дѣйствительно, отсутствіе орудій каменнаго вѣка въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Заславскій и Староконстантиновскій уѣзды, не можетъ обозначать незаселенности послѣднихъ въ это время. Иное дѣло, если мы не находимъ ихъ на Волынскомъ Полѣсѣ. — Полѣсье не представляло, какъ уже выше сказано, удобныхъ условій для жизни: оно не имѣетъ самаго необходимаго для первобытнаго человѣка — горъ, а горы играли весьма важную роль въ его жизни: изъ горъ добывалъ онъ матерьялъ для своихъ орудій, въ пещерахъ (въ горахъ) находилъ безопасное убѣжище²⁾).

Если на Полѣсѣ мы не находимъ каменныхъ орудій (даже случайно), то это обстоятельство можетъ служить прямымъ подтвержденіемъ предположенія о незаселенности его въ то отдаленное время, когда человѣкъ пользовался только такими орудіями.

Всѣ предыдущія наши разсужденія направлены были къ тому, чтобы доказать, что отсутствіе находокъ, которые бы свидѣтельствовали о несомнѣнномъ существованіи человѣка на территоріи Волынскаго княжества въ палеолитическую эпоху, не указываетъ еще на противное—и въ эту отдаленную эпоху че-

¹⁾ Труды 3-го арх., с. т. II.

²⁾ Насколько важны были горы для первобытнаго человѣка указываетъ гр. Уваровъ въ своемъ капитальномъ трудѣ—«Археологія Россіи». Вотъ его слова: «весь бытъ первобытнаго человѣка связанъ съ горами, и съ ними онъ никакъ не можетъ разлучиться. По этой причинѣ горы съ ихъ пещерами оставляли жизненную потребность для человѣка, и при переселеніяхъ своихъ, онъ не могъ удалиться отъ нихъ и долженъ былъ подвигаться только вдоль соръ и ихъ отроговъ. Водные пути имѣютъ второстепенное значеніе, и даже грѣка, на берегу которой не было пещеръ, не представляла ему необходимыхъ удобствъ для жизни». (Арх. Рос., т. I, 249).

ловѣкъ, по всей вѣроятности, жилъ на Волыни, въ особенности въ южной ея части: тутъ было все, что необходимо для существованія человѣка въ такую эпоху—обиліе горъ, доставлявшихъ матерьялъ для орудіи и убѣжище, мамонты и другіе представители т. н. мамонтовой фауны, служившіе пищей человѣку (олень, туръ и др.¹⁾).

Если можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ существованіи человѣка на территоріи Волыни въ палеолитическую эпоху, то касательно существованія его въ неолитическую эпоху, благодаря сравнительно многочисленнымъ находкамъ предметовъ, принадлежащихъ къ этой эпохѣ, такого сомнѣнія быть не можетъ²⁾.

Постараемся-же сгруппировать извѣстныя намъ данныя, касающіяся каменнаго вѣка на Волыни, и вывести изъ нихъ возможные заключенія о древнѣйшихъ обитателяхъ ея. Хотя мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для сужденія о постепенности заселенія Волыни, но постепенность эта, навѣрно, имѣла мѣсто, такъ какъ нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы Волынь вдругъ, какъ бы по мановенію жезла какого-нибудь волшебника, заселилась. Мы не можемъ, правда, указать ни мѣста, откуда началось заселеніе края въ каменную эпоху, ни времени, когда оно совершилось, ни пути, по которому шло: относительно всего этого могутъ быть однѣ лишь гипотезы; за-то, мы можемъ ска-

¹⁾ Остатки мамонта были находимы въ слѣдующихъ уѣздахъ Волынской губ.: Ков., Острож., Дуб., Овруч.; въ Грод. губ. — въ Бѣлост. у. (въ берегахъ р. Буга); въ Любл. губ. — между г. Холмомъ и Войславцами; на лѣв. бер. р. Вепря, у г. Красностава. Остатки благороднаго оленя попадаются во многихъ мѣстахъ Вол. губ. — Арх. Р., т. I, 150—155.

²⁾ О находкахъ предметовъ кам. вѣка въ Вол. губ. см. 1) Гр. *Уварова*—Арх. Р., т. II, М. 1881 г.; 2) Труды 3-го арх. с. т. I и II; рефераты —*Оссовскаго*: «О находкахъ предметовъ кам. в. въ Волын. губ. *Я. Я. Волошинскаго* — «На какихъ мѣстностяхъ Кіев. и смежныхъ съ нею губерній находимы были каменные орудія?»; *В. II. Роне* — «Матерьялы для археологій Волыни»; 3) *Zygm. Gloger i Zygm. Luba — Radziwiński*: *Poszukiwania arch. pow. Ostrog. na Wol.*, dokon. w r. 1876, въ «*Zbiór wiad. do Antrop. kraj. wyd. star kom. Antrop.*» т. I. Статьи Радзивинскаго во II и VI т. того-же *Zbiór'a*. «Извѣстія» IX Арх. съѣзда въ Вильнѣ.

затѣ, основываясь на извѣстныхъ намъ находкахъ, рѣдко или густо было населеніе въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Волыни. Откуда появился на Волыни человѣкъ въ неолитическую эпоху, мы не знаемъ; равно какъ не знаемъ, что случилось съ его предшественникомъ, человѣкомъ палеолитической эпохи. Гр. Уваровъ считаетъ первобытныхъ насельниковъ въ Россіи выходцами изъ Азіи, при этомъ допускаетъ для каменнаго вѣка, для его 2-хъ эпохъ (палеол. и неолит.) два переселенія оттуда. Вопросъ о томъ,—что случилось съ предшественникомъ человѣка вторичнаго переселенія изъ Азіи, разрѣшается гр. Уваровымъ въ томъ смыслѣ, что второй наплывъ выходцевъ не вытѣснилъ прежнихъ обитателей Россіи, а, напротивъ того, слился съ нимъ¹⁾. Относительно расселенія по Волыни первобытнаго человѣка и его первоначальныхъ жилищъ мы можемъ высказать нѣкоторое предположеніе. Само собою разумѣется, что первобытный человѣкъ старался занять прежде всего тѣ мѣста, которыя обладали наибольшимъ количествомъ благоприятныхъ для жизни условій. Эти мѣста отъ прилива новыхъ переселенцевъ и размноженія ихъ должны были отличаться густотой населенія; послѣднее выдѣляло изъ себя избытокъ (когда къ томъ являлась надобность по разнымъ причинамъ, преимущественно экономического характера) на новыя мѣста, сравнительно съ первыми худшія. Исходя изъ этого и основываясь на находкахъ, мы можемъ предположительно сказать, что южная часть Острожскаго, сѣв. ч. Крем., зап. ч. Дубенскаго, южн. ч. Ровенскаго уѣздовъ, гдѣ найдена масса предметовъ каменнаго вѣка, были мѣстами первоначальнаго поселенія первобытнаго человѣка на территоріи бывшаго Волынскаго княжества. Мѣста эти, принадлежа къ самымъ лучшимъ на Волыни, представляли самыя благоприятныя условія для поселенія человѣка въ неолитическую эпоху: тутъ онъ находилъ необходимый ему матерьялъ для приготовленія разныхъ предметовъ и прекрасное убѣжище. Изъ этихъ мѣстъ первобытный человѣкъ, по мѣрѣ надобности, двигался далѣе; сначала на зап., на мѣста, менѣе удобныя, чѣмъ прежнія, но все-же, сравни-

¹⁾ Гр Уваровъ. Арх. Рос., т. I, 371.

тельно съ другими, болѣе пригодныя для него; при чемъ, передвиженіе его происходило, главнымъ образомъ, вдоль горъ и ихъ отроговъ. Такимъ образомъ, заселены были части теперешнихъ уѣздовъ—южная и зап. Дуб., южная Луд. и Владиміров., далѣе колонизація шла за Бугъ; позже первобытный человѣкъ двинулся на сѣв. бывшего Волынскаго княжества, въ теперешнее Полѣсье; но наврядъ-ли поселенія его по причинамъ, высказаннымъ нами уже раньше, простирались съ этой стороны очень далеко въ глубь — г. Ковель является самымъ сѣвернымъ пунктомъ, гдѣ были найдены каменные орудія,—до сихъ поръ могла доходить и колонизація первобытнаго человѣка.

Первобытный человѣкъ, поселившійся на территоріи Волыни и оставившій намъ памятники своего здѣсь пребыванія, судя по раскопкамъ Радзимиискаго, принадлежалъ къ длинноголовой расѣ. Такъ, въ 1876 г. Радзимиинскій и Глогеръ произвели раскопку 6 кургановъ, лежащихъ въ окрестностяхъ д. Радзимины, Сивокъ и Секеранецъ, Острожск. у., при чемъ, были найдены человѣческіе костяки совмѣстно съ каменными орудіями, шлифованными и нешлифованными, и черепками отъ глиняной посуды¹⁾. Черепа Радзимиинскій доставилъ доктору Коперницкому, который произвелъ измѣреніе ихъ и пришелъ къ заключенію, что они принадлежатъ длинноголовой расѣ²⁾. Такое-же точно заключеніе высказалъ д-ръ Коперницкій и относительно череповъ, найденныхъ Радзимиинскимъ въ могилѣ у д. Перерослое, Острож. у.³⁾.

Селился первобытный человѣкъ обыкновенно на возвышенномъ мѣстѣ, вблизи воды. Въ своемъ домашнемъ обиходѣ употреблялъ разнообразныя предметы⁴⁾ изъ глины и камня, при

¹⁾ Zbiór wiad., т. I.

²⁾ Zbiór wiad. tom I — «O kościach i czaszkach ludzkich z kurhanów w Radziminie na Wołyniu. D-ra Kopernickiego.

³⁾ Zbiór wiad., т. II, str. 74, въ прим.

⁴⁾ 1) Молотки, 2) клинья, 3) ножи (прямые, дугообразные, большіе и малые) съ двумя лезвіями (съ обоихъ концовъ и съ обѣихъ сторонъ заостренные) и съ однимъ острымъ концомъ; 4) молоты со стержнями, съ просверленными отверстіями и безъ нихъ; 5) пилы огромныхъ размѣровъ; 5)

чемъ, изъ многихъ породъ послѣдняго больше всего въ ходу былъ кремень—во 1-хъ, потому что онъ обладаетъ всѣми хорошими качествами, чтобы быть пригоднымъ для первобытнаго

метательные камни съ настьчкою и безъ нея; 6) копыя съ длинными, правильной формы, наконечниками; 7) прислицы (по Уварову) или бусы (по Волошинскому, Оссовскому и Рогге) или грузила для сѣтей (по другимъ) различной величины и формы: несовѣтъ круглыя, иногда четвероугольныя, то съ тупыми, то съ острыми углами, часто съ проточиною не въ серединѣ, а ближе къ краю плоской возвышенности; 8) серпъ; 9) топоры, большіе, разныхъ формъ: то съ расширяющимися концами, то съ остріемъ, оканчивающимся изгибомъ внизъ, и малые топорики, иногда съ тыльной частью громадныхъ разбѣровъ, иногда съ дырою, а то и заостренные съ обѣихъ сторонъ; 10) долота маленькія, длинные, трехгранныя, квадратныя; 11) овальныя и многоугольныя блюда; 12) стрѣлы; 13) скребки; 14) глиняные горшки, съ доньями болѣе круглыми, чѣмъ плоскими, съ отверстіями узкими; 15) глиняные валики.

Изъ найденныхъ на Волыни ножей самый большой имѣетъ 20 сант. дл. и $5\frac{1}{4}$ сант. шир.; найденъ онъ у м. Острожа, Острож. у. См. Radz. въ Zbiór, t. IV. Самый малый — дл. 6 сант., шир. $2\frac{1}{2}$ — въ Острож. у., дер. Сивки (ibid).

Въ сѣв. г. Луцкаго уѣзда найденъ молотъ вѣсомъ въ 7 ф. Арх. Рос., т. II, стр. 95, № 3065.

Самые длинные наконечники найдены у дер. Радзымина, Остр. у. (17 $\frac{1}{2}$ сант. дл.) и у дер. того-же уѣзда — Секеринецъ (122 сант. дл., 50 шир., толщ 8 мм. Zbiór wiad., t. I, str. 9—10.

Изъ топоровъ самый длинный 8, 25 сант. дл., шир. 4 сант. (въ Острож. уѣздѣ).

Самое длинное изъ извѣстныхъ намъ долотъ имѣетъ 15 сант. дл., 6,75 сант. шир.; самое малое—4 $\frac{1}{2}$ сант. дл., $\frac{1}{2}$ сант. шир.

Для изготовленія упомянутыхъ предметовъ (за исключеніемъ глиняныхъ сосудовъ или глиняныхъ валиковъ) первобытный человѣкъ употреблялъ слѣд. породы камней: 1) діоритовый порфиръ (молоты со стержнями изъ того-же камня), 2) діоритъ (молоты, молотки, топоры и топорики), 3) долеритъ (молоты, молотки), 4) гранитъ (молоты), 5) халцедонъ (метательные камни), 6) кремень (метательные камни, копыя и ихъ наконечники, стрѣлы, серпы, топоры, топорики, долота, скребки, клинья), 7) красный шиферъ (прислицы, дѣлавшіяся также изъ глины и глинистаго сланца), 8) песчаникъ (топоры, долота, овальныя и многоугольныя блюда, молотки), 9) рогообманковый гнейсъ (молотки), 10) грюштейнъ (клинья).

человѣка—твердостью и способностью при изломахъ доставлять рѣзущія ребра (отбивать его легко — стоитъ только найти въ немъ спайность); во 2-хъ, кремьнь находится и находился во время первобытнаго человѣка почти повсемѣстно въ предѣлахъ бывшаго Волынскаго княжества, въ особенности, его много въ той мѣстности, которая извѣстна намъ своимъ изобиліемъ находокъ предметовъ каменнаго в. (часть Дуб., Острож., Кременецкаго и Ровен. уѣзд.). — Кремьнь обыкновенно сопровождаетъ мѣловую формацію; болѣе всего имъ изобилуютъ тѣ мѣста, гдѣ мѣль образуетъ холмы, а наиболѣе возвышенные мѣловые холмы распространены на площади Кременецкаго уѣзда, южн. ч. Дубенскаго, зап. половины Старокопстантиновскаго и Острожскаго. Довольно значительными горами поднимается мѣль западнѣе и сѣверо-западнѣе г. Острога, къ м. Млынову, м. Варковичамъ, м. Олынь и къ г. Ровно ¹⁾. Второе мѣсто за кремнемъ занималъ діоритъ, какъ такой камень, въ которомъ легче было дѣлать просверлины.

Для приготовленія каменныхъ орудій домашняго обихода первобытный человѣкъ выбиралъ подходящій камень и ударялъ по нему другимъ камнемъ до тѣхъ поръ, пока первый не принималъ формы, соответствующей требуемому орудію; затѣмъ, полученное такимъ образомъ орудіе человѣкъ или оставлялъ въ грубо обтесанномъ видѣ, или шлифовалъ, но такъ какъ шлифовка требовала большого труда, то человѣкъ шлифовалъ сначала только кончикъ предмета, а потомъ, съ развитіемъ культуры, и цѣлый предметъ; причемъ, иногда украшалъ его рисунками; такъ, въ Дубенскомъ уѣздѣ, у села Мощаницы, найдено тулье молотка изъ сѣраго песчаника съ волнистыми узорами въ двѣ обронныя полоски; въ шпирну всего тыля шелъ обронный ободокъ ²⁾.

Глиняные сосуды человѣкъ неолитической эпохи приготовлялъ изъ грубой глиняной массы, въ составъ которой входили кварцевыя зерна и слюда, безъ содѣйствія гончарнаго станка

¹⁾ *Осовский*. Геолого-геогност. очеркъ Волынск. губ. Житомиръ, 1867 г. Труды Вол. стат. комитета.

²⁾ Гр. *Уварова*. Арх. Рос., т. II, стр. 92, № 2837.

и безъ обжога,—отчего сосуды эти были по большей части неуклюжи и непрочны. Подробное описаніе одного изъ такихъ сосудовъ представилъ Оссовскій. Найденный имъ въ курганъ — могилѣ у с. Залужья, Острож. у., глиняный сосудъ отличался неравномѣрною толщиною стѣнокъ, неправильностью положенія ушей, изъ которыхъ одно значительно выше другого.—Дно сосуда не совпало съ его серединой, отчего сосудъ криво стоитъ¹⁾. Вообще донья этихъ сосудовъ были скорѣе полукруглы, чѣмъ плоски. На глиняныхъ сосудахъ первобытный человѣкъ также дѣлалъ украшенія: такъ, на поверхности сосуда, найденнаго Оссовскимъ, вокругъ нижней части шейки замѣчается рядъ чертовидныхъ украшеній, сдѣланныхъ, какъ можно думать, деревяшкой, а выше его два весьма неискусныхъ, кривыхъ, неотчетливо рельефныхъ ободочка; на ушахъ вдавлены маленькіе желобки²⁾.

Всѣ предметы, необходимые первобытному человѣку въ его повседневной жизни, приготовлялись имъ по большей части въ какомъ-нибудь одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, изобиловавшемъ пригоднымъ для того матерьяломъ.—Какъ мы уже раньше сказали, для человѣка неолитической эпохи въ большинствѣ случаевъ, а для человѣка палеолитической эпохи почти что исключительно,—такимъ матерьяломъ служилъ камень, отличающійся свойствомъ принимать при отбивкѣ ту форму, которую желаютъ ему придать только въ томъ случаѣ, когда его недавно вынули изъ земли³⁾; слѣдовательно, переносить его на далекія разстоянія нельзя было. И вотъ первобытный человѣкъ устраиваетъ въ мѣстѣ нахожденія нужнаго для него матерьяла мастерскую. Конечно, если мѣстность представляла удобное убѣжище для человѣка, то мастерская его обращалась въ постоянное его мѣстожительство; въ противномъ случаѣ, тутъ могла быть только временная стоянка. Въ 1876 г. Радзимиинскій и Глогеръ при своихъ раскопкахъ наткнулись на мастерскую первобытнаго че-

¹⁾ Оссовскій. О находкахъ предметовъ каменнаго вѣка въ Вол. губ. Труды 3-го арх. с., т. I.

²⁾ Ibid.

³⁾ Уваровъ. Арх. Рос., т. I, стр. 227.

ловѣка: у д. Радзимины, въ долинѣ «Хмѣлисекъ», на глубинѣ 1—3 фут. найдено было много колотого рукой человѣческой кремня; тутъ была масса орудій шлифованныхъ и нешлифованныхъ, разныхъ видовъ—прекрасные ножи, скребки и проч. До раскопокъ Радзиминскаго и Глогера въ томъ-же 1876 г. тутъ было найдено множество кремневыхъ топоровъ, метательныхъ камней, наконечниковъ отъ копій и др. Въмѣстѣ съ кремневыми орудіями находились и черепки отъ глиняныхъ сосудовъ¹⁾. Очень возможно, что здѣсь была мастерская п. каменныхъ орудій, п. глиняныхъ сосудовъ. Подобная-же мастерская полированныхъ п. отбитыхъ кремневыхъ орудій, относящихся къ неолитическому періоду, найдена у с. Мощаницы (Дубенск. у.)²⁾.

То обстоятельство, что въ находкахъ въ долинѣ «Хмѣлисекъ» и въ другихъ мѣстахъ бывшаго Волынскаго княжества преобладающее количество предметовъ должно отнести къ предметамъ, имѣющимъ боевое значеніе, характеризуетъ нѣсколько быть челвѣка на Волыни въ неолитическую эпоху—всю свою жизнь проводилъ оя въ борьбѣ съ окружающими людьми и звѣрями. Оссовскій, сравнивая находки въ Овручскомъ и Дубенскомъ уѣздахъ, говоритъ: «между Дубенскими издѣліями въ значительной степени преобладаютъ предметы, имѣвшіе боевое назначеніе (стрѣлы, копья, пращевые камни и т. п.). Элементъ борьбы рѣзко выступаетъ въ этой мѣстности, тогда какъ въ Овручскомъ у. преобладаетъ элементъ «мирный», выразившійся въ издѣліяхъ, служившихъ къ украшенію и къ мирному домашнему труду³⁾. Разница эта зависитъ отъ физіографическихъ условій. Болотистыя полѣвскія пространства, и теперь еще изолирующія эту узкую полосу (т. е. Нагоряно-Каменщинскую, площадь которой

¹⁾ Zbiór. wiadom., т. I. Poszuk. archeol. w pow. Ostrogs. Glog. i Radz., w Wrześniu 1876.

²⁾ Извѣстія IX арх. с. въ Вильнѣ, № 12. реф. Е. Н. Мельникъ.

³⁾ Къ такимъ издѣліямъ Оссовскій причисляетъ пряслицы или, какъ онъ ихъ называетъ, бусы. Но, во 1-хъ, вопросъ—украшенія ли это, а во 2-хъ, по сообщенію Я. Я. Волошинскаго (Тр. 3-го арх. с.), въ Дубен. у., въ особенности, на поляхъ с. Нагорянъ и Поначева такихъ издѣлій встрѣчается масса.

занимаетъ (Овручскій у.) отъ остальнаго волынск. и литовск. материка, въ первобытныя времена могли представлять вполне непроницаемые дремучіе лѣса и непроходимыя тундры, защищавшія поселившихся внутри ихъ обитателей отъ всякихъ постороннихъ непріязненныхъ пришельцевъ; напротивъ того, Дубенскіе поселенцы, заселившіе мѣстность открытую, стоявшую на перепутьѣ народныхъ движеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ обладавшую лучшими условіями для удовлетворенія потребностей первобытнаго человѣка, могли тѣмъ самымъ легко сдѣлаться цѣлью непріязненныхъ движеній со стороны ихъ ближайшихъ сосѣдей¹⁾. Сказанное о Дубенск. у. можетъ быть отнесено и къ др. мѣстамъ бывшаго Волынскаго княжества, находящимся въ одинаковыхъ условіяхъ съ первымъ.

Непрерывная борьба съ окружающими врагами не позволяла первобытному человѣку сосредоточить всѣ свои силы надъ усовершенствованіемъ своего быта; не смотря, однако, на это, все-таки первобытный человѣкъ прогрессировалъ. Новые пришельцы на Волынь, правдоподобно, славяне, принесли съ собою туда умѣнье обращаться съ металлами, встрѣтили тамъ не первобытныхъ дикарей, владѣвшихъ только грубо обтесанными орудіями, а сравнительно культурныхъ людей. Эти послѣдніе обладали уже прекрасными шлифованными орудіями, знакомы были съ гончарствомъ, умѣли дѣлать сверлины въ камняхъ²⁾, не чужды были и эстетики; умершихъ хоронили по извѣстному обряду, — что указываетъ на существованіе у нихъ какихъ-то религіозныхъ представленій³⁾.

Къ сожалѣнію, научныхъ раскопокъ на Волыни, какъ мы уже раньше замѣтили, было произведено такъ мало, что, за по-

¹⁾ *Осовскій* — О находкахъ предметовъ камен. вѣка въ Вол. губ. Тр. 3-го арх. с., т. I.

²⁾ *Гр. Уваровъ* — Арх. Р., т. II, стр. 93, № 2857

³⁾ Въ изслѣдованіи — «О признакахъ народности могильныхъ насыпей» — графъ Уваровъ говоритъ: «Погребальные обряды каждаго народа оставили въ могилахъ слѣды мѣстныхъ обычаевъ; когда эти обычаи будутъ разъяснены, тогда разъяснится намъ и народность могилъ» (Самоковасовъ, — Ист. рус. права, кн. I, Варш. 1888 г., стр. 124.

ключеніемъ Острожскаго у., мы не можемъ установить существовавшаго здѣсь въ неолитическую эпоху повсемѣстно типа погребенія, безъ чего, между прочимъ, нельзя говорить утвердительно о составѣ населенія Волыни въ эту эпоху. Что касается Острожскаго у., то въ этой мѣстности, судя по раскопкамъ Радзимиинскаго и Оссовскаго, существовалъ такой типъ погребенія: умершаго клали на поверхность земли головой къ западу, въ полулежащемъ положеніи (что достигалось тѣмъ, что подъ голову его или насыпали глины, или подкладывали сдѣланные изъ глины продолговатые валики), съ ногами немного согбенными и руками, лежащими или на груди, или на колыняхъ; у праваго виска умершаго или нѣсколько поодаль отъ головы его ставился 1 или 2 глиняныхъ сосуда, по всей вѣроятности, съ пищей, а у праваго бока какое-нибудь орудіе—ножъ, топоръ, стрѣла; надъ умершимъ дѣлалась небольшая насыпь ¹⁾).

По тому, какой типъ наблюдается въ той или другой мѣстности, можно, до нѣкоторой мѣстности, судить о томъ, одно и то-же или разные племена населяли эти мѣстности въ извѣстное время. Такъ, напр., если мы сравнимъ могилы Волосовскія (въ Муромскомъ у., Владим. губ., у дер. Волосово), разрытыя гр. Уваровымъ и отнесенныя имъ къ неолитической эпохѣ, съ могилами, разрытыми Оссовскимъ и Радзимиинскимъ въ Острожскомъ у., то мы увидимъ, что въ типѣ погребенія тамъ и здѣсь существуетъ большая разница. Волосовскія могилы отличаются отъ могилъ Острожскаго у., главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ первыхъ умершаго клали въ яму головой къ в. в. югу, трупъ покрывали и окружали слоемъ древеснаго угля, а затѣмъ яму засыпали въ уровень съ землей, при чемъ, не дѣлали никакого возвышенія²⁾). По этимъ отличіямъ въ погребеніи умершихъ мы можемъ сказать, что въ бассейнѣ Оки жило племя, отличное отъ племени теперешняго Острожскаго у., а можетъ быть, и

¹⁾ Zbiór. Wiad. T. I и VI.

²⁾ Последнее обстоятельство подало поводъ гр. Уварову высказать категорическое сужденіе, будто отсутствіе всякаго намека на курганную насыпь составляетъ весьма характеристическую черту для могилъ каменнаго періода. Арх. Р., т. I, стр. 300—302.

всей позднѣйшей Волини. Наши слова подтверждаются также измѣреніемъ найденныхъ череповъ: тогда какъ Волосовскіе черепа, по измѣреніямъ Тихомирова ¹⁾, принадлежатъ скорѣе всего къ короткоголовымъ, чѣмъ къ длинноголовымъ, черепа Острожскаго у., какъ мы уже упоминали, принадлежатъ, несомнѣнно, къ длинноголовымъ.

За отсутствіемъ данныхъ (одинаковость и разница въ типѣ орудій не можетъ еще служить показателемъ разницы или тождества племенъ той или иной мѣстности) мы не можемъ сказать, населяло ли Волинь въ неолитическую эпоху одно какое-нибудь племя, или нѣсколько. Не знаемъ также, что случилось съ первобытными насельниками Волини, когда туда пришли иные народы, принесшіе съ собою новую культуру, слились ли они съ пришельцами, или погибли въ неравной борьбѣ со стоявшимъ на несравненно болѣе высокой степени культуры врагомъ. Безъ сомнѣнія, будущія археологическія изысканія на территоріи бывшаго Волинскаго княжества прольютъ свѣтъ на многія темныя страницы исторіи первобытнаго человѣка, населявшаго эту территорію.

¹⁾ Ib. стр. 302.

III. Славяне-язычники на территоріи Волыни. Ихъ судьба до к. X в.

Народы, пришедшіе изъ Азіи ¹⁾ въ Россію въ к. неолитической эпохи и познакомившіе человѣка этой эпохи съ обработкой металловъ, были, правдоподобно, славяне.

Пробравшись на Волынь, они, предположительно говоря, какъ и люди каменнаго вѣка, сначала заняли самыя лучшія мѣста, т. е. южную полосу Волыни, а отсюда уже мало-по-малу проникли и въ мѣста худшія. Если къ тому же согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, что расселеніе славянъ по мѣстамъ ихъ позднѣйшаго пребыванія шло съ юго-востока ²⁾, то можно предположить, что заселеніе Волыни началось съ нынѣшнихъ уѣздовъ Староконстантиновскаго, Заславскаго, Кременецкаго, Острожскаго, шло отсюда дальше на западъ, при чемъ славяне двигались преимущественно по многочисленнымъ, сближающимся своими истоками, рѣкамъ Волыни и для своихъ жилищъ избирали мѣста дѣсистыя, расположенныя по теченію тѣхъ-же рѣкъ, т. е. такія мѣста, которыя самой природой были защищены отъ нападенія непріятелей.

Опредѣлить время появленія славянъ на территоріи Волынскаго княжества нѣтъ никакой возможности. Нѣтъ ничего невѣ-

¹⁾ Мы здѣсь придерживаемся обще-распространенной теоріи относительно прародины европейцевъ. См. *Шрадеръ* — сравнительное языковѣднѣе и первобытн. ист. Пер. съ нѣм. Спб. 1886 г.

²⁾ *Голубовскій*. Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ. Кіевъ, 1884 г.

роятнаго въ предположеніи Шафарика, что славяне были уже тутъ задолго до Рож. Хр.¹⁾; только ссылка его на древнихъ писателей не можетъ помочь разрѣшенію этого вопроса, потому что свѣдѣнія, сообщаемыя этими писателями о народахъ теперешней южной и юго-западной Руси, до того сбивчивы, отрывочны и неопредѣленны, что приурочить ихъ къ извѣстному народу, извѣстной мѣстности — не представляется возможнымъ. Возьмемъ, напр., Геродота — извѣстія его о населеніи теперешней южной Руси драгоценны; но до чего трудно отнести ихъ къ определенной мѣстности, можно видѣть изъ того, что его Будиновъ одни ученые (какъ Шафарикъ²⁾) помѣщаютъ на территоріи Волыни, а другіе — въ нынѣшней Кубанской области, между Азовскимъ моремъ и Кавказскимъ хребтомъ; тутъ же, по мнѣнію этихъ послѣднихъ ученыхъ, находилось озеро Будинское и 4 рѣки (Оаръ, Танаисъ, Сиргисъ и Ликосъ), впадавшія въ него³⁾; а иные писатели видятъ въ Будинскомъ озерѣ остатокъ бывшаго Пинскаго моря и въ рѣкахъ: Оаръ-Горынь, Ликосъ-Случь, Сиргисъ-Стырь, Танаисъ-Пину⁴⁾.

Да и у другихъ писателей, какъ классическихъ, жившихъ позже Геродота, такъ и средневѣковыхъ, нечего искать точныхъ указаній ни о времени первоначальнаго поселенія славянъ на территоріи Волыни, ни объ образѣ ихъ жизни тутъ въ древнѣйшее время. Правда, у разныхъ писателей, въ особенности византійскихъ, начиная съ VI в. по Р. Хр., сообщается масса свѣдѣній о закарпатскихъ народахъ, но опять таки эти свѣдѣнія для насъ не могутъ быть пригодны, потому что они относятся вообще ко всѣмъ закарпатскимъ славянамъ, а не къ славянамъ, жившимъ на Волыни.

¹⁾ *Шафарикъ* — Слав. Древн., т. I, кн. 1, пер. Бодянского, 1848 г., стр. 304—330.

²⁾ *Шафарикъ* — Слав. Древн., т. I, кн. 1, стр. 304—330. Пер. Бодянского, М. 1848 г.

³⁾ *Кречетовъ* — Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XV — «Письма о Скиѣи» (о Будинахъ—письмо 3-е).

⁴⁾ *Stecki*. Wolyń, т. I, Str. 225, Lwów, 1864 г. *Шафарикъ*. Слав. Древн., т. I.

Нѣкоторые указаніи относительно послѣднихъ ученые видятъ въ извѣстіяхъ о славянахъ географа Баварскаго ¹⁾, Константина Порфиророднаго (X в.) и арабскаго писателя Масуди (X в.). — Такъ, географъ Баварскій приводитъ перечень многихъ славянскихъ племенъ съ указаніемъ на количество укрѣпленныхъ пунктовъ у нихъ; въ числѣ этихъ племенъ помѣщены и *Busani*, у которыхъ было 231 «*civitates*» ²⁾. Въ этихъ *Busani* чешскій ученый Шафарикъ видѣлъ *бужанъ* нашей лѣтописи. — Въ сочиненіи Константина Порфиророднаго — «*De administrando imperio*» — въ числѣ подвластныхъ Руси народовъ указаны ленцанины, вмѣстѣ съ ултинами и дербленинами жившіе по сосѣдству съ печенѣгами. — По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, подъ именемъ ленцаниновъ скрываются у Константина Порфиророднаго наши лучане-волынiane ³⁾.

Очень цѣнное указаніе, касающееся именно Волынц, русскіе ученые видятъ въ извѣстіи арабскаго писателя X в. Масуди о славянскомъ племени Валинана. — Въ своемъ сочиненіи — «Золотые луга», въ XXXIV главѣ его, носящемъ названіе — «Описаніе славянъ, ихъ обиталищъ, рассказы объ ихъ царяхъ и о разселеніи ихъ племенъ», — Масуди говоритъ: «Славяне составляютъ различныя племена, между коими бываютъ войны, и они имѣютъ царей... Изъ этихъ племенъ одно имѣло прежде въ древности

¹⁾ Географическій отрывокъ («*geographus bavaricus*») неизвѣстнаго автора, хранящійся въ мюнхенской библіотекѣ, составленъ, по мнѣнію Гиббона и гр. Боата, его открывшаго, въ 1/2 VI в., а по мнѣнію Шафарика — въ IX ст. — Ак. Куникъ-же относитъ этотъ памятникъ, написанный въ монастырѣ св. Эммериха, около Регенсбурга, къ IX в. или нач. X ст. — См. *Самковасовъ*. Ист. рус. пр. Кн. I, Варш., 1888, стр. 358—*Зап. Ак. Н.*, т. XXXII, прил. стр. 74.

²⁾ *Шафарикъ*. Слав. древн. т. II, кн. 2, прил. стр. 71—72; т. II, кн. 3, прил. стр. 72 и т. II, кн. I, стр. 215.

³⁾ Объ этомъ см. *Константинъ Порфирородный* — *De adm imp.* — въ извлеченіи у *Бѣловскаго*. М. Pol. н. т. I, стр. 16 и 42; *Шафарикъ* — Слав. древн. т. II, кн. I, стр. 179—181, 207; *Барсовъ* — Очерки ист. геогр. стр. 259, пр. 137 и 128; Пр. *Голубовскій*. Печенѣги, Тор. и Полов., стр. 227, пр. 2. М. С. *Грушевскій* — Барское староство. Арх. ю. в. Руса, VII, т. I, стр. 9.

власть (надъ ними), его царя называли Маджакъ, а само племя называлось *Валинана*. Этому племени въ древности подчинялись все прочія славянскія племена, ибо (верховная) власть была у него и прочіе цари ему повиновались. И далѣе — «Славяне составляютъ многія племена и многочисленные роды. Мы уже выше рассказали про царя, коему повиновались, въ прежнее время, остальные цари ихъ, т. е. Маджакъ, царь Валинаны, которое племя есть одно изъ коренныхъ славянскихъ, оно почитается между ихъ племенами и имѣло превосходство между ними. Впоследствии же пошли раздоры между ихъ племенами, порядокъ былъ нарушенъ, они раздѣлились на отдѣльныя колѣна, и каждое племя избрало себѣ царя»¹⁾.

Другой арабскій писатель, жившій позже Масуди, въ XI в., Ал-Бекри, въ своей книгѣ «путей и странъ» сообщаетъ свѣдѣнія о славянахъ, позаимствованныя имъ у разныхъ его предшественниковъ, между прочимъ, у Масуди. Въ этой же книгѣ приведена Ал-Бекри и записка еврея Ибрагима ибн-Якуба, относящаяся, по мнѣнію академика Куника, къ 965 г. Ибрагимъ же въ своей запискѣ о славянахъ говоритъ слѣдующее: «страны славянъ тянутся отъ сирійскаго моря къ окружающему морю къ сѣверу. И завладѣли племена сѣвера нѣкоторыми изъ нихъ и обитаютъ по сіе время между ними (славянами). И собрали ихъ въ бывшее время нѣкоторый царь, титулъ котораго былъ Маха, и былъ онъ изъ одного ихъ племени, которое называлось Влинбаба, и было это племя у нихъ почитаемымъ. Потомъ же разъединилась ихъ рѣчь и прекратился ихъ (государственный) порядокъ, и племена ихъ стали (отдѣльными государственными) группами и воцарился въ каждомъ ихъ племени царь»²⁾. Не можетъ быть сомнѣнія, что Ибрагимъ, какъ это предполагаетъ и комментаторъ извѣстій Ал-Бекри о Руси и славянахъ акад. Куникъ³⁾, — приведенное нами только что извѣстіе свое почерпнулъ у Масуди.

¹⁾ *Гаркави*—Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и руссахъ Масуди, стр. 135—138. Спб. 1870.

²⁾ Зап. Имп. А. Н., т. XXXIII, прил. 46.

³⁾ *Иб.*, 70.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе того, откуда этотъ послѣдній самъ могъ почерпнуть подобныя свѣдѣнія о др. слав. государствѣ, проф. Ключевскій, въ своемъ сочиненіи — «Боярская дума древней Руси», сопоставивъ извѣстія Масуди съ преданіями нашей лѣтописи и разсказами такихъ писателей, какъ Іорнандъ, Прокопій Кесарійскій и имп. Маврикій, пришелъ къ заключенію, что, дѣйствительно, восточные славяне составляли нѣкогда большой политическій союзъ племенъ подъ руководствомъ одного изъ нихъ — дулѣбовъ нашей лѣтописи, волянянъ — у Масуди¹⁾. Такимъ образомъ, проф. Ключевскій отождествляетъ нашихъ волянянъ съ «Валинана» Масуди.—Такое же тождество признавалъ еще Шафарикъ, а изъ новѣйшихъ ученыхъ признаютъ гг. Лонгиновъ и Голубовскій²⁾.

Несомѣнно, указанія и географа Баварскаго, и Константина Порфиророднаго, и Масуди съ Ибрагимомъ были бы для историка Волини цѣнны, если бы онъ былъ увѣренъ въ томъ, что означенныя указанія, дѣйствительно, относятся къ Волини. А такой увѣренности у него не можетъ быть!

Въ самомъ дѣлѣ, географъ Баварскій, въ своемъ—«*Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii*»—приводитъ массу названій разныхъ народовъ, указываетъ количество укрѣпленныхъ пунктовъ у нихъ, но въ большинствѣ случаевъ не даетъ ровно никакихъ указаній, гдѣ же именно за Дунаемъ жили эти народы,—а въ такомъ случаѣ рискованно по одному только созвучію въ названіяхъ отождествлять его «*Bisani*» съ лѣтописными «*бужанами*». — Къ тому-же, если-бы «*Bisani*» и были нашими *бужанами*, все-же мы не можемъ принять на вѣру свѣдѣнія географа Баварскаго о томъ, что у этихъ *Bisani* было 231 civitates (а это-то именно свѣдѣніе,—если-бы оно было вѣрно,—и представляло-бы для насъ цѣну въ сообщеніи неизвѣстнаго географа), и не можемъ, потому что не знаемъ, откуда могъ почерпнуть авторъ географическаго отрывка такіа подробныя свѣдѣнія о количествѣ укрѣпленныхъ пунктовъ у

¹⁾ Ключевскій. Боярская дума древн. Руси, «Р. М.». 1880 г., № 4, стр. 13.

²⁾ Ib., стр. 7.

разныхъ задунайскихъ народовъ — Наше недовѣріе къ разсма-
триваемому памятнику не можетъ быть уничтожено и словами
академика Куника, сказанными имъ относительно монастыря св.
Эммерама (около Регенсбурга), въ которомъ и былъ написанъ
этотъ памятникъ ¹⁾).

Большой вѣры заслуживаютъ показанія Константина Пор-
фиророднаго о русскихъ славянахъ, но дѣйствительно-ли подъ
именемъ *levčevinoi* разумѣются у него обитатели той части
Волыни, которая съ давнихъ временъ имѣла своимъ центромъ
городъ Луцкъ, этого съ полною увѣренностью никто сказать
не можетъ.

Да и кто такіе эти *levčevinoi*? Константинъ Порфирородный
помѣщаетъ ихъ въ числѣ славянскихъ племенъ, платившихъ
дань Руси; слѣдовательно, это — племя, а о племени лучанъ наша
лѣтопись, сохранившая довольно подробный этнографическій
перечень славяно-русскихъ племенъ, не упоминаетъ.

Что касается извѣстій Масуди, повторенныхъ затѣмъ Иб-
рагимомъ, то мы позволимъ себѣ не согласиться съ тѣми заклю-
ченіями, къ которымъ пришелъ почтенный проф. Московскаго
университета Ключевскій, опираясь на эти извѣстія. — Нѣтъ,
конечно, ничего невозможнаго въ предположеніи г. Ключевского
о существованіи въ былое время политическаго союза славян-
скихъ племенъ подъ главенствомъ одного изъ нихъ — нашихъ
волыннѣ-дульбовѣ. Но предполагать это и даже больше — утвер-
ждать, на основаніи, главнымъ образомъ приведенныхъ выше

¹⁾ Зап. Имп. Ак. Н., т. XXXII, прил. 74 «Отношенія монастыря св.
Эммерама, около Регенсбурга, къ чешскимъ славянамъ извѣстны и, конечно,
нельзя объяснять одной случайностью, что именно въ этомъ монастырѣ по-
явился въ к. IX или въ нач. X ст. письменный памятникъ о славянскихъ
племенахъ (*geographus bavarus*). Мы видимъ, что зап. евр. народы зорко
слѣдили за славянскимъ міромъ и старались его изучать». Свѣдѣнія, сооб-
щаемыя географ. Баварскимъ относительно укрѣпленныхъ пунктовъ, кажутся
намъ очень подозрительными. Въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли — у *Beheimare*,
которыхъ Шафарикъ принимаетъ за чеховъ, такихъ пунктовъ, по показаніямъ
географа Баварскаго, было 15, тогда какъ у какихъ-то *Glopani* — 400,
у *Busani* — 231?!

извѣстій Масуди, по нашему мнѣнію, не представляется возможнымъ.

Не входя здѣсь въ подробный анализъ всѣхъ доказательствъ, приведенныхъ г. Ключевскимъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, мы позволимъ себѣ только обратить вниманіе на то, что г. Ключевскій (а также и нѣкоторые другіе ученые) отождествляютъ *Валинана* Масуди съ нашими *волынянами*, основываясь, прежде всего на созвучіи этихъ словъ. А между тѣмъ, названій славянскихъ племенъ, созвучныхъ съ именемъ *Валинана*, можно привести много — Winuli, Winithi, Wilini, Wuloini, Vilzi, Welatabi, Велеты и др., и каждое изъ такихъ названій съ одинаковою правдоподобностью можно отождествлять съ Валинана, не отдавая преимуществъ нашимъ *волынянамъ*. — Кромѣ того, мы даже не знаемъ настоящаго наименованія этого верховнаго племени славянскаго политическаго союза: въ разныхъ рукописяхъ «золотыхъ дуговъ» оно читается неодинаково. Такъ, по указаніямъ Гаркави¹⁾, въ Лейденской рукописи вмѣсто Валинана стоитъ — Вальмана, Валмая; въ рукописи нашей академіи наукъ — Лабнана; въ книгѣ же «путей и странъ» Ал-Бекри находимъ новый варіантъ — Влинбаба. — Можемъ-ли мы въ такомъ случаѣ утверждать, что Масуди имѣлъ въ виду именно нашихъ волянъ? Конечно, нѣтъ! И намъ остается о Валинана сказать только то, что сказалъ раньше насъ акад. Куникъ о «Влинбаба»²⁾. «Валинана», — если даже признать правильность такого чтенія, — остается загадочнымъ».

А разъ мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что Масуди подъ Валинана именно разумѣлъ нашихъ волянъ, то и драгоценныя извѣстія его о славянахъ и о нѣкогда существовавшемъ у нихъ политическомъ союзѣ для нашей работы, посвященной исторіи Волини, уже менѣе пригодны.

Самымъ важнымъ, безъ сомнѣнія, источникомъ для ознакомленія съ древнѣйшимъ славянскимъ населеніемъ Волини слу-

¹⁾ Гаркави — Сказ. мусульманскихъ писателей о Славянахъ и русскихъ. Спб. 1870, стр. 163.

²⁾ Зап. Имп. Ак. Н., т. XXXII, прил. 94, 95.

жить наша лѣтопись. Къ рассмотрѣнію сообщаемыхъ ею извѣстій мы теперь и приступимъ.

Изъ племенъ, помѣщенныхъ въ этнографическомъ обзорѣ начальной лѣтописи, болѣе всего имѣютъ отношеніе къ терри-торіи бывшаго Волынскаго княжества *дульбы-бужане*. Лѣтопись по Ипатскому списку, перечисляя «словѣнскъ языкъ» въ Руси, упоминаетъ о бужанахъ: «Се бо токмо словѣнскъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Новгородъци, Полочане, Дѣрьговичи, Сѣверо, *Бужане зань сѣдять по Бугу*, послѣ же *Волыняне*»¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ говоритъ о *дульбихъ* («*суцця словъны*») и мѣстожителство ихъ указываетъ по р. Бугу («и живяху в мирѣ Поляне, и Древяне, и Северо, и Радимичи, и Вятичи, и Хорвати. *Дульби же живяху по Бугу, где нынѣ Волыняне*»²⁾), а Улутичи, Тиверци сѣдаху по Бугу и по Днѣпру, и присѣдаху къ Дунаеву, и бѣ мѣстожителство ихъ, сѣдаху бо по Бугу и по Днѣпру оли до моря, и суть города ихъ и до сего дне, да то ся зовяху отъ Грекъ Великая Скуфъ). Лѣтописецъ записалъ преданіе о покореніи этихъ дульбовъ обрами (аварами) и о тѣхъ насиліяхъ, которымъ подверглись покоренные отъ побѣдителей, при чемъ,

¹⁾ Ип. изд. 1871 г., стр. 6; Лавр. «*Бужане, зань сѣдоша по Бугу*».

²⁾ Ип. 7; Лавр. 12.: «И живяху въ мирѣ Поляне и Деревляне, и Сѣверъ, и Радимичи, Вятичи, и Хорвати, *Дульбы живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне*, а Улучи и Тиверци сѣдаху по Днѣстру, присѣдаху къ Дунаеву, бѣ множество ихъ, сѣдаху бо по Днѣстру оли до моря и суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфъ». — Никоновская. П. С. Р. Л. т. IX, стр. 5.—«И живяху въ мирѣ Поляне, и Древянѣ, Сѣвера, *Бужанѣ*, Радимичи, Вятичи, Хорвати, *Дульбы иже живяху по Бугу, гдѣ Волыняне живутъ*. А Лютичи и Тиверци присѣдаху къ Дунаеву, и бѣ множество ихъ, сѣдаху бо по Днѣстру и до моря.—Воскресенская. П. С. Р. Л., т. VII, ст. 264.—«И живяху въ мирѣ Поляне, Древяне, Сѣверъ, *Бужане*, Радимичи, Вятичи, Хорвати. *Дульби иже живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне*, а Лютичи и Тиверичи присѣдаху къ Дунаеву; и бѣ множество ихъ сѣдаху по Днѣстру полны до моря суть гради ихъ и до сего дне. Да то ся зоветь отъ Грекъ Великая Скиѣя». — Татищевъ—Ист. Рос. М. 1773, т. II, стр. 7: «и живяху въ мирѣ Поляне, Древяне, Сѣвера, *Бужане*, Радимичи, Вятичи, Хорвати и Дулеби, иже живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне, а Лютичи и Тиверцы сѣдаху по Бугу и Днѣстру, даже до моря».

о дулѣбахъ замѣчаетъ, что они «сущая Словѣны» ¹⁾.—Послѣдній разъ упоминаются дулѣбы въ лѣтописи подъ 907 г. Подъ этимъ годомъ описанъ походъ Олега на грековъ; въ походѣ принимала участіе вмѣстѣ съ другими славянскими племенами и дулѣбы ²⁾.

Вотъ и все, что находимъ мы въ лѣтописи о *дулѣбахъ-бужанахъ*. Эти краткія, неясныя извѣстія лѣтописи были причиною того, что среди ученыхъ установились различные взгляды на бужанъ и дулѣбовъ. По мнѣнію Шафарика, на р. Бугѣ сидѣли сербы, прозваншіеся по этой рѣкѣ бужанами; на востокъ отъ нихъ сидѣли воляняне или вельняне; нѣсколько южнѣе, отъ Буга къ Татрамъ, въ нын. вост. Галиціи—сосѣди ихъ бѣлохорваты; на востокъ отъ этихъ обоихъ, между Бугомъ и Стыремъ—дулѣбы, а возлѣ нихъ, немного далѣе на востокъ, въ Волинской губ. — древлѣяне.—Впослѣдствіи, говоритъ Шафарикъ, имя волянянъ, принадлежавшее сначала только жителямъ окрестностей г. Воляня, близъ истоковъ Буга, вытѣснило собою древнія и обширныя названія дулѣбовъ и бужанъ.—Откуда Шафарикъ почерпнулъ свое извѣстіе о существованіи племени волянянъ, отличнаго отъ дулѣбовъ и бужанъ? Наша лѣтопись ясно говоритъ, что именемъ «воляняне» назывались тѣ, имена которыхъ

¹⁾ Въ си же времена бысть и Обре, иже воеваша на цари Ираклия и мало его не яша; си же Обри воеваша на Словѣны и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху женамъ Дулѣбскимъ: аще поѣхати бяше Обрину, не дадише въпрячи коня, ни волу, но веляше въпрячи 3 или 4, ли 5 женъ в телѣгу и повести Обрина; и тако мучаху Дулѣбы. Бяху бо Обри тѣломъ велицѣ, а умомъ горди, и потреби я Богъ, и помроша вси, не оста ни единъ Обринъ; и есть причта в Руси и до сего дни: погибоша аки Обри; ихъ же нѣсть ни племени, ни наслѣдка» (Ип. 7).

²⁾ «Иде Олегъ на Грѣкъ, Игоря остави въ Киевѣ, поя же множество Варягъ, Словѣнъ, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Стѣверу и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци, иже суть толковины: си вси звахуться Великая Скуѣ. И съ сѣми всеми поиде Олегъ на конѣхъ и в кораблѣхъ». Ип. 17; Лавр. 29... си вси звахуться отъ Грекъ Великая Скуѣ; Воскр. 272—и ховраты, Дулѣбы и Тиверци, иже суть тѣлковаѣны; Густ. 239—си бяху отъ Великой Скуѣ Твер. въ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 37—и Дулѣбы и Тиверици, иже суть толкованы: си вси звахуться отъ Грекъ Великаа Скуѣа».

прежде были бужане и дулѣбы; слѣд., здѣсь и рѣчи нѣтъ о какомъ-то отдѣльномъ отъ дулѣбовъ и бужанъ племени волянѣнахъ.— Правда, у географа Баварскаго мы находимъ извѣстіе, что въ его время жили какіе-то *Velinzani*, имѣвшіе 70 городовъ; но самъ-же Шафарикъ говоритъ, что, «трудно рѣшить, къ этимъ русскимъ велынѣнамъ, или, скорѣе, къ польскимъ вѣлунчанамъ, жившимъ между Просной и Варной, относится извѣстіе Баварскаго землеписца»¹⁾.— Не могъ также Шафарикъ основывать своего мнѣнія на извѣстіи Масуди о Валинана.

Шараневичъ помѣщаетъ дулѣбовъ на южн. Бугѣ (Богѣ), а бужанъ на зап.²⁾, а по Голубинскому — послѣдніе жили на зап. Бугѣ, первые — на зап. отъ нихъ³⁾. Г. Лонгиновъ подъ волянѣнами разумѣетъ прежнихъ дулѣбовъ и бужанъ, жившихъ по зап. Бугу; при чемъ, говоритъ, что тяготѣніе послѣдняго племени къ зап., а не къ южн. Бугу становится очевиднымъ изъ превращенія бужанъ, по Нестору, въ волянѣнъ, городъ которыхъ Волянъ (нынѣ с. Городокъ, при устьѣ р. Гучвы) признается однимъ изъ главнѣйшихъ ихъ поселеній⁴⁾.— Интересно мнѣніе Татищева⁵⁾ «Дулѣбы Славяне, видятся тогда по Днѣстру, а потомъ на Богѣ жили, и можетъ имя у Славянъ отъ Дуная получили... Стрыйковскій кладетъ ихъ на Бугѣ, обще съ Ятвежами или Языгами; но Ятвежи были Сарматы, какъ Н и Стрыйковскій знатно ошибся, вмѣсто р. Бога, Бугъ именовалъ».—Бужанъ Татищевъ считаетъ отдѣльнымъ отъ дулѣбовъ племенемъ и полагаетъ жилища ихъ на Богѣ (разумѣется, западномъ).—Иныхъ взглядовъ держатся такіе ученые, какъ Барсовъ и проф. Ключевскій.—По мнѣнію перваго, къ вост. отъ хорватъ и къ сѣв. отъ тиверцовъ и улучей была расположена область дулѣбовъ, называвшихся въ позднѣйшее время («какъ кажется, уже въ эпоху составленія начальной лѣтописи») бужанами; еще болѣе позднее

¹⁾ Шафарикъ—Слав. древ., т. II, кн. I, стр. 192.

²⁾ Шараневичъ—Истор. Гал. Вол. Руси, стр. 4.

³⁾ Голубинскій—Ист. рус. церкви т. I. М. 1880, стр. 570.

⁴⁾ Лонгиновъ—Червенскіе города. В. 1885, стр. 27.

⁵⁾ Татищевъ—Истор. Рос. М. 1773, кн. 2, стр. 356, пр. 25 и стр. 357 прим. 28.

названіе дулѣбовъ-волыняне. Дулѣбы, бужане, волыняне — все это имена равнозначущія. Но «перемѣны въ географическомъ названіи этой славянской вѣтви», говоритъ Барсовъ, «не могли быть случайны; они должны указывать на перемѣны въ ея внутреннихъ отношеніяхъ, въ ея внутреннемъ строѣ»; перемѣны эти, по мнѣнію Барсова, совершились подѣ влияніемъ городовъ и усиленія ихъ политическаго значенія. По лѣтописи, бужане такъ названы, потому что «сѣдоша по Бугу», а Барсовъ видитъ въ бужанахъ лѣтописи не жителей побережья Буга, а населеніе области, такъ или иначе зависѣвшей отъ города Бужска, который еще въ XI и въ первой 1/2 XII в. обособляется весьма часто изъ ряда городовъ Володимірскаго княжества или удѣла и который, конечно, еще до образованія русскаго государства могъ получить центральное значеніе и группировать вокругъ себя болѣе или менѣе обширную землю, болѣе или менѣе обширный союзъ волостей. Когда въ болѣе позднее время явился новый центръ — гор. Волинь, прежнее названіе — бужане было вытѣснено новымъ — волыняне. По словамъ Барсова, нѣкоторымъ основаніемъ для такого взгляда на происхожденіе названія бужанъ служитъ ему то обстоятельство, что «въ древнемъ географическомъ словарѣ нельзя найти для обозначенія порѣчнаго населенія Семянъ, Росянъ, Сулянъ, Дунаянъ, но встрѣчаются Посемцы (рѣка Семь), Поршане (Рось), Посульцы (Сула), Дунайцы, тогда какъ жители города Кіева, Смоленска, Пинска носятъ названія Кіянъ, Смольнянъ, Пинянъ, Чернигова, Турова, Выгошева — черниговцевъ, туровцевъ, римовцевъ, выгошевцевъ¹⁾. Теорія Барсова хорошо объясняетъ намъ происхожденіе названія «волыняне»; что же касается названія «бужане», то въ виду яснаго свидѣтельства лѣтописи, мнѣніе Барсова не можетъ быть принято; тѣмъ болѣе, что приводя изъ лѣтописи въ подтвержденіе своего мнѣнія разныя порѣчныя названія — посецы, посульцы и пр. — онъ упускаетъ изъ виду — полочанъ, называвшихся такъ: «рѣчъкы ради именемъ Полота»; мораванъ («пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ Морава и прозвашася Моравы») и проч.

¹⁾ Барсовъ—Очерки рус. ист. геогр. Варш. 1885 г., стр. 101.

Проф. Ключевскій, сопоставляя извѣстія Масуди съ преданіями лѣтописи, устанавливаетъ такое отношеніе между названіями — дулѣбы, бужане и волыняне: «Дулѣбы — имя племени, бывшаго во главѣ союза колѣтъ; средоточіемъ его былъ городъ Волинъ, и всѣ союзныя племена по нему назывались Волынянами. Когда союзъ распался и самое племя разбилось отъ выселеній и перемѣшалось съ другими, за обитателями Побужья утвердилось имя Бужанъ, какъ Кривичи по р. Полотѣ стали называться Полочанами «рѣчкы ради Полота». Отношеніе между Дулѣбами и Волынянами то-же, какое было между Полянами и волостью Кіевскою, или шире — Русью»¹⁾.

Лѣтопись, однако, противорѣчитъ словамъ проф. Ключевского. Она ясно даетъ знать, что названіе «волыняне» усвоено дулѣбами и бужанами въ болѣе позднее время, чѣмъ то, къ которому можно отнести существованіе союза²⁾. Далѣе самъ проф. Ключевскій въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что названіе главнаго племени союза-дулѣбы — распространилось на всѣ племена, вошедшія въ союзъ, и потому-то у лѣтописца сохранилось извѣстіе объ утѣсненіи однихъ только дулѣбовъ; въ другомъ же мѣстѣ такимъ общимъ названіемъ является уже названіе — «волыняне»³⁾. Очевидно, что существовало одно какое-нибудь общее названіе; но проф. Ключевскому нужно было согласовать извѣстіе нашей лѣтописи съ извѣстіемъ Масуди — и вотъ появленіе двухъ общихъ названій. Г. Андріяшевъ, авторъ — «Очерка исторіи Волинскаго княжества до к. XIV в.», — видитъ, какъ и Барсовъ, въ дулѣбахъ, бужанахъ и волынянахъ одно племя; причемъ, названіе «бужане» объясняетъ, согласно съ лѣтописью⁴⁾.

Итакъ, относительно того, одно или нѣсколько племенъ дулѣбы, волыняне и бужане, и гдѣ жили называвшіеся такими племенами, существуютъ разнообразныя мнѣнія, — что объясняется, какъ мы уже выше сказали, неполнотой относящихся сюда лѣто-

¹⁾ Ключевскій — Боярская дума. «Р. М.» 1880, кн. IV, стр. 36—37.

²⁾ «Бужане... послѣ-же Волыняне»; «Дулѣбы кде нынѣ Волыняне».

³⁾ Ключевскій — Бояр. дума, стр. 6 и 37.

⁴⁾ Андріяшевъ — Очеркъ исторіи Вол. кн., стр. 7—8.

пленныхъ извѣстій. Лѣтопись въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что тамъ, гдѣ жили бужане, послѣ стали жить воляняне, а въ другомъ мѣстѣ то-же, что о бужанахъ, сказано и о дулѣбахъ; слѣдовательно, можно-бы предполагать, что дулѣбы и бужане два названія одного и того-же племени. Но развѣ нельзя допустить, что мѣста жительства бужанъ примыкали къ одной сторонѣ зап. Буга, а дулѣбовъ — къ другой; что первые жили въ такой-то части теченія этой рѣки, а вторые — въ иной. Слѣдовательно, можно такимъ-же образомъ, не противорѣча лѣтописи, признать одновременное существованіе на территоріи Волыни двухъ племенъ. Этому не противорѣчило-бы и извѣстіе двухъ, правда, позднѣйшихъ списковъ начальной лѣтописи — Воскресенскаго и Никоновскаго. Здѣсь, въ перечнѣ русскихъ племенъ, жившихъ въ мирѣ между собой упомянуты и дулѣбы, и бужане: «живяху въ мирѣ Поляне и Древляни, Съвера, *Бужань*, Радичиц, Вятичи, Хорвати. Дулѣбы, иже живяху по Бугу, гдѣ Воляняне живутъ¹⁾».

Какимъ-же образомъ, однако, могло впослѣдствіи явиться одно общее для бужанъ и дулѣбовъ имя воляняне? Для разрѣшенія этого вопроса необходимо предположить появленіе на территоріи дулѣбовъ — бужанъ новаго центра — города Волыня, вокругъ котораго и сгруппировались они, объединились. А такому объединенію могли подвергнуться или два различныхъ племени, вызванныя къ тому важными внутренними или внѣшними причинами, или двѣ части одного и того-же цѣлаго, одного и того-же племени. То обстоятельство, что впослѣдствіи, даже съ образованіемъ въ Волынской землѣ нѣсколькихъ княжествъ, мы не замѣчаемъ никакого антагонизма между послѣдними, даетъ намъ нѣкоторое основаніе предполагать послѣднее. При такомъ предположеніи, мы склонны также думать, что племеннымъ названіемъ для обѣихъ частей было названіе — дулѣбы, бужане-же было наименованіемъ территоріальнымъ для одной только части дулѣбскаго племени.

¹⁾ Никоновская—П. С. Р. Л., т. IX, стр. 5, Воскресенская—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 264. То-же у Татищева—Истор. Рос. М. 1773, т. II, стр. 7.

Впрочемъ, такъ ли это или иначе, ни изъ какихъ источниковъ мы не видимъ, чтобы въ древнѣйшее время населеніе одной мѣстности на Волыни чѣмъ-нибудь да отличалось отъ населенія другой, а это позволяетъ намъ смотрѣть на населеніе Волыни, какъ на однородное цѣлое, говорить не о дулѣбахъ и бужанахъ въ отдѣльности, а о волынянахъ.

Вообще же вопросъ о составѣ древнѣйшаго славяно-русскаго населенія Волыни можетъ быть разрѣшенъ болѣе или менѣе удовлетворительно только послѣ цѣлаго ряда научныхъ археологическихъ разысканій на почвѣ древней Волыни, пока же его нужно оставить открытымъ.

Тѣ-же археологическія разысканія дадутъ возможность опредѣлить съ большей правдоподобностью районъ мѣстожителъства древнѣйшаго волынскаго населенія, теперь же мѣстожителъство этого населенія можно указать только приблизительно, принимая во вниманіе существующія (или существовавшія) названія разныхъ мѣстностей бывшаго Волынскаго княжества, напоминающія намъ дулѣбовъ-бужанъ-волынянъ¹⁾, а также тѣ границы, въ которыя была заключена впослѣдствіи Волынская земля. Такъ, на западѣ волынскія поселенія, вѣроятно, терялись далеко

¹⁾ То обстоятельство, что въ лѣтописи дулѣбы поставлены рядомъ съ хорватами, тиверцами и улучами (Ип. 7 и 17), можетъ навести на мысль объ ихъ сосѣдствѣ. Если тиверцы и улучи, какъ думаетъ Барсовъ, занимали сѣв. в. часть Днѣстровской волости, простирався на востокъ до среднего теченія Буга, а хорваты жили по склонамъ Татранскихъ Карпатъ, то сосѣди ихъ дулѣбы жили на востокѣ отъ нихъ. На современныхъ намъ географическихъ картахъ можно найти довольно много названій мѣстностей, напоминающихъ дулѣбовъ: такъ, въ Волынской губ., недалеко отъ г. Ковеля, — с. Дулибы; въ Острож. у., между Аннополемъ и Гущею, близъ Горыни — с. Дулибы; къ югу отъ Ровно — село Дулбуновъ; на ю. в. отъ Львова, между рр. Зубрькою и Липою — с. Дулибы.

Мѣстностей съ названіемъ, напоминающимъ лѣтописныхъ бужанъ, много по правую сторону р. зап. Буга. Такъ, въ Злочевскомъ округѣ, въ Галиціи — г. Бускъ, на р. зап. Бугѣ, противъ устья р. Полтвы; во Владимирвол. уѣздѣ — с. Бужаны и недалеко отъ него с. Божовъ, вблизи австр. границы; с. Забужье, на правомъ бер. зап. Буга; с. Бушковичи, вблизи р. Луга, с. Божанка.

въ Забужѣ, на востокъ простирались до Горыни и Случи, на сѣверѣ заходили въ Волинское Полѣсье, а на югѣ могли доходить до области Подиѣстровья.

Опредѣливъ приблизительно границы поселеній древнихъ воляннъ (бужанъ-дубовъ), перейдемъ къ изложенію ихъ судьбы до к. X в., т. е. до того времени, когда воляняне, несомнѣнно, перестаютъ уже жить самостоятельно, подчинившись кievскимъ князьямъ.

Лѣтопись наша даетъ слишкомъ мало указаній на то, какъ жили воляняне до к. X. в. Иностранные источники хотя и сообщаютъ много интереснаго о славянахъ русскихъ въ древнѣйшую эпоху ихъ существованія, до введенія между ними христіанства, но собственно о волянянахъ почти что ничего не говорятъ. Археологическихъ раскопокъ кургановъ и городищъ, разсѣянныхъ въ огромномъ количествѣ по всей территоріи бывшаго Волинскаго княжества, было произведено, какъ мы уже имѣли случай говорить объ этомъ раньше, — очень мало. — Но если мы сопоставимъ извѣстія нашей лѣтописи съ извѣстіями иностранныхъ источниковъ, то мы въ состояніи будемъ нарисовать хотя приблизительно вѣрную картину жизни воляннъ до к. X в. Рельефность, такъ сказать, картины увеличится, если мы воспользуемся тѣмъ этнографическимъ матерьяломъ, который собранъ трудами ученыхъ экспедицій, снаряженныхъ правительствомъ для изслѣдованія современной намъ народной жизни, и тѣмъ немногимъ, что даетъ намъ археологія Волини.

На первыхъ-же страницахъ нашей лѣтописи мы встречаемъ извѣстіе о томъ, что славяне русскіе, въ древнѣйшій періодъ своего существованія, жили особой жизнью: каждое племя имѣло свои обычаи и нравы: «имѣяхуть бо», говоритъ нашъ

Въ Забужѣ, въ Грубешевскомъ уѣздѣ, есть р. Волянника; въ древнее время здѣсь-же (т. е. въ Забужѣ), какъ свидѣтельствуеетъ Длугошъ, — находился городъ Волянъ, по имени котораго и вся земля стала называться Волинскою (во время-же Длугоша, — какъ онъ говоритъ, — называвшаяся Холмскою и Луцкой). *Dług. Hist. Pol., t. I. Dobromili 1615, p. 17 a quo universa terra Wolynska appellatur, quae nunc Chelmei et Lucei nominatur.*

лѣтописецъ, «обычая своя, и законы отецъ своихъ и преданія каждо своя норовъ».

Само собою разумѣется, что при этомъ различіи въ нравахъ и обычаяхъ, у славяно-русскихъ племенъ (какъ и вообще у всѣхъ славянъ) могло быть и въ дѣйствительности было много общаго. Такъ, наши и отчасти иностранные источники ¹⁾ позволяютъ намъ утверждать, что у слав. русскихъ племенъ, въ томъ числѣ, конечно, и у волянннъ, съ давнихъ временъ существовали князья, власть которыхъ была, впрочемъ, незначительна, такъ какъ всѣмъ въ странѣ заправляло вѣче; въ существованіи же послѣдняго опять таки у всѣхъ слав. русскихъ племенъ не можетъ быть сомнѣнія. Вѣче, несомнѣнно, было и у волянннъ, и функціи его наврядъ-ли были отличными отъ функцій вѣчъ другихъ русскихъ племенъ.

Вѣроятно, и обязанности князя были одинаковы у всѣхъ русскихъ племенъ.—Конечно, главнѣйшею изъ нихъ была защита страны отъ непріятелей; самымъ-же надежнымъ средствомъ защиты была постройка городовъ, т. е. такихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, въ которыхъ населеніе тянувшаго къ нимъ округа находило-бы въ случаѣ надобности защиту отъ враговъ.

Когда впервые на территоріи Волыни появились города, извѣстій не имѣемъ, но, несомнѣнно, они существовали тамъ съ давнихъ временъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ XII в. бужане и дулѣбы

¹⁾ Прокопій Кесарійскій и импер. Маврикій говорятъ, что славяне управлялись царьками, а нашъ лѣтописецъ сообщаетъ, что у полянъ было свое княженіе, у древлннъ и другихъ племенъ — свое: «И по сей братьи почаша держати родъ ихъ княженіе въ Поляхъ, а въ Деревнхъ свое, а Дрьговичи свое, а Словѣне свое въ Новгородѣ, а другіе на Полотѣ, иже и Полочанѣ» (Ип. 6) Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ упоминаетъ о древлннскомъ князѣ Малѣ и другихъ древлннскихъ князьяхъ «иже распасли суть Деревнскую землю» (ib. 35). Прокопій Кесарійскій сообщаетъ, что помимо того, что «Славяне не повинуются одному мужу, но издревле живутъ при народномъ правленіи (ἐν δημοκρατῳ), а дѣла свои они привыкли рѣшать на общемъ собраніи» (Прокопій Кесарійскій, въ извлеч. у Шафарика. Слав. древ., т. II, кн. III, стр. 39). На существованіе и роль вѣча намекаетъ и нашъ лѣтописецъ. Такъ, въ разсказѣ о сношеніяхъ древлннъ съ Ольгой активную роль играетъ народъ древлннскій, а не князь.

называются волянянами по городу Волюню, который возникъ, разумѣется, гораздо раньше XII в. — Владиміръ Св. беретъ города Перемышль, Червень и иные. Червень и иные, къ которымъ принадлежали и Бужскъ, и Белзь, входившіе въ составъ Волинской земли, возникли, по всей вѣроятности, за-долго до Владиміра Св. — Масса городищъ характерной формы (овальной полукруглой, круглой) разбросаны то тамъ, то сямъ на территоріи бывшаго Волинскаго княжества; многія изъ нихъ, по всей вѣроятности, остатки прежде бывшихъ языческихъ городковъ и городов¹⁾. — Большая часть городищъ находится на возвышенномъ берегу рѣкъ, озеръ, прудовъ, болотъ, нѣкоторыя — на низкихъ берегахъ рѣкъ и среди болотъ; самое ничтожное количество городищъ не у воды и не въ лѣсистой мѣстности, Форма городищъ и ихъ мѣстоположеніе заставляютъ думать, что большинство изъ нихъ принадлежить языческой эпохѣ.

¹⁾ Свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ мы можемъ почерпнуть изъ донесеній волостныхъ правленій и отъ частныхъ лицъ. По извѣстнымъ намъ донесеніямъ волостныхъ правленій (см. Самоквасовъ—Статистическія свѣдѣнія о городищахъ, собранныхъ въ 1873 г. по программѣ вопросовъ, разосланной Центральнымъ Статистич. Комитетомъ во всѣ волости Европ. Россіи.—Также—Самоквасовъ. Истор. рус. пр., кн. I. Варш. 88, стр. 357). Волинской губ., въ этой послѣдней всѣхъ городищъ насчитывается 157; по уѣздамъ они распределяются слѣдующимъ образомъ: въ Жито. у.—23, въ Овруч. 157; по уѣздамъ они распределяются слѣд. образомъ въ Жито. у.—23, въ Овруч. 5, въ Новградв. 18, Староконст.—6, въ Заслав.—5, въ Острож.—12, въ Кременецк.—17, въ Дуб.—20, въ Ров.—18, въ Луцк.—16, въ Ковельскомъ—4, во Владиміров.—13. Изъ общаго числа городищъ нужно исключить городища Жито. и Овруч. уѣздовъ (28), такъ какъ территорія послѣднихъ всецѣло принадлежала бывшему Кіевскому княжеству; въ такомъ случаѣ, на долю остальныхъ уѣздовъ придется 128 городищъ. Но эту цифру нужно уменьшить, такъ какъ сюда включены и такія городища, которыя ничего общаго съ древними укрѣпленными городами не имѣютъ, сооружены были въ позднѣйшее время исключительно съ цѣлью обороны отъ непріятелей и отличаются своей формой.—Тогда соотношеніе цифръ будетъ таково: въ Новградв. у.—10, Стар.—2, Засл.—3, Остр.—4, Крем.—12, Дуб.—6, Ров.—10, Луцк.—6, Ков.—3. Владиміров.—2.—Конечно, на самомъ дѣлѣ городищъ больше, — нельзя же требовать отъ волостныхъ правленій полноты и точности въ сообщаемыхъ ими извѣстіяхъ такого рода.

Города, служа цѣлямъ обороны отъ непріятелей, въ то-же время могли служить и разнымъ другимъ цѣлямъ. Такъ, въ нихъ могла сосредоточиваться торговая дѣятельность тянувшего къ нимъ населенія. Несомнѣнно, что и волынянамъ не была чужда эта дѣятельность даже въ столь древнее время, какъ разсматриваемое. Но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ для сужденія объ этомъ предметѣ. У Константина Порфиророднаго мы встрѣчаемъ извѣстіе, что λευκανοι (лучане?), кривичи, древляне и др. русскіе славяне привозили въ Кіевъ для продажи лодки. Очень возможно, что въ этой торговлѣ принимали участіе и волыняне, т. е. дулѣбы и бужане. — Далѣе, въ разсказѣ лѣтописца о походѣ 907 г. упомянуты и дулѣбы. По лѣтописи, результатомъ этого похода былъ торговый договоръ съ Византіей, представлявшій разныя льготы русскимъ. Хотя въ договорѣ мы не находимъ «укладовъ» на города, принадлежащіе дулѣбамъ (что и понятно, такъ какъ договоръ собственно касается Руси, т. е. Кіева и подвластныхъ ему племенъ, въ числѣ которыхъ дулѣбовъ не было), но тѣмъ не менѣе, самое упоминаніе о дулѣбахъ въ торговомъ договорѣ даетъ намъ нѣкоторое основаніе предполагать, что и дулѣбы участвовали въ торговлѣ русскихъ славянъ съ Византіей.

Волинь, по всей вѣроятности, вела торговлю и съ востокомъ. Что востокъ велъ торговлю съ Балтійскимъ поморьемъ и Польшею, это съ несомнѣнностью доказывается находками тамъ арабскихъ монетъ, принадлежащихъ разнымъ эпохамъ; а такъ какъ Волинь находилась на пути этой торговли, то нисколько не должно показаться страннымъ предположеніе объ участіи волянъ вмѣстѣ съ другими русскими племенами въ этой восточной торговлѣ.

Служили ли города и религіознымъ цѣлямъ, — какъ то утверждаетъ проф. Владимірскій-Будановъ относительно старшихъ городовъ всѣхъ русскихъ племенъ¹⁾, — судить не беремся, о религіозныхъ-же вѣрованіяхъ волянъ скажемъ нѣсколько словъ.

¹⁾ Проф. Владимірскій-Будановъ — Обзоръ ист. рус. права. Изд. 2-е, 1888 г., стр. 23.

Воляняне, какъ и другія славянскія племена, несомнѣнно, олицетворяли явленія природы и поклонялись имъ, какъ божествамъ. — Самою благодатною силою въ природѣ должно было быть для нихъ солнце, которое у славянъ почиталось подъ разными именами — Дажбога, Хорса, Волоса. Именемъ перваго, по словамъ г. Иловайскаго ¹⁾, обозначалась и влага, падающая съ неба. Въ такомъ случаѣ, нельзя-ли сопоставить древняго Дажбога со св. Маркомъ, который, по народному представленію, владѣетъ ключами отъ дождей, или съ Ураемъ теперешнихъ Волянянъ. Въ одной волянской пѣснѣ поется ²⁾:

Та Урай матку кличе:
— Та подай, матко, ключа
Одімнути небо,
Випустити росу,
Діводькую красу etc.

Волосъ упоминается въ лѣтописи, съ эпитетомъ «скотьяго бога» ³⁾. Нельзя не видѣть его въ св. Юріі (Полисунъ), являющемся, по представленію современныхъ волянянъ, покровителемъ земледѣлія и скотоводства.

Въ непосредственной связи съ поворотами солнца стояли и главные праздники какъ всѣхъ славянъ, такъ, конечно, и волянянъ, наглядно выражавшіе представленіе о борьбѣ темнаго и свѣтлаго. Такъ, въ зимній солноворотъ праздновалась «Колыда». Празднество продолжалось, вѣроятно, нѣсколько дней и состояло въ пѣніи гимновъ божеству, въ играхъ, въ гаданіяхъ, перепрыгиваніяхъ черезъ огонь. И теперь на Волини 1-го января стряхиваютъ со стола солому «дідуху», зажигаютъ её на дворѣ или на улицѣ, перепрыгиваютъ черезъ огонь и перегоняютъ скотъ три раза ⁴⁾. Въ этотъ праздникъ вспоминали умер-

¹⁾ *Иловайскій*—Ист. Рос., т. I, М. 1886 г.

²⁾ Труды этногр. стат. экспед. въ зап. русскій край. Т. III. Спб., 1872, стр. 30 и 32.

³⁾ Ишт. 13.

⁴⁾ Труды этн. стат. эксп. III. 437. На важное обрядовое значеніе соломѣ указываетъ *Котляревскій* въ своемъ соч. — «О погреб. обр. яз. слав.». М. 1868, стр. 206.

шихъ. Во Владиміровольнскомъ уѣздѣ и нынѣ оставляютъ ложки въ кутьѣ¹⁾ на цѣлую ночь и дѣлаютъ это въ ожиданіи посѣщенія умершихъ родственниковъ²⁾. Встрѣча весны сопровождается тоже, безъ сомнѣнія, празднествомъ, остатки котораго мы видимъ въ теперешней «масляницѣ». «На масляной во многихъ мѣстахъ», говоритъ г. Бестужевъ-Рюминъ, «сжигается соломенная кукла, вѣроятно, представляющая собою зиму или смерть»³⁾. На Воляни въ теченіе недѣли справляютъ «колодку»; «колодка» знаменуетъ собой весну. Въ понедѣльникъ, по утру, бабы собираются въ корчму. Одна изъ нихъ кладетъ на столъ небольшое полѣно или палку, называемую «колодка». Другія берутъ колодку со стола, пеленаютъ её нѣсколькими кусками холста и кладутъ на прежнее мѣсто. Это значитъ, что «колодка» родилась. Затѣмъ покупаютъ водки и сѣвши вокругъ колодки, поздравляютъ другъ друга съ рожденіемъ⁴⁾. Окончательное торжество весны, побѣда тепла надъ холодомъ, мрака надъ тьмою сопровождалась особенно шумными играми и пѣснями, слѣды которыхъ мы видимъ въ теперешнихъ весеннихъ играхъ и пѣсняхъ (веснянкахъ)⁵⁾. Къ этому-же времени года, по всей вѣроятности, нужно отнести слова лѣтописца: «и браци не бываху в нихъ, но *игрища межю селы*. И схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовскыя пѣсни»⁶⁾.

Какъ на языческій пережитокъ, можно указать на существующій на Воляни праздникъ — «Ляля» или «красная горка». Празднуется онъ 22 апрѣля, наканунѣ Юрьева дня. Вотъ какъ описываютъ его: «хороводы обыкновенно собираются въ 3-мъ часу пополудни, на чистомъ лугу. Выбравъ самую красивую дѣвушку, хороводницы перевязываютъ ей шею, грудь, руки и ноги разною зеленью, а на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ свѣ-

¹⁾ «Кутья» ведетъ свое нач. безъ сомнѣнія со врем. языческихъ.

²⁾ Труды этн. ст. эксп., т. III, стр. 263.

³⁾ Бестужевъ-Рюминъ — Ист. Р. Т. I, 23.

⁴⁾ Труды этногр. стат. эксп., т. III, 7.

⁵⁾ Ib. 32—183.

⁶⁾ Ип. 8.

жихъ цвѣтовъ. Въ такомъ нарядѣ сажаютъ дѣвушку на дерновую скамью, на которую ставятъ также кувшинъ съ молокомъ, сыръ, масло и проч. У ногъ «ляли» кладутъ нѣсколько вѣнковъ изъ свѣжей зелени; хороводницы танцуютъ вокругъ «ляли» и поютъ пѣсни. Когда окончатся пѣсни, «ляля» раздаетъ своимъ подругамъ сыръ, масло и пр., затѣмъ бросаетъ имъ вѣнки, которые дѣвушки стараются схватить налету. Вѣнки эти дѣвушки прячутъ до слѣдующей весны¹⁾. То обстоятельство, что праздникъ «ляля» совершается наканунѣ дня св. Юрія, — котораго, какъ мы упоминали выше, народъ отождествилъ съ Волосомъ, — въ связи съ тѣмъ, что у ногъ «ляли» кладутъ сыръ, масло, молоко, т. е. продукты, доставляемые скотомъ, богомъ котораго почитался Волосъ, — позволяетъ намъ думать, что празднество это въ языческое время совершалось въ честь бога Волоса. Въ лѣтній солноборотъ происходилъ праздникъ «купалы». Празднество, вѣрно, длилось долго. Теперь на Волини купальскія пѣсни начинаются уже за 2 недѣли до 24 июня²⁾. Дѣвушки по вечерамъ собираются гдѣ-нибудь на просторѣ, выбираютъ изъ своей среды самую молодую и красивую, сажаютъ на землю и даютъ въ руки зеленое деревцо, всё убранный цвѣтами; затѣмъ, взявшись за руки, окружаютъ ее и поютъ пѣсни о Купалѣ³⁾. Наканунѣ 24-го іюня вечеромъ собираются дѣвушки и парни и топять въ водѣ зеленое деревцо, называемое «купалою». Праздникъ «купалы» сопровождался, по всей вѣроятности, пѣніемъ гимновъ въ честь бога купалы (если только допустить существованіе такового), прыганіемъ черезъ огонь, имѣвшій очистительное значеніе, гаданіемъ и собираніемъ травъ, обладавшихъ особенною силою.

Кромѣ божествъ солнца, волиняне, вѣроятно, поклонялись еще и другимъ божествамъ. При перечисленіи русско-славянскихъ божествъ лѣтописецъ на первомъ мѣстѣ ставитъ Перуна; Прокопій Кесарійскій говоритъ, что славяне вѣруютъ въ единого

¹⁾ Труды этн. ст. эксп. Т. III, стр. 30.

²⁾ *Пуратовскій* — Вол. Мал. пѣсни, стр. 30—31.

³⁾ *Stecki—Wolyni*, т. I.

бога, творца молніи, владыки вселенной и приносятъ въ жертву быковъ и другихъ животныхъ ¹⁾). Воляныне, несомнѣнно, поклонялись Перуну; поклоненіе это впослѣдствіи перешло на архистр. Михаила, Гавріила и пророка Ілію. Напр., по понятіямъ народа, населяющаго Холмскую Русь, молнія — орудіе въ рукахъ архистратига Михаила; въ Грубешовскомъ уѣздѣ думаютъ, что громъ происходитъ отъ преслѣдованія Михайломъ дьяволовъ. Михайлъ пускаетъ въ нихъ *перуновую* стрѣлу; а въ Луцкомъ у. увѣрены, что громомъ и молніей управляютъ архистр. Михайлъ и св. Ілія; громъ — это стукъ отъ колесницы, въ которой ѣдетъ по небу св. Ілія; въ Новградволынскомъ у. завѣдывающими громомъ и молніей называютъ Михаила и Гавріила ²⁾).

Олицетворяя благодѣтельные силы природы, воляныне, конечно, олицетворяли и мрачныя. Темная, злая сила теперь олицетворяется въ видѣ чорта, подѣ которымъ разумѣютъ чернаго, безобразнаго челоуѣка съ когтями, хвостомъ и рогами, мѣстомъ жительства котораго считаютъ адъ, камыши, лѣса, поля, пустыя дома и сараи ³⁾). Тотъ-же чортъ носятъ еще названія — кадукъ, дѣдко, болотянынкъ, морокъ, мара, дыво, лыхо, біда, бісь, дыволъ, недоля, облудъ ⁴⁾), лизунъ или полѣзунъ. Последняго представляютъ то въ видѣ большого звѣря, живущаго исключительно въ лѣсахъ и тамъ пожирающаго людей, то въ видѣ громаднаго челоуѣка, ползающаго на колѣняхъ, съ огромныхъ размѣровъ рукой ⁵⁾).

Темная сила насылала на людей бѣдствія и болѣзни, которыя тоже олицетворялись; теперь, напр., лихорадки представляются въ видѣ 9 сестеръ; «бешиха» въ одномъ изъ заклинаній называется цыганкой, жидовкой, татаркой ⁶⁾); холера на Полѣсьѣ

¹⁾ *Шафарикъ*—Сл. Др., т. II, кн. 3, прим. стр. 38—40.

²⁾ Труды этн. ст. эксп. т. 1, стр. 20—23.

³⁾ Гб. т. I, 184.

⁴⁾ Гб. стр. 192.

⁵⁾ Гб. стр. 193; т. II, 230.

⁶⁾ *Иващенко*—Слѣды языческихъ вѣрованій въ южно-рус. шептаніяхъ. Тр. 3-го арх. с., т. I, стр. 175—6.

является въ видѣ еврейки или цыганки¹⁾. Чтобы умиловать темную силу, ей поклонялись также, какъ и свѣтлой, и приносили жертвы. Это яснѣе всего сказывается въ шептаніяхъ и заклинаніяхъ. «Въ процессѣ шептаній, какъ выраженіе таинственнаго священнаго знанія», говоритъ Иващенко, «лежитъ народное вѣрованіе въ чудодѣйственную силу слова и обряда, относимыхъ къ олицетвореннымъ имъ-же просто стихійнымъ силамъ и явленіямъ природы. Слѣдовательно, идея вѣрованія въ словесно-обрядовое врачевство является археологическимъ обломкомъ молитвенныхъ языческихъ возношеній къ добруму или злему для человѣка началу въ природѣ, съ цѣлью воспользоваться помощью того или другого и предрасположить ихъ къ себѣ»²⁾. Слѣды поклоненія темной силѣ можно видѣть въ обрядахъ, соблюдаемыхъ при шептаніяхъ. Напр., предъ началомъ *«замовлянья великихъ стѣснѣвъ у дитины»* на припечкѣ разводится огонь, который имѣетъ значеніе жертво-очистительное³⁾. Въ новоотстроенномъ домѣ на Полѣсѣ прежде всего поселяютъ пѣтуха или другое животное⁴⁾. Нельзя не видѣть въ этомъ жертвы темной силѣ, отъ козней которой желаютъ избавить новыхъ поселенцевъ.

Общимъ взглядамъ на природу и различнымъ вѣрованіямъ о жизни души человѣческой за гробомъ соотвѣтствуютъ, по мнѣнію Котляревскаго, обряды погребенія⁵⁾. Какимъ-же образомъ представляли себѣ волюнине душу человѣка? Отвѣта на это нужно искать въ современныхъ намъ суевѣрныхъ представленіяхъ. Обитателямъ Холмской Руси душа представляется *маленькимъ ребенкомъ*; по мнѣнію лучанъ, душа принимаетъ *видъ человѣка*; въ Грубешовскомъ у. «понятіе о душѣ весьма разнообразно. Душа можетъ, по своему произволу, оставлять человѣка во время сна. Улетая изъ него она принимаетъ

¹⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1859, № 17, ст. Перлыштейна.

²⁾ Труды 3-го арх. с., т. I, стр. 320.

³⁾ Труды 3-го арх. с., т. I, стр. 324.

⁴⁾ Перлыштейн—Вол. Губ. Вѣд. 1855 г. № 48.

⁵⁾ Котляревскій—О погреб. обр. стр. 236.

на себя видъ *сивой мыши*. Душа одной молодой женщины прожила у своей матери болѣе 2-хъ недѣль. Въ теченіе этого времени душа ничего не ѣла, а только постоянно сидѣла надъ горячимъ хлѣбомъ и вдыхала въ себя выходящій изъ него паръ¹⁾. На Полѣсѣ души маленькихъ дѣтей (благословенныя душечки), въ образѣ *коноплянки*, *ласточки* или другой *нѣжной птицы*, поютъ на деревьяхъ возлѣ дома²⁾. Мы говорили выше, что по повѣрью народному, въ ночь на Рождество Христово въ дома являются души умершихъ, для чего оставляютъ для нихъ кутью; въ домахъ сосѣднихъ съ тѣмъ, въ которомъ лежитъ мертвецъ, не пьютъ воды изъ чана, если она простояла цѣлую ночь въ хатѣ, такъ какъ думаютъ, что душа умершаго приходила пить её; по выносѣ мертвеца изъ хаты на окнѣ ставится зажженная свѣча, кусокъ хлѣба и чашка воды или меду — это для души, которая приходитъ ѣсть и пить³⁾.

Приведенныя народныя воззрѣнія на душу, составляя какъ бы обрывокъ прежнихъ народныхъ вѣрованій, убѣждаютъ насъ въ томъ, что волыняне вѣровали въ отдѣльное существованіе души, вѣрили въ загробную жизнь, хотя матеріальную. Разсмотрѣніе погребальныхъ обрядовъ еще болѣе убѣдитъ насъ въ этомъ. Погребальный обрядъ, по словамъ Котляревскаго, имѣлъ важное значеніе у языческихъ славянъ «онъ былъ необходимъ, чтобы душа могла оставить землю и успокоиться, иначе она будетъ безпріютно блуждать и мстить людямъ за неисполненіе ихъ долга»⁴⁾. «И еще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ и по семъ творяху кладу велику, и възложить на кладу мертвѣца, и съжигаху, и по семъ събравше кости, вложяху въ ссудъ малъ и поставляху на столпѣ на путехъ, иже творять Вятичи и нынѣ. Си же обычай творяху и Кривічи и прочіи погани»⁵⁾. Такъ опи-

¹⁾ Труды этн. ст. экс. Т. I, стр. 149.

²⁾ *Перельштейнъ*. Народный бытъ Вол. Полѣся. Волынскія Губ. Вѣд. 1889 г. № 19.

³⁾ *Steski*. Wolum. T. I.

⁴⁾ *Котляревскій*. О погребальн. обряд., стр. 224.

⁵⁾ Ипат. 8.

сываетъ лѣтописецъ погребальныя обряды «поганыхъ» русскихъ славянъ. Сожигали ли волиняне своихъ умершихъ, мы не можемъ сказать, по отсутствію данныхъ. Масса кургановъ¹⁾, нѣмыхъ свидѣтелей глубокой старины, разбросана на территоріи бывшаго Волынскаго княжества, но что сокрыто въ нихъ, въ большинствѣ случаевъ остается неизвѣстнымъ, такъ какъ только нѣсколько изъ нихъ вскрыто съ научною цѣлью. Такъ, въ августѣ 1886 года профессоромъ В. Б. Антоновичемъ вскрыто 5 кургановъ изъ огромнаго могильника, заключающаго въ себѣ до 500 кургановъ, расположеннаго въ лѣсу у с. Зимно, Владиміровольнскаго уѣзда (въ 5 вер. отъ г. Владиміра). Во вскрытыхъ курганахъ на границѣ черноземнаго слоя и подпочвы, немного ниже горизонта, лежали скелеты, обращенные головою къ западу. Руки у однихъ скелетовъ протянуты по бокамъ туловища, у другихъ сложены на крестѣ, лѣвая нога каждого покойника была откинута въ сторону. Въ курганѣ найдено нѣсколько колецъ и серегъ бронзовыхъ непаянныхъ. Последнее обстоятельство дало возможность профессору В. Б. Антоновичу отнести насыпку кургановъ ко времени не позже IX вѣка по Р. Х.²⁾

Основываясь на этой раскопкѣ можно прійти къ заключенію, что у волинянъ существовало въ собственномъ смыслѣ погребеніе, а не сожженіе умершихъ; вмѣстѣ съ послѣдними клали въ могилы тѣ украшенія, которыя они носили при жизни³⁾. Положеніе головы умершаго на западъ — не случайно; подобно тому, какъ возникновеніе обычая погребать человѣка ставятъ

¹⁾ Какое обиліе кургановъ на Волыни, видно, напр., изъ того, что въ окрестностяхъ села Зимно, Владиміровольнскаго у., находится могильникъ, заключающій въ себѣ до 500 кургановъ; при селѣ Суражѣ, Кременецкаго уѣзда, находится около 300 кургановъ; около городища въ селѣ Бѣлевѣ, Ровенскаго уѣзда — 263 могилы; у с. Самострѣлы того-же уѣзда, въ полѣ 164 могилы; по дорогѣ изъ Луцка въ Олыку — 100 могилъ и т. д. (Донесеніе волостнаго правленія).

²⁾ «Заря», 1886 г., № 158.

³⁾ Ибизъ-Дастъ, описывая руссовъ, говорить, что мужчины у нихъ носятъ браслеты, которые кладутся вмѣстѣ съ ними въ могилу (*Гаркави*. Сказ., стр. 268 и 270).

въ связь съ заходомъ солнца¹⁾, и обычай положенія покойника головою на западъ, т. е. въ ту сторону, гдѣ скрывается небесное свѣтило, должно поставить въ ту-же связь.

Погребальныя обряды древнихъ волынянъ мы можемъ до нѣкоторой степени возстановить, за отсутствіемъ прамыхъ письменныхъ указаній, на основаніи тѣхъ обычаевъ и обрядовъ, которые соблюдаются и по-нынѣ у волынянъ. «Первой заботой живыхъ въ отношеніи къ умирающему», говоритъ Котляревскій, «была забота облегчить смертную борьбу или разставанье души съ тѣломъ»²⁾. Для этого на Волыни даютъ въ руки умирающему «громницу» (громница—страстная или богоявленская свѣча; её зажигаютъ во время грома и молніи), «щобъ легче було умирати», какъ говорятъ. Умершему закрываютъ глаза, такъ какъ, по народному вѣрованію, въ противномъ случаѣ въ домѣ умереть еще кто-нибудь. Затѣмъ совершается опрятаніе умершаго. Последняго омываютъ и наряжаютъ въ лучшую одежду: на Полѣсьѣ покойнику кромѣ бѣлья, на голову надѣваютъ: бѣдному—ермолку, а зажиточному — черную барашковую шапку, бѣлую сермягу, обуваютъ въ лапти, опоясываютъ попругой съ калитой (старика—краснымъ поясомъ). Обычай опрятыванія, снаряженія въ дальній путь покойника, безъ сомнѣнія, совершался и у древнихъ волынянъ, какъ и вообще у всѣхъ славянъ,—на что указываетъ Ибнъ-Фоцланъ въ описаніи похоронъ русса³⁾. Одѣтаго и умытаго покойника кладутъ на лаву или столъ, въ углу; при головѣ покойнаго ставятъ горшокъ колива съ прилѣпленною къ нему свѣчю. Въ последнемъ обычая Котляревскій видитъ представленіе народа о сродствѣ души съ огнемъ. Когда наступитъ время класть умершаго въ гробъ, туда, подъ голову покойника, кромѣ зелья, которое свѣтится въ Троицынъ день, кладутъ одну или двѣ пары бѣлья, а при опусканіи⁴⁾ въ могилу бросаютъ

¹⁾ Котляревскій. Погр. обр., стр. 177.

²⁾ Ib, стр. 205.

³⁾ Гаркави. Сказ., стр. 98.

⁴⁾ На обычай класть въ могилу одежду и деньги указываетъ и Ибнъ-Дастъ: «вмѣстѣ съ нимъ (т. е. съ покойникомъ) кладутъ въ могилу какъ

мѣдную монету. По народнымъ воззрѣніямъ, деньги нужны покойнику на выкупъ «душечки». Котляревскій видитъ въ этомъ обычаѣ плату проводнику и перевозчику небесному, который переправляетъ душу черезъ великое воздушное море¹⁾. — При выносѣ трупа изъ хаты, ударяють три раза «трумной» о порогъ; обычай наблюдается и у другихъ славянъ. По Котляревскому, въ этомъ обычаѣ кроется какое-то соотношеніе мертвеца съ семейнымъ порогомъ, подъ которымъ, по понятіямъ древности, обитали домашніе пенаты²⁾. Стецкій и Перльштейнъ видятъ въ этомъ прощаніе мертвеца съ домомъ³⁾. Когда гробъ вынесенъ изъ сѣней, одна изъ старыхъ женщинъ бросаетъ на гробъ и на присутствующихъ людей горстями хлѣбныя зерна. Хлѣбныя зерна имѣли очистительное значеніе; что же касается старой женщины, то участіе ея при погребеніи у древнихъ волинянъ не подлежитъ сомнѣнію въ виду того, что у Ибнъ-Фоцлана мы находимъ извѣстіе о завѣдываніи погребальнымъ обрядомъ старухи, которую называли — «ангелъ смерти». Котляревскій объясняетъ это участіе тѣмъ, во 1-хъ, что народъ сближаетъ понятіе о смерти съ понятіемъ о старой женщинѣ, а во 2-хъ, что послѣдняя была хранительницею обычая и потому могла руководить его порядками⁴⁾. По выносѣ мертвеца изъ хаты, какъ мы уже упоминали выше, на окнѣ ставится зажженная свѣча, кусокъ хлѣба и чашка

одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе, опускають туда множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напѣтками и чеканную монету» (*Гарнави*, Сказ. 270).

¹⁾ Котляревскій—Погреб. обр., стр. 212.

²⁾ Ibid. 219. На волинскомъ Полѣсѣ, при постройкѣ дома, въ основаніи его кладутъ мелкую монету, кусокъ хлѣба, нѣсколько меду и соли. Ужъ не для умершихъ ли предковъ дѣлается это? На существованіе у волинянъ вѣрованія въ домашнихъ пенатовъ указываетъ кроиѣ того слѣдующій обычай: когда стѣны строящагося дома достаточно выведены, по угламъ на ночь кладутъ ломоть или цѣлый хлѣбъ; на другой день по цѣлости его выводятъ свои заключенія (Перльштейнъ. Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 16). Не показываетъ ли этотъ обычай, что строящіе хату желаютъ узнать—одобряють ли умершіе предки, покровители семьи, переходъ на новое мѣсто?

³⁾ Stecki. Wolań, т. 1; Перльштейнъ. Вол. Г. Вѣд. 1859 г. № 17.

⁴⁾ Котляревскій. Погр. Обр. 76.

воды или меду. По народнымъ повѣрьямъ, душа умершаго въ теченіе нѣкотораго времени находится еще около прежняго своего жительства, а потому для нея ставятъ на окнѣ ѣсть и пить. Душа умершаго можетъ посѣщать и сосѣдніе дома, отчего въ нихъ никогда не пьютъ воду изъ того чана, въ которомъ она стояла цѣлую ночь. По возвращеніи домой, всѣ участвовавшіе въ похоронахъ умываютъ руки. Этимъ они какъ бы очищаются отъ общенія со смертью.

«Въ юго-славянскихъ земляхъ», по словамъ Котляревскаго, «возвращающихся съ похоронъ встрѣчаетъ старуха съ горящими угольями, на нихъ льютъ воду и ею умываются». Послѣ очищенія идутъ поминки съ питьемъ чаши въ честь умершаго. Что обычай поминать умершаго очень древній, свидѣлствуетъ Ибнъ-Фоцланъ: «у богатаго они (т. е. руссы) собираютъ его имущество и раздѣляютъ на три части: $\frac{1}{3}$ даютъ семьѣ, за $\frac{1}{3}$ кроютъ ему одежду и за $\frac{1}{3}$ покупаютъ горячій напитокъ, который они пьютъ въ тотъ день, когда его дѣвушка убиваетъ себя и сжигается вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ?¹⁾ Въ годовичное поминовеніе на Полѣсѣ кладутъ на могилѣ покойника во весь ростъ его большую дубовую колоду. Котляревскій ставитъ этотъ обычай въ связь съ обычаемъ полагать предѣлъ между жизнью и смертью²⁾. На могилѣ садятъ калину или иное дерево, думая, что «якъ на могилѣ растетъ дерево, души легче». Обычай этотъ общераспространенный и могъ, по словамъ Котляревскаго, возникнуть въ эпоху «древней дружной жизни съ природою, во время наивнаго вѣрованія въ переселеніе души человѣка въ міръ растений»³⁾.

Вѣра въ матеріальное загробное существованіе человѣка, въ то, что умершіе и за гробомъ не прерываютъ связи со своими земными родичами, заботятся о нихъ, охраняютъ отъ всякихъ обидъ, несомнѣнно, была присуща древнимъ воляныямъ и выражалась нагляднѣе всего въ тризнахъ. О русскихъ тризнахъ мы находимъ свѣдѣнія у нашего лѣтописца, у Ибнъ-Фоцлана и Ибнъ-

¹⁾ Гаркави. Сказ. стр. 96.

²⁾ Котляревскій—250.

³⁾ Ib., 245.

Даста. Ибнъ-Фопланъ сообщаетъ, что $\frac{1}{3}$ достоянія умершаго шла на поминки. Еще опредѣленіе о славянскихъ тризнахъ говоритъ Ибнъ-Дастъ: «черезъ годъ послѣ смерти покойника берутъ кувшины 20 меду, иногда нѣсколько больше, иногда нѣсколько меньше, и несутъ на тотъ холмъ, гдѣ собирается семейство покойнаго, ѣдятъ, пьютъ и затѣмъ расходятся¹⁾. Поминoveniя усопшихъ, совершающіяся теперь на Волини, носятъ на себѣ слѣды глубокой, языческой старины. Скажемъ о «дѣдахъ». «Дѣды» — праздникъ поминовения усопшихъ, совершаемый весной послѣ пасхи, въ Оминъ понедѣльникъ (прѣводы). Въ этотъ день, по словамъ простолюдиновъ, «що осталось въ насъ (послѣ Великдня) треба дати імъ, помершимъ»²⁾. Поминающіе умершихъ садятся на родныхъ могилахъ. Главы семействъ приговариваютъ: «тутъ моя родинонька, тутъ моя мати, тутъ хутко буду й я спочивати» — и выбрасываютъ на могилу часть скорлупокъ отъ «крашанокъ» и косточекъ «свяченого», «свяченую» соль, выливаютъ рюмку водки. «Ийте, пийте и насъ грѣшнихъ споминайте». На могилахъ христосуются съ умершими, бросаютъ яйца и говорятъ: «святіи родителі, ходите до насъ хлѣба и солі їсти». Послѣ закуски говорятъ умершимъ роднымъ: «напі рідняки, не поминайте лихомъ, чимъ хата богата, тимъ и рада»³⁾. Сопоставивъ только-что рассказанное нами о «дѣдахъ» съ извѣстіями Ибнъ-Даста (о поминкахъ похоронныхъ у славянъ) и нашей лѣтописи, мы приходимъ къ заключенію, что на Волини въ извѣстное время года совершались тризны по умершимъ.

Въ четвергъ на «зеленой» или «клевальной» или «русальной» недѣль празднуется «мавскій или русальный великдень». Русалки, по народнымъ представленіямъ, бываютъ или безобразныя старухи, или молодыя красивыя дѣвушки. Русалками становятся утопленницы и дѣти, родившіяся неживыми. Русалки въ «зеленую» недѣлю выходятъ изъ рѣкъ и дѣлаютъ всяческія проказы людямъ. Въ этомъ представленіи о русалкахъ сказы-

¹⁾ Гаркави—Сказ. стр. 265.

²⁾ Труды Этн. стат. эксп., т. III, стр.

³⁾ Ibid.—т. III, стр. 29.

вается то-же народное воззрѣніе на загробное существованіе человека; кромѣ того, оно указываетъ на то, что въ сознаніи народа погребеніе является чѣмъ-то существенно необходимымъ, и несоблюденіе этого обряда вызываетъ де со стороны умершихъ (относительно которыхъ онъ не былъ соблюденъ) преслѣдованіе живущихъ. Чтобы умилостивить непогребенныхъ, живущіе чтутъ ихъ праздниками,—таковъ «русальный великдень». «Десятій понедѣлокъ» также празднуется въ честь русалокъ. Въ этотъ день, по народнымъ вѣрованіямъ, русалки выходятъ на землю и наблюдаютъ, чтетъ ли народъ ихъ память. Что почитаніе русалокъ было и въ старину, объ этомъ встрѣчаемъ указанія у Прокопія Кесарійскаго, который говоритъ, что славяне чтутъ рѣки и нимфы, приносятъ имъ жертвы и во время жертвоприношенія гадаютъ¹⁾.

При погребеніи молодой дѣвушки или парня, на Волыни, какъ и вездѣ въ юго-западномъ краѣ, совершаются нѣкоторыя свадебныя церемоніи. «Это символическое уподобленіе смерти — браку», говоритъ Котляревскій, «принадлежитъ къ обычнѣйшимъ сближеніямъ ума и чувства»²⁾; а потому не должно показаться страннымъ, если мы послѣ изложенія погребальныхъ обрядовъ перейдемъ къ свадебнымъ. Лѣтописецъ, какъ полянинъ, расхваливая обычаи полянъ, говоритъ: «Поляне бо своихъ отецъ обычаи имяху тихъ и кротокъ, и стыдѣнне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, и къ матеремъ своимъ, и снохы къ свекровямъ своимъ и къ деверемъ велико стыдѣнне имуще; и брачныи обычаи имяху: не хожаше женихъ по невесту, но привожаху вечера, а заутра приношаху что на ней вѣдуче. А деревляне живяху звѣрьскимъ образомъ, живуще скотьскы и убиваху другъ друга, ядуще все нечисто и браченья въ нихъ не быша, но умыкаху у воды дѣвица». Относительно радимичей, вятичей и сѣверянъ тотъ-же лѣтописецъ говоритъ, что у нихъ, братья не убиваху, но игрища межю селы. «И схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовскыя пѣсни, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею-же кто свѣщевашеся; имяхуть же по 2 и по 3 жены»³⁾.

¹⁾ Шафарикъ—Сл. др. т. II, кн. 3, стр. 37.

²⁾ Котляревскій—Погр. Обр. 140.

³⁾ Ипат. 7.

Другошъ сказанное лѣтописцемъ о не-полянахъ относитъ и къ дулѣбамъ: «*habitabant more ferarum in silvis, committentes omnem immunditiam, puderoq. soluto et alienis et cognatis uxoribus rapientes miscebantur*» ¹⁾).

Мы не можемъ сказать, какая форма брака существовала на Волини. Въ свадебныхъ пѣсняхъ нынѣшнихъ волинянъ мы находимъ слѣды существованія въ древности на Волини покупки и продажи невесты. Такъ, послѣ предварительныхъ переговоровъ относительно женитьбы идетъ попойка, при чемъ поютъ:

«Пропила мати дочку
За одну вечериночку,
На меду, на гориловни,
А чоботи на тариловни»;

послѣ того, какъ молодой заплатитъ «окупъ» брату молодой, поютъ

Татаринъ, братикъ татаринъ,
Продавъ сестрицу за талеръ» ²⁾).

Въ нѣкоторыхъ современныхъ намъ свадебныхъ обычаяхъ и обрядахъ волинянъ находятся черты, указывающія на несомнѣнную древность ихъ. Такъ, напр., коровай, при печеніи котораго баба дѣлаетъ какія-то странныя движенія, имѣлъ, безъ сомнѣнія, миеологическое значеніе ³⁾). Коровай украшаютъ зеленью и калиной ³⁾). Последняя имѣла тоже какое-то миеологическое значеніе; интересно совпаденіе — калину большею частью сажаютъ на могилахъ, и калина на караваѣ; здѣсь тоже сказалось уподобленіе брака смерти. При выходѣ молодого изъ родительской хаты, мать беретъ въ одну руку горсть овса, а въ другую миску съ водой; съ этимъ она 3 раза ходитъ вокругъ «старосты»; затѣмъ послѣдній садится на вылы и бѣгаетъ за матерью вокругъ хаты, что повторяется 3 раза; послѣ этого

¹⁾ *Długosi*—Hist. Pol. т. I. Dobromili 1615, стр. 47—48.

²⁾ *Stecki*—Wolyn, т. I

³⁾ *Перельштейнъ*. Вол. Губ. Вѣд. 1855 г. № 32.

⁴⁾ *Ibid.*

«староста» разламывает вилы и бросает на хату; то-же дѣлаетъ и мать съ овсомъ и водой. По объясненію Стецкаго, вода и овесъ, вылитые на хату, служатъ выраженіемъ достатка, который мать желала бы видѣть въ хозяйствѣ сына, а разломанныя вилы служатъ какъ бы заклятіемъ противъ падежа скота и лошадей у молодого ¹⁾). Объясненіе правдоподобное. Овесъ и вода играютъ извѣстную роль и при погребальныхъ обрядахъ. По сообщенію Котляревскаго, у русскихъ за Днѣстромъ по слѣду погребальной процессіи посыпаютъ дорогу овсомъ ²⁾). Въ хатѣ у молодой мать послѣдней подноситъ зятю рюмку водки, въ которую бросаетъ нѣсколько зеренъ овса. Овесъ, вода и водка, по всей вѣроятности, должны собою изображать достатокъ и здоровье. Такъ, во время одѣванія невесты въ «намитку» поютъ:

«Будь здорова, якъ вода,

«Богата, якъ земля».

Въ этомъ взглядѣ на воду и землю, какъ на источники земныхъ благъ, можно видѣть слѣды поклоненія имъ. Народъ и по-нынѣ питаетъ уваженіе къ водѣ и считаетъ грѣхомъ плевать въ нее и говорить бранныя слова; вода употребляется имъ, какъ лѣкарственное средство противъ нѣкоторыхъ болѣзней ³⁾). Такъ-же благоговѣнно относится народъ и къ землѣ: въ Луцкомъ уѣздѣ, напр., землю называютъ святой и считаютъ большимъ грѣхомъ бить по ней палкой безъ нужды, клянутся ею и въ доказательство клятвы сѣждаютъ щепотку ея ⁴⁾).—Слѣдя за дальнѣйшимъ ходомъ свадебнаго ритуала, мы находимъ слѣдующій обломокъ старины: молодой выпиваетъ преподнесенную ему водку, а рюмку бросаетъ черезъ голову; сзади стоящіе парни должны разбить ее на-лету; въ противномъ случаѣ, молодые будутъ несчастливы въ бракѣ. Здѣсь мы можемъ видѣть указаніе на то, что во время свадебныхъ празднествъ происходили въ древности и гаданья. Молодая идетъ въ домъ мужа, при

¹⁾ *Stecki*—*Wol.* I.

²⁾ *Котляревскій*—*Погр.* Обр., стр. 221.

³⁾ *Труды* этн. ст. вѣст. Т. I, стр. 42.

⁴⁾ *Ibid*, стр. 38.

чемъ, несесть туда *черную курицу*. Вспомнимъ, что у Ибнъ-Фоклана дѣвушка, предназначенной къ сожженію, подаютъ курцу¹⁾. Курица играла, по всей вѣроятности, весьма важную роль при свадебныхъ обрядахъ древнихъ волинянъ. По Котляревскому — курица — символъ новой семьи, новоселья²⁾. Бояре раскладываютъ передъ воротами двора молодого огонь, и черезъ него должны перейти молодые, прежде чѣмъ войдутъ въ хату. Огонь имѣлъ очистительное значеніе и въ силу этого употреблялся также при погребальныхъ обрядахъ и заклинаніяхъ. Извѣстно то уваженіе, которое народъ питаетъ къ огню: его называютъ святымъ, считаютъ грѣхомъ говорить что-либо неприличное о немъ³⁾. Въ этомъ сказывается поклоненіе солнцу — огню. И теперь солнце, по понятіямъ простолюдина, огонь, поддерживаемый дѣдомъ⁴⁾.

Кто-же завѣдывалъ свадебными, похоронными и религіозными церемоніями? Въ Россіи не было храмовъ, не было и жрецовъ⁵⁾, но были кудесники, волхвы, вѣдущіе люди, — скорѣе гадатели, чѣмъ жрецы; они-то и распоряжались всѣми церемоніями; они были хранителями старинныхъ обычаевъ и обрядовъ; «они были», говоритъ Иващенко, «посредниками между добромъ и злой силой съ одной стороны и людьми съ другой»⁶⁾. Роль этихъ вѣдущихъ людей перешла на теперешнихъ знахарей и знахарокъ. Они же фигурируютъ подъ названіемъ чаровниковъ, ворожбитовъ, вѣдемъ; на нихъ смотрятъ какъ на людей, обладающихъ особенною силой. Такъ, чаровникъ, по понятіямъ простолюдиновъ Холмской Руси, — всемогущъ: онъ можетъ обратить человѣка въ свинью, собаку и др.; ворожитъ лѣчить болѣзни людей и животныхъ, а знахарь отгадываетъ будущее по картамъ или звѣздамъ; вѣдмы, подъ которыми народъ разумѣтъ

¹⁾ Гаркави. Сказ., стр. 99.

²⁾ Котляревскій. Погр. обр., стр. 78.

³⁾ Труды этн. ст. экс. Т. I, стр. 45.

⁴⁾ Ibid —стр. 3.

⁵⁾ Бестужев-Рюминъ. Т. I, стр. 31—32.

⁶⁾ Иващенко. Труды 3-го арх. с., стр. 325.

женщинъ, продавшихъ свою душу чорту, дѣлають всякія непріятности чловѣку, а потому народъ старается избѣгать столкновеній съ ними ¹⁾). Кромѣ того, во всякомъ селѣ Полѣсья, по словамъ Перельштейна, есть женщина, про которую говорятъ, что «она кметытъ до огню», т. е. знаетъ отъ огня ²⁾). Это та-же знахарка. Всѣ эти народныя воззрѣнія на знахарей, знахарокъ и др. носятъ на себѣ печать несомнѣнной старины и ясно указываютъ на то, что и въ старину были такіе-же вѣдущіе люди.

Вотъ все то небольшое, что мы можемъ сказать о внутреннемъ бытѣ волынянъ до конца X в. Немного мы можемъ сказать и о внѣшней ихъ исторіи за это-же время.

Раздробленные на нѣсколько племенъ, славяне русскіе по свидѣтельству нашего лѣтописца ³⁾, постоянно ссорились между собою. Само собою разумѣется, что такія взаимныя отношенія русскихъ славянъ не могли не ослаблять ихъ, а этимъ ослабленіемъ пользовались разные внѣшніе враги, чтобы подчасъ налагать тяжелое ярмо на шею нашихъ предковъ. Подобной участи не могли избѣгнуть и дулѣбы. По крайней мѣрѣ, въ лѣтописи записано преданіе о тѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ они подвергались отъ покорившихъ ихъ Обровъ (Аваровъ) ⁴⁾.

Что же дѣлали русскіе славяне для противодѣйствія врагамъ? Изъ исторіи западнаго славянства мы знаемъ нѣсколько случаевъ, когда славяне ради этой цѣли образовывали союзы. По всей вѣроятности, то-же бывало и на территоріи русскихъ славянъ; то тамъ, то сямъ, въ разныхъ углахъ русской земли,

¹⁾ *Труды*. Т. I, стр. 199, 207—209.

²⁾ *Перльштейнъ*—Вол. Губ. Вѣд. 1859 г., № 17.

³⁾ Ип. 9.

⁴⁾ Ип. 7. Память о пребываніи обровъ на территоріи позднѣйшаго русскаго государства сохранилась въ названіи нѣкоторыхъ мѣстностей: такъ, Обаровъ, выше г. Ровно; Обровецъ и Оборковецъ въ Любл. губ., недалеко отъ Грубешова; Обровъ, уроч. въ Переясл. обл. Въ «Поученіи» Мономаха: «и пакы идохомъ Переяславлю и стахомъ на Обровъ». См. *Барсова* — Матер. для истор. геогр. слов. Рос. Вильна, 1865 г., стр. 150. Обрамль — мость — уроч. въ Кіев. обл. (въ лѣт. подъ 1150 г.). Обрамова, въ Кіев. губ., въ 50 в. отъ Кіева (*Барсова*—Матер., стр. 150).

вѣроятно, дѣлались попытки образованія прочныхъ союзовъ, пока кievскому князю съ дружиной не удалось мало-по-малу сплотить подъ своею властью русскія племена и постепенно лишить ихъ самостоятельности.

Мы не знаемъ, когда собственно теряють свою самостоятельность дулѣбы-бужане. Нѣкоторые ученые¹⁾ (Барсовъ, Голубинскій и др.) относятъ это событіе къ нач. X в., основываясь главнымъ образомъ на томъ, что, по сообщенію лѣтописца, въ походѣ Олега на грековъ въ 907 г. принимали участіе съ хорватами и другими русскими племенами и дулѣбы²⁾. Та-же участь и тогда же постигла, по мнѣнію тѣхъ-же ученыхъ, и хорватовъ.

Однако, еще Карамзинъ (а вслѣдъ за нимъ и Смирновъ) высказалъ сомнѣніе, чтобы хорваты были покорены русскими князьями до Владиміра Св.³⁾. И мы позволимъ себѣ высказать подобное же сомнѣніе относительно дулѣбовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, не касаясь здѣсь вопроса о томъ, на сколько вѣрно сообщеніе лѣтописца о походѣ Олега на грековъ въ 907 г., участіе дулѣбовъ въ этомъ походѣ можетъ быть объяснено, какъ участіе племени, находившагося въ союзѣ съ Олегомъ.—Что между послѣдними съ одной стороны и дулѣбами, хорватами и тиверцами съ другой могли быть именно такіа отношенія (союзническія), на это намекаетъ и употребленное лѣтописцемъ слово «толковины», которое, по объясненію проф. Григоровича⁴⁾, на древне-русскомъ языкѣ означало—«союзники».

¹⁾ Барсовъ — Очерки, стр. 103. Голубинскій — Истор. рус. ц., т. I, стр. 571. Шараневичъ — Ист. Гал. Вол. Руси, стр. 7. Полюдинъ — Др. рус. ист., т. I, М. 1871, стр. 10. Шафарикъ — Слав. др., т. II, кн. I, стр. 128.

²⁾ «Иде Олегъ на Гръѣы, Игоря остави въ Кыевѣ; поя же множество Варягъ, Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверу, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци, яже суть толковины». Пп. 17. — Выраженіе—«яже суть толковины» можно отнести не только къ однимъ тиверцамъ, но и къ хорватамъ съ дулѣбами.

³⁾ Карамзинъ — Ист. Гос. р., т. I, стр. 129, пр. 469. Смирновъ—Судьбы Чер. Р., стр. 16.

⁴⁾ Труды 3-го арх. съѣзда, быв. въ Кіевѣ, т. I, стр. LII.

Когда прекратились эти предполагаемые нами союзническія отношенія дѣлѣбъ съ Кіевомъ и къ какому году п событію, записанному въ лѣтописи, слѣдуетъ отнести покореніе пер-выхъ послѣднимъ, сказать трудно — къ 981 ли году, когда, по сказанію лѣтописца, Владиміръ Св. ходилъ къ ляхамъ и занялъ города Перемышль, Червень и иные города¹⁾), или къ

¹⁾ Ип. 54: «Иде Володимиръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Червень и ины города, яже суть и до сего же подъ Русью». Это лѣтописное извѣстіе подало поводъ къ разнымъ толкованіямъ. — Большинство ученыхъ, не входя въ тщательный разборъ этого мѣста лѣтописи, понимало его такъ, что будто-бы Владиміръ отвоевалъ у ляховъ города Перемышль и Червень и иные; при чемъ, напр. Барсовъ, признавая Перемышль и Червень городами, лежавшими на территории дѣлѣбскаго племени и хорватскаго, покореннаго Олегомъ, высказалъ предположеніе, что эти города, разумѣется, съ областями, тянувшими къ нимъ, при Святославѣ Игоревичѣ, занятомъ въ Болгаріи, или въ усобицу между его сыновьями отошли къ ляхамъ, а потомъ уже Владиміромъ Св. были отняты отъ нихъ въ 981 г. (Барсовъ — Очерки, стр. 104). Событіе это у Длугоша записано подъ 985 г.; но у него Перемышль и Червень прямо уже названы польскими городами (Dlug. I, 104). — Г. Лонгиновъ первый подвергъ обстоятельному разбору извѣстіе нашей лѣтописи и Длугоша и пришелъ къ тому заключенію, что лѣтописецъ сообщает не о занятіи польскихъ городовъ — Перемышля и Червеня и др., а о занятіи какихъ-то польскихъ городовъ и Перемышля и Червеня и др. Послѣдніе города съ тянувшими къ нимъ землями не были заселены ляхами, управлялись своими племенными старѣйшинами или князьями, пока не были объединены Владиміромъ Св. (Лонгиновъ. Чер. гор., стр. 58—64 и 187).

Нечего говорить, что такія и подобныя имъ толкованія (см. также — *Забужская Русь* Е. Крыжановскаго) лѣтописной записи о присоединеніи червнскихъ городовъ къ Руси довольно произвольны.

Намъ кажется, что лѣтописецъ хотѣлъ только указать на то, что Владиміръ, во время похода своего на ляховъ, отнялъ у нихъ названные выше города, тогда имъ принадлежавшіе, и странно было-бы видѣть въ словахъ лѣтописца утвержденіе, будто эти города были чисто-польскими или, по крайней мѣрѣ, принадлежавшими имъ испоконъ вѣка.

Червенскіе города, такъ называвшіеся по своему центру — Червеню, занимали довольно значительную территорію на зап. отъ зап. Буга, — съ населеніемъ, несомнѣнно, русскимъ (хотя, м. б., и съ нѣкоторой примѣсью польскаго элемента), — и такимъ образомъ находились на рубежѣ двухъ государствъ — Польши и Руси, которые и стараются присоединить ихъ къ своимъ владѣніямъ.

Населеніе этихъ городовъ, не имѣя возможности сохранить свою само-

983 г. ¹⁾, когда Владиміръ Св. совершилъ походъ на ятвяговъ, или, наконецъ, къ 993 г., когда онъ ходилъ на хорватовъ ²⁾.

Быть можетъ, во время этихъ походовъ Владиміръ Св. и покорилъ волынянъ (дуббровъ-бужанъ), и при дѣлѣжъ русской земли отдалъ ихъ область въ удѣлъ сыну своему Всеволоду.

Покоривъ волынянъ, Владиміръ Св. построилъ городъ ³⁾

стоятельность, вынуждено было по временамъ волей-неволей признавать надъ собой власть то одного, то другого изъ названныхъ государствъ (такъ, ко времени похода Владиміра на ляховъ, Черв. города были захвачены поляками и *тогда* сдѣлались, — по выраженію лѣтописца, — *иля* городами), пока, наконецъ, Червенскіе города совсѣмъ не вошли въ составъ Русы и въ частности Владимірскаго княжества, населеніе котораго было одного и того-же (или близко-родственного) племени съ населеніемъ Червенской области.

¹⁾ Ип. 54. «Иде Володимиръ на Ятвягы, и взя землю ихъ». Густ. от-носятъ этотъ походъ къ 984 г. (стр. 250), а *Колловичи* — къ 970 г.; при чемъ, послѣдній сообщаетъ, что Ятвяги были покорены и обложены данью. См. *Hist. Litwana*, т. I, Dentisci 1650 г., стр. 35 — 36. — Въ *лит. Авраамка* походъ записанъ подъ 6489 г. (стр. 38).

²⁾ Ип. 83. «Иде Володимиръ на Хорваты. Лавр. подъ 992 г., стр. 119, Никонов. — подъ 995 г., стр. 65; Длугошъ — подъ 997 г.

³⁾ Когда построенъ г. Владиміръ, ни въ одномъ изъ древнихъ списковъ лѣтописи о томъ извѣстій не находимъ. За-то у Татищева, подъ 992 г., читаемъ: «Владиміръ ходилъ ко Днестру съ двумя епископы много людей научая крести, и построилъ въ земли Червенской града во свое имя Владиміръ, церковь Пресвятыя Богородицы созда, оставя тутъ епископа Стефана» (Ист. Россіи, кн. II, стр. 78). — Въ Никоновской лѣтописи подъ 992 г., въ Воскр. и Густынской подъ 990 г. записано о построеніи Владиміромъ Св. въ Суздальской землѣ (въ лѣт. Авраамка, подъ 6497 г., — въ «Словенской» землѣ) города, названнаго во имя его Владиміромъ. (Никонов., П. Р. С. Л. т. IX, стр. 64, Воскр. П. Р. С. Л., т. VII, 313, Густын. 258). — По этому поводу еще Татищевъ сказалъ слѣдующее: «О построеніи Владиміра манускрипты № 1, 3 и 4 сказуютъ, что построенъ на Волини или въ Червенской Руси, но въ другихъ не зная оного написали, якобы на Клязьмѣ, которой отъ Георгія сына Мономахова построенъ, и есть доказательно, что его Симонъ въ 1175 г. пригородомъ Суздальскимъ именуетъ. На Волини-же во Владиміръ епископія при Владиміръ была, а на Клязьмѣ до Георгія нигдѣ не упоминается, особливо въ войнѣ Мстислава съ Олегомъ есть ли бы былъ, тобъ конечно надлежало мимо итти, и его упомянуть. Епископія же въ бѣлорусскомъ никогда не было, Андрей первый хотѣлъ во Владиміръ особую епархію учинить, въ

(названный во имя его Владиміромъ) и сдѣлалъ его не только центральнымъ пунктомъ княжескаго управленія (предоставивъ въ удѣлъ сыну своему Всеволоду), — но также и центромъ духовнымъ, создавъ въ немъ епископію и назначивъ первымъ

чемъ ему какъ митрополитъ кievскій, такъ патріархъ воспротивились, доказуя, что Владиміръ сей построенъ въ епархіи Ростовской и къ ней во всегда тотъ предѣлъ принадлежалъ» (Ист. Рос., т. II, стр. 412, пр. 196). О построеніи города Владиміра Владиміромъ Св. свидѣлствуетъ (безъ указанія года) и «Житіе Стефана, игум. Печер.» «И сего ради, егда представися», говорится въ этомъ житіи, «епископъ славнаго города Владиміра, еюже самъ великій онъ Самодержецъ Владиміръ во имя свое созда»... (Патер. Києво-Печ., л. 90, стр. 2, изд. 1843). Карамзинъ, сообщивъ это извѣстіе житія св. Стефана, замѣчаетъ: «Новые лѣтописцы — тѣ, которые въ XVI вѣкѣ дополняли Нестора баснями, едва-ли зная, что есть на свѣтѣ Волинскій Владиміръ искали Всеволодова удѣла на берегахъ Клязьмы. О новѣйшемъ Владимірѣ на Клязьмѣ не упоминается до XII в. (Ист. Госуд. Р., т. I, стр. 127, пр. 466). — Отказавшись отъ мысли опредѣлить годъ построенія гор. Владиміра, мы можемъ предположительно сказать, что Владиміръ Св., покоривъ воляннѣ, съ цѣлью подорвать значеніе прежняго ихъ центра — Воляня, построилъ новый городъ и сдѣлалъ его резиденціею сначала, вѣрно, своего намѣстника, а потомъ и князя. И дѣйствительно, съ к. X в. и нач. XI в. въ лѣтописи мы постоянно находимъ извѣстія о городѣ Владимірѣ, а городъ Воляня отступаетъ на задній планъ, не играетъ никакой политической роли и въ лѣтописи упоминается только одинъ разъ подъ 1018 г.: «Поиде Болеславъ», говорится здѣсь, «съ Святополкомъ на Ярослава с Ляхы; Ярославъ же множество совокупи Руси, Варягы, Словены, поиде противу Болеславу и Святополку, и приде Вельню, и сташа оба полъ рѣкы Буга» (Ип., стр. 100). Но что городъ Воляня игралъ когда-то выдающуюся роль, явствуетъ изъ того, что дугѣбы-бужане назвались впоследствии по имени его воляннами. Когда произошла такая замѣна названій — сказать нельзя: къ XII в. бужане называются уже воляннами, а въ нач. X в. еще существовало названіе — «дугѣбы». Такую замѣну, кажется намъ, нужно поставить въ связь съ возвышеніемъ города Воляня, какъ центрального пункта дугѣбовъ-бужанъ. Городъ Воляня могъ играть выдающуюся роль и благодаря своему выгодному географическому положенію на р. Бугѣ, на торговомъ пути.

Владиміръ Св. покорилъ воляннѣ и на территоріи ихъ, на р. Лугѣ, притокѣ Зап. Буга, недалеко отъ г. Воляня, построилъ городъ и сдѣлалъ его центральнымъ пунктомъ, къ которому должно было тяготѣть населеніе Воляни. Зоріанъ Хожаковскій высказалъ предположеніе, что городъ Волянь

епископомъ Владимірскимъ Стефана¹⁾. Изъ Владиміра христіанство стало распространяться по всей Волынской землѣ (хотя, по всей вѣроятности, и до Владиміра Св. на Волыни были христіане). — Христіанство и княжеская власть должны были связать болѣе тѣсными узами волынянъ съ Кіевомъ.

завоеванъ Владиміромъ Св. въ 981 г.; городъ упорно оборонялся, за что понесъ строгую кару; черезъ 11 лѣтъ тотъ-же князь неподалеку заложилъ другой городъ, давъ ему свое имя («Москвитянинъ», 1837 г., кн. I, стр. 10. См. *Ломоносовъ*. Чер. гор., стр. 172).

¹⁾ *Никоновъ*. подъ 992 г.: «Постави Леонтъ митрополитъ Кіевскій и всея Руси епископы по градоимъ. Того-же лѣта постави Леонтъ, митрополитъ кіевскій и всея Руси, Чернигову епископа Неофита, а въ Ростовъ постави еп. Феодора, а въ *Володимѣрѣ Стефана*» (стр. 65). — Въ спискѣ епископовъ, зависѣвшихъ отъ митр. Кіевского, первымъ епископомъ Владимірскимъ названъ Стефанъ. *Никоновъ*, II. С. Р. Л., т. IX. Татищевъ подъ 992 г., стр. 78.

Географическій очеркъ Волынскаго княжества съ к. X в. до к. XIV в.

Въ предшествующихъ главахъ мы старались прослѣдить исторію Волыни съ самыхъ древнѣйшихъ временъ и до исхода X в., когда Волынь становится отдѣльнымъ княжествомъ Владиміроволинскимъ, зависѣвшимъ отъ Кіева. Прослѣдить исторію этого княжества до к. XIV в. собственно и составляетъ задачу нашего труда. Прежде, однако, чѣмъ приступить къ изложенію судебъ нашего княжества за отмѣченный періодъ, мы постараемся дать географическій очеркъ его за это время.

Владиміръ Св. послѣ своего крещенія назначилъ удѣлы своимъ сыновьямъ. Всеволоду онъ далъ Владиміръ; разумѣется, не одинъ городъ, а цѣлую волость, которая тянула къ этому центральному пункту. Такимъ образомъ, явилось Владимірское княжество. Какія-же земли вошли въ составъ его? По тому-же Владимірову дѣленію Туровъ съ Пинскомъ достался Святополку, а Деревская земля — Святославу¹⁾. Значить, новообразовавшееся Владимірское княжество съ сѣв. и востока граничило съ Туровскою и Деревскою землями. Такъ какъ Владиміръ, какъ княжескій городъ, является крайнимъ пунктомъ на западъ русскихъ владѣній, то позволительно думать, что въ составъ княженія Всеволода Владиміровича вошли и всѣ Червенскіе города.

¹⁾ Ип., 83. Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, изд. Оболенскимъ, М., 1851, стр. 32.

Итакъ, Владимірское княжество Всеволода Владиміровича заключало въ себѣ волынскія земли и тѣ земли, которыя въ послѣдствіи вошли въ составъ Теребовльскаго и Перемышльскаго княжествъ. Но въ такомъ видѣ Владимірское княжество существовало недолго: въ 1087 г. въ Перемышлѣ мы уже видимъ Рюрика Ростиславича¹⁾; по рѣшенію-же Любецкаго съѣзда 1097 г.), Перемышль былъ утвержденъ за Володаремъ Ростиславичемъ, а Теребовль — за Василькомъ Ростиславичемъ²⁾. Такимъ образомъ, отъ Владимірскаго княжества отдѣлилась та часть, которая уже болѣе не входила въ составъ его, хотя на съѣздѣ въ Увѣтичахъ³⁾ (1100 г.) и было постановлено возвратить Владимірскому князю Теребовль. Постановленіе это не было приведено въ исполненіе Ростиславичами, опиравшимися въ своихъ стремленіяхъ удержать за собою Теребовль, безъ сомнѣнія, на населеніе, б. м., сознававшее свою рознь отъ остальнаго населенія Владимірскаго княжества.

Постараемся точнѣе опредѣлить границы Владимірскаго княжества, исключивъ изъ его состава тѣ земли, которыя, по постановленію Любецкаго съѣзда, отошли къ Теребовлю и Перемышлю.

На западѣ Владимірское княжество граничило съ польскими владѣніями. Ближайшими къ нимъ пунктами лѣтопись называетъ Сутѣйскъ, Червень и Волынь; но само собою разумѣется, русская западная граница шла дальше этихъ городовъ⁴⁾.

¹⁾ Ип., 145.

²⁾ Ib. 167.

³⁾ Ib. 180.

⁴⁾ Въ 1213 г. поляки воевали по Бугу; русскіе напали на нихъ и «биша и до Сухое Дорогве», и дальше — «Ляхы же многи убиша, и гнаша по нихъ до р. Вепря». (Ип. 490). Въ 1219 г. «приде Лестько на Данила къ Щекареву» (Ип. 492). Въ 1245 г. Даниилъ и Василько вторгнулись въ польскую землю 4 путями: «самъ Данило воева около Люблина, а Василько по Изволи и по Ладѣ, около Бѣлое, дворяскій же Андрѣй по Сяну, а Вышата воева Подъгорье», ляхы же въ это время «воеваша около Андрѣева» (Ип., 529). Въ 1268 г. «Шварно поча воевати около Люблина, а Володимѣръ около Бѣлоу» (Ип., 571). Подъ 1282 г. упоминается село Воинъ: «и вспомяну Во-

Основываясь на разныхъ лѣтописныхъ данныхъ, приведенныхъ нами выше, въ примѣчаніи четвертомъ, западную границу Владимірскаго княжества можно опредѣлить такъ: начинаясь отъ с. Воина, она шла дальше по р. Вепру до впаденія въ него р. Быстрицы; затѣмъ, вдоль послѣдней къ р. Ладѣ (притоку Танева), на которой лежитъ городъ Бѣлгорай, правдоподобно, «Бѣлая», упоминаемая въ лѣтописи подъ 1245 г. По р. Ладѣ граница шла къ верховьямъ р. Танева; отсюда она поворачивала на юго-востокъ и шла по водораздѣлу бассейновъ Буга и Сана, не соприкасаясь уже не съ польскими владѣніями, а съ галицко-перемышльскими; тутъ находимъ не польскій городъ Любачевъ, данный въ 1212 г. королемъ угорскимъ воеводѣ Накославу¹⁾.

Опредѣлимъ теперь положеніе тѣхъ мѣстностей, о которыхъ мы говорили выше (въ текстѣ и въ примѣчаніи), и которыя были ближайшими пунктами къ польскимъ владѣніямъ.

Село *Воина*, принадлежавшее по смыслу лѣтописнаго разсказа, къ Берестейской землѣ²⁾, — теперешній *Вогина*, что въ Радзінскомъ у., къ зап. отъ м. Влодавы и къ югу отъ уѣзднаго города. По словамъ Барсова, заимствовавшаго свои свѣдѣнія изъ «Варшавскаго Дневника» (1884 г., № 51), въ окрестностяхъ Вогина до сей поры находится нѣсколько камней съ высѣченными изображеніями креста, мѣсяца, подковъ и др. знаменъ,

лодимѣръ, оже прежде того Лестко, пославъ Люблинѣцъ, взялъ бѣшесть у него село на Вѣкриницы, именемъ Воинъ... И воеваша около Люблина». Подъ тѣмъ-же годомъ упоминается и р. Кросна: «Ляховъ воеваша у Берестя по Кроснѣ» (Ип., 586). Въ 1213 г. «Данилу же возвратившуся къ домови и ѣха с братомъ и прия Берестий, и Угровескъ, и Верещинъ, и Столице, Кошовъ и всю Украйну» (Ип., 490). Въ 1267 г. «Василко поиде къ соньмови до Тернави, и бывшу ему у Грабовци»... Поляки послѣ пораженія, нанесеннаго имъ въ томъ-же году у Червеня Василькомъ, сыномъ его Владиміромъ и Шварномъ, бѣжали; ихъ преслѣдовали Шварнъ Даниловичъ и Владиміръ Васильковичъ; «Ляховъ же бяху и еще не вошли во свою землю, но токмо и бѣшесть Ворота прошли» (Ип., 572).

¹⁾ Ип., 586.

²⁾ Ип., 489.

указывающих на то, что въ былое время онъ былъ пограничнымъ пунктомъ между русскими и польскими владѣніями¹⁾.

Въ 1262 г. въ Тернавѣ былъ съѣздъ русскихъ князей — Даниила съ сыновьями Львомъ и Шварномъ, Василька съ сыномъ Владиміромъ и Болеслава, польскаго князя. Въ 1264 г. Болеславъ пригласилъ Василька Романовича на съѣздъ въ тотъ-же городъ Тернаву²⁾. — Очевидно, г. *Тернава* находился на границѣ Владимірскаго княжества съ Польшей. Г. Лонгиновъ въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія о Червенскихъ городахъ, какъ-бы соглашается съ большинствомъ ученыхъ, считающихъ теперешній городъ Тарновъ, близъ Дунаевца, за лѣтописный г. Тернаву, — а въ другомъ — Тернаву помѣщаетъ около Туробина³⁾, какъ и Барсовъ. По мнѣнію послѣдняго, Тернава, вѣроятно — Тарнава. по дорогѣ изъ Люблина въ Бѣлгорай⁴⁾. Недалеко отъ Тарнавы, на той-же дорогѣ, находится Тарнавка. Что «Тернаву» нужно искать въ теперешней Люблинской губ., а не въ Галиціи, указываетъ лѣтопись. По удаленіи Василька и его сына Владиміра во Владиміръ (1268 г. Ип.), поляки воевали около Червеня, но безуспѣшно, такъ что должны были возвратиться домой. Болеславъ Стыдливый шлетъ къ Васильку «пробоща» Люблинскаго съ приглашеніемъ пріѣхать на съѣздъ въ Тернаву, — на что Василько изъявляетъ согласіе; но по дорогѣ изъ Владиміра въ Тернаву, въ Грабовцѣ (нын. Грабовецъ, надъ Калниовкою, притокомъ Вепря), узнаетъ, что поляки обманули его, что съ цѣлью отвлечь его силы отъ Белза и Червеня, они пригласили его на съѣздъ въ Тернаву, а сами «обишедше около на Ворота», пошли къ Белзу и стали жечь села⁵⁾. Если-бы Тернава лежала вблизи Дунаевца, то Васильку не зачѣмъ-бы было идти на Грабовецъ; путь его изъ Владиміра лежалъ-бы на Белзъ; въ противномъ случаѣ, ему пришлось-бы или проходить черезъ Люблинскую

¹⁾ Барсовъ. — Очерки, стр. 295.

²⁾ Ип. 567 и 571.

³⁾ Лонгиновъ — Червенскіе города, 76, 155.

⁴⁾ Барсовъ — Очерки, стр. 268.

⁵⁾ Ип. 572.

землю, принадлежавшую полякамъ, или отъ Грабовца спуститься къ югу и пройти по полямъ червенскимъ и белзскимъ, — что, конечно, не входило въ расчеты поляковъ. Очевидно, Тернава лежала въ теперешней Люблинской губ. Болеславъ Стыдливый, находившійся, по всей вѣроятности, послѣ нападенія на Червень, въ Люблинѣ, послалъ за Василькомъ Люблинскаго «пробоша»; но такъ какъ Василько въ Люблинѣ, какъ польскій городъ, поѣхать не согласился, то избранъ былъ пограничный пунктъ — Тернава. Какъ мы уже выше говорили, въ теперешней Люблинской губ. есть с. Тернава и Тарнавка; на прямой линіи съ ними находится и *Грабовецъ*.

Что касается «*Воротъ*», чрезъ которые прошли поляки для нападенія на Белзъ и у которыхъ произошло сраженіе Шварна Даниловича и Владиміра Васильковича съ поляками, то положеніе ихъ неизвѣстно. По лѣтописи, они находились на окраинѣ русскихъ и польскихъ владѣній, за Тернавой, по направленію къ Белзу ¹⁾. Барсовъ указываетъ на теперешнее село Пржеватно, въ 20 в. отъ Рѣшова, по дорогѣ въ Осѣкъ и Сандомиръ, ²⁾, какъ на такую мѣстность, которая была у лѣтописныхъ «воротъ». Шараневичъ нашелъ с. Воротны, у р. Любачевки, къ сѣв. отъ Немирова, и у этого села помѣщаетъ «Ворота» ³⁾. Насколько вѣрны указанія Барсова и Шараневича судить не беремся.

Щекаревъ ⁴⁾ — теперешній Красноставъ, на р. Вепрѣ, — какъ это явствуетъ изъ грамоты кор. Казимира IV (1426 г.), приведенной у Лонгинова.

«*Сухая Дорога*», упоминаемая въ лѣтописи подъ 1213 г., по Барсову — урочище въ Волынской области, находившееся

¹⁾ Ип., 572.

²⁾ Барсовъ — Очерки, стр. 269.

³⁾ Шараневичъ — Исслѣдов., стр. 77.

⁴⁾ Въ 1219 г. «приде Лестько на Данила къ Щекареву, бороня вти ему на помощь Мьстиславу, тестени своему»; а въ 1282 г. «Болеславъ воева около Щекарева и взя десять селя» (Ип., 492 и 585). *Лонгиновъ* — Черв. гор., 297. — *Baliński i Lip.* — *Star. Polska*, t. II, p. 948.

близъ волыинско-польской границы; его напоминають 2 деревни — Сухавы, на р. Влодавѣ, въ 10 в. отъ м. Влодавы¹⁾.

Что касается мѣстоположенія Червена, Верещина, Столпы и Комова, то оно точно опредѣлено г. Лонгиновымъ²⁾.

Подъ 1097 г. въ лѣтописи говорится, что Давидъ Игоревичъ «заемъ Сутѣйску и Червень и прииде внезапно и зая Володимерѣцъ»³⁾. Барсовъ указываетъ⁴⁾ около Червена, на р. Гучвѣ, на мѣстѣ древняго Червена и къ зап. отъ него, близъ Краснобрѣда: Хусиско, Хусико, Хуциско; въ 10 в. отъ нихъ — Хутиска. Очень можетъ быть, что одна изъ названныхъ мѣстностей и есть древній *Сутѣйскъ*.

Остается опредѣлить еще положеніе города *Волиня*. По лѣтописнымъ даннымъ⁵⁾, онъ находился на правомъ берегу р. Зап. Буга. Другошъ указываетъ Волинь на томъ мѣстѣ, гдѣ въ его время былъ «villa Grodek», при устьѣ р. «Uczew»⁶⁾. — Какъ говоритъ Барсовъ, положеніе Волиня указывается въ теперешнемъ селѣ Гродекъ, при слияніи р. Гучвы съ Зап. Бугомъ⁷⁾ (въ 20 в. къ сѣв. отъ Владиміровольска). Но с. Гродекъ лежитъ на лѣвомъ берегу Буга, а Волиня, по смыслу лѣтописнаго извѣстія, нужно искать на правомъ. Поэтому правильнѣе, кажется намъ, будетъ сказать, что Волинь находился на правомъ берегу р. Буга, противъ устья р. Гучвы и лежащаго теперь при этомъ

¹⁾ Барсовъ — Очерки, стр. 126, Матер., 193.

²⁾ Лонгиновъ — Червеня, гор., 140, 180—183. *Bal. i Lip.* — *Star. Pol.*, t. III, p. 343.

³⁾ Ип., 178.

⁴⁾ Барсовъ — Очерки, 267.

⁵⁾ Подъ 1018 г. въ лѣтописи читаемъ: «Поиде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с Дяхи; Ярославъ же множество совокупи Руся, Варягы, Словены, поиде противу Болеславу и Святополку, и приде Вельмию (ХП. волиню), и стаща оба полъ рѣкы Буга» (Ип., 100). — Барсовъ и извѣстіе лѣтописи подъ 1077 г. (Ип., 140) относить къ г. Волиню (Оч., 123); но лѣтописецъ, очевидно, говоритъ здѣсь объ области, а не городѣ. Та-же ошибка и въ указателѣ къ лѣт. по Ип. списку и у г. Андріяшева (Оч., стр. 58).

⁶⁾ Dług., I, 17.

⁷⁾ Барсовъ — Очерки, стр. 123, 291 (пр. 214).

устѣ с. Городка. Здѣсь, по словамъ Ходаковского, есть и остатки древняго города — обширный валъ съ особымъ городкомъ и множествомъ могилъ внутри его¹⁾.

Сѣверо-западная граница Волынскаго княжества опиралась о Берестейскую землю, которая только въ к. XII в. входитъ въ составъ этого княжества. Граница эта въ зап. Забужѣ шла, по предположенію г. Лонгинова, по долинѣ р. Кросны, теперь Кржны, а въ восточ. — по р. Мухавцу и притоку его Тростяницѣ²⁾. — Барсовѣ нѣсколько иначе опредѣляетъ эту границу. По его словамъ, она шла отъ устья р. Быстрицы на сѣв. по р. Влодавѣ къ Зап. Бугу; затѣмъ, отъ устья Влодавы къ верховьямъ Припяти³⁾. Обратимся къ главнѣйшему нашему источнику.

Даніилъ и Василько, отправляясь въ 1229 г. на помощь Конраду противъ Владислава Старого, «оставиша въ Берестии Володимера Пиньского и Угровчаны и Берестьяны, стережи землѣ отъ Ятвязь»⁴⁾. По замѣчанію г. Лонгинова, Берестяне стерегли Берестейскую землю, а угровчане — Холмскую. — *Угровскъ*, упоминаемый въ лѣтописи въ числѣ городовъ на Украинѣ, занятыхъ въ 1213 г. Даниломъ, по всей вѣроятности, теперешній Угрусскъ, на р. Бугѣ, къ югу отъ Влодавы. — Въ 1245 г. «Ляхове воеваша около Андѣева»⁵⁾. *Андреевъ* этотъ — теперешній Анджеіовъ, недалеко отъ Угруска и Верецина, къ юго-зап. отъ Влодавы. — Въ 1248 г. «воеваша Ятвязѣ около Охоже и Бусовна и всю страну ту поплѣниша, и еще бо Холму не поставлену бывшую Даниломъ»⁶⁾. Изъ разсказа видно, что *Охоже* и *Бусовна* находились гдѣ-то около Холма; теперь, къ сѣв. отъ Холма есть Буссовна, а къ югу отъ нея, по словамъ Барсова, Оцкоржа. — Въ 1243 г. «Татарове воеваша до Влодавы

¹⁾ Ib. 291 (пр. 214).

²⁾ *Лонгиновъ*. Черв. гор., 127 и 138.

³⁾ *Барсовъ* — Очерки, 121.

⁴⁾ Ип., 503.

⁵⁾ Ib. 529.

⁶⁾ Ib. 531.

и по озерамъ»¹⁾. *Влодава* — при устьѣ рѣки Влодавы; около — много озеръ. — Принимая во вниманіе, что всѣ только что названные нами мѣстности, несомнѣнно, принадлежавшія къ Холмской землѣ, лежатъ къ югу отъ Влодавы или, какъ Влодава, на р. Влодавѣ, а также то, что Вогицъ, прежній Воицъ — по ясному указанію лѣтописи, какъ мы упоминали раньше, принадлежалъ къ Берестейской землѣ, можно скорѣе согласиться съ Барсовымъ, полагающимъ сѣв. зап. границу Владимірскаго княжества въ зап. Забужьѣ по р. Влодавѣ. Съ другой стороны, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что граница Владимірскаго княжества шла близко р. Кросны, такъ какъ мѣстность къ сѣв. отъ р. Влодавы, на 70 и болѣе верстъ въ глубь края отъ р. Буга, представляетъ изъ себя равнину, прорѣзанную въ длину и ширину рѣчками и ручьями; слѣдовательно, здѣсь не было особыхъ препятствій для движенія сюда населенія съ юга, отъ р. Влодавы. Рѣка Кросна находилась, однако, на территоріи Берестейской земли, — что видно изъ лѣтописи подъ 1282 г.: «Ляховѣ воеваша, у Берестыя по Кроснѣ и взяша селѣ десять и поидоша назадъ; Берестыяни же собращася и гнаша по нпхъ»²⁾.

Отъ устья рѣки Влодавы сѣв. зап. граница Владимірскаго княжества шла къ верховьямъ и по правой сторонѣ Припяти; не доходя г. Пинска, она поворачивала на востокъ. Въ мѣстности, прилегающей къ означенной границѣ, лѣтопись до половины XII в. помѣщаетъ городъ *Турійскъ* (тепер. Турійскъ, въ Ковельскомъ у., на р. Туріи); сюда въ 1097 г. бѣжали изъ города Владиміра Лазарь и Василько, ослѣпители Василька Ростиславича³⁾. По извѣстіямъ лѣтописи, въ XIII в. въ этой же мѣстности находились *Камень* (тепер. Камень Каширскій, въ Ковельскомъ уѣздѣ), *Мильница* (тепер. Мельница на прит. Стохода Мельницѣ⁴⁾) и *Небль*. Небль — нынѣшній Нобель, при озерѣ

¹⁾ Ib. 528.

²⁾ Ип., 586.

³⁾ Ипат., 175.

⁴⁾ Въ 1262 г. на Василькову волость сдѣлали нападеніе двѣ литовскія рати: одна разорала волость Василька около «Камена», а другая около Мель-

того же названія, въ Пинскомъ у., въ миляхъ 6—7 отъ г. Пинска, по словамъ Барсова.

Отъ Небля граница поворачивала на востокъ къ р. Стырю и Горыни. Здѣсь, на р. Стырѣ, на сѣв. Луцкаго у., мы находимъ м. Чарторійскъ, древній *Чертoryескъ*. По рѣшенію съѣзда князей въ Увѣтичахъ (въ (1100 г.), Давиду Игоревичу взаимно Владиміра, были даны слѣдующіе города: Божескъ, Острогъ, Дубенъ и Чертoryескъ, а потомъ Святополкъ далъ ему еще Дорогобужъ¹⁾). На исконную принадлежность Чарторійска Владимірскому княжеству указываетъ слѣдующій фактъ. Въ 1226 году Чарторійскъ захватили Пинскіе князья. Даниилъ Романовичъ жаловался на такой захватъ Мстиславу Удалому: «Даниилъ же посла Демьяна ко тести своему, река ему: «не подобаетъ Пинянамъ держати Чертoryиска, яко не могу имъ терпѣти». Мстиславъ отвѣчалъ ему: «а про Чертoryескъ правъ еси». Даниилъ и Василько обложили городъ и взяли, а князей, захватившихъ его, сыновей Ростислава Георгіевича, князя Пинскаго, плѣнили²⁾).

Выше Чарторійска, въ Минской губ., между Случью и Горыню, находится м. *Городно*, который въ XII в. принадлежалъ Всеволодку, сыну Давида Игоревича³⁾. Городенскіе князья находились въ тѣсной связи съ Владимірскими князьями; напр., въ походѣ Изяслава Мстиславича на Юрія Владиміровича, въ 1150 г., участвовалъ и Городенскій князь Борисъ, сынъ Всеволодка, какъ сторонникъ Изяслава; слѣд., городъ Городно нужно считать городомъ, лежавшимъ на территоріи Владимірскаго княжества, какъ напр., Луцкъ и другіе княжескіе города.

ницы. Князь Василько съ сыномъ Владиміромъ погнался за второю ратью и «угониша я у Небля города. Литва же бяше стала при озерѣ». Василько побѣдилъ: «Се же услышавъше князи Пиньстци, Федоръ и Давидъ и Юрьи, и приѣхаша я Василькови с питьемъ» (Ипат., 866).

¹⁾ Ипат., 180—181.

²⁾ Ипат., 502.

³⁾ Барсовъ считаетъ Всеволода внукомъ Давида Игоревича (Оч., 122). Но въ Кенигсбергс. лѣтоп. (195 стр.) подъ 1171 г. онъ названъ Давидовичемъ. Погодинъ и Карамзинъ тоже считаютъ Всеволода сыномъ Давида (Погодинъ. Исслѣдованія, замѣт. и лекціи, т. VI, стр. 96).

Восточною границею служила р. Горынь. Такъ, въ 1150 г. Мстиславъ Изяславичъ, проводивъ за Коречьскъ (теп. Корецъ, Новградвол. у.), изгнаннаго Изяславомъ Мстиславичемъ пзъ Пересопниці Глѣба Юрьевича, говорятъ ему: «повѣди же, брате, къ отцю своему, а то волость отца моего и моя по Горину». Въ томъ-же году Изяславъ Мстиславичъ, возвращаясь изъ Кіева во Владиміръ, занялъ по дорогѣ Погорину и посадилъ въ Дорогобужѣ сына Мстислава. Но Юрій, при посредствѣ Владиміра Галицкаго, изгналъ Мстислава Изяславича изъ Дорогобужа и посадилъ въ Пересопницѣ сына своего Андрея. Къ этому послѣднему Изяславъ Мстиславичъ обращается съ просьбой быть посредникомъ въ примиреніи его, Изяслава, съ отцомъ Андрея; при этомъ Изяславъ говоритъ «миѣ отчины въ Угрехъ нѣтуть, ни въ Ляхохъ, токмо въ Руской земли, а проси ми у отца волости по Горину»¹⁾. Святополкъ Изяславичъ, бывшій сначала княземъ Туровскимъ, а потомъ великимъ княземъ Кіевскимъ, тоже считаетъ Погорину своею волостью. Когда отъ Святополка Изяславича князья, собравшіеся въ Городицѣ на сѣздѣ, потребовали объясненія его поступка съ Василькомъ Ростиславичемъ, какъ на причину, онъ указывалъ на то, что будто бы Василько Ростиславичъ желалъ отнять у него его волость: «и рече Святополкъ: «повѣдалъ ми Давыдъ Игоревичъ, яко Василько брата ти убилъ Ярополка и тебе хочеть убити и зяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берести, и *Погорину*»²⁾. Въ 1157 г. Юрій Владиміровичъ «да ему (т. е. Владиміру Андреевичу) Дорогобужъ и Пересопницю и всѣ Погориньскія города»³⁾. Что же это за Погоринскіе города? Подъ 1183 г. упоминается князь Дубровицкій Глѣбъ Юрьевичъ, а подъ 1292 г. «Степанскій князь Иванъ сынъ Глѣбовъ»⁴⁾. Города *Степанъ* и *Дубровица*, бывшіе резиденціями только что упомянутыхъ князей—теперешнія мѣстечка въ сѣв. части Ровенскаго у. Вѣроятно, эти два го-

¹⁾ Ипат., 276, 280—1; въ Лавр., 312: «а проси ми у отца Погоринны».

²⁾ Ипат., 172.

³⁾ Ипат., 335.

⁴⁾ Ипат., 616.

рода, лежащіе на лѣвомъ берегу Горыни, приписались къ Погоринскимъ городамъ. Кажется, они входили въ составъ Туровскаго княжества; по крайней мѣрѣ это можно сказать относительно Дубровицы: въ 1183 году въ ней княжилъ Глѣбъ Юрьевичъ, сынъ Юрія Ярославича Туровскаго, а въ 1195 году этотъ же Глѣбъ Юрьевичъ умеръ въ Туровѣ, какъ князь этого послѣдняго¹⁾; слѣдовательно, Дубровицу можно считать городомъ Туровскаго княжества. Трудно сказать, къ какому княжеству принадлежалъ Степанъ. Карамзинъ склоненъ былъ думать, что Степанъ находился въ Пинскомъ княжествѣ¹⁾. Въ спискѣ городовъ русскихъ, составленномъ въ началѣ XV в., сказано: «а се города Волинскіе: «Степанъ на Горыни»²⁾. Скорѣе всего можно думать, что и Степанъ, и Дубровица до половины XII вѣка не входили въ составъ Владимірскаго княжества. Владимірскіе князья спорили съ Кіево-Туровскими князьями изъ за обладанія Дорогобужемъ и Пересопницей, а о Степанѣ и о Дубровицѣ и помину не было; очевидно, принадлежность городовъ этихъ Турову признавалась всеми. Изяславъ Мстиславичъ и сынъ его Мстиславъ, добиваясь волости «по Горину» разумѣли, по всей вѣроятности, Погорину верхнюю. Если такъ, то восточный рубежъ Владимірскаго княжества нужно провести по водораздѣлу рѣкъ Горыни и Стыря. Такъ, граница могла идти до рѣки Стублы; затѣмъ начиналась спорная полоса. На притокъ Горыни-Стублѣ лежитъ теперь Пересопница, а на Горыни — село Дорогобужъ; это и есть тѣ старые города—*Пересопница* и *Дорогобужъ*, о которыхъ такъ много спорили Владимірскіе и Кіево-Туровскіе князья³⁾.

Какъ видно изъ многихъ лѣтописныхъ данныхъ⁴⁾, Пересопница и Дорогобужъ, причисляемые къ Погоринскимъ горо-

¹⁾ Ип., 466.

²⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Рус., IV, прим. 175. Спб., 1842.

³⁾ Максимовичъ. Собр. соч., т. I, 385; Новг. I лѣт. по Син. хар. сп., 447.

⁴⁾ Сведемъ все данныя лѣтописи до полов. XII в. о Пересопницѣ и Дорогобужѣ. Дорогобужъ впервые упоминается подъ 1184 г. Въ этомъ году великій князь Всеволодъ далъ этотъ городъ Давиду Игоревичу. Въ 1097 году

дамъ, большею частью не находились въ рукахъ Владимірсныхъ князей. Города эти съ ихъ округами заключали, по всей вѣроятности, смѣшанное населеніе: этимъ только можно объяснить то, что эти города переходятъ то къ одному, то къ другому княжеству. По этимъ же даннымъ можно точно опредѣлить по-

Святополкъ Изяславичъ шелъ изъ Пинска на Давида Игоревича (во Владиміръ) черезъ Дорогобужъ. Здѣсь онъ ожидалъ своихъ войскъ. Въ 1100 году Святополкъ Изяславичъ даетъ Дорогобужъ Давиду Игоревичу, гдѣ тотъ и оканчиваетъ свою жизнь (Ипат., 144, 176, 181).

О Пересопницѣ впервые встрѣчаемъ извѣстіе подъ 1149 г. Въ этомъ году шла борьба между Изяславомъ Мстиславичемъ и Юріемъ Владиміровичемъ изъ за Кіевского стола. Сторону Юрія держали: его братъ Вячеславъ, которому принадлежала тогда Пересопница (Кениг. лѣт., стр. 212), и Владимірко Галицкій; на сторонѣ Изяслава Мстиславича были ляхи и угры. Изяславъ Мстиславичъ хотѣлъ идти на Кіевъ; тогда, съ цѣлью помѣшать ему, Юрій съ сыновьями явился въ Пересопницу, а Владимірко Галицкій подошелъ къ Шумску. Изяславъ Мстиславичъ съ Болеславомъ и его братомъ Генрихомъ, польскими князьями, и съ уграми двинулся отъ Луцка и сталъ «у Чемерына на «Олычѣ». Въ томъ же году Изяславъ пріѣхалъ къ дядьямъ своимъ въ Пересопницу, и здѣсь былъ заключенъ миръ (Ипат., 270, 274). Въ 1150 году Изяславъ Мстиславичъ поѣхалъ изъ Луцка въ Пересопницу, чтобы выгнать оттуда Глѣба Юрьевича, посаженнаго въ Пересопницѣ и Дорогобужѣ отцомъ его. «Въ то же время Глѣбъ стояше выше города Пересопницы, на Стублѣ, товары»; Изяславъ проводилъ Глѣба Юрьевича до Дорогобужа, а тамъ поручилъ сыну Мстиславу проводить дальше, до Корчеська (Х. II. Корьца) (Ип., 275—6). Въ томъ же году Изяславъ, возвращаясь изъ Кіева, занялъ Погорину и посадилъ сына своего Мстислава въ Дорогобужъ; но Владимірко Галицкій, гнавшійся за Изяславомъ Мстиславичемъ, выгналъ Мстислава Изяславича изъ Дорогобужа, а Юрій Владиміровичъ отдалъ этотъ городъ вмѣстѣ съ Туровомъ, Пинскомъ и Пересопницею сыну Андрею (280—281). Въ лѣтописи подъ тѣмъ-же 1150 г. записанъ походъ Изяслава Мстиславича на Кіевъ вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ и уграми. Путь Изяслава былъ таковъ: подойдя къ Пересопницѣ, гдѣ въ то время княжилъ Андрей Юрьевичъ, онъ обошелъ ее, затѣмъ сжѣгъ Зарѣцкъ и подступилъ къ Дорогобужу. Дорогобужцы вышли къ нему на встрѣчу съ крестами; Изяславъ Мстиславичъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой, между проч., сказалъ: «вы есте людие дѣда моего и отца моего, а Богъ вы помози» (Ип., 285). За Дорогобужемъ онъ переправился черезъ Горынь и сталъ на «Хотрии»; оттуда, мимо города Корчеська прошелъ къ р. Случи, но не дойдя

ложеііе этихъ городовъ. Они лежали на дорогѣ изъ Владиміра въ Кіевъ. Пересопница находилась на р. Стублѣ, на западъ отъ нея—Луцкъ и «Чемеринъ на Олычѣ», южнѣе—Зарѣцкъ и Мильскъ (тутъ въ 1150 году сошлись Владиміръ Галицкій и Андрей Юрьевичъ)¹⁾ и Шумскъ, западнѣе Дорогобужа у Горыни. Если мы посмотримъ на карту Волынской губ., то найдемъ на одной линіи—Луцкъ, Чемеринъ на р. Путиловкѣ (прит. Стубла), около него Олыка на р. Миловидкѣ (прит. Путиловни), Пересопница на Стублѣ и Дорогобужъ у р. Горыни; выше Пересопницы на Стублѣ-Зарѣцкъ (въ Ровен. у.) и на одной линіи съ нимъ Старый Мильскъ на р. Устьѣ (прит. Горыни), выше—г. Ровно (въ Острожск. у.); на югъ отъ Пересопницы и Дорогобужа (въ Крем. у.) находится Шумскъ.

Итакъ, Пересопницу и Дорогобужъ нужно исключить (по крайней мѣрѣ, за время до XIII в.) изъ владѣній Владимірскаго княжества. Восточная граница этого княжества, дойдя до Стубла, шла дальше между Стубломъ и р. Миловидкой, быть можетъ тамъ, гдѣ теперь проходитъ граница Ровенскаго и Дубенскаго уѣздовъ; южнѣе Зарѣцка она пересѣкала р. Устье и поворачивала на востокъ къ Горыни; затѣмъ, шла по Горыни, гдѣ, при сліянніи ея съ р. Вилією, мы находимъ г. Острогъ, быть можетъ, тотъ самый, который, по рѣшенію съѣзда князей въ Увѣтичахъ, въ 1100 году, достался Давиду Игоревичу²⁾. По Барсову, ру-

ея, сталъ изъ какой-то рѣкѣ (Ип., 285). Когда въ 1152 г. Изяславъ Мстиславичъ шелъ изъ Кіева на Владиміра Галицкаго, то въ Дорогобужѣ присоединился къ нему братъ Владиміръ, а въ Пересопницѣ — Владиміръ Андр. (Ипат., 308). Въ 1153 г. на помощь Изяславу Мстиславичу противъ Ярослава Галицкаго пришелъ изъ Дорогобужа братъ его Владиміръ (Ип., 321). Въ 1155 году Юрій Владиміровичъ выгоняетъ изъ Пересопницы Мстислава Изяславича, а въ 1157 году отдаетъ ее вмѣстѣ съ Дорогобужемъ и всѣми Погоринскими городами Владиміру Андреевичу (Ипат., 335).

¹⁾ Ипат., 385

²⁾ Ипат., 180. По Барсову (Очерки, 140 и 145), Давиду Игоревичу въ 1100 г. достался Бужскій Острогъ. Барсовъ предпочитаетъ извѣстіе лѣтописи по Кенигсбергскому списку, гдѣ сказано: «Шедъ сяди въ Бужскомъ Острогъ» (Кб., 165)—старѣйшимъ спискамъ на томъ основаніи, что Острогъ

бежъ Владимірскаго княжества отъ верховьевъ Стублы шелъ къ верховьямъ притоковъ Горыни-Збытенки, Устья и Впли, по водораздѣлу между этими рѣками и Иквой. По его мнѣнію, городъ Шумскъ на р. Вилии, также какъ и Бужскъ, Тихомль, Выгошевъ и Гнойница, принадлежалъ Кіевскому княжеству. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ тотъ аргументъ, что города эти въ лѣтописи (подъ 1152 годомъ) названы въ противоположность галицкимъ, русскими ¹⁾. Это Барсовъ говоритъ въ «Очеркахъ Русской исторической географіи»; не то въ «Матеріалахъ для историко-географическаго словаря». Здѣсь мы читаемъ на стр. 198-й—Тихомль—городъ въ Волынской области, 1152—1153 г., стр. 217—Шумскъ—гор. въ Вол. области—1152 г.; стр. 45—Выгошевъ—гор. въ Вол. обл. 1097, 1152.—Обратимся къ лѣтописи. Изяславъ Мстиславичъ въ 1150 г. проситъ Андрея Юрьевича походатайствовать передъ отцомъ, тогда великимъ княземъ Кіевскимъ, о дарованіи ему волости «по Горпну». Однако, просьбы Изяслава остались безъ успѣха. Изяславъ по этому поводу говорилъ: «стрый ми волости не даетъ, не хочетъ мене въ Руской земли, а Володимиръ Галичской, по его веленію, волость мою взялъ» ²⁾. Что это за волость — видно изъ пѣвѣстій 1152 г. Въ этомъ году Владимірко обязался возвратитъ захваченные у Изяслава Мстиславича города: Бужскъ, Шюмескъ,

на Волыни основанъ не ранѣе XIV в. Если бы даже и такъ (хотя Барсовъ не указалъ источника, изъ котораго онъ позаимствовалъ свѣдѣніе о построеніи Острога), все-таки, остается непонятнымъ, почему слѣдуетъ считать Бужскій Острогъ. Въдѣ, помимо г. Острога, основаннаго, по предположенію г. Барсова, въ XIV в., въ древности, на Волыни могъ существовать еще другой г. Острогъ. Барсовъ говоритъ, что та-же мѣстность подъ 1242 г. названа Бужскій городецъ (Мат. 16). Но, во 1-хъ, въ лѣтописи стоитъ Городецъ, Божьскій, а не городѣцъ Божьскій (Ип. 526), а во 2-хъ, — еслибы и городѣцъ Божьскій, то почему та-же? Если-бы Давиду Игоревичу, дѣйствительно, дали Бужскій Острогъ, то наврядъ-ли лѣтописецъ сказалъ бы: «а Давыдъ сѣдѣше у Божьскомъ» (Ип. 181); скорѣе онъ сказалъ бы—«въ Бужьскомъ Острогѣ».

¹⁾ Барсовъ Очерки. 140, 123, 122, 145.

²⁾ Ип. 281—282.

Тихомль, Выгошевъ и Гнойницу¹⁾. Если бы эти города принадлежали Киевской области, то странна была бы жалоба Изяслава Юрію, великому князю Киевскому, на то, что у него захватили непринадлежащіе ему города. Нѣтъ, Изяславъ проситъ Юрія возвратить ему ту его волость, которая принадлежала Владимірскому княжеству; о волости Киевской онъ не проситъ,—онъ прибѣгаетъ къ оружію для возвращенія ея. Барсова смущаетъ то обстоятельство, что города эти названы русскими, а Русью въ то время собственно называлась земля Киевская. Хотѣлъ ли, однако, лѣтописецъ словами—Русская земля, Русскіе города²⁾—выразить въ данномъ случаѣ противоположность этихъ послѣднихъ Галицкой землѣ и Галицкимъ городамъ? Кажется, нѣтъ. Скорѣе тутъ противоположеніе угорской землѣ, угорскимъ городамъ.

Такимъ образомъ, принадлежность Шумска, Тихомля, Выгошева, Гнойницы и Бужска Владимірскому княжеству не подлежитъ сомнѣнію. Теперь остается только опредѣлить ихъ мѣстоположеніе. *Шумскъ* — впервые упоминается въ лѣтописи подъ 1149 г. Въ этомъ году Владимірко шелъ изъ Галича на помощь Юрію въ Пересопницю; по дорогѣ въ Пересопницю онъ долженъ былъ проходить черезъ Шумскъ³⁾. Затѣмъ подъ 1231 г. въ лѣтописи говорится: «Данилови же снемшуся съ братомъ и постиже и у Шумьска, и повѣствоваста с ними о рѣку Вѣлю.... На утрѣя же

¹⁾ Ипат. 313.

²⁾ Послѣ заключенія мира съ Владиміромъ (у Черемышля), по словамъ лѣтописца, «король у свою землю иде въ Угры, а Изяславъ у Рускую землю». И дальше—«и пришедъ Изяславъ Володимирю». Раньше, въ 1150 г. Изяславъ говорилъ Андрею: «мнѣ отцины въ Угрехъ нѣтуть, ни в Ляхохъ, токмо въ Руской земли, а проси ми у отца волости по Гориню (Ип. 313, 281). Въ 1152 г. король угорскій, союзникъ Мстислава Изяславича, склоненный своими подкупленными вельможами, говорилъ Владимірку: «на томъ цѣловати ти хрестъ, што Руской земли волости, то ти възвротити все». И дальше—послы короля и Изяслава говорятъ тому же Владимірку: «на томъ цѣлуй хрестъ честный, что за тобою городовъ Рускихъ, то ти все възвротити» (Ип. 312—13).

³⁾ Ип. 270.

перейдетъ рѣку Велью (со стороны Кіева) на Шумскъ¹⁾. На основаніи этихъ извѣстій, Шумска нужно искать на лѣвой сторонѣ рѣки Вилии, къ югу отъ Пересопницы. Въ Кременецкомъ уѣздѣ, на лѣвой сторонѣ Вилии, находится м. Шумскъ; оно-то, вѣроятно, и есть лѣтописный *Шюмска*. Въ восточной и южной части мѣстечка сохранились валы, примыкающіе къ пруду, который огибаетъ Шумскъ съ сѣверной и западной стороны²⁾.

Тихомль. Какъ видно изъ лѣтописи³⁾, онъ лежалъ на дорогѣ изъ Теребовля въ Кременецъ. Теперь, южнее Шумска, на берегу Горыни, насупротивъ м. Ямполя (которое еще въ XVI в. называлось «Тихомльскимъ городищемъ») лежитъ д. Тихомль. За деревней Тихомлемъ высокое и обширное городище⁴⁾. Очень можетъ быть, что эта деревня Тихомль и есть древній городъ *Тихомль*.

Выгошевъ, по предположенію Барсова и Бѣляева,—теперешняя Вышгородка, въ 40 вер. отъ Кременца, къ юго-зап. у самой границы Галиціи съ Волынской губ. Карамзинъ говоритъ: «Волынской городъ Выгошевъ названъ, думаю, послѣ Вышгородомъ?»⁵⁾. Въ Вышгородкѣ есть городище со слѣдами замка, а въ с. Лопупки, въ сторонѣ, противоположной Вышгородкѣ, на горѣ находится городище, состоящее изъ концентрическихъ валовъ⁶⁾.

Гнойница, быть можетъ, теперешнее село Гнойница, на рѣкѣ Горыни, въ Острожск. уѣздѣ⁷⁾.

¹⁾ Ипат. 511.

²⁾ По донесенію Шумской волости, у м. Рахманова (насупротивъ Шумска) по направленію къ Шумску на низкомъ берегу Вилии — круглое городище (Д—10 с., окр.—100 с.). См. также Вол. Губ. Вѣд. 1869 г., № 9.

³⁾ Въ 1226 г. «пойде король ко Теребовлю и взя Теребовль, и пойде к Тихомлю и взя Тихомль; отгуда же приде ко Кремянцу». Ип. 500.

⁴⁾ Wolyn, ser. 2 Стецкаго.

⁵⁾ *Бѣляевъ*. Очерки 292; Бѣляевъ—О геогр. свѣд. въ др. Руси. Зап. Геогр. Общ., кн. VI, стр. 122; *Карамзинъ*—II, пр. 192.

⁶⁾ *Stecki*—Wolyn, II, 388.

⁷⁾ Въ мѣстѣ вблизи Гнойницы курганы. Волыиск. Губ. Вѣд. 1867 г., № 39.

Что касается города *Бужска*, то, несомненно, онъ лежалъ гдѣ-то на Волыно-Галицкой окраинѣ¹⁾.

¹⁾ Барсовъ отождествляетъ этотъ Бужскъ съ Бужскомъ, даннымъ въ 1100 г. Давиду Игоревичу на Увѣтицкомъ сѣздѣ, и съ тѣмъ Бужскомъ, который вѣстѣ съ Межибожьемъ и Котельницею и другими 2 городами Изяславъ Мстиславичъ далъ сначала Святославу Всеволодовичу, а потомъ Ростиславу Юрьевичу (Барсовъ. Матеріалы. 16). Посмотримъ, насколько подобное мнѣніе Барсова находитъ себѣ подтвержденіе въ лѣтописи.

Въ 1146 г. Изяславъ Мстиславичъ, сдѣлавшись великимъ княземъ Кіевскимъ, вывелъ Святослава Всеволодовича изъ Владиміра и «да ему Бужскый и Межибожье 5 городовъ» (Ипат. 234); въ 1147 г. Святославъ Всеволодовичъ («тогда же Всеволодичъ Святославъ держаше у Изяслава Божьски и Мечьбожье, Котельницу, а всѣхъ пять городовъ». Ип. 243) отказался отъ этихъ городовъ. Въ 1148 г. Ростиславъ Юрьевичъ, поссорившись съ отцомъ ушелъ къ Изяславу Мстиславичу. Последний далъ ему тѣ города, которыми прежде владѣлъ Святославъ Всеволодовичъ: «И да ему Божьскый, Межибожье, Котельницу и ина два города». При отправленіи въ походъ на Юрія Владиміровича, Изяславъ говорилъ Ростиславу Юрьевичу: «иди въ Божьскый, и прѣбуди же тамо, доколѣ я схожу на отца твоего, а любо с нимъ миръ възму, пакы ли а како ся с нимъ улажу; а ты постерези землѣ Русской оттолѣ» (Ип. 257—8). По возвращеніи съ похода, Изяславъ выгоняетъ Ростислава Юрьевича изъ данныхъ ему городовъ, такъ какъ оказалось, что тотъ въ отсутствіе Изяслава подговаривалъ кіевлянъ и берендѣевъ противъ него. Ростиславъ, пріѣхавши къ отцу, сказалъ ему: «слышала есмь, оже хочеть тебе вся Руская земля и Черныи Клобуки» (Ип. 261—2). Изъ приведенныхъ нами извѣстій явствуетъ, что Бужскъ лежалъ гдѣ-то на границѣ съ половцами и, вѣрно, съ черными клобуками, потому что—какимъ образомъ иначе, какъ не живя вблизи черныхъ клобуковъ, Ростиславъ Юрьевичъ могъ узнать о желаніи ихъ имѣть княземъ Юрія Владиміровича? Ростиславъ, какъ кажется, даже былъ подосланъ Юріемъ склонить кіевлянъ и черныхъ клобуковъ стать на его (Юрія) сторону.

И такъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сталкивались поселенія черныхъ клобуковъ съ русскими владѣніями, и неподалеку отъ половцевъ (только ихъ могъ имѣть въ виду Изяславъ Мстиславичъ, когда поручалъ Ростиславу Юрьевичу стеречь русскую землю «оттолѣ»), и находился Бужскъ. Поэтому, является правдоподобнымъ помѣщеніе Барсовымъ г. Бужска на р. Южн. Бугѣ, на мѣстѣ тепер. Забузье,—что къ сѣв. отъ г. Лптина (Барсовъ—Очеркъ, 140). Но вотъ вопросъ, были ли эти города—Бужскъ, Межибожье и Котельница—кіевскими городами или волынскими? Лѣтопись не даетъ на то впакапхъ указаній (за время до 1/2 XII в.). Изяславъ Мстиславичъ могъ давать упомянутые города

Опредѣлить мѣстоположеніе Шумска, Тихомля, Выгошева, Гнойницы и Бужска, продолжимъ обзоръ границъ Владимірскаго княжества. Мы остановились на Острогѣ. Отъ Острога граница

и какъ князь владимірскій, и какъ князь кіевскій. Изъ того-же, что Изяславъ Мстиславичъ настаиваетъ на томъ, чтобы ему дана была волость «по Горину» — слѣдуетъ, кажется, заключить, что до ¹/₂ XII в. они принадлежали Кіевскому княжеству. Да если бы даже они принадлежали Владимірскому княжеству, все же, нѣтъ основанія отождествлять Бужскъ 1146, 1147, 1148 г. съ Бужскомъ 1152 г.—Въ 1168 г. упоминается Ярополкъ Изяславичъ изъ Бужска, а въ 1173 г. Владиміръ Ярославичъ, впоследствии галицкій князь, проситъ у Святослава Мстиславича, кн. владимірскаго, Червена, обѣщая ему взаменъ этого отдать его городъ Бужскъ: «аъ ми будетъ ту сѣдючи добро слати в Галичъ; аже ти сяду в Галичи, то Бужскъ твой возъворочю и 3 городы придамъ к тому» (Ип. 384). Въ послѣднемъ извѣстіи, очевидно, разумѣется тотъ городъ Бужскъ, который еще у Изяслава Мстиславича былъ захваченъ Владиміркомъ и не возвращенъ его сыномъ Ярославомъ. Какой же Бужскъ разумѣется подъ 1168 г.? Конечно, не тотъ, что на Зап. Бугѣ. Промѣнялъ ли бы Святославъ Мстиславичъ такой городъ, какъ Червень, на Бужскъ, лежавшій гдѣ-то на пограничьи съ половцами? Затѣмъ, почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ говорится объ Ярополкѣ Изяславичѣ, онъ ставится рядомъ съ Ярославомъ луцкимъ. Такъ, въ 1160 г. «ходи Мстиславъ Изяславичъ и Ярославъ, братъ его Ярополкъ к Турову на Гюрга на Ярославица»; въ 1161 г. въ помощь Ростиславу Мстиславичу противъ Изяслава Давидовича «приде к нему Ярославъ сыновець его, съ братомъ Ярополкомъ»; въ 1162 г. на встрѣчу Мстиславу Изяславичу изъ Бѣгорода вышли «Ростиславъ съ Ярославомъ и съ Ярополкомъ»; въ 1168 г. князья соединились, съ цѣлью защиты «гречниковъ» и «залозниковъ»: «И приде Мстиславъ изъ Володимера, Ярославъ, братъ его изъ Лучьска, Ярополкъ изъ Бужьска»; въ 1170 г. въ походѣ на Половцевъ принимаютъ участіе «Олегъ Святославичъ, братъ его Всеволодъ, Ярославъ изъ Лучьска, Ярополкъ». Въ одномъ только случаѣ о немъ говорится отдѣльно отъ Ярослава: въ 1169 г. Мстиславъ Изяславичъ, идя въ Кіевъ, посылаетъ Ярополка съ берендичами впередъ. (Ип. 349, 353, 354, 361, 365, 368). Все это не можетъ ли указывать на то, что Ярополкъ Изяславичъ не имѣлъ собственного удѣла, а жилъ или при братѣ въ Луцкѣ, или былъ посадникомъ въ какомъ-нибудь городѣ, зависѣвшемъ отъ брата, быть можетъ, въ Бужскѣ, изъ котораго онъ въ 1168 г. явился на сборный пунктъ. Когда сыня его Василько, которому Мстиславъ Изяславичъ «веля сѣдѣти Кіевѣ до себе», донесъ Мстиславу, что Ярославъ Изяславичъ замышляетъ захватить у него Владиміръ, Ярополкъ, вѣрно, разошелся съ Ярославомъ и перешелъ къ Мстиславу Изяславичу, по порученію котораго преслѣдовалъ съ берендѣ-

шла по р. Горыни, до ея верховьевъ; отсюда начиналась южная и юго-западная граница, соприкасавшаяся съ границей Галицкаго княжества. Тутъ находились слѣдующіе города: Збыражъ, Торчевъ, Прѣснескъ, Рожне-поле, Перемиль, Всеволожь, Звенигородъ, Бужскъ и Белзъ.

ниж Владиміра Мстиславича. Въ послѣднемъ, единственномъ случаѣ, какъ мы говорили, Ярополкъ упоминается въ лѣтописи отдѣльно, и то является командующимъ не своею дружиною, а берендѣями. Если мы вспомнимъ, что въ XIII—XIV вв., напр., Межибожье постоянно тяготѣетъ къ Луцкому княжеству (Ип.—Даниилъ въ 1227 г. даетъ Ярославу Итваревичу, бывшему князю Луцкому, Перемиль и потомъ Межибожье. Въ 1366 г., по договору кор. Казимира съ Любартомъ Гедиминовичемъ, Межибожье и другіе города, издавна принадлежавшіе Луцкой землѣ, остаются за Любартомъ: *«рах autem in formam coaluit hanc: Lubardo Luceoriensis terra cum omnibus territoriis primaevus et villis quemadmodum fuit a principio, i. e. Stożek, Danilów, Zakamień, Szumsk, Ostrog, Połonne et Międzyboże etc. (Stecki, Wol. ser. 2, p. 40 и 113), то не покажется неумѣстнымъ предположеніе, что Бужскъ, упоминаемый рядомъ съ Межибожьемъ, принадлежалъ въ 1168 г. Луцкому княжеству.*

Мы раньше согласились съ предположеніемъ Барсова, по которому этотъ Бужскъ лежалъ на Южн. Бугѣ, — а если такъ, то Бужскъ 1173 г., а слѣдовательно и 1152 г., находился въ другомъ мѣстѣ, не на окраинѣ волинско-киевской, а волинско-галицкой. Точно также отождествленіе Бужска, данаго Изяславомъ Мстиславичемъ Святославу Всеволодовичу, а потомъ Ростиславу, съ Бужскомъ Давида Игоревича не имѣетъ прочнаго основанія. Зачѣмъ такъ далеко искать этого Давидова Бужска, когда поблизу другихъ владѣній Давидовыхъ — Дубна, Острога и Чарторійска, въ теперешнемъ Дубенскомъ у., есть с. Божкевичи, недалеко отъ м. Млынова и Муравницы. Затѣмъ, въ сосѣднемъ Владиміровол. у. — с. Бужаны, Божовъ, Бушковичи; въ Кременец. у. гора Божья или Бужья (въ 2-хъ в. отъ нея — с. Антоновцы, въ 1 в. отъ нихъ на высокой горѣ, — примыкающей къ отрогамъ Карпатъ, — называемой «Уніасъ» — овальное городище, дд. 175 — 50 саж., окр. 310 с., валы выс. 4 саж. и ровъ, — какъ видно изъ донесенія Бѣлориницкой волости); наконецъ, г. Бускъ, въ Галиціи, на Зап. Бугѣ. Зачѣмъ искать Давидовъ Бужскъ на волинско-половецкой окраинѣ, когда Давидъ, по всей вѣроятности, сидѣлъ въ томъ-же Бужскѣ (на Запад. Бугѣ), въ которомъ онъ прежде выдерживалъ осаду Василька и Володаря Ростиславичей? (Ип. 174). Иначе странно было-бы, что Давидъ, получивъ въ удѣлъ, между прочимъ, Дубенъ, городъ, расположенный въ хорошей мѣстности, въ центральной Волини — предпочелъ ему какой-то окраинный городъ, расположенный въ лѣсистой мѣстности, по сосѣдству съ дикими кочевниками. (Ип. 181).

Збыражъ былъ, по всей вѣроятности, пограничнымъ городомъ Галицкаго княжества. Теперь къ сѣв. отъ Теребовля, недалеко отъ австрійской границы, находится Зборашъ, весьма возможно, что это лѣтописный *Збыражъ* ¹⁾.

Торчевъ. По смыслу лѣтописнаго разсказа (подъ 1231 г.) ²⁾, Торчевъ находился на дорогѣ изъ Шумска въ Галичъ, на границѣ съ галицкими владѣніями, въ гористой мѣстности. Барсовъ, правдоподобно, приурочиваетъ этотъ Торчевъ къ теперешнему с. Старый Таражъ (въ ю. зап. части Кременецкаго у.) ³⁾. Теперь у с. Старый Таражъ, по направленію къ Почаеву, на высокомъ берегу пруда находится круглое городище, называемое «десять валовъ» (окр. 360 саж.; рвы и валы) ⁴⁾.

Прѣснескъ. Изъ лѣтописи ⁵⁾ видно, что, во 1-хъ, Прѣснескъ лежалъ на пути изъ Кіева въ Галичъ, во 2-хъ, онъ находился на галицко-волинской границѣ, а въ 3-хъ, что онъ былъ галицкій городъ. По сообщеніямъ Погодина и Бѣляева, — въ «Вѣнѣ на обжинки Русинамъ» (ч. II, стр. 162), — говорится, что на мѣстѣ города Прѣснеска существуютъ нынѣ окопы и великіе курганы, заросшіе лѣсомъ, недалеко отъ Подгорца, первой почтовой станціи изъ Бродъ къ Золочову ⁶⁾.

Въ «Поученіи» Владиміра Мономаха упоминаются *Броды* ⁷⁾.

¹⁾ Въ 1211 г. «Лестько не можаше прияти Галича : пошедъ воева около Теребовля и около Моклекова и Збыража». (Ип. 488).

²⁾ Въ 1231 г. «переидеть (Данѣилъ) рѣку Велью на Шумьскъ, и поиде ко *Торчеву*. Увѣдавъ же Андрѣй королевичъ, исполнивъ полки свое, иде противу ему сирѣчь на сячу. Идушу ему по ровни, Данилови же и Василюви съвѣхати бѣ со высокихъ горъ» (Ип. 511).

³⁾ *Барсовъ*—Очерки, стр. 123.

⁴⁾ Донесеніе Лоуцманской вол.

⁵⁾ Въ 1188 г. «Романъ испросися у тѣста своего у Рюрика на Галичъ, река ему: «ведуть мя Галичане къ себе на княженіе... Романъ же передъ с вои посла ко Прѣснеску, да зайдуть Прѣснескъ переди. Они же затворишася» (Ип. 445).

⁶⁾ *Погодинъ*. Исслѣд., замѣч. и лекціи. IV, 194; *Бѣляевъ* — Зап. Геогр. Общ. VI, 139.

⁷⁾ «На ту зиму идохомъ къ Ярополку совокуплятися на Броды». Лавр. 239.

Броды Барсовъ помѣщаетъ на р. Сухой Цилькѣ, правомъ притока Стыря, гдѣ теперь м. Броды. Быть можетъ, это и есть лѣтописные Броды? Но въ такомъ случаѣ, ихъ нельзя считать въ числѣ городовъ, ближайшихъ къ лядской границѣ, какъ то дѣлаетъ Барсовъ¹⁾. Лѣтопись не даетъ никакого точнаго указанія на положеніе этого города; несомнѣнно одно, — онъ лежалъ во Владимірскомъ княжествѣ, но гдѣ?

На юго-зап. границѣ Владимірскаго княжества находилось и «Рожне поле»²⁾. Изъ лѣтописныхъ извѣстій о немъ можно заключить, что оно находилось на границѣ владиміро-галицкихъ владѣній и расположено было между р. Серетомъ и Голыми Горами, на пути изъ Теробовля къ Звенигороду. По объясненію Погодина, «Рожне поле» нужно искать между верховьями рѣкъ Зап. Буга, Серета и Стыря; на послѣдней (см. карту Шуберта) лежитъ д. Рожня, а вблизи ея м. Гологоры³⁾.

Въ 1097 г. Давидъ обѣщаетъ дать Васильку Ростиславичу «любо Всеволожъ, любо Шеполь, любо Перемиль». Что этого города Владимірскаго княжества, видно изъ отвѣта Василька: «сему ми дивно, дасть ми градъ свой, а мой Теробовль, моя волость»⁴⁾.—

¹⁾ Барсовъ—Очерки, 123, 121 и 120.

²⁾ Въ 1097 г. «на поли на Рожни» произошла битва между Святополкомъ и Ростиславичами. Последніе побѣдили — Святополкъ убѣжалъ во Владиміръ. Послѣ побѣды Ростиславичи сказали: доволѣеть нама на межи своей стати (Ип. 177). Въ 1144 г. Всеволодъ предпринялъ походъ противъ Владимірка Галицкаго. «И выиде противу имъ Володимѣрь, весь совокупивъ ся, и к Теробовлю, и Угры приведе, бана королева уя, и не могоша битися, зане бяшетъ (межи има) рѣка Сереть, идоша обои подлѣ рѣку, за недѣлю къ Звенигороду; и на Рожни поли не могоша ся бити, зане Володимѣрь стоя на голыхъ горахъ» (Лавр. 295).

³⁾ Погодинъ — Исслѣд., зам. и лекціи. IV, 168. Барсовъ говоритъ: «Рожню, которую указываетъ М. П. Погодинъ именно между верховьями Серета, Стыря и Зап. Буга, къ сожалѣнію, мы не могли найдти на извѣстныхъ намъ картахъ». Очерки 190, пр. 210. А между тѣмъ на картѣ Шуберта № XL (извѣстной Барсову. См. Оч. 190, пр. 210), на р. Стырь, на одной линіи съ Бродами и Кременцомъ, указана д. Рожня.

⁴⁾ Ип. 173.

Всеволожь, упоминаемый еще подъ 1287 г., какъ городъ Владиміра Васильковича, находился, быть можетъ, по дорогѣ изъ Галицкаго княжества во Владиміръ. Василько и Володаръ Ростиславичи, предпринявъ походъ на Давида Игоревича, прежде чѣмъ подступить къ Владиміру, гдѣ заперся Давидъ Игоревичъ, взяли Всеволожь ¹⁾).

Надеждинъ и Неволинъ (Погодинъ. Изс., зам. и лек. IV. 158) указывали на с. Воложки, въ 12 в. отъ Ковеля, какъ на лѣтописный Всеволожь, съ чѣмъ справедливо не соглашается Барсовъ ²⁾. Бѣляевъ считаетъ возможнымъ признать тождество теперешняго с. Воложки со Всеволожемъ, между прочимъ, на томъ основаніи, что Мстиславъ, братъ Владиміра, на котораго донесли послѣднему, что онъ «даеть городъ Всеволожь бояромъ и села раздаваетъ»,—былъ княземъ Луцкимъ, а потому Всеволожа вужно искать отъ Владиміра въ сторонѣ къ Луцку; «слѣдовательно», заключаетъ Бѣляевъ, «городъ Всеволожь находился около Мельницы, Турійска и Черторійска, гдѣ и доселѣ еще сохранилось за однимъ селеніемъ названіе Воложки» ³⁾. Шаткое основаніе! Барсовъ причисляетъ Всеволожь къ мѣстностямъ неопредѣленнымъ ⁴⁾.

Что касается *Перемиля*, то о немъ мы имѣемъ кромѣ лѣтописнаго извѣстія подъ 1097 г. еще извѣстія за 1196 г., 1225, 1227, 1233 и 1283 гг. ⁵⁾. Всѣ эти извѣстія указываютъ на то,

¹⁾ Ib.

²⁾ Барсовъ — Очерки — 292.

³⁾ Бѣляевъ — Зап. геогр. общ. VI, 133.

⁴⁾ Барсовъ — Очерки—292.

⁵⁾ Въ 1196 г. «Володимерь новоева и пожьже волость Романову около Перемиля, а отселъ (со стороны Кіева) Ростиславъ Рюриковичъ с Володимеричи и с Чернымъ Клобукомъ, ехавше и новоеваша и пожгоша волость Романову около Каменця»; въ 1225 г. Мстиславъ «съ братьею видѣвъся во Перемили»; въ 1227 г. Даниилъ отдаеть Перемиль Ярославъ Ингваровичу; въ 1233 г. Даниилъ шелъ изъ Кіева на встрѣчу королевичу и Судиславу. На дорогѣ союзникъ Данила Ияславъ измѣнилъ ему, велѣлъ воевать волость Данилолу и взялъ Тихомль. «Оттуда же идоша (Даниилъ и полов-

что Перемиль принадлежалъ Владимірскому княжеству и что онъ лежалъ на галицко-владимірскомъ рубежѣ, именно, недалеко отъ р. Липы, между Кременцомъ съ одной стороны и Бужковичами и Бужскомъ съ другой. Этимъ указаніямъ удовлетворяетъ теп. с. Перемиль, Дуб. у., на р. Стырѣ, южнѣе м. Боремля и сѣв. м. Берестечка ¹⁾).

Третій городъ изъ тѣхъ, которые Давидъ Игоревичъ предложилъ Васильку Ростиславичу — *Шеполь*, по предположенію Барсова, теп. с. Шепель на Ставѣ, лѣвомъ притока Стыря, въ Луцкомъ у. Быть можетъ, Барсовъ и правъ! Что касается лѣтописи, то она не даетъ никакихъ указаній на счетъ положенія этого города ²⁾).

На границѣ съ Владиміро-волинской областью лежалъ галицкій городъ Звенигородъ, на р. Балкѣ ³⁾), между Галичемъ и Перемышлемъ. Барсовъ помѣщаетъ этотъ Звенигородъ въ Бережанскомъ округѣ, близъ Львова ⁴⁾), — что соответствуетъ лѣтописнымъ указаніямъ.

Бужска и *Белза* были самыми окраинными юго-зап. городами со стороны Галицкаго княжества. Въ 1097 г., по словамъ

цы) ко Перемилю». У Перемиля произошло сраженіе, послѣ котораго угры вернулись въ Галичъ, а Даниилъ ихъ преслѣдовалъ: «Володимѣръ же и Даниилъ поидоста на нихъ; Василко же и Олександръ приде ко брату, и сняшася въ Бужьска». Въ 1283 г., «пойде Телебуга на Ляхы, собравъ силу многу. Пришедше же ему к Горинѣ, и сrete и Мѣстиславъ с питьемъ и з дары; и пойде оттолѣ мимо Кремянѣць ко Перемилю, ту и срѣте Володимѣръ князь с питьемъ и с дары на Липѣ; и по семъ угони (и) Левъ князь ко Бужьковичемъ» (Ип. 468, 498, 502, 513—14, 588).

¹⁾ По донесенію Берестецкой волости, при с. Перемиль, надъ р. Стыремъ, — круглое городище, наз. замчище, возвышается на 10 саж. (ДД=70—35 саж., окр. 210 с.). По преданію, здѣсь былъ городъ, разрушенный татарами.

²⁾ Въ тепер. с. Шепель, по донесенію Торчинской вол., на высокомъ берегу пруда — 4-хъ угольное городище, каждая сторона котораго=95 саж.; рвы и валы.

³⁾ Ип. 225, 228, 485, 500; Лавр. 295.

⁴⁾ *Барсовъ* — Очерки — 123.

лѣтописца, «поиде Давыдъ, прияти хотя власть Василкову; і вѣрѣте и Володаръ, братъ Василковъ, у Бужьпска»¹⁾. Изъ этого извѣстія видно, что Бужскъ лежалъ на дорогѣ пзъ Владиміра въ Теребовль, выше Перемышля. Теперешній Бускъ, на зап. Бугѣ, при устьѣ р. Полтвы, въ Злочевскомъ округѣ, признается учеными за этотъ лѣтописный Бужскъ²⁾.

Положеніе лѣтописнаго Белза на мѣстѣ теперешняго Белза, при р. Солокіи, впадающей въ Зап. Бугъ, въ сѣв. в. части Галиціи, признается всѣми учеными³⁾.

Изъ городовъ, расположенныхъ внутри Владимірскаго княжества, въ лѣтописи до 1/2 XII в. упоминаются Владиміръ, Луцкъ (Лучьскъ), Дубенъ, Муравица, Устилугъ.

Относительно мѣстоположенія Владиміра п Луцка не возникаетъ никакихъ сомнѣній. Первый лежалъ на р. Лугѣ, второй — на р. Стырѣ. При впаденіи р. Луга въ Зап. Бугъ находился городъ *Устмлогъ* (тепер. Устилугъ), упоминаемый въ лѣтописи подъ 1150 г.⁴⁾.

На юго-востокъ отъ Луцка расположены м. *Муравица* (Дуб. у.) и г. *Дубно*, упоминаемые подъ 1149 г. въ лѣтописи. Въ этомъ году Юрій съ сыновьями рѣшили идти изъ Пересопницы на Луцкъ. Ростиславъ и Андрей Юрьевичи пошли впередъ и стали у Муравицы, а потомъ отступили назадъ, къ Дубно. Теперешнее положеніе м. Муравицы п г. Дубно не противорѣчатъ такимъ указаніямъ⁵⁾.

По-мимо этихъ городовъ въ числѣ мѣстностей Владимір-

¹⁾ Ип. 174.

²⁾ *Погодинъ* — Изсл., зам. п лек. IV, 159; *Барсовъ* — Оч. 123.

³⁾ *Погодинъ* — Изсл. IV, 194; *Барсовъ* — Оч. 123; *Лончиновъ* — Чер. гор. 68.

⁴⁾ «Изяславъ послалъ бѣше Угры на покорѣхъ *Устмлогъ*». Ип. 283. — *Baliński i Lip. Star. P. t. III, p. 68.*

⁵⁾ Ип. 271—272. По донесенію Млыновскаго вол. пр., на низкомъ берегу Иквы находится круглое городище, 900 саж. въ окружности; площадь раздѣлена канавой; валы въ 10 саж. выш. канава — 45 саж. дл., 6 — гл. и 18 шир.

скаго княжества упоминаются еще въ лѣтописи — *Полоная* ¹⁾, *Хвалимичи* и *Свинуси* ²⁾).

Теперь, на р. Тыкъвѣ, въ Луцкомъ у., есть с. *Полонная*; въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ него, по донесенію Лавровскаго волостного правленія, находится земляная насыпь, наз. замокъ.

Подъ 1157 г. въ лѣтописи упомянуты с. *Свинуси* и *Хвалимичи*. Въ настоящее время во Владимірскомъ у. есть м. Свиноухи, на дорогѣ во Владиміръ, а въ верстахъ 5 отъ Владиміра — *Хвалимичи*; вѣроятно, это и есть лѣтописные Свинуси и Хвалимичи.

Мы дали очеркъ границъ Волынской земли. Однако, не нужно думать, чтобы въ такихъ границахъ оставалась Волынь въ теченіе всего рассматриваемаго нами періода. Напротивъ, границы ея современемъ измѣнялись.

Первые владимірскіе князья, быстро смѣнявшіеся, мало обращали вниманія на расширеніе территоріи своего княжества. Изяславъ Мстиславичъ и сынъ его Мстиславъ въ борьбѣ за кievскій столъ провели почти все время своего княженія, и лишь только сынъ Мстислава Романъ обратилъ серьезное вниманіе на расширеніе территоріи Волынской земли. Романъ Мстиславичъ, а затѣмъ и его сыновья — Данилъ и Василько подвинули далеко впередъ сѣв. западную границу Волынскаго княжества, занявъ значительную часть земель Ятвяговъ, и въ этомъ прониновеніи все дальше и дальше въ глубь Ятвяжской земли они являлись продолжателями дѣла, начатаго кievскими князьями.

Подъ прикрытіемъ городовъ, построенныхъ князьями, колонизація ятвяжской земли шла быстро, и къ к. XIII в. границу

¹⁾ Подъ 1149 г. упоминается въ лѣтописи *Полоная*. Изяславъ Мстиславичъ хотѣлъ подать помощь изъ Владиміра осажденному въ Луцкѣ Юріемъ сыну Мстиславу, но «поеде Володимерь изъ Галича полки своими, и пришедъ ста на *Полоной* межѣ Володимеромъ и Луческомъ» (Ип. 273).

²⁾ «И снятася Гюрги съ Ярославомъ Галичскимъ у *Свинусехъ* въ селѣ, и оттуда пойдоста къ Володимерю и стага въ *Хвалимичихъ* (Ип. 334). Balinski i Lip. Star. P. t. III, p. 66. *Хвалимичи*» — нынѣ селцо Фалимичи на р. Лугѣ. Любавскій. Областное дѣленіе и мѣст. управ. Литов. рус. госуд. М. 1893 г., стр. 225. «*Свиноухи*» — нынѣ м. Владимір. вол. у. Гв. 227, 309.

Волынского княжества съ этой стороны можно опредѣлить приблизительно такъ: начинаясь выше Мельника, на р. Бугѣ, граница шла, вѣроятно, по верховью р. Нурчика къ г. Бѣльску, на р. Орленкѣ, лѣвомъ притокѣ р. Нарева, дальше — по Нареву и Ясольдѣ ¹⁾ до предѣловъ Пинскаго княжества. Тутъ, какъ мы сказали выше, граница проходила близко г. Пинска.

На отграниченной территоріи были расположены слѣдующіе города, принадлежавшіе въ к. XIII в. Волынскому княжеству: Берестье, Мельникъ, Бѣльскъ, Кобрынь, Каменецъ и Рай.

Берестье, нынѣшній Брестъ-Литовскъ, при впаденіи Мухавца въ Зап. Бугъ, по предположенію Бѣляева, построенъ еще до Владиміра Св. ²⁾. Быть можетъ, г. Берестье былъ основанъ Владиміромъ Св. во время похода на Ятвяговъ въ 983 г. ³⁾? Названіе города напоминаетъ любимое сельцо Владиміра Св. — Берестовое. Берестье, много разъ упоминаемое въ лѣтописи, входитъ въ составъ владѣній Волынскаго княжества въ к. XII в. Какъ видно изъ лѣтописи подъ 1204 г. ⁴⁾, Берестье принадлежало уже Роману. Съ какого времени? Подъ 1173 г. лѣтописецъ сообщаетъ объ уходѣ Романа Мстиславича изъ Новгорода, а вслѣдъ за этимъ говоритъ: «В то же время представился бѣшетъ братъ ему мѣньший миръ въ Берестьи» ⁵⁾. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ лѣтописи мы не встрѣчаемъ извѣстія о братѣ Романа, носившемъ имя съ окончаніемъ на миръ ⁶⁾.

¹⁾ «Василко посла по нихъ (литовцевъ) Желислава Степана Медушника и гониша по нихъ олно до Ясолны». Ип. 565.

²⁾ *Бѣляевъ* — Исторія Полотска. М. 1872, стр. 27.

³⁾ Ип. 54.

⁴⁾ «И приѣхаша Берестьяне ко Лестькови и просиша Романовой п дѣтий (въ Хлѣбѣн. и Погод. лѣтописи: «Романовое и дѣтате»), бѣаста бо млада сущи и вдасть имъ, да владѣтъ ими; они же с великою радостью срътоша и, яко великаго Романа жива видящи» (Ип. 483). Какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ лѣтописи, это былъ Василько Романовичъ. Мать его жалуется Лешку на то, что сынъ ея владѣтъ однимъ только Берестьемъ, а всѣмъ остальнымъ — Александръ Всеволодовичъ; тогда послѣдній «да Василькови Белзъ» (Ип. 483).

⁵⁾ Ип. 383.

⁶⁾ «Вѣлоруссія и литва», изд. Ватюшкова, Спб. 1890 г., стр. 40 — 41.

Быть можетъ, «слова «меньший братъ ему» и не относятся къ Роману Мстиславичу? Если даже допустить, что около 1173 г. Берестьемъ владѣлъ братъ Романовъ, то послѣ этого года, до приобрѣтенія его Романомъ, оно не принадлежало Мстиславичамъ. У Татищева, подъ 1182 г. мы находимъ извѣстіе о томъ, что Берестье въ это время принадлежало Минскому князю Владимірку Володаревичу. Въ этомъ году шла борьба между этимъ княземъ и Василькомъ Ярополковичемъ, кн. дрогичинскимъ; сторону послѣдняго держалъ тестъ его князь мазовецкій Лешекъ. Василько дрогичинскій, не имѣя возможности заплатить тестю за его помощь, «уступилъ тестю по себѣ все свое владѣніе, понѣ же», говоритъ Татищевъ, «онъ дѣтей не имѣлъ». Романъ Мстиславичъ, узнавъ, что «Василько Подляшіе тестю уступилъ, пошедъ съ войскомъ Василька и с тестемъ изъ Подляшія выгналъ и самъ всею обладалъ» ¹⁾. Въ это время, конечно (если только рассказъ Татищева достоверенъ), Романъ овладѣлъ и Берестьемъ. Нѣсколько иначе представляетъ дѣло Кадлубекъ. По словамъ послѣдняго, Казиміръ, вторгнувшись (въ 1182 г.) въ Русь, прежде всего беретъ Берестье «quam (urbem) sororis suae primogenito... restituere instituit» ²⁾. Здѣсь разумѣется Романъ, такъ какъ онъ былъ сынъ сестры Казиміра Справедливаго (Юдиѣи) ³⁾.

Какъ бы то ни было, Берестье уже принадлежало Роману Мстиславичу и составляло долго неотъемлемую собственность Владимірскаго княжества.

Мельники упоминаются въ лѣтописи подъ 1281 г. ⁴⁾. — По всей вѣроятности, это теперь. Мельники, на р. Бугѣ, въ Гродненской губ.

Авторы сообщаютъ, къ сожалѣнію, безъ указанія источниковъ, что «при сынѣ Изяслава Мстиславѣ въ Берестѣ сидѣлъ сынъ его Владиміръ Мстиславичъ».

¹⁾ *Татищевъ* — Ист. III, 247.

²⁾ *Chronica Pol. Vincentii Cracov episc.* — Mon. Pol. t. II, cap. 14.

³⁾ *Водуръ*. — Chr. Mon. P. II, 535.

⁴⁾ «И поиде Володимиръ (Васильковичъ) ко Мельнику». Ип. 583.

О *Бѣльскѣ* впервые лѣтописецъ говоритъ подъ 1253 г. Въ этомъ году Даниилъ съ сыномъ Романомъ и братомъ взяли Гродно, «а сама воротистася отъ *Бѣльска*», Владиміръ-же Васильковичъ «также и у *Бѣльску* поустрои церковь иконами и книгами»¹⁾. Въ 1259 г. Мстиславъ Даниловичъ, къ которому послѣ смерти Владиміра Васильковича перешли владѣнія послѣдняго, хотѣлъ послать «засаду» въ Берестье, Каменецъ и въ *Бѣльскъ*, но узналъ, что Юрій Львовичъ захватилъ эти города²⁾. *Бѣльскъ* и теперь существуетъ въ Гродненской губ.

Кобрынъ (нын. Кобринъ, въ Гродн. губ.), несомнѣнно, принадлежалъ Владимірскому княжеству, — какъ это явствуетъ изъ дарственной Владиміра Васильковича: «Се язъ», говорится въ ней, «князь Володимѣръ, сынъ Васильковъ... далъ есмь княгинѣ своей городъ свой Кобрынъ»³⁾.

Каменецъ (нын. Каменецъ, въ Грод. губ.) — городъ, основанный Владиміромъ Васильковичемъ⁴⁾

Что касается *Рая*, то положенія его лѣтопись точно не опредѣляетъ; несомнѣнно, это городъ Владиміра Васильковича⁵⁾. Рай находился гдѣ-то между Владиміромъ и Любомлемъ; быть можетъ, это теперешнее село Райки (во Владиміров. у.)?

Всѣ только что названные города входили въ составъ такъ называемой Подляхїи, которая въ княженіе Гедимина сдѣлалась собственностью в. к. Литовскаго и дана была въ удѣлъ Кей-стуту, — какъ о томъ свидѣлствуетъ грамота, выписанная Нарушевичемъ изъ короннаго архива (т. IX, стр. 247): «Rex nihil», говорится въ ней, «juris habiturus in Kiejstuti arces: in Brest, Kamienica, Dorohiczyn, Mielnic, Bielsk»⁶⁾.

Западная граница Волынскаго княжества съ к. XIII в. шла уже по р. Зап. Бугу. Города, находившіеся въ Забужьѣ и вхо-

¹⁾ Ип. 544, 608.

²⁾ Ib. 610.

³⁾ Ib. 595.

⁴⁾ Ib. 578.

⁵⁾ «И поѣха (Владиміръ Васильковичъ) изъ Каменца до Раю» (Ип. 593); «Володимѣръ же приѣха изъ Раю въ Любомль» (Ib. 596).

⁶⁾ В. Б. Антоновичъ — Моногр. I, 57; *Scarb. dipl.* I, 210, № 432.

дившіе прежде въ составъ Владимірскаго княжества, — какъ Белзъ, Червень и др. — съ теченіемъ времени дѣлаются княжескими и отдѣляются отъ него. Такъ, къ 1288 г. они принадлежали уже выѣстѣ съ Дрогичиномъ Юрію Львовичу галицкому.

Какъ на порубежные пункты въ это время укажемъ (кромѣ Берестья) на Городло и Любомль.

Городло находится на лѣвомъ берегу р. Зап. Буга. Въ лѣтописи село это упоминается подъ 1287 г.: въ этомъ году Владиміръ Васильковичъ завѣщаетъ его, а также села Содовое, Сомино и Березовичи (по предположенію Лонгинова, находившіеся на правомъ берегу Зап. Буга) женѣ своей¹⁾.

Любомль былъ любимымъ мѣстопребываніемъ Владиміра Васильковича²⁾. По лѣтописи, онъ находился на дорогѣ между Берестьемъ и Владиміромъ. Теперешній Любомль (въ Волынской губ.), на верховьяхъ р. Выжвы, вполне отвѣчаетъ лѣтописнымъ извѣстіямъ.

Юго-западная граница Волынскаго княжества въ к. XII и въ XIII в. проходила почти по той-же мѣстности, что и въ нач. XII в.; въ XIV в. эта граница была почти тамъ, гдѣ теперь галицко-волынская. Изъ порубежныхъ городовъ (или близкихъ къ рубежу) въ источникахъ упоминаются *Любачевъ* (въ Галицкомъ княжествѣ), отданный въ 1211 г. королемъ угорскимъ воеводѣ Пакослову³⁾; *Бужскъ*, въ XIII в. принадлежавшій Даниилу Романовичу⁴⁾; *Кременецъ*, который впервые упоминается въ лѣтописи подъ 1226 г.; въ этомъ году этотъ городъ выѣстѣ съ Тихомлемъ былъ взятъ угорскимъ королемъ⁵⁾. Въ 1240 г. Батый осадилъ Кременецъ⁶⁾. Затѣмъ онъ упоминается въ описаніи похода Куремсы. Последній отъ Бакоты направился къ Кре-

¹⁾ Ип. 595. *Лонгиновъ* — Черв. гор. 265.

²⁾ «Приѣха (Кондрать) во Берестий и посемъ приѣха в Любомль, отдавъ же и поеха до Володимѣря»; «преставленіе его бысть во Любомли городѣ... и возложиша и на сани повезоша до Володимѣря» (Ип. 597, 604).

³⁾ Ип. 489.

⁴⁾ Ib. 514

⁵⁾ Ib. 500.

⁶⁾ Ib. 523.

менду ¹⁾. Въ 1260 г. Кременецъ, по приказанію Бурундая, былъ разметанъ Василькомъ ²⁾; въ 1283 г. Телебуга шелъ мимо Кременца ³⁾. Приведенныхъ извѣстій достаточно, чтобы сказать, что Кременецъ находился тамъ, гдѣ теперь г. Кременецъ. По миру 1352 г. (?), заключенному Казиміромъ Вел. съ литовцами, Кременецъ отданъ былъ на 2 года Юрію Нарпимунтовичу ⁴⁾. Въ 1366 г. Владиміръ и Кременецъ получилъ отъ Казиміра Александръ Коріатовичъ ⁵⁾. Въ 1382 г., воспользовавшись смертью кор. польскаго и угорскаго Людовика, угорскіе старосты продали Любарту Гедиминовичу многіе русскіе замки; въ числѣ ихъ находился и Кременецъ ⁶⁾. Въ 1392 г. Стожкомъ и Кременцомъ владѣлъ Скиргайло ⁷⁾.

Южная граница Волынскаго княжества въ XIII — XIV в. захватывала часть нынѣшней Галиціи и Подольской губ. Начинаясь приблизительно немного выше Збараша ⁸⁾, она шла, по всей вѣроятности, вдоль плоской возвышенности, окаймляющей Волынскую губ. съ юга; затѣмъ, пересѣкши верховье р. Збруча, она отклонялась нѣсколько въ сторону отъ плоской возвышенности и шла по верховьямъ Буга и Бужка, гдѣ при сліяній Буга съ Божкомъ находился г. Межибожіе (тепер. Менджибожь). Неизвѣстно, когда Межибожье вошло въ составъ Волынскаго

¹⁾ Ib. 550.

²⁾ Ib. 562.

³⁾ Ип. 588.

⁴⁾ Акты Зап. Руси, I, стр. 1—2.

⁵⁾ *Лив изв Чарникова*. М. Р. Н. II, 631.

⁶⁾ Ib. 722.

⁷⁾ A. 1392 Vitold testatur, Skirgiello suo consensu ei et heredibus datum est districtum et arcem Krzemieniec et districtum Stożek propterea quod is iussu regis patrimonio suo in gratiam Vitoldi cessit. Cod. ep. Vit. № XCVIII, *Scarb. dipl.* t. I, p. 296, № 623 (по польски).

⁸⁾ Збарашъ, какъ мы видѣли выше, въ нач. XIII в. принадлежалъ Галицкому княжеству, но въ к. XIV в., по словамъ хроники Ваповскаго, литовцы забрали нѣсколько польскихъ замковъ, въ томъ числѣ Кременецъ и Збаражъ. Длугошъ также говоритъ подъ 1413 г., что литовцы изъ Збараша, Олеска и Кременца дѣлаютъ частые набѣги на польскія владѣнія (*Stadnicki—Syn. Ged.*, t. II, p. 192, въ прим.).

княжества. Въ XIII в. оно то принадлежало Волыни, то совершенно обособлялось, въ XIV в. считалось городомъ Луцкаго княж., а съ конца того-же вѣка входило (съ округомъ) въ составъ Подоліи ¹⁾.

При опредѣленіи дальнѣйшей границы Волынскаго княжества въ XIII — XIV в. мы наталкиваемся на вопросъ о Болоховской землѣ.

Вопросу этому посвящено спеціальное сочиненіе проф. Н. П. Дашкевича — «Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи ²⁾».

Въ этомъ своемъ сочиненіи, на основаніи крайне немногочисленныхъ и не вполне ясныхъ лѣтописныхъ указаній и названій нынѣ существующихъ мѣстностей, напоминающихъ названія болоховскихъ городовъ, проф. Дашкевичъ опредѣляетъ территорію болоховцевъ, какъ находившуюся въ пунктѣ соприкосновенія древнихъ земель Галицкой, Волынской и Кіевской ³⁾. Такимъ образомъ, проф. Дашкевичъ не включаетъ въ предѣлы Волынскаго княжества Болохова, съ чѣмъ мы не можемъ не согласиться, не смотря на то, что, какъ справедливо, по нашему

¹⁾ Въ 1228 г. Данилъ Романовичъ отдаетъ его Ярославу Ингваревичу, бывшему князю Луцкому; въ 1234 г. упоминается какой-то князь Межибожскій Борисъ, а въ 1257 г. Данилу пришлось брать Межибожіе силою (Ип. 502, 515, 555) Въ 1366 г. Любаръ получилъ отъ Казимира В. Луцкъ и всѣ тѣ города и села, которые издавна тинули къ нему: «рах autem», говорится въ договорѣ, «in formam coaluit hanc: Lubardo Luceoriensis terra cum omnibus territoriis primaevae et villis quemadmodum fuit a principio i. e. Stożek, Daniłow, Zakamień, Szumsk, Ostrog, Polonne et Miedzyboże» (Янъ изъ Чернкова — М. Р. н. т. II, р. 631; *Stecki* — *Łuck*, р. 31; *Scarb. dipl.* t. I, р. 210 № 432).

Codex epist. Vitoldi. Срасов. 1882, р. 39, гр. 1395 г.

²⁾ Н. П. Дашкевичъ. Болох. земля и ея значеніе въ русской исторіи. Кіевъ 1876 г. Разборъ этого сочиненія см. въ «Очеркѣ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г.» Молчановскаго.

³⁾ По опредѣленію проф. Н. П. Дашкевича, Болоховская земля занимала, «южную часть тепер. Новградъ. у., восточ. ч. у. Староконстантиновскаго и

мѣнѣю, замѣтилъ г. Молчановскій ¹⁾), лѣтопись не даетъ прочныхъ указаній для опредѣленій границъ Балоховской земли ²⁾. Последняя, по нашему мѣнѣю, находилась гдѣ-то на юго-вост. отъ Волынскаго княжества, по дорогѣ между Галичемъ и Кіевомъ, но гдѣ собственно — вопросъ остается открытымъ ³⁾.

За Межибожьемъ начиналась восточная граница Волынскаго княжества. — Мы видѣли, что въ періодъ отъ к. X в. до $\frac{1}{2}$ XII в. восточный рубежъ Волынской земли шелъ до Горыни; область-же за Горыню до Случи была спорною между Владимірскимъ и Кіевскимъ княжествами. Въ XIII—XIV вв. восточная граница Волынскаго княжества отодвигается за Горынь: она идетъ теперь по рр. Хомору и Случи. Въ числѣ порубежныхъ городовъ въ лѣтописи упоминаются: Полоный, Каменецъ, Микулинъ, Возвять, Коречекъ.

Полоный, судя по лѣтописнымъ указаніямъ ⁴⁾ находился на

Проскуровскаго, весь уѣздъ Летичевскій и, можетъ быть, также юго-зап. часть Житомирскаго и зап. Бердичевского... Болоховская земля была расположена по верховьямъ Буга и по притокамъ обѣихъ его сторонъ до поворота его на югъ, по верхнему теченію Случи до впаденія въ нее Хомора и по верховьямъ Тетерева и его притокамъ не далѣе Гниломета». («Болох. земля», въ трудахъ 3-го арх. с., 87 стр.).

¹⁾ Сборникъ сочиненій студ. унив. св. Владимира, вып. VIII—«Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г.», стр. 125.

²⁾ Г. Андріяшевъ говоритъ, что г. Молчановскій, «къ сожалѣнію, не могъ представить ни одного основательнаго соображенія для доказательства своего мѣнѣя, что Болоховская земля находилась въ предѣлахъ Волыни». («Очеркъ», 190). Г. Молчановскому и незачѣмъ было представлять такихъ соображеній, потому что подобнаго категорическаго утвержденія онъ нигдѣ въ своемъ сочиненіи и не высказываетъ; если же г. Молчановскій и указываетъ на то, что на Волыни находится много мѣстностей съ названіями, напоминающими названія болоховскихъ городовъ, то отъ этого еще далеко до утвержденія, приписываемаго ему г. Андріяшевымъ.

³⁾ Въ последнее время на Болохово обратилъ свое вниманіе талантливый изслѣдователь южно-русской исторіи М. С. Грушевскій. Въ опредѣленіи Болоховской территоріи онъ согласенъ съ проф. Дашкевичемъ. См. его замѣтку о Болохово въ Чт. Общ. Нест. Лѣт., VII.

⁴⁾ Въ 1195 г. Рюригъ Ростиславичъ далъ Роману Мстиславичу *Полоный* (Ип. 462); «Романъ же восла люди своя в Полоны, и оттолѣ повелѣ имъ

мѣстѣ нынѣшняго мѣстечка Полоннаго (на р. Хоморѣ, въ Новградвол. уѣздѣ).

*Каменецъ*¹⁾, по указанію проф. Н. П. Дашкевича²⁾, находился на мѣстѣ теперешней Каменки (на зап. берегу р. Случи),— съ чѣмъ нельзя не согласиться.

На р. Хоморѣ находится *Микулингъ*, быть можетъ, на мѣстѣ того Микулина, про который говорится въ лѣтописи подъ 1169 годомъ³⁾.

Въ 1258 г. Даниилъ и Василько взяли городъ Возвыгль⁴⁾— это теперешній Новградволыньскъ.

Подъ 1150 г. въ лѣтописи упоминается г. *Коречьскъ*⁵⁾. Последній, на основаніи нѣкоторыхъ лѣтописныхъ указаній, можно отождествить съ нынѣшн. Корцемъ, на р. Случи, въ Новградвол. у. Въ XIV в. Корецъ принадлежалъ Острожскому княжеству,—какъ о томъ будемъ говорить ниже.

ездячи воевати» (ib. 468); въ 1231 г. «Даниилъ же увѣдавъ изыдѣ на нѣ (на Александра и тестя, къ которымъ бѣжалъ онъ въ Кіевъ) изъ Галича, угони и во Полономъ, и яша и в лузѣ Хоморьскомъ» (ib. 514).

¹⁾ Подъ 1196 г. (въ лѣтописи) упоминается городъ Каменецъ. Рюрикъ уговорился съ Владиміромъ Ярославичемъ галицкимъ одновременно напасть на владѣнія Романа Мстиславича: «Володимеръ повоева и пожже волость Романову около Перемиля, а отсесть (со стороны Кіева) Ростиславъ Рюрикъ с Володимеричи и с Чернымъ Клобукомъ... повоеваша и пожгоша волость Романову около Каменця» (Ипат. 468); въ 1235 г. «придоша Галичане на Каменецъ, и вси Болоховьщии князи с ними, и повоеваша по Хомору, и поидоша ко Каменцю (Ип. 516)...; въ 1238 г. Каменецъ захватилъ кня. Михайлъ Всеволодовичъ (Ип. 521).

²⁾ Проф. Н. П. Дашкевичъ—Болохов. земля; стр. 10.

³⁾ Ип. 365; Болоховская земля, 10.

⁴⁾ Ib. 556. Бол. земля, 10.

⁵⁾ «Изяславъ (Мстиславичъ) поя с собою Глѣба (взъ Пересопницѣ) до Дорогобужа, и ту пристави к нему сына своего Мстислава до Коречьска; изъ извѣстія того-же года мы узнаемъ, что Коречьскъ находился между Горынью и Случью, за Дорогобужемъ (Ип. 265); въ 1258 г. «Данило же с братомъ поидоша ко Взыглю, в симъ тяжцѣ, жда вести отъ Романа и Литвы; и стоя на *Коречуки* диняу, жда вести отъ нихъ, и поиде ко Взыглю» (ib. 556).

Какъ далеко на сѣверъ шла эта восточная граница Волыни, опредѣлить не беремся.

Сѣверная граница Волынскаго княжества, начинаясь, какъ и въ XII в., недалеко отъ Пинска, шла къ Случи. Самымъ сѣвернымъ городомъ былъ Черторійскъ¹⁾. Пересопница и Дорогобужъ въ XIII в. вошли уже въ составъ Волынскаго княжества²⁾, такъ что сѣверная граница проходила несравненно выше этихъ городовъ.

При Изяславѣ Мстиславичѣ (въ XII в.) изъ Владимірскаго княжества выдѣляется Луцкое; въ к. XII в. обособляется Белзское княжество, а въ 1205 г. и въ Червень сидитъ князь Всеволодъ Всеволодовичъ; съ построениемъ при Даниилѣ Холма (XIII в.) изъ Червенской земли выдѣляется Холмская³⁾. Такимъ образомъ, въ XIII в. мы вмѣсто одного Владимірскаго княжества, видимъ собственно Владимірское, Луцкое, Червенско-Холмское, Белзское.

Границы Червено-Холмскаго княжества и Белзкаго довольно точно опредѣлены Лонгиновымъ въ его сочиненіи—«Червенскіе города»; намъ остается опредѣлить границы собственно Владимірскаго княжества и Луцкаго.

Въ XVI в. Луцкое княжество Любарта Гедиминовича за-

¹⁾ «Того же лѣта (1291) въ Черторійски въ городи заложи столпъ камень». Ип. 616.

²⁾ Въ 1227 г. Даниилъ отдалъ *Пересопницу* вмѣстѣ съ Луцкомъ брату Васильку (Ип. 501); въ 1208 г. *Дорогобужъ* былъ въ рукахъ Ингваря Ярославича Луцкаго (Ип. 485).

³⁾ Съ 1188 г. *Белзъ* дѣлается княжескимъ городомъ: въ этомъ году Всеволодъ Мстиславичъ, возвративъ Роману Мстиславичу Владиміръ, «ежа во Белзѣ» (Ип. 446); въ 1204 г. въ немъ княжить сынъ Всеволода Александръ, но въ этомъ же году послѣдній, занявъ Владиміръ, Белзъ отдаетъ Васильку Романовичу (ib. 483). Недолго сидѣлъ въ Белзѣ Василько — въ 1210 году Александръ, при помощи Лешка, занялъ Белзъ, а Василько бѣжалъ въ Каменецъ (ib. 487); въ 1230 г. Василько изгналъ изъ Белза Александра Всеволодовича, но уже въ слѣдующемъ году Белзъ и Червень являются опять въ рукахъ Александра—эти города воевода Владимірскій Мирославъ отдалъ ему «рядомъ» (Ип. 510).

ключало въ себѣ слѣдующіе города съ округами: Стожокъ, Даниловъ, Закамень, Шумскъ, Острогъ, Полонное и Меджибожъ. Города эти договорною грамотою Казимира В. съ литовскими

Червень съ 1173 г. былъ уступленъ кн. Владимірскимъ Святославомъ Мстиславичемъ сыну Ярослава Галицкаго—Владиміру (Ип. 384); но Червень, вѣрно, недолго былъ въ рукахъ Владиміра — въ 1174 г. послѣдній уже бѣжитъ въ Луцкъ. Въ 1205 г. Червень былъ княжескимъ городомъ — его занималъ въ этомъ году сынъ Всеволода—Александръ; въ его же рукахъ, въ 1231 г. былъ и Белзъ,—какъ долго, лѣтописи не говоритъ, но уже въ 1268 г. и Белзъ, и Червень принадлежали Васильку Романовичу (Ип. 571—2).

При Даниилѣ Романовичѣ изъ Червенской области выделяется—*Холмская*. Холмъ дѣлается любимымъ мѣстопребываніемъ Даниила. По смерти его онъ переходитъ въ руки сына Шварна, а по смерти послѣдняго, сынъ Даниила—Левъ занимаетъ и Холмъ, и Галичъ (Ип. 584); скоро въ его же рукахъ оказались и Белзъ, и Червень, такъ какъ сынъ его Юрій жаловался въ 1287 г. Владиміру Васильковичу: «отнимаетъ у мене (отецъ) города, что ми былъ далъ, Белзъ, и Червень, и Холмъ (Ип. 599). Юрію Львовичу досталась, по всей вѣроятности, и та полоса земли, которая находилась за Бугомъ, и тянула къ Берестю. Въ лѣтописи подъ 1182 г. читаемъ: «И воспомину Володимѣрь, оже преже того Лестко, пославъ Люблинѣцъ, взялъ башеть у него село на Вѣкраиницѣ, именемъ Воинъ»,—и дальше—«Ляховъ воеваша у Берестя по Кроснѣ, и взяша селъ десять и поидоша назадъ; Берестяни же собрашася и гнаша по нихъ» (Ип. 586). По смерти Владиміра Васильковича, Юрій Львовичъ овладѣлъ Берестемъ, Каменцомъ и Бѣльскомъ (Ип., 610). Мстиславу Даниловичу удалось скоро вытѣснить Юрія изъ названныхъ городовъ. Очень возможно, что въ это время, а быть можетъ и раньше, Юрій или его отецъ Левъ захватили упомянутыя владѣнія владимірскихъ князей на «Вѣкраиницѣ». Такимъ образомъ, западная граница Владимірскаго княжества въ к. XIII в. шла по рѣкѣ Зап. Бугу.

Въ XIV в. Червенская земля сходится со сцены, какъ и главный ея городъ,—она поглощается выдѣлившейся изъ нея при Даниилѣ Романовичѣ Холмскою землею. Холмская и Белзская земли въ началѣ XIV в., по смерти Мстислава Даниловича (неизвѣстно, впрочемъ, когда случившейся), вышѣсь съ Владимірскимъ княжествомъ находятся въ рукахъ Юрія Львовича, — какъ то явствуется изъ надписи на его печати, приложенной къ грамотѣ, (1316 г.) сыновей Юрія, Андрея и Льва. «На одной сторонѣ печати, по описанію Карамзина, «изображенъ Юрій или Георгій на тронѣ, въ вѣнцѣ и со скипетромъ въ правой рукѣ; кругомъ подпись—«*Domini Georgii Regis Russiae*»,—на другой сторонѣ—всадникъ въ латахъ; въ рукахъ щитъ и знамя; кругомъ: «*Domini Georgii Principis Ladimeriae*» (Карамзинъ. Ист. Р. госуд. IV, пр. 204).

князьями отъ 1366 года признаются издавна принадлежащими Луцкой землѣ¹⁾. Въ к. XIV в. изъ Луцкаго княжества выдѣлилось Острожское съ главнымъ городомъ Острогъ. Въ составъ этого княжества входили, между прочимъ, Заславъ и Корець²⁾.

Кромѣ поименованныхъ городовъ мы находимъ еще слѣдующіе, принадлежавшіе въ XIII в. Луцкому княжеству: Черторійскъ³⁾, Дорогобужъ и Пересопница⁴⁾, Дубно⁵⁾, Тихомль⁶⁾, Торчевъ⁷⁾, Кременецъ⁸⁾, Жидичинъ⁹⁾.

Послѣ смерти Болеслава Тройденовича (1340 г.), которому, по предположенію Лонгинова, принадлежала и область между Люблинскою землею и Бугомъ (*Лонгиновъ*—Черв. гор. 109), Холмская и Белзская земли были захвачены Любартомъ Гедиминовичемъ, княземъ владимірскимъ (*Шараневичъ* — *Ист. Гал. Вол. кн.* 163; *Лонгиновъ*—Черв. гор. 110.—*Хроника Яна изъ Чарикова* (изд. Бѣловскаго) М. Р. II, 629. По миру, заключенному литовскими князьями, въ томъ числѣ и Любартомъ, съ Казиміромъ В., въ 1352 г. (?), къ Казиміру отошла Львовская земля, а къ литовцамъ—Владимірская, Луцкая, Берестейская, Белзская и Холмская (*Акты Зап. Рос.* I, 1). Впослѣдствіи же Белзъ и Холмъ переходятъ изъ рукъ поляковъ въ руки литовцевъ и только въ к. XIV в. дѣлаются окончательно достояніемъ первыхъ.

¹⁾ *Lubardo Luceoriensis terra cum omnibus territoriis primaevae et villis quemadmodum fuit a principio, id est, Stożek, Daniłow, Zakamień, Szumsk, Ostrog, Polonne et Międzyboże.* См. *Stecki—Wolyn, ser. 2-ga*, p. 113. *Daniłowicz—Scarbiec diplomatów.* Wilno, 1860, p. 210, № 432 (по польски).

²⁾ Въ грамотѣ, данной въ 1386 г. Ягайломъ и Витовтомъ князю Федору Даниловичу Острожскому, говорится: «*damus, donamus.. castrum ipsius Ostrog et cum districtibus sitti ostroviensis, sicut pater ipsius dux Daniel habuit, ad dictum castrum Ostrog pertinencium, istos districtus nominamus: Korzec, Zosslaw, Ohlapothyn, Iwanyn, Chrestowicz, Krasne, Krupa.*» «*Arch. ks. Lubartowiczów Sang.*» Т. I, p. 6. Опредѣленіе упомянутыхъ въ грам. мѣстъ см., между прочимъ, у Любавскаго, въ его соч. — Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго госуд. ко врем. изд. перв. Литов. ст., стр. 221.

³⁾ *Ib.* 501—502.

⁴⁾ *Ib.*, 485, 501.

⁵⁾ *Ib.*, 596.

⁶⁾ *Ib.*, 488.

⁷⁾ *Ib.*, 511—13.

⁸⁾ *Ib.*, 562, 588.

⁹⁾ *Ib.*, 501.

Опредѣлимъ положеніе Стожка, Данилова, Изяславля и Жидичина; положеніе другихъ вышеупомянутыхъ городовъ Луцкаго княжества опредѣлено уже нами раньше.

Даниловъ и *Стожокъ* (Истожекъ) упоминаются въ лѣтописи подъ 1261¹⁾: въ этомъ году эти города были разметаны, по приказанію Бурундая. Мѣстоположеніе ихъ собственно неизвѣстно. Въ Кременецкомъ у. есть дер. Стожокъ и Даниловка; быть можетъ, это и есть лѣтописные города Даниловъ и Стожокъ²⁾. При Витовтѣ въ 1392 г. Стожокъ и Кременецъ были отданы Скиргайлу³⁾. Вѣроятно, Стожокъ былъ довольно большимъ городомъ въ XIV в.

Также неопредѣленно положеніе и *Закаменя*. По мнѣнію Стецкаго⁴⁾, теперешній Подкамень, на границѣ (вост.) Галиціи, и есть Закамень, принадлежавшій Любарту.

Положеніе *Заславля* опредѣляется изъ описанія похода Батуги на Волынь⁵⁾: онъ находился на пути изъ Кіева во Владиміръ, между Каменцомъ и Кременцомъ. Теперешній Заславль и есть лѣтописный Изяславль.

Жидичинъ упоминается подъ 1227 г. Въ этомъ году, Даниилъ Романовичъ, по словамъ лѣтописца, «еха въ Жидичинъ кланяться и молитися святому Николѣ, и зва и Ярославъ къ Лучьску; и рѣша ему бояре его: прими Луческъ»⁶⁾. Изъ этихъ словъ явствуется, что Жидичинъ находился недалеко отъ Луцка, по всей вѣроятности, на мѣстѣ теперешняго Жидичина (на р. Стырѣ).

Луцкое княжество въ XIII—XIV вѣкахъ занимало огромную территорію между Стыремъ и Случью. Рѣка Стырь

¹⁾ Ib. 562

²⁾ Любавскій Обл. дѣл., стр. 230 (о Стожкѣ).

³⁾ Anno 1392 Vitold testatur Skirgello .. datum esse districtum et arcem Krzemieniec et districtum Stożek. Cod. ep. Vit. № XCVIII.—*Stecki* — Wol. II, 92. «Вол. губ. вѣд.» 1868 г., № 76.

⁴⁾ *Stecki*—Wolyn, t. II, p. 40 (въ прим. 1).

⁵⁾ Ип. 523.

⁶⁾ Ib., 501.

была границею между Луцкимъ и Владимірскимъ княжествами. Въ составъ Владимірскаго княжества въ XIII—XIV входили слѣдующіе города (кромя, разумѣется, г. Владиміра): Перемиль, Бужковичи¹⁾, Городелъ²⁾, Любомль³⁾, Ратно⁴⁾, Турійскъ⁵⁾, Любязь, Ветлы, Чарнигородокъ, Камень, Мельница⁶⁾, Небль⁷⁾, Житань; села Березовичи, Садовое и Сомино⁸⁾. Всѣ эти мѣстности находились въ собственно Владимірскомъ княжествѣ. Къ этому же княжеству въ XIII в. принадлежала еще большая часть такъ называемой Берестейской земли, т. е. города Берестіе, Каменець, Мельникъ, Кобринъ, Рай и Бѣльскъ. Объ этихъ городахъ мы говорили уже раньше; они при Гедиминѣ отошли уже къ Литвѣ и составляли удѣлъ Кейстута⁹⁾.

Что касается городовъ и селъ собственно Владимірскаго княжества, то мы опредѣлили уже положеніе Перемиля, Городла, Любомля, Турійска, Камня, Мельницы, Небля; остается указать положеніе остальныхъ.

Гдѣ находились села—*Березовичи*, *Садовое* и *Сомино*, завѣщанныя Владиміромъ Васильковичемъ своей супругѣ, неизвѣстно. *Бужковичи*, по смыслу лѣтописнаго разсказа¹⁰⁾, должны были находиться между Владиміромъ и Перемилемъ на р. Липѣ; по всей вѣроятности, это тепер. д. Бушковичи, недалеко отъ р. Луга, во Владиміровол. уѣздѣ.

За Бушковичами у Владиміра находилась *Житань*—теперь въ окрестностяхъ г. Владиміра находится урочище Житань¹¹⁾.—

¹⁾ Ib. 588.

²⁾ Ип. 595.

³⁾ Ib. 604.

⁴⁾ *Danilowicz*—Scarb. I, 210, подъ 1366 г., № 432.

⁵⁾ Ип. 483, 544.

⁶⁾ *Danil*. Scarb. I, 210; *Stadnicki Syn Ged.*, II, 46

⁷⁾ Ип. 566.

⁸⁾ Ib. 595.

⁹⁾ *Stadnicki Syn Ged.* II, 46.

¹⁰⁾ Ип. 588.—*Любавскій*—Обл. дѣл., стр. 226.

¹¹⁾ Е. Н. *Дерницкій*—Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Вол. Кіевъ, 1889, стр. 48.

Г. Ратно, тепер. Ратно, на р. Припяти¹⁾, по раздѣлу между Казиміромъ В. и литовскими князьями, остался за королемъ²⁾, а Любяжъ, Ветлы, Чарнигородокъ, Камень и Мельници по тому-же раздѣлу отошли къ Любарту. Любяжъ, тепер. Любядзь, на р. Припяти, недалеко отъ озера того-же имени, въ Пинскомъ у. — Ветлы — тепер. д. Ветлы, въ Ковельскомъ у., у р. Припяти³⁾.

Что касается Чарнигородка, то на бывшихъ у насъ подъ руками картахъ мы его не нашли. Въ «Ревизіи пущъ и переходовъ въ в. кн. Литовскомъ». (Вильна, 1867 г. стр. 4) упоминается пуца Чернигородская въ ключѣ Луцкомъ. Очень можетъ быть, что эта пуца получила также названіе по имени нашего Чарнигородка.

Основываясь на положеніи названныхъ нами городовъ, можно довольно точно констатировать границы собственно Владимірскаго княжества въ XIII—XIV вв. Начинаясь у р. Зап. Буга, сѣв. зап. граница проходила, по всей вѣроятности, по той мѣстности, по которой проходитъ и теперь; отъ д. Ветлы граница не поворачивала, какъ теперь къ югу, а шла дальше, захватывая часть нынѣшняго Пинскаго у.; за Неблемъ начиналась сѣверная граница, которая шла до р. Стыря; отсюда по водораздѣлу между Стыремъ и Стоходомъ поворачивала на югъ и шла, по всей вѣроятности, по тому-же рубежу, который раздѣляетъ теперь сначала Луцкій уѣздъ и Ковельскій, а затѣмъ Луцкій и Владимірскій. Южная граница проходила между Стыремъ и Бугомъ, выше Буска и Олеска, которые въ к. XIV в. окончательно отошли къ Польшѣ.

По договору 1366 г. Казиміра В. съ литовскими князьями, Любарту Гедиминовичу досталось Луцкое княжество съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ округовъ Владимірскаго княжества. Насколько незначительна была территорія послѣдняго послѣ 1366 г., видно какъ изъ этого договора, извлеченнаго

¹⁾ *Stadnicki*—Syn. Ged. II, 191.

²⁾ *Daniłowicz*—Scarb., I, 210; *Stadnicki*—Syn. Ged. II, 46.

³⁾ *Stadnicki*—Syn. Ged. II, 191.

Нарушевичемъ изъ королевскаго архива, такъ и изъ хранища-гося въ архивѣ Сангушковъ документа, относящагося къ 1366 г. и представляющаго собою договоръ Любарта Гедиминовича съ Казиміромъ В.¹⁾ Восточная граница, напр., Владимірскаго княжества въ это время проходила почти у самаго Владиміра, такъ какъ упоминаемыя въ договорѣ Любарта съ Казиміромъ В. окраинныя села — Марковъ Ставъ и Уймыца находятся теперь во Владиміровол. у., всего въ верстахъ 15 — 20 къ в. отъ г. Владиміра.

При Любартѣ Гедиминовичѣ выдѣлилось изъ Луцкаго княжества, какъ о томъ выше упоминалось, княжество Острожское. Границы его могутъ быть опредѣлены на основаніи грамоты, данной въ 1386 г.²⁾ Ягайломъ кн. Федору Даниловичу Острожскому. Княжество это, по всей вѣроятности, занимало слѣдующіе уѣзды теперешней Волынской губерніи: Острожскій, Заславскій, зап. часть Новградволынскаго и Староконстантиновскаго.

¹⁾ Договоръ 1366 г., извлеченный Нарушевичемъ (Naruszewicz. IX, 245—247; *Stadnicki—Syn. Ged.*, II, 46) изъ корол. архива, гласитъ слѣдующее: «*Pax autem in formam coaluit hanc: Lubardo Luceoriensis terra cum omnibus territoriis primaevae et villis quemadmodum fuit a principio i. Szumsk, Ostrog, Polonne et Miedzyboże. Insuper ad Luceoriensem terram renunciavit territorium Vladimiriense, Wetly, Lbiaż, Czarnyhorodok, Kamień, Mielnica.*». Въ «*Arch. Sang.*». t. I, напечатано:—«*Rozgraniczenie dzielnicy Łuckiej ks. Dymitra (Lubarta) od posiadłości królewskich i zobowiązanie się do wzajemnej pomocy.*». Тутъ говорится: «Се язъ князь великій Дмитрій доканчиваю и повиную ся службою таковою: а се доканчанье межъ королемъ польскымъ и княземъ Дмитриемъ; къ Володимірю отступается по толѣ: по Оуѣмицю, по Пѣсчаны и Бродъ, по Еоуѣмиково село, от Еоуѣмикова села до Маркова става, от Маркова става по львовскую дорогу къ Скоморохомъ; а от Пѣсчана броду по Пиньскій мостъ, а оттолѣ по Турью, поколѣ Турья прошла».—См. опредѣленіе положенія нѣкоторыхъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ договорѣ 1366 г. Казиміра В. съ литовскими князьями у *Любавскаго* — Обл. дѣл., стр. 225—226. «*Марковъ Ставъ*», по Любавскому (Обл. дѣл., стр. 226)—село при р. Лугѣ, къ югу отъ Владиміра, а по Теодоровичу (гор. Владиміръ, стр. 171)—с. Марковичи, въ 28 в. отъ Владиміра.

²⁾ «*Arch. Sang.*» t. I, p. 6, № VI. *Syn. Ged.* II, 163.

Въ такіе предѣлы была заключена въ теченіе изслѣдуемаго нами времени Волынская земля. Къ изложенію ея судьбы за время до к. XIV в. мы и приступимъ теперь; причемъ, сначала скажемъ о внѣшней исторіи Волыни до $\frac{1}{2}$ XII в., когда она (т. е. Волынь) снова дѣлается самостоятельной и независимой отъ Кіева.

V. Волинь съ к. X в. и до $1\frac{1}{2}$ XII в.

Съ конца X в. и до половины XII в. Волинь стоитъ въ той или иной зависимости отъ кievскихъ князей, и владимірскій столѣ занимаютъ большею частью сыновья кievскихъ князей, рѣже племянники, иногда братья¹⁾; при чемъ, до утвержденія во Владимірѣ Мономаховичей (первый владимірскій князь изъ рода Мономаха былъ Романъ, назначенный во Владиміръ, по Ип. списку лѣт., въ 1117 г.)²⁾, на столѣ этомъ сидятъ представители разныхъ княжескихъ родовъ. Княженіе ихъ бывало обыкновенно весьма непродолжительно,—вслѣдствіе чего ни они не могли настолько сжиться съ землею, чтобы стать всецѣло на защиту ея интересовъ, ни, наоборотъ, земля не чувствовала особой привязанности къ случайному князю. Земля была сама по себѣ, а князья сами по себѣ. Это обстоятельство должно было содѣйствовать развитію общинно-вѣчевой жизни на Волини. Къ несчастью, лѣтописецъ, интересовавшійся болѣе всего внѣшними дѣлами, мало обращалъ вниманія на внутреннее состояніе земли, вслѣдствіе чего въ лѣтописи мы находимъ слишкомъ мало свѣдѣній касательно этого состоянія земли Волинской. Однако, и этого малаго достаточно для того, чтобы сказать, что общинно-вѣчевыя традиціи, имѣвшія несомнѣнно, громадную силу

¹⁾ Извѣстенъ одинъ случай, когда во Владимірѣ былъ назначенъ посадникъ. Въ 1099 г. кн. Святоша и Путята, воевода Святополка Изяславича, побѣдивъ Давида Игоревича у Владиміра, сядятъ въ послѣднемъ воеводу Святополка — Василя (Ип., 179).

²⁾ Ипат., 205.

въ періодъ самостоятельности Волыни, не заглохли и теперь, когда Волынь стала въ зависимое положеніе отъ Кіева, а княжескія усобицы питали ихъ. При разсмотрѣніи внутренняго быта волынянъ мы коснемся этого вопроса подробнѣе, а теперь перейдемъ къ изложенію внѣшнихъ событій Волынскаго княжества за отмѣченный нами періодъ.

Первымъ владимірскимъ княземъ изъ дома Владиміра Св. былъ Всеволодъ Владиміровичъ. Когда онъ сталъ княжить во Владиміръ, какова его дѣятельность во вновь образовавшемся княжествѣ, ничего неизвѣстно. Въ лѣтописи кратко сказано, что Владиміръ Св., по крещеніи своемъ, роздалъ волости сыновьямъ; между прочимъ, Всеволоду далъ Владиміръ¹⁾; но когда это случилось, лѣтопись не даетъ по этому вопросу никакихъ указаній. Длугошъ раздачу волостей Владиміромъ Св. относитъ къ 1005²⁾, но насколько достовѣрно его извѣстіе, судить не беремся: у Длугоша вообще нельзя искать правильной хронологіи.

По смерти Владиміра Св. произошла усобица между его сыновьями. Святополкъ, по словамъ лѣтописца, «нача помышляти: якъ избыю братью свою, и прииму власть Рускую единъ»³⁾. Борисъ, Глѣбъ и Святославъ пали жертвами его властолюбивыхъ стремленій. По Татищеву, подобная участь постигла и Всеволода⁴⁾. Наврядъ ли, однако, лѣтописецъ пропустилъ бы такой крупный фактъ, какъ убійство Всеволода!..

Кто княжилъ во Владиміръ послѣ Всеволода, лѣтописецъ не говоритъ. Мы только знаемъ, что Ярославъ, умирая, Черниговъ отдалъ сыну Святославу, бывшему въ то время (какъ долго, неизвѣстно) княземъ владимірскимъ⁵⁾.

¹⁾ Гл., 83.

²⁾ Дл. I, 137.

³⁾ Ил. 98.

⁴⁾ Татищевъ по поводу бѣгства и убійства Святослава говоритъ: «Выше въ раздѣленіи дѣтей Владиміровыхъ № 191 написано: Всеволоду опредѣлялъ Владиміръ, почему Святославу изъ Древлянъ чрезъ сей градъ надлежало вѣхать; но здѣсь и послѣ Всеволода не упоминаетъ, но уже явно, что Всеволодъ прежде отца умеръ, или купно со Святославомъ убитъ». *Татищевъ*—II, 216 пр.

⁵⁾ Ил. 114.

Стремленія Святополка къ единовластію нашли себѣ отпоръ въ Ярославѣ, явившемся мстителемъ за невинно пролитую кровь братьевъ. Въ возникшемъ междоусобіи принимаютъ участіе и иноплеменники. Святополкъ, разбитый у Днѣпра въ 1016 г., бѣжитъ въ Польшу къ тестю своему Болеславу Храброму¹⁾. Последний, стремившійся къ распространенію своихъ владѣній на счетъ сосѣдей, къ тому же, какъ ярый католикъ²⁾, вдвойнѣ стремившійся къ этому — и для увеличенія своего политическаго могущества, и для просвѣщенія истиннымъ свѣтомъ христіанства варваровъ, хотя бы даже и принявшихъ христіанство, но не Рима, а пѣзъ Византіи,—воспользовался представившимся ему удобнымъ случаемъ, чтобы вмѣшаться во внутреннія дѣла Руси, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, свои цѣли,—а не интересы Святополка. Всѣ перипетіи борьбы Ярослава съ Болеславомъ описаны очень подробно, съ значительными прикрасами и прибавленіями, у польскихъ историковъ, начиная съ Галла и кончая Длугошемъ и Стрыйковскимъ.

Не будемъ входить въ разборъ извѣстій всѣхъ этихъ польскихъ историковъ касательно интересующаго насъ вопроса, такъ какъ этотъ разборъ сдѣланъ до насъ другими, напр. г. Линиченко, въ его трудѣ—«Взаимныя отношенія Руси и Польши до 1/2 XIV в.». Для насъ важенъ фактъ, что результатомъ борьбы Святополка съ Ярославомъ былъ захватъ Болеславомъ Червенскихъ городовъ.

Театромъ войны является сначала Волынь. Здѣсь, у Буга, произошло сраженіе³⁾, окончившееся пораженіемъ Ярослава и

¹⁾ Ип. 100. — *Thietmari chronicon*. Mon. Pol., пад. Aug. Biel., I, p. 310.

²⁾ *Vogurphali Chronicon*. Mon. Pol. II, 482—3.

³⁾ Изъ извѣстій позднѣйшаго времени мы знаемъ, что Болеславъ во время похода своего на Русь захватилъ въ полонъ 800 человекъ, которыхъ Казиміръ («Милхъ» или «Реставраторъ»), женившись на сестрѣ Ярослава Маріи, возвратилъ Ярославу, какъ вѣно за сестру (Ип. 108. Dlug. I, 201). Г. Линиченко предполагаетъ, что эти 800 человекъ были или новгородцы, воины Ярослава, захваченные Болеславомъ въ сраженіи при р. Бугѣ, или плѣнники, которые были захвачены, — допустивъ достоверность разсказа

его бѣгствомъ, Волинь же, какъ расположенная на пути пзъ Польши въ Кіевъ, должна была первою подвергнуться бѣдствіямъ этой войны. А война эта, сопровождавшаяся опустошеніемъ городовъ и селъ и уводомъ людей въ плѣнъ, была очень бѣдственна для населенія!

Быль ли въ это время во Владимірѣ князь, лѣтопись не сообщаетъ. По всей вѣроятности, его тамъ не было, такъ какъ нельзя же допустить, чтобы князь оставался простымъ зрителемъ совершавшихся въ его княжествѣ событій; въ этой борьбѣ онъ непременно долженъ былъ бы принять ту или другую сторону, — а въ такомъ случаѣ и лѣтописецъ не преминулъ бы сообщить его имя. Его, вѣрно, не было тамъ и въ 1030 г., и въ 1031 г., когда Ярославъ, воспользовавшись смутами въ Польшѣ, возвратилъ Руси Червенскіе города ¹⁾. Святославъ Ярославичъ, о кото-

Галла о вторичномъ пораженіи Ярослава, на возвратномъ пути Болеслава въ Польшу, — во время этого второго пораженія (*Линниченко* — Взаимныя отн. Руси и Польши до 1/4 XIV в., 290). Почему г. Линниченко думаетъ, что эти 800 человекъ были непременно дружинниками Ярослава? Длугошъ, описывая походъ Болеслава Храбраго въ 1008 г., мотивами его выставляетъ — во 1-хъ, желаніе возстановить на престолѣ кіевскомъ Святополка, а во 2-хъ, отомстить за грабежи и обиды, которымъ часто подвергались поляки со стороны русскихъ. Войдя въ предѣлы русской земли, Болеславъ беретъ русскіе города... Описывая тотъ-же походъ и подъ 1018 г., Длугошъ говоритъ, что Болеславъ, вторгнувшись во владѣнія Руси, придаетъ ихъ огню и мечу; многіе города или завоевываетъ, или безъ сопротивленія беретъ. (*Diug. I, 142—43. 155—156*). Если рассказъ Длугоша достоверенъ, то можно допустить, что эти 800 человекъ были жителями взятыхъ Болеславомъ городовъ и разрушенныхъ селъ. На это намекаетъ также и Воскресенская лѣтопись. По ея извѣстію, Казиміръ возвратилъ Ярославу 800 человекъ плѣнныхъ, не считая въ томъ числѣ женъ и дѣтей (*Воскр. П. С. Р. Л., т. VII, 331*). Дѣти, конечно, были не тѣ дѣти, которыя могли быть взяты во время похода 1018 г., такъ какъ съ того времени прошло уже 25 л.; но жены могли быть и тѣ, которыя были взяты въ полонъ въ это время.

¹⁾ Объ этомъ событіи въ лѣтописи сообщается слѣдующее: въ 1030 г. «Ярославъ взя Белзъ... В се же время умершу Болеславу великому въ Ляхъхъ, и бысть мятежъ великъ въ Лядьской земли: и выставше людѣ избѣша епископы, и поны, и бояры свои, и бысть мятежъ въ нихъ». Въ 1031 г. «Ярославъ и Мъстиславъ собраста вох многы, и идоста на Ляхы, и заяста грады

ромъ лѣтописи говорить подъ 1054 г., какъ о князѣ владимірскомъ, само собою разумѣется, не былъ имъ ни во время похода Болеслава на Русь въ 1018 г., ни во время борьбы Ярослава съ поляками изъ-за Червенскихъ городовъ въ 1030 — 31 г.: въ 1018 г. его еще не было на свѣтѣ, а въ 1030—31 г. ему было всего 3 или 4 года, такъ какъ по лѣтописи намъ извѣстно, что онъ родился въ 1027 г. (Ип. 105).

Червенскія опять, и повоевала Лядскую землю, и многи Ляхи приведоста, и раздѣлиста я; и посади Ярославъ своя по Рси, и суть и до сего дни» (Ип. 105). Итакъ, лѣтописецъ возвращеніе Червенскихъ городовъ ставитъ въ связь со смутами, происшедшими въ Польшѣ по смерти Болеслава Храбраго. Смерть послѣдняго наша лѣтопись относитъ къ 1030 г., по польскимъ-же источникамъ, — она произошла раньше: такъ, по Богуѣалу — въ 1026 г., по Длугош — въ 1025 г., то-же въ «Chronicon Miersuae», въ «Rocz. Kamien.» и др. *Boğuphali chron.* М. Р. II, 483; *Dług.* I, 163—169; *Miersuae chron.* М. Р. II, сар. 23; *Rocznik Kamieniecki.* М. Р. II, 778. См. также Линниченко—Взаимныя отн., стр. 185, пр. 2.

О смутахъ въ Польшѣ послѣ смерти Болеслава говорятъ и польскіе писатели: такъ, Богуѣалъ рассказываетъ, что во время правленія преемника Болеслава — Мечислава II, въ Польшѣ произошли неурядицы. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались покоренные народы, отказались повиноваться и платить возложенную на нихъ Болеславомъ Храбрымъ дань. Беспорядки не прекратились и со смертью Мечислава II (1033); жена и сынъ послѣдняго Казиміръ должны были бѣжать въ Брунсвикъ, въ Саксонію (*Boğuphali chron.* М. Р. II, 484). Длугошъ сообщаетъ, что Ярославъ и Мстиславъ, воспользовавшись смертью Болеслава Храбраго, овладѣли Червенемъ и иными городами, но Мечиславъ вторгся въ предѣлы русской земли, взявъ въ плѣнъ русскихъ вельможъ и привелъ къ покорности отложившіеся города.

По смерти Мечислава, за несовершеннолѣтіемъ его наслѣдника—Казиміра, правила мать послѣдняго, пока вслѣдствіе обидъ и оскорбленій, нанесенныхъ ей вельможами и воинами, не ушла вмѣстѣ съ сыномъ Казиміромъ въ Саксонію, въ Магдебургъ и Брунсвикъ (въ 1036 г.). Для отомщенія обидъ, нанесенныхъ ей, императоръ послалъ въ Польшу войска. Подъ 1037 г. Длугошъ рассказываетъ о мятежѣ въ Польшѣ (*Dług.* т. 1, 169, 179, 180—1). Г. Линниченко причину междоусобія, послѣдовавшаго за смертью Болеслава, видитъ въ томъ, что престолъ занялъ не старшій сынъ его Бестримъ, а средній — Мѣшко. «Бестримъ», говоритъ г. Линниченко, «вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Отономъ, опираясь, какъ кажется, на языческой реакціи, начинаютъ борьбу противъ Мѣшка; въ эту борьбу они увлекаютъ императора,

Подъ 1054 г. мы впервые узнаемъ, что во Владимірѣ княжилъ Святославъ Ярославичъ, который въ этомъ году назначенъ былъ умирающимъ отцомъ княземъ въ Черниговъ (Ип. 113). Его мѣсто занялъ въ 1055 г. Игорь Ярославичъ, но княжилъ онъ во Владимірѣ очень недолго. Въ 1057 г. въ Смоленскѣ скончался Вячеславъ Ярославичъ, и старшіе князья перевели туда

Венгрію и, какъ кажется, саму Русь» (Линниченко — Взаимныя отн., 186). Бестримъ бѣжитъ въ Русь, гдѣ Ярославъ принимаетъ его сторону и дѣлаетъ нападеніе на Польшу въ то время, когда императоръ Конрадъ, другой союзникъ Бестрима, нападаетъ на нее съ другой стороны (Линниченко — Взаим. отн., 187). Ярославу были на-руку безпорядки въ Польшѣ. Пользуясь ими, онъ возвратилъ Руси утраченные ею Червенскіе города. Наша лѣтопись, какъ мы уже сказали, и относитъ это событіе къ 1030—1031 г., а Длугошъ — къ 1041 г. Последний говоритъ, что Казиміръ, сынъ Мечислава, провозглашенный королемъ Польши, женился на сестрѣ Ярослава — Маріи, причемъ, «*multa castra et regiones Russiae, quae Avus suus Boleslaus Polonorum rex Primus, in Russia victo et conflictu Jaroslaw consecutus fuerat, et in eandem tenuerat, post contractam affinitatem, in signum veri foederis et affinitatis Jaroslaw restituit*» (Длуг. I, 201). Довѣряя разсказу нашего лѣтописца, мы въ то-же время можемъ съ г. Линниченко (Взаим. отн., 189) признать достовернымъ и разсказъ Длугоша, но въ томъ смыслѣ, что Казиміръ окончательно отказался отъ притязаній на Червенскіе города. Такая уступка со стороны Казиміра была вызвана какъ родствомъ его съ Ярославомъ, такъ и помощью, оказанною Ярославомъ Казиміру (прозванному Мнихомъ или Реставраторомъ: мнихомъ — потому что онъ, удалившись изъ Польши, поступилъ въ Бенедиктинскій Ключійскій монастырь, а предъ возвращеніемъ въ Польшу былъ уже нареченъ Карломъ въ саксонскомъ монастырѣ св. Ламперта; реставраторомъ — за то, что онъ возстановилъ миръ въ Польшѣ и возвратилъ ей все, что было потеряно за время правленія отца его Мечислава) въ усмиреніи мазовскаго князя Моислава. О походахъ въ Мазовію Ярослава говоритъ наша лѣтопись. Подъ 1041 г. въ ней читаемъ: «Иде Ярославъ на Мазовшаны въ лодяхъ»; подъ 1047 г. — «Ярославъ иде на Мазовшаны, и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава и поговори я Казимеру» (Ип. 109). Последнія слова указываютъ на цѣль похода Ярослава въ Мазовію. Воскресенскій лѣтописный сводъ насчитываетъ такихъ походовъ 3: первый подъ 1041 г., второй — подъ 1043 г.: «того-же лѣта», говорится въ сводѣ, «князь великій Ярославъ дасть сестру свою за Казиміра, за Болеслава сына Лятцкова. И въ та лѣта обидяше Моиславъ Казиміра, и ходи Ярославъ дважды въ лодіяхъ на Мазовшане»; третій — подъ 1046 г.:

Игоря. Кто-же занялъ вакантный владимірскій столъ? Для разрѣшенія этого вопроса обратимся къ лѣтописи. Подъ 1064 г. тамъ записано такое событіе: «Бѣжа Ростиславъ къ Тмutorаканю, сынъ Володимиръ, внукъ Ярославъ, и с нимъ бѣжа Порей и Вышата сынъ Остромиръ воеводы Новгородскаго; и пришедь выгна Глѣба изъ Тмutorакана, а самъ сѣде в него мѣсто»¹⁾. Кто же былъ этотъ Ростиславъ? Ростиславъ—«сынъ Володимиръ, внукъ Ярославъ», говоритъ лѣтописецъ. Откуда же бѣжалъ Ростиславъ Владиміровичъ? Изъ Новгорода или изъ другого какого-нибудь мѣста? Гдѣ княжилъ онъ до своего бѣгства? Ученые разрѣшаютъ этотъ послѣдній вопросъ разнo. По Татищеву²⁾, во Владиміръ послѣ ухода Игоря Ярославича въ Смоленскъ долженъ былъ княжить Ростиславъ Владиміровичъ (бывшій до того времени княземъ Ростова и Суздаля). Извѣстіе Татищева принимается за достовѣрное Барсовъ, который говоритъ, что «извѣстіе это подтверждается притязаніями, которыя имѣли на Владимірскую землю и на земли, связанныя съ нею, сыновья Ростислава»³⁾. Карамзинъ же сомнѣвался въ достовѣрности сообщеннаго Татищевымъ извѣстія. По его словамъ, «во многихъ спискахъ Нестора, именно сказано, что Ростиславъ бѣжалъ изъ Новгорода»⁴⁾. «Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и все Поволжье»,

«Иде Ярославъ въ третей на Мазовшаны и побѣди а, и князя ихъ уби Моислава, и покори землю ту Казимиру». (Воскрес. П. С. Р. Л., т. VII, 331). Изъ приведенныхъ нами извѣстій нашихъ лѣтописей и иностранныхъ источниковъ не видно, чтобы во время борьбы съ поляками принимали участіе въ ней и владимірскіе князья, хотя борьба эта близко касалась Волыни. Очевидно, ихъ въ это время тамъ и не было.

¹⁾ Ип. 115.

²⁾ Татищевъ подъ 1064 г. говоритъ: «Ростиславъ, сынъ Владиміровъ, внукъ Ярославъ, которому по смерти отцовой данъ былъ во владѣніе Ростовъ и Суздаль, а по смерти Игоря переведенъ дядьями на Волынь, и не хотя тѣмъ доволенъ быти, пришедь взялъ Тмutorаканя, а Глѣба сына Святославова выгналъ, съ нимъ-же были Порей и Вышата, дѣти Строимы Новгородскаго» (Исторія Рос., т. II, 117).

³⁾ Барсовъ — Очерки, стр. 278.

⁴⁾ Карамзинъ—II, 115 прим.

какъ утверждаетъ Карамзинъ, «Ярославъ Владиміровичъ отдалъ въ удѣлъ сыну своему Всеволоду, а Новгородъ — Изяславу; что же касается Ростислава, то онъ, не имѣя никакого удѣла, жилъ праздно въ Новгородѣ. Будучи отваженъ и славолюбивъ, онъ подговорилъ съ собою нѣкоторыхъ молодыхъ людей вмѣстѣ съ Выпатою, сыномъ Новгородскаго Изяславова посадника, Остромира, ушелъ въ Тмутаракань»¹⁾. По мнѣнію Погодина, Ростиславъ бѣжалъ въ Тмутаракань изъ Новгорода, но въ Новгородѣ онъ не княжилъ, такъ какъ этотъ городъ тогда, судя по припискѣ на Остромировомъ евангеліи, принадлежалъ Изяславу. Затѣмъ Погодинъ думаетъ, что слово «бѣжалъ» употреблено здѣсь въ смыслѣ—удалился, отправился²⁾. Разберемъ только что приведенныя мнѣнія.

Карамзинъ и Погодинъ говорятъ, что Ростиславъ ушелъ изъ Новгорода, и что уходя этотъ былъ вполне добровольный, но въ подтвержденіе своихъ словъ не приводятъ никакихъ вѣскихъ аргументовъ, такъ какъ нельзя же считать таковымъ, напр., аргументъ Погодина, который лѣтописное слово «бѣжалъ» передаетъ словомъ — ушелъ, отправился, тогда какъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ лѣтописи, насколько намъ извѣстно, слово—«бѣжалъ» не употреблено въ такомъ смыслѣ. Напротивъ, подъ 1078 г. читаемъ: «Бѣжа Олегъ, сынъ Святославль, Тмутараканю отъ Всеволода»³⁾. Здѣсь, слово «бѣжалъ» — значитъ ли ушелъ, отправился?

Извѣстію Татищева можно противопоставить извѣстіе, напр., Никоновскаго лѣтописнаго свода, гдѣ подъ 1064 г. сказано: «Бѣжа изъ Новгорода Ростиславъ во Тмутаракань». Вмѣстѣ съ Ростиславомъ тогда-же и туда-же бѣжали Порей и Выпата, сынъ Остромира, новгородскаго воеводы⁴⁾.

Барсовъ совершенно игнорируетъ послѣдній фактъ; между

¹⁾ Карамзинъ—II, 42.

²⁾ Погодинъ—Исслѣд., замѣч. и лекціи—VI, 34.

³⁾ Ип. 113 и 140.

⁴⁾ У Татищева (II, 117)—Порей и Выпата — дѣти Стормилы Новгородскаго. О Выпатѣ см. Патерикъ кіево-печ. лавры, изд. 1843 г., л. 64, стр. 2.

тѣмъ какъ онъ подтверждаетъ извѣстіе Никоновскаго свода о бѣгствѣ Ростислава именно изъ Новгорода. Во всякомъ случаѣ, въ бѣгствѣ этомъ отсюда нѣтъ ничего невѣроятнаго. Отецъ Ростислава княжилъ въ Новгородѣ; быть можетъ, и Ростиславъ попытался было занять новгородскій столъ, при помощи преданныхъ ему бояръ, но, потерпѣвъ неудачу, вмѣстѣ съ преданными ему людьми бѣжалъ туда, гдѣ находили себѣ обыкновенно пріютъ лишенные удѣловъ предприимчивые князья (вспомнимъ, напр., Олега Святославича, Давида Игоревича, Володаря Ростиславича), въ отдаленную Тмутаракань. Барсовъ говоритъ, что извѣстіе Татищева о княженіи Ростислава Владиміровича во Владимірѣ послѣ 1057 г. подтверждается стремленіемъ Ростиславичей овладѣть Владимірскою волостью. Если мы даже допустимъ, что Ростиславъ, дѣйствительно, княжилъ во Владимірѣ, получивъ этотъ городъ послѣ перевода отсюда въ Смоленскъ Игоря Ярославича, то все-же непонятно, почему онъ оттуда бѣжалъ. Быть можетъ, Ростиславъ самовольно занялъ владимірскій столъ, а потомъ былъ лишенъ его въ 1064 г.? Какимъ-же образомъ могъ онъ продержаться тамъ до 1064 г. и на какомъ правѣ основывали впоследствии свои домогательства на Владимірѣ Ростиславичи? Почему они не искали тмутараканскаго стола? Вѣдь отецъ ихъ сидѣлъ тамъ (въ Тмутаракани) 2 года (съ 1064 г. по 1066 г.)?... Все это вопросы, на которые нечего искать отвѣта въ лѣтописи.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, княженіе Ростислава Владиміровича на Волыни является сомнительнымъ. Но если даже онъ, дѣйствительно, былъ княземъ владимірскимъ, то только до 1064 г., когда онъ, по извѣстію лѣтописи, бѣжалъ въ Тмутаракань¹⁾. Кто же былъ княземъ во Владимірѣ послѣ 1064 г.? Изъ того, что Святополкъ Изяславичъ обнаруживаетъ впоследствии притязанія на земли Ростиславичей и овладѣваетъ собственно Владимірскою областью²⁾, можно заключить, что когда-то, въ промежутокъ между 1057 г. (до 1054 г. Изяславъ былъ

¹⁾ Ип. 115.

²⁾ «Святополкъ же прогнавъ Давыда, нача думати на Володаря на Василка, глаголя: «Яко се есть волость отца моего и брата». Ип. 176.

въ Туровѣ, а послѣ 1054 г. до 1057 г. во Владимірѣ княжилъ Игорь) и 1073 г. (годомъ бѣгства Изяслава въ Польшу), Владимірское княжество принадлежало Изяславу, какъ непосредственному волостелю его¹⁾. Съ вокняженіемъ въ Кіевѣ въ 1073 г. Святослава Ярославича, владимірскій столъ, по всей вѣроятности, былъ отданъ его сыну Олегу. По крайней мѣрѣ, въ годъ смерти Святослава, т. е. въ 1076 г., Олегъ былъ во Владимірѣ, какъ это явствуетъ изъ «Поученія» Владиміра Мономаха, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «И Святославъ умре... И Олегъ приде изъ Володимери выведенъ»²⁾. Мы знаемъ по лѣтописи, что Святославъ умеръ въ 1076 г.³⁾, а такъ какъ Олегъ «выведенъ» изъ Владиміра послѣ смерти Святослава, то, слѣд., Олега во Владимірѣ уже не было послѣ 1076 г. И дѣйствительно, въ 1077 г. мы его видимъ въ Черниговѣ, у Всеволода⁴⁾. Этотъ-же Олегъ, вѣроятно, уже тогда князь владимірскій, вмѣстѣ съ Владиміромъ Мономахомъ участвовалъ въ походѣ поляковъ на Братислава Чешскаго⁵⁾.

У Длугоша мы встрѣчаемъ какого-то волынскаго князя Георгія, который во время борьбы Болеслава Смѣлаго съ русскими, желая оградить свое княжество отъ дальнѣйшаго польскаго разгрома, пріѣзжаетъ въ г. Волынь къ Болеславу въ тотъ самый моментъ, когда тотъ готовится брать еще два главныхъ города Владимірской области—Владиміръ и Холмъ, и изъясняетъ ему свою покорность⁶⁾.

Тутъ Длугошъ, очевидно, спуталъ. Онъ зналъ, что на Волыни былъ когда-то Игорь, который, впрочемъ, по его же извѣстію, въ 1054 г. занялъ смоленскій столъ и затѣмъ скоро скончался⁷⁾,

¹⁾ См. въ *Патер. Кіев. Печ.*—Житіе «Прохора Чудотв.» Изд. 1843 г., т. 144.

²⁾ Лавр. 239.

³⁾ Ип. 139.

⁴⁾ Ib. 170. «Олегъ же, Святославъ сынъ, бѣ во Всеволода в Чернѣговѣ».

⁵⁾ Ип. 139. «Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожъ и Олегъ Святъславъ Ляхомъ в помощь на Чехы».

⁶⁾ Dlug. I, 250.

⁷⁾ Dlug. I, 223.

и вотъ онъ, перемѣнивъ имя—Игорь на Георгій, заставляетъ послѣдняго изъявлять покорность Болеславу. Но какъ существованіе въ это время какого-то князя Георгія, такъ и завоеваніе Волыни Болеславомъ вымышлены Длугошемъ¹⁾. На самомъ же

¹⁾ *Dlug.* I, 249. Кстати, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ экспедиціи Болеслава Смѣлаго на Русь, такъ какъ, несомнѣнно, такъ или иначе, эта экспедиція коснулась и нашей Волыни.

Въ 1068 г. вслѣдствіе недоразумѣній съ вѣчемъ Изяславъ Ярославичъ бѣжитъ въ Польшу къ родственнику своему (Изяславъ былъ женатъ на сестрѣ Казимира Мниха, отца Болеслава Смѣлаго. *Воскрес. лѣт.* II. С. Р. Л. VII, 331. *Линиченко*. Вѣ. отн., 231—2. Патер. Кіево-Печ., изд. 1843 г., л. 133). Послѣдній въ слѣдующемъ году предпринялъ походъ на Кіевъ и на Всеслава (о Всеславѣ см. Патер. Кіево-Печ. Лавры, изд. 1843 г., л. 2 и 7), посаженнаго кіевлянами на княжескій столъ. Какъ извѣстно, Всеславъ самъ убѣждалъ въ Полоцкѣ, а кіевляне добровольно признали княземъ Изяслава, такъ что до осады города дѣло не дошло. Болеславъ, все-таки, вошелъ въ Кіевъ и пробылъ здѣсь нѣкоторое время, а воины его были разосланы на покормъ въ различныхъ мѣстахъ Кіевской области. Болеславъ, однако, скоро долженъ былъ уйти изъ Кіева, такъ какъ разосланныхъ на покормъ поляковъ русскіе стали тайно избивать (Ип. 121—2). Вотъ какъ передаетъ лѣтописецъ намъ обстоятельства похода Болеслава Смѣлаго на Русь. У Длугоша походъ этотъ отнесенъ къ 1070 г. Мотивами его онъ выставляетъ: во 1-хъ, желаніе Болеслава возстановить на престолѣ Изяслава Ярославича, во 2-хъ, желаніе его подчинить своей власти Россію, по примѣру прадѣда Болеслава Храбраго. Проживъ въ Кіевѣ лѣто, осень и зиму, Болеславъ возвращается въ Польшу и по дорогѣ, послѣ долгой осады, беретъ Перемышль (въ 1071 г. *Dlug.* 242—5). Въ Кіевѣ Изяславъ жилъ спокойно недолго: въ 1073 г., по выраженію лѣтописца, «воздвигъ дьяволъ котору въ брати сей Ярославичихъ», Изяславъ долженъ былъ бѣжать въ Польшу, а Кіевскій столъ заняли сначала Святославъ и Всеволодъ вѣстѣ, а потомъ одинъ Святославъ (Ип. 128). У Длугоша то-же событіе отнесено къ 1072 г.: Болеславъ Смѣлый, по разсказу Длугоша, взявши Перемышль (въ 1071 г.) и оставивъ тамъ сильный гарнизонъ, въ 1072 г. началъ войну съ Соломономъ Угорскимъ. По возвращеніи съ войны, Болеславъ провелъ зиму въ Перемышлѣ, а въ 1073 г. опять, оставивъ сильный гарнизонъ въ этомъ городѣ, отправился въ Кіевъ для возстановленія на престолѣ Изяслава. Однако, на этотъ разъ Болеславъ не дошелъ до Кіева. Завоевавъ многіе волынскіе города, онъ подступилъ къ г. Волыню. Осада длилась 6 мѣсяцевъ. Всеволодъ поспѣшилъ было на выручку Волыня, но, устрашившись Болеслава, ушелъ назадъ. Въ началѣ 1074 г., когда Болеславъ готовъ уже былъ выступить изъ Волыни, къ нему явилось посольство

дѣлѣ Волинь не была завоевана,—что подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1076 г. мы видимъ здѣсь княземъ Олега Святославича, а въ 1078 г. Всеволодъ Ярославичъ даетъ ее въ удѣлѣ вмѣстѣ съ Туровомъ сыну Изяслава Ярославича —

отъ владимірскаго князя Георгія съ предложеніемъ покорности, подѣ условіемъ дарованія пощады остальнымъ двумъ городамъ его, Георгія, земли. Болеславъ гдѣ-то столкнулся со Всеволодомъ и хотя побѣдилъ его, но и самъ потерпѣлъ настолько 'сильный уронъ, что долженъ былъ вернуться въ Польшу. Въ 1075 г. Болеславъ вновь идетъ на Кіевъ, беретъ его послѣ продолжительной осады, налагаетъ на него дань и отдаетъ его Изяславу (*Dlug.*, I, 247—255). Итакъ, изъ словъ Длугоша явствуетъ, что въ 1073 г. Болеславъ предпринялъ 2-й походъ на Кіевъ, но занявъ нѣкоторые волинскіе города и разбивъ Всеволода, въ войскѣ котораго были бояре и солдаты, бѣжавшіе изъ Холмской, Перемышльской и Волинской земель, вернулся въ Польшу.

Въ нашей лѣтописи о походѣ Болеслава Смѣлаго упоминается только одинъ разъ—подъ 1069 г. Правда, подъ 1077 г. читаемъ: «Поиде Изяславъ с Ляхы»,—но неизвѣстно, участвовалъ ли въ этомъ походѣ Болеславъ. Рассказъ Длугоша о походѣ Болеслава въ 1073 г. будетъ имѣть нѣкоторую долю достовѣрности, если мы сравнимъ его съ тѣмъ, что говоритъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поученіи». «Та идохъ Переяславлю отцю», говоритъ онъ, «а по Велицѣ дни ис Переяславлю та Володимирю, на сутейску мира творитъ с Ляхы». И дальше — «Та посла мя Святославъ съ Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци» (Лавр., 238). Такъ какъ послѣдній походъ лѣтопись относитъ къ 1076 г. (Ип., 139), то миръ съ ляхами, о которомъ упоминаетъ Владиміръ Мономахъ, былъ заключенъ, слѣд., до 1076 г. Очень возможно, что Болеславъ, къ которому убѣжалъ Изяславъ, радъ былъ вмѣшаться въ русскія дѣла, чтобы захватить Червенскіе города. Имѣя, быть можетъ, главнымъ образомъ въ виду эту цѣль и прикрываясь въ то-же время желаніемъ помочь родственнику, Болеславъ открылъ военныя дѣйствія противъ русскихъ. Походъ этотъ окончился миромъ, о которомъ говоритъ Владиміръ Мономахъ. Миръ этотъ былъ заключенъ раньше 1076 и 1075 г.: въ 1076 г., какъ мы говорили уже, русскіе помогаютъ полякамъ; въ 1075 г. не могло быть борьбы изъ-за Изяслава, потому что Изяславъ былъ въ это время въ Германіи (въ Ип., подъ 1075 г. говорится о посольствѣ «изъ Немець къ Святославу», а Татищевъ подъ тѣмъ-же годомъ сообщаетъ о приходѣ въ Кіевъ къ Святославу нѣмецкихъ пословъ, съ цѣлью примиренія его съ Изяславомъ. *Ист. Рос.* II, 129. Г. Линиченко говоритъ, что Изяславъ въ 1075 г. былъ въ Майнцѣ. *Взаимн. отн.*, 199; слѣд., миръ состоялся въ промежуткѣ между 1073 г. (годомъ бѣгства Изяслава) и началомъ 1075 г. Послѣ заключенія этого мира, по всей вѣроятности, поляки

Ярополку¹⁾. Если же, какъ-то утверждаетъ Длугошъ, — Перемышль²⁾ и перешелъ во временную зависимость отъ Польши, то во всякомъ случаѣ онъ былъ возвращенъ при Всеволодѣ, такъ какъ послѣдній, по извѣстію лѣтописи, отдалъ его Ростиславичамъ, а въ 1087 г. упоминается въ лѣтописи князь Перемышльскій Рюрикъ³⁾.

Въ 1078 г. владимірскій столъ занялъ Ярополкъ Изяславичъ. Князь этотъ, по словамъ лѣтописца, «много бѣды приимъ, безъ вины изгонимъ отъ братья своея, обидимъ, разграбленъ, прочее... Такъ бѣше блаженный съ князь тихъ, кротокъ, смѣренъ и братолюбивъ»⁴⁾. Этотъ тихій, скромный князь, дѣйствительно, много претерпѣлъ въ своей жизни! Слабый, постоянно прибѣгав-

указали дорогу Изяславу (Ип. 128). Въ 1077 г., по нашей лѣтописи, и въ 1075 г., по Длугошу (ошибочно), ляхи являются опять союзниками Изяслава. Чѣмъ объяснить такой ихъ поступокъ? Быть можетъ, вишнательствомъ въ пользу Изяслава папы? (См. *акты ист., изолеч. Тургеневымъ*, т. I, стр. 1—3). Г. Линниченко разрѣшеніе вопроса находитъ у Татищева. По словамъ послѣдняго, русскіе (Владиміръ Мономахъ и Олегъ Святославичъ), союзники поляковъ въ 1076 г., самовольно заключили миръ съ Вратиславомъ чешскимъ и отказались помогать полякамъ въ ихъ борьбѣ съ поморянами и пруссами (Татищевъ, *Ист. Рос.* II, 130). Это-то обстоятельство, по объясненію г. Линниченка, и послужило причиною охлажденія Болеслава къ Святославу (*Линниченко* — *Взаим. отн.*, 203). Какъ-бы то ни было, но Изяславъ въ 1077 г. съ польскою помощью идетъ добывать отеческій столъ. Всеволодъ встрѣчается съ нимъ на Волыни и заключаетъ миръ, по которому уступаетъ Кіевъ (Святославъ умеръ въ 1076 г., а по смерти его въ Кіевѣ сидѣлъ Всеволодъ) Изяславу (Ип. 140).

¹⁾ Ип. 143.

²⁾ Барсовъ (Оч. 279) считаетъ возможнымъ признать достоверность разсказа Длугоша о занятіи Перемышля Болеславомъ и о вторженіяхъ отсюда на Волынь, а г. Линниченко отрицаетъ фактъ захвата поляками Перемышля. (Вз. отн., 202—3). Мы не знаемъ точно границъ Владимірскаго княжества, когда имъ владѣлъ Игорь Святославичъ и его преемники, но изъ позднѣйшихъ домогательствъ Давида Игоревича можно вывести заключеніе, что владѣнія Игоря обнимали Волынь, Тербовльское княжество и, по всей вѣроятности, Перемышльское.

³⁾ Ип., 144, 167.

⁴⁾ Лавр., 200.

шій къ посторонней помощи, то кіевскаго князя—въ борьбѣ съ изгоями, то къ полякамъ—въ борьбѣ съ кіевскимъ княземъ, онъ не могъ дать самъ энергическаго отпора поползновеніямъ изгоевъ, да и кіевскій князь, пользуясь его слабостью, сталъ мало-по-малу уменьшать его владѣнія и отдавать ихъ болѣе предприимчивымъ и настойчивымъ, чѣмъ онъ, князьямъ. Въ концѣ концовъ Ярополкъ Изяславичъ палъ жертвою ненормальнаго положенія князей-изгоевъ.

Двое изъ послѣднихъ—Давидъ Игоревичъ съ Володаремъ Ростиславичемъ — въ 1081 г., по краткому извѣстію лѣтописи, убѣжали въ Тмутаракань, гдѣ и засѣли, арестовавъ предварительно Ратибора¹⁾. Откуда они бѣжали, что побудило ихъ къ этому бѣгству—лѣтописецъ на счетъ этого умалчиваетъ, но мы поймемъ причину этого бѣгства, если сопоставимъ извѣстіе о немъ съ извѣстіемъ, записаннымъ въ лѣтописи подъ 1084 г.²⁾, и со слѣдующимъ мѣстомъ «Поученія» Мономаха: «И на ту весну (ходимомъ) къ Ярополку совокупляться на Броды»³⁾. Кажется, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ очень интереснымъ явленіемъ древней Руси.

Князья изгои—три Ростиславича и Давидъ Игоревичъ, не получившіе удѣловъ, соединяются для достиженія общей цѣли—захвата удѣловъ. Такъ какъ во Владимірѣ сидѣлъ слабый князь, то они рѣшили изгнать его, а самимъ завладѣть его столомъ; тѣмъ болѣе, что Давидъ Игоревичъ, отецъ котораго, несомнѣнно, былъ княземъ владимірскимъ, имѣлъ даже нѣкоторое право на этотъ столъ. Затѣя изгоевъ, однако, не удалась: на помощь Ярополку Изяславичу явился Владиміръ Мономахъ, и двое изъ нихъ—Давидъ Игоревичъ и Володаръ Ростиславичъ—бѣжали въ Тмутаракань, а двое остальныхъ—Василько и Рюрикъ, по всей

¹⁾ «Бѣжа Игоревичъ Давидъ съ Володаремъ Ростиславичемъ, мѣсяца мая въ 18 день; и придоста Тмутараканю, і яста Ратибора, и сѣдоста Тмутараканю» (Ип. 143).

²⁾ Подъ 1084 г. въ лѣтописи записано: «Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. В се же время бѣгоста Ростиславича два отъ Ярополка и пришедше прогнаста Ярополка; и посла Всеволодъ сына своего Володимера, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимеръ» (Ип. 144).

³⁾ Лавр. 239.

вѣроятности, попали въ плѣнъ къ Ярополку Изяславичу. Однако, воспользовавшись отсутствіемъ послѣдняго, они бѣжали (такъ мы понимаемъ слова лѣтописи: «в се же время выбѣгоста Ростиславича 2 отъ Ярополка») изъ плѣна и, явившись затѣмъ съ войскомъ, выгнали изъ Ярополка Владиміра ¹⁾).

Изгой добились желаемого. Правда, изъ Владиміра скоро ихъ выпроводилъ явившійся на помощь Ярополку Изяславичу Владиміръ Мономахъ ²⁾),—но чтобы положить конецъ усобицѣ, исканіямъ изгоевъ, которые прибѣгли даже къ такой мѣрѣ, какъ стѣсненіе кievской торговли съ Византіей, Всеволодъ Ярославичъ далъ Давиду Игоревичу Дорогобужь, а Ростиславичамъ—Перемышль и Теревовль ³⁾. Но уменьшеніе владѣній Ярополка Изяславича повело къ борьбѣ этого князя со Всеволодомъ ⁴⁾. Къ этому, быть можетъ, примѣшались также притязанія Ярополка на занятіе кievскаго стола. Слабому князю Ярополку, однако, не подѣ силу было бороться съ такимъ гигантомъ княземъ, какъ Владиміръ Мономахъ. Ярополкъ, при извѣстіи о походѣ на него послѣдняго, бѣжитъ въ Польшу, оставивъ мать и дружину свою въ Луцкѣ ⁵⁾. Въ 1087 году Ярополкъ возвратился изъ земли ляховъ, примирился съ Владиміромъ и получилъ обратно владимірскій столъ ⁶⁾.

¹⁾ Въ лѣтописи подѣ 1084 г. сказано, что выгоняють Ярополка изъ Владиміра два Ростиславича, а ихъ, по извѣстіямъ той-же лѣтописи, было 3; гдѣ-же въ это время находился 3-й? Третій, — по всей вѣроятности, Володаръ — въ 1081 г. вмѣстѣ съ Давидомъ Игоревичемъ бѣжалъ въ Тмутаракань; но послѣ того, какъ въ 1083 г. въ Тмутаракань вернулся Олегъ Святославичъ и сначала арестовалъ узурпаторовъ, а потомъ выпустилъ ихъ (Лавр. 198); Володаръ, правдоподобно, съ Давидомъ Игоревичемъ занимался грабежомъ кievскихъ купцовъ, ѣздившихъ съ товарами въ Византію; по крайней мѣрѣ, въ лѣтописи подѣ 1084 г. сказано: «В се же лѣто Давыдъ зяя Греки въ Олешы, и зая у нихъ имѣнье (Лавр. 199).

²⁾ Лавр. 199.

³⁾ Ип. 144, 145 и 167.

⁴⁾ Въ лѣтописи подѣ 1085 г. читаемъ: «Ярополку хотящу ити на Всеволода, послушавшу ему злыхъ свѣтъникъ» (Ип. 144).

⁵⁾ Ib. 144.

⁶⁾ Длугошъ, рассказывая о происшедшей между Ярополкомъ и Всево-

На какихъ условіяхъ Ярополкъ Изяславичъ получилъ вновь Владиміръ—намъ неизвѣстно, равно какъ неизвѣстно, какъ обошелся Ярополкъ съ лучанами, которые добровольно сдались Владиміру. Последній фактъ интересенъ—онъ подтверждаетъ раньше нами высказанную мысль о томъ, какъ слаба была связь земли съ княземъ

лодомъ сеорѣ, по своему обыкновенію, прибавляетъ очень много вымышленнаго. По словамъ Длугоша, Ярополкъ Изяславичъ изъясляетъ притязаніе на кievскій столѣ, занятый дядею Всеволодомъ. По хитрому совѣту одного изъ приближенныхъ Всеволода, сѣмѣвшаго внушить Ярополку подозрѣвіе къ своимъ приближеннымъ и солдатамъ, Ярополкъ, оставивъ жену, мать и сыновей въ Луцкѣ, уходитъ въ Польшу къ Болеславу II (въ это время княжилъ въ Польшѣ не Болеславъ II, а Владиславъ Германъ. *Линиченко*. Вѣст., 306).

Воспользовавшись этимъ, сынъ Всеволода подходитъ къ Луцку. Луцкъ безъ сопротивленія сдается ему. Болеславъ II не могъ лично помочь Ярополку, а послалъ съ нимъ своихъ воиновъ (*copias de gentibus suis Polonis*). Ярополкъ подступаетъ къ Луцку. Владиміръ, не осмѣливаясь сопротивляться Ярополку, отдаетъ последнему Луцкъ и др. города, принадлежавшіе Ярополку. Владиміръ удаляется въ свою область Черниговъ (*Dlug. I, 263*).

Наша лѣтопись ничего не говоритъ о помощи ляховъ Ярополку. Не упоминаетъ также о какомъ-либо столкновеніи съ поляками и Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поученіи». Последній 3 раза является на Волынь по дѣлу Ярополка Изяславича, — какъ это видно изъ лѣтописи: въ первый разъ въ 1084 г., во 2-й разъ—въ 1085 г., въ 3-й—въ 1087 г. Въ 1084 г. онъ прогоняетъ Ростиславичей изъ Владиміра и возстановляетъ на владимірскомъ столѣ изгнаннаго ими Ярополка Изяславича; въ 1085 г. Владиміръ Мономахъ снова является на Волынь; Ярополкъ бѣжитъ въ Польшу, оставивъ мать и дружину въ Луцкѣ, жители котораго добровольно сдаются Мономаху. Последній улаживаетъ дѣла на Волыни и отдаетъ Владиміръ Давиду Игоревичу. Въ 1087 году Владиміръ мирится съ Ярополкомъ и возвращаетъ ему г. Владиміръ. Если мы обратимся къ «Поученію», то въ немъ прочтемъ о трехъ походахъ Владиміра Мономаха на Волынь по дѣламъ Ярополка Изяславича: «И на ту весну ходихомъ», говорится здѣсь, «къ Ярополку совоку плытєсяна Броды», и дальше «на ту зиму идохомъ къ Ярополку совкуплятися на Броды и любовь велику створихомъ»; и еще дальше—«и потомъ ходилъ Володимерю, паки Ярополка посадилъ, и Ярополкъ умре» (*Лавр. 239—240*). Такъ какъ, судя по лѣтописи, 2-й походъ Владиміра Мономаха (въ 1085 г.) былъ предпринятъ съ враждебною Ярополку Изяславичу цѣлью, и такъ какъ Ярополкъ во время этого похода убѣжалъ въ Польшу, то, очевидно, что не къ этому походу относятся

до вокняженія на Волыни представителя рода Мономаховичей, въ особенности, потомства Изяслава Мстиславпча. Лучане, не смотря на присутствіе въ нхъ городѣ матери князя и его дружины, не пытаются даже сопротивляться; очевидно, имъ не дорогъ былъ Ярополкъ.

По возвращеніи во Владимірскую область, Ярополку недолго пришлось жить; въ 1087 г., по разсказу лѣтописи, онъ по дорогѣ въ Звенигородъ, былъ убитъ какимъ-то нерядцемъ¹⁾. Чьихъ рукъ было это дѣло — неизвѣстно. «Нерядецъ» послѣ убійства бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику. Последнее обстоятельство бросаетъ нѣкоторую тѣнь на Ростиславичей. Очень возможно, что и тогда считали виновникомъ происшествія Рюрика, потому что въ лѣтописи подъ тѣмъ-же 1087 г. записано слѣдующее извѣстіе: в се же лѣто ходи Всеволодъ къ Перемышлю²⁾. А быть можетъ, это дѣло рукъ Давида Игоревича, который, получивъ въ 1085 году Владиміръ, долженъ былъ отдать его вернувшемуся и примирившемуся съ Мономахомъ Ярополку? Для Давида Игоревича Ярополкъ стоялъ поперекъ дороги, и, конечно, такой человѣкъ, какъ Давидъ Игоревичъ, могъ рѣшиться на такой низкій поступокъ, какъ убійство! Все это, однако, однѣ лишь догадки! Можно только, кажется намъ, счи-

слова Мономаха въ «Поученіи»: «на ту зиму идохомъ къ Ярополку совкуплитися на Броды и любовь велику створихомъ», а къ тому, который былъ предпринятъ съ цѣлью возстановленія Ярополка на Владимірскомъ столѣ и изгнанія Ростиславичей (въ 1084 г.). Тогда 1-й походъ, упоминаемый въ «Поученіи», правдоподобно, можно отнести къ 1081 г., въ которомъ, по извѣстію лѣтописи, Давидъ Игоревичъ съ Володаремъ Ростиславичемъ бѣжали въ Тмутаракань.

¹⁾ Ип. 145. Г. Линиченко выставляетъ путешествіе Ярополка въ Звенигородъ, какъ походъ на Ростиславичей (Вз. отн., 307). Лѣтопись, кажется, не даетъ основаній для подобнаго вывода. Скорѣе, въ данномъ случаѣ можно предположить простую поѣздку, — въ пользу чего говорятъ слѣд. слова лѣтописца: «а Ярополка взяша отроки на конь передъ ся, Радко і Воикина, и инии отроки». О дружинѣ и вояхъ и помину нѣтъ. Въ лѣт. Авраамка смерть Ярополка Изяславича отнесена къ 6600 г. «В лѣто 6600 убіенъ бысть Ярополкъ Ижеславличъ» (стр. 42).

²⁾ Ип. 145.

татъ несомнѣннымъ, что Ярополкъ палъ жертвою споровъ изъ за удѣловъ.

Кто же явился его преемникомъ на владимірскомъ столѣ? По рѣшенію Любецкаго съѣзда князей, въ 1097 г., Ростиславичи и Давидъ Игор. должны были владѣть тѣми городами, которые даны были имъ Всеволодомъ, т. е. первые — Перемышлемъ и Теребовлемъ, а послѣдній — Владиміромъ¹⁾. Что же за личность была этотъ Давидъ Игоревичъ? Изъ извѣстій о немъ, сообщаемыхъ лѣтописью, можно прийти къ заключенію, что это такой человѣкъ, для котораго всѣ средства были хороши, разъ они вели къ достиженію намѣченной имъ цѣли. Задавшись мыслію добыть себѣ удѣлъ, онъ послѣ неудачи, постигшей его, по всей вѣроятности, на Волыни, бѣжить на южную окраину Руси и здѣсь захватываетъ чужой городъ — Тмуторакань (въ немъ сидѣлъ тогда воевода Всеволода Ярославича — Ратиборъ); изгнанный оттуда Олегомъ Святославичемъ, возвратившимся въ 1083 г. изъ заключенія на островъ Родосъ²⁾, Давидъ Игоревичъ, съ тою же цѣлью вынудить у кіевскаго князя для себя удѣлъ, старается нанести существенный вредъ кіевской торговлѣ, расположившись въ Олешѣ. — что при устьѣ Днѣпра, — и занимаясь грабежемъ купцовъ, ѣхавшихъ по Днѣпру въ Византію и обратно. Получивъ, наконецъ, послѣ убійства Ярополка Изяславича, Владимірскую область, Давидъ Игоревичъ на этомъ не останавливается — онъ хочетъ владѣть княжествомъ въ томъ его видѣ, въ какомъ, вѣроятно, владѣлъ и отецъ его Игорь, т. е. желаетъ присоединенія къ Владимірской области и удѣла Ростиславичей. Когда на Любецкомъ съѣздѣ, въ 1097 г., Перемышль и Теребовль были утверждены за Ростиславичами³⁾, Давидъ Игоревичъ рѣшается дѣйствовать вѣроломнымъ образомъ. Онъ подговариваетъ Святополка Изяславича⁴⁾ схватить Василька (Василько

¹⁾ По сообщенію Татищева — подъ 1087 г., — Всеволодъ далъ Владиміръ племяннику своему Давиду Игоревичу. *Татищевъ* — II, 139.

²⁾ *Карамзинъ* — II, 58.

³⁾ Ип. 167.

⁴⁾ О Святополкѣ Изяславичѣ говорится, между прочимъ, въ житіи Про-

былъ на съѣздѣ въ Любечѣ, Володаря же тамъ не было, — вотъ почему, быть можетъ, все несчастье обрушилось на голову перваго), выставляя ему на видъ то, что если онъ не поступитъ по его совѣту, то Василько съ Владиміромъ Всеволодовичемъ завладѣютъ ихъ волостями¹⁾. Святополкъ, убѣжденный доводами Давида Игоревича, даетъ свое согласіе на плѣненіе Василька, котораго вѣроломнымъ образомъ захватываютъ и ослѣпляютъ; затѣмъ, ослѣпленнаго везутъ къ Давиду Игоревичу во Владиміръ.—Страшно поразила князей вѣсть о неслыханномъ злодѣяніи, совершенномъ сейчасъ же послѣ того, какъ князья торжественно клялись не «вставать» другъ на друга: «И на томъ цѣловаша хрестъ», говорится въ лѣтописи, «да аще отселѣ кто на кого встанетъ, то на того будемъ вси и честный хрестъ»; и рекоша вси: «да будетъ на нь хрестъ честный и вся земля Руская»²⁾. Всѣ винили, конечно, Святополка, такъ какъ въ его городѣ—Звенигородѣ (въ 10 в. отъ Кіева) случилось это

хора Чудотворца Печерскаго (см. Кіево-Печ. Патерикъ, изд. 1843 г., л. 143—145). «Во дни княженія Святополка Изяславича», повѣствуетъ авторъ житія арх. Поликарпъ, «въ Кіевѣ много насилія отъ князя сотворися людемъ, дома бо сильныхъ безъ вины искорени и имѣнія многихъ отя. Сего ради Богъ попусти поганымъ силу имѣти на него, и восташа рати многи въ державѣ его отъ половцевъ, къ симъ же и междоусобная брань, яко быти тогда гладу многая и скудости ведеа въ Рос. земли». Въ этомъ же житіи говорится о бывшемъ въ княженіе Святополка междоусобіи. «По семъ Святополкъ Изяславичъ князь кіевскій нача междоусобную брань съ Давидомъ Игоревичемъ, княземъ Владимірскимъ, за ослѣпленіе Василька Ростиславича, князя на Тербовли, его же ослѣпить повелѣ Святополкъ прельщенъ Давидомъ Игоревичемъ. Такжеде и съ Володаремъ Ростиславичемъ братомъ Васильковымъ, княземъ на Перемышлѣ, и съ самымъ Василькомъ за волость отца своего Изяслава, юже Ростиславичи держажу. И уже возвратился отъ брани самъ Святополкъ въ Кіевъ, Давида прогнавъ въ Ляхи и посадивъ во градѣ его Владиміръ сына своего Мстислава; Володаря же и Василька не одолѣвъ, посла другаго сына своего Ярослава по Угры на нихъ. Въ то убо время велию нестроению сущу и грабленію беззаконному, не пустиша купцевъ къ Кіеву изъ Галича и Премышля, и не бысть соли во всей Рос. земли и бѣ видѣти тогда людей сущихъ въ велицѣй печали».

¹⁾ Ипат. 168.

²⁾ Ib.

ужасное преступленіе. Святополкъ слагалъ всю вину на Давида Игоревича, а послѣдній имѣлъ наглость сказать Володарю, — когда тотъ упрекалъ его въ злодѣяніи, говоря—«Почто зло створивъ не каешися сего? да уже помянися, колко еси зла створилъ», — «ци я се створилъ, ци ли у моемъ городѣ? язъ и самъ болѣлся, аще быша и мене не яли и створили то-же; неволя ми было пристати свѣту ихъ, ходящю в рукахъ ихъ»¹⁾). Давидъ, совершивши преступленіе, не воспользовался его плодами. Князя, собравшись въ Городцѣ (1098 г.), порѣшили, что Святополкъ долженъ или схватить Давида, или выпнать его: «Рѣша Святополку: «яко се Давыдова естъ сольстилъ; иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими и, любо прожени»²⁾). Узнавъ объ угрожающей ему опасности, Давидъ желаетъ вступить въ компромиссъ съ Василькомъ: онъ предлагаетъ ему на выборъ 3 города — Перемышль, Всеволожъ или Шеполь, подъ условіемъ, что Василько возвратитъ назадъ идущее на него, Давида, ополченіе князей.

Василько отказался отъ предложенія. Тогда Давидъ Игоревичъ, не теряя надежды овладѣть волостью Василька, идетъ на Теребовль, но на пути, у Бужска, встрѣчаетъ брата Василька — Володаря. Осажденный въ Бужскѣ, Давидъ Игоревичъ добивается снятія осады, лишь благодаря обманному завѣренію, что въ совершенномъ преступленіи онъ не виноватъ, а главное, благодаря выдачѣ Василька³⁾. Теперь Василько, желая отомстить за себя, вмѣстѣ съ Володаремъ идетъ на Владиміръ. По дорогѣ братья «взяли копьемъ» и сожгли городъ Всеволожъ. Почему на городъ этотъ обрушилось такое несчастье — неизвѣстно. Лѣтописъ говоритъ по этому поводу: «И сѣтвори Василько мыщенье на людехъ неповинныхъ, и проляя кровь неповинну»⁴⁾). Давидъ заперся во Владимірѣ, Братья, подступивъ къ городу, стали требовать выдачи лицъ, посовѣтовавшихъ Давиду совершить гнусное преступленіе. Тутъ мы узнаемъ, между прочимъ, какую

¹⁾ Ib. стр. 174.

²⁾ Ib. 173.

³⁾ Ипат., 174.

⁴⁾ Ibid. 175.

родъ играло вѣче во Владимірской области: оно было настолько сильно, что принудило Давида, подъ угрозою сдать городъ, исполнить требованіе братьевъ ¹⁾. Требуемыхъ послѣдними лицъ не оказалось, однако, во Владимірѣ—двое изъ нихъ бѣжало въ Турійскъ, откуда Давидъ Игоревичъ принужденъ былъ привести ихъ и выдать Ростиславичамъ, а одинъ бѣжалъ въ Кіевъ. Предполагаемые виновники были подвергнуты смертной казни черезъ разстрѣліаніе. Братья удовлетворились такимъ мщеніемъ и возвратились въ свои волости.

Теперь кара должна была постигнуть еще главнаго виновника—Давида Игоревича. Карателемъ, по рѣшенію Городецкаго съѣзда, долженъ былъ явиться Святополкъ. Послѣдній, прежде чѣмъ открыть враждебныя дѣйствія противъ Давида, рѣшается привлечь на свою сторону поляковъ, — для чего ѣдетъ въ Берестѣ, гдѣ должно было произойти у него совѣщаніе съ поляками. Сюда же вмѣстѣ съ послѣдними является и Давидъ Игоревичъ, который также желалъ получить помощь отъ нихъ (для чего далъ имъ даже 50 гривенъ золота), и котораго поляки хотѣли примирить со Святополкомъ ²⁾. Въ результатѣ, поляки, побѣдивъ помощь тому и другому, сохранили нейтралитетъ въ продолженіи борьбы противниковъ.

Война (1099 г.) была несчастлива для Давида Игоревича—онъ долженъ былъ бѣжать въ «Ляхы», а Святополкъ занялъ Владиміръ. Исполнивъ возложенную на него Городецкимъ съездомъ князей миссію, Святополкъ сталъ подумывать о томъ, чтобы присоединить къ Владимірскому княжеству волости вичей: «*се есть волость отца моего и брата*» ³⁾, гонимъ онъ. Однако, поползновеніямъ его не суждено было сбыться: въ пропешедшемъ на «*Рожни поли*» сраженіи между Ростиславичами и Святополкомъ послѣдній потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ во Владиміръ ⁴⁾. Святополкъ попытался было еще разъ испробовать

¹⁾ Ипат. 175.

²⁾ Ib. 176.

³⁾ Ипат. 177.

⁴⁾ Ип. 177.

счастья, но и эта попытка не удалась: сынъ Святополка, Ярославъ, съ помощью приведенныхъ имъ угровъ, осадилъ Перемышль; но на выручку явился Давидъ Игоревичъ съ поляками, и угры съ Ярославомъ потерпѣли сильное пораженіе¹⁾. Давидъ занялъ Сутѣйску и Червень и явился подъ стѣнами Владиміра. Въ происшедшей битвѣ между нимъ и Мстиславомъ, незаконнымъ сыномъ Святополка, запершимся въ городѣ, Мстиславъ былъ убитъ²⁾. Послѣ этого горожане, если бы они были привязаны къ Давиду, сдались бы ему; однако, они продолжаютъ защищаться, хотя и мотивируютъ свою защиту боязнью мщенія со стороны Святополка въ случаѣ ихъ сдачи. Когда же на выручку города внезапно являются воевода Святополковъ Путята и оставленный въ Луцкѣ князь Святоша³⁾ и, напавъ на спящихъ воиновъ Давидовыхъ, избиваютъ ихъ, то владимірцы, «скочишася съ града и почаша съшѣ вои Давыдови»⁴⁾. Последнее обстоятельство указываетъ на отношеніе владимірцевъ къ ихъ бывшему князю и на то, на сколько они дорожили его интересамъ. Очевидно, тутъ была взаимность: насколько князь заботился объ интересахъ земли, настолько эта послѣдняя была привязана къ нему и защищала его интересы. Давидъ, потерпѣвъ неудачу у Владиміра, бѣжитъ къ естественнымъ врагамъ Руси—половцамъ и съ ними подходитъ къ Луцку, беретъ его, а Святоша, бывшій въ то время въ городѣ, бѣжитъ въ Черниговъ. Такъ же точно былъ взятъ Давидомъ и городъ Владиміръ,—при чемъ, посадникъ Святополковъ Василь былъ изгнанъ.

¹⁾ Ib.

²⁾ Въ житіи пр. печерскихъ Θεодора и Василія упоминается о томъ, какъ «кн. Мстиславъ Святополчичъ пострѣленъ быть во градѣ Владиміръ на забралѣхъ, бѣя съ княземъ Давидомъ Игоревичемъ». «И тако злый убійца отмыщеніе прии по дѣломъ своимъ». Раньше же въ житіи рассказано о томъ, какъ Мстиславъ Святополковичъ замучилъ препод. Θεодора и Василія, не желавшихъ указать мѣстонахожденія открытаго Θεодоромъклада въ занятой имъ варяжской пещерѣ. *Кіево-Печер. Патерикъ*, изд. 1843 г., л. 160.

³⁾ Князь Николай Святоша, сынъ Давида Святославича, постригся въ монахи Кіево-Печ. лавры. См. въ *Кіево-Печ. Пат.*, изд. 1843 г., его житіе.

⁴⁾ Ип. 179.

Такимъ образомъ, Давидъ Игоревичъ овладѣлъ такъ своимъ прежнимъ удѣломъ. Но на съѣздѣ князей въ Увѣтичахъ (въ 1100 г.). Давидъ былъ лишенъ Владиміра и надѣленъ Бужскомъ, Дубномъ, Черторыйскомъ и Острогомъ; потомъ Святополкъ придалъ ему еще Дорогобужъ; кромѣ того, Владиміръ Всеволодовичъ далъ ему 200 гривенъ, да Давидъ и Олегъ (Святославичи) столько же ¹⁾).

Такъ закончилась борьба изъ-за удѣловъ! Борьба эта, чуть не стоившая жизни одному изъ боровшихся, была въ высшей степени бѣдственна для народа и, главнымъ образомъ, потому что въ ней принимали участіе дикіе кочевники-половцы, которыхъ два раза приводилъ Давидъ. Кромѣ того, угры, которыхъ пригласилъ Святополкъ, тоже, по всей вѣроятности, не церемонились съ чуждымъ имъ населеніемъ, да и сами князья дѣйствовали съ непонятнымъ (по отношенію къ населенію) ожесточеніемъ: такъ, Ростиславичи, взявъ городъ Всеволожъ, предають его огню и мечу.

Какія же цѣли преслѣдовалъ въ своей дѣятельности Давидъ Игоревичъ, главный виновникъ происшедшей смуты? Если мы поставимъ его рядомъ съ Василькомъ Ростиславичемъ, то увидимъ, какъ ничтожна личность перваго по сравненію съ личностью втораго! Въ то время какъ Василько Ростиславичъ всю свою жизнь посвятилъ борьбѣ за Русь съ ея исконными врагами-поляками и кочевниками ²⁾, Давидъ Игоревичъ, преслѣдуя исключительно узкую цѣль — сначала во что-бы то ни стало добыться удѣла, а потомъ расширить свои владѣнія, входитъ въ близкія отношенія съ этими врагами и ведетъ ихъ на Русь. Быть можетъ, Давидъ Игоревичъ дѣйствовалъ въ интересахъ

¹⁾ Ib. 180

²⁾ Въ своей исповѣди Василько говоритъ: «азъ бо Ляхомъ много зла створихъ, и еще есмь хотѣлъ створити и мстити Русьскую землю... И помыслихъ на землю Лядскую: наступлю на зиму і на лѣто и возму землю Лядскую и мѣщю землю Русьскую... по семь хотяхъ проситися у Святополка и у Володимера на Половцѣ, и пойду, рѣхъ, на Половцѣ, да люблю налѣзу собѣ славу, люблю главу свою слою за Русьскую землю». Ип. 174.

своей земли? Конечно, это мало оправдывало бы его поступки, — но и этого слабого оправданія нельзя привести въ пользу Давида — мы видѣли уже отношеніе къ нему земли, вызваннаго, конечно, не совсѣмъ хорошимъ отношеніемъ и князя къ землѣ. И такъ, въ концѣ концовъ, Давида Игоревича, намъ кажется, можно охарактеризовать какъ человѣка безъ всякихъ нравственныхъ устоевъ, человѣка, желавшаго во что бы то ни стало добиться своей цѣли, но въ то же время недостаточно мужественнаго для того, чтобы дѣйствовать прямо, и потому предпочитающаго окольные пути.

Послѣ Увѣтицкаго сѣзда Давидъ Игоревичъ сходитъ на-долго со сцены и только въ 1111 году снова появляется на ней — участвуетъ вмѣстѣ съ сыномъ и другими князьями въ походѣ на половцевъ, а въ 1112 г. онъ скончался въ Дорогобужѣ и былъ похороненъ «въ церквѣ Св. Богородица Влахѣриѣ на Кловѣ» (т. е. въ Кіевѣ), говоритъ лѣтописецъ ¹⁾.

Преемникомъ Давида Игоревича на владимірскомъ столѣ былъ сынъ Святополка Ярославъ (съ 1100 г.). Князь этотъ извѣстенъ тѣмъ, что во 1-хъ, принималъ участіе въ походѣ князей на половцевъ (въ 1111 г.), во 2-хъ, въ 1112 г. ходилъ на ятвяговъ ²⁾. Его княженіе ознаменовалось, между прочимъ, борьбою съ в. кн. Владиміромъ Мономахомъ, борьбой, во время которой Ярославъ и былъ убитъ при осадѣ города Владиміра ³⁾.

¹⁾ Ип. 181, 191, 197. О событіяхъ на Русѣ, послѣдовавшихъ за Любецкимъ сѣздомъ, см. интересную статью М. С. Грушевскаго — Волынскій вопросъ 1097—1102 въ Кіев. Стар. 1891, V и VI.

²⁾ «Ярославъ ходи ва Ятвязѣ, сынъ Святополчъ, и побѣди я». Ип. 191 и 196.

³⁾ Подъ 1117 г. въ лѣтописи читаемъ: «В се же лѣто иде Володимерь на Ярослава к Володимерю, и Давыдъ Ольговичъ, и Володаръ и Василко и оступиша и у городѣ Володимери, и стояша дний 60, и створи миръ съ Ярославомъ, Ярославу покорившюся и вдарившю челомъ передъ стржемъ своимъ Володимеромъ; и наказавъ его Володимерь о всемъ, веля ему къ собѣ приходить, «когда ты позову», и тако въ мирѣ разоидошеся каждо въ свояси» (Ип. 204). Подъ тѣмъ же годомъ мы встрѣчаемъ извѣстіе такого рода: «Володимеръ же посла сына Романа во Володимеръ княжити» (Ип. 205), а подъ 1118 г. — «Выбѣже Ярославъ Святополчичъ изъ Володимера Угры, и бояре его и отступиша отъ него» (Ип. 205). Въ 1121 г. Ярославъ съ ляхами под-

Что за причина столкновения Ярослава съ Владимиромъ Мономахомъ? «Поученіе», въ которомъ тоже упоминается объ этомъ столкновении, не можетъ помочь намъ разрѣшить этотъ вопросъ. Въ немъ мы только читаемъ: «И потомъ ходихомъ къ Володимірю на Ярославця, не терпяче злобъ его»¹⁾.

Татищевъ причину столкновения видитъ въ томъ, что Ярославъ Святополковичъ, подушаемый поляками, захотѣлъ отнять у Владиміра область «по Гориню», и «для того», говоритъ онъ, «здѣлалъ союзъ съ поляки, чтобы первѣе Ростиславичевъ владѣнія лишить, и всякими способами сосѣднихъ ему князей сталъ обидѣть, чтобы дать имъ къ войнѣ причину... къ тому же умыслилъ съ женою своею Владимировою внукою безъ всякой отъ нея причины развестись»²⁾.

ступилъ къ Червеню, но посадникъ Оома Ратиборовичъ отразилъ нападеніе. Въ 1123 г. Ярославъ съ огромнымъ войскомъ изъ ляховъ, угровъ и чеховъ и съ Ростиславичами осадилъ Владиміръ, — гдѣ въ это время послѣ смерти Романа Владиміровича (1118 г.) княжилъ Андрей Владиміровичъ. На помощь послѣднему Владиміру Всеволодовичъ послалъ изъ Кіева другого сына—Мстислава съ небольшимъ войскомъ, а затѣмъ собирался идти и самъ, но это оказалося излишнимъ, такъ какъ Ярославъ при осадѣ города былъ убитъ, а союзники его послѣ этого разошлись (Ип. 206—7).

¹⁾ Лавр. 241.

²⁾ Татищевъ — II, 219. У Татищева, въ Никонов. и Воскр. лѣтописяхъ сообщается о двухъ походахъ Владиміра Всеволодовича на Ярослава Святополковича. Первый походъ, вызванный, по Никонов. лѣт., не хорошимъ отношеніемъ Ярослава къ женѣ, дочери Мстислава Владиміровича (Никон. П. С. Р. Л. т. IX, 150), а по Татищеву — къ тому же и другими соображеніями, о которыхъ сказано выше, — относится къ 1118 г. (по Никонов., Лавр. и Кенигсб. лѣт.) и къ 1117 г. (по Татищеву и по Ипат. лѣт.). Походъ этотъ, согласно всѣмъ названнымъ лѣтописямъ, окончился миромъ Владиміра съ Ярославомъ или, какъ его именуетъ лѣтописецъ, Ярославцемъ. Второй походъ, о которомъ умалчиваетъ Ип. и Лавр. лѣтописи, былъ предпринятъ по Татищеву, Никон. и Воскр. лѣт., благодаря тому обстоятельству, что Ярославъ прогналъ отъ себя свою жену (Никонов. П. С. Р. Л. т. IX, 150, Воскр. П. С. Р. Л., т. VII, 24, Татищевъ — II, 221). Походъ этотъ былъ совершенъ, по Татищеву и Никонов. лѣт., въ 1119 г., а по Воскр.—въ 1118 г. Результатъ этого похода записанъ и въ Ипат., и въ Лавр. лѣт. (въ первой — подъ 1118 г., во второй — подъ 1119 г.): Ярославъ долженъ былъ бѣжать, по извѣстіямъ Ипат., Воскр. и Никонов. лѣт. — въ «Угры», а по извѣстіямъ Тати-

Объ этомъ же столкновеніи Мономаха съ Ярославцемъ странно рассказываетъ Длугошъ, при чемъ, причиною столкновения выставляетъ — притязанія Ярослава Святополковича на кievскій столъ¹⁾).

Сопоставляя всѣ извѣстія источниковъ, въ которыхъ говорится о причинахъ, вызвавшихъ столкновение, какъ-то : притязанія на кievскій столъ, желаніе овладѣть погоринскими городами и дурное обращеніе съ женою, внучкою Мономаха, мы приходимъ къ тому заключенію, что всѣ эти причины могли быть только поводами, а причины коренились глубже—въ стремленіи Мономаха къ сосредоточенію русскихъ земель въ своемъ родѣ и къ приведенію князей разныхъ земель въ болѣе тѣсную зависимость отъ кievскаго князя, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Этимъ только можно объяснить себѣ, почему Ростиславичи, сначала участвовавшіе въ коалиціи князей противъ Ярослава²⁾, потомъ приняли сторону этого послѣдняго. Ростиславичи и продолжатель ихъ политики Владиміръ Володаревичъ стремились къ обезсиленію волынскихъ князей. Они всегда принимали сторону враговъ этихъ послѣднихъ, — вотъ почему противъ Ярослава идутъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Всеволодовичемъ и Ростиславичи. Когда же они увидѣли, къ чему клонится политика кiev-

щева, Лавр. и Густын. лѣтописей (подъ 1118 г.) — въ «Ляхы». Владиміръ Всеволодовичъ, по Татищеву, Лавр., Никонов. и Воскр. лѣт., послѣ бѣгства Ярослава назначилъ княземъ во Владиміръ сына своего Романа. Въ одной только Ипат. лѣт. (впрочемъ, и въ Густынской находимъ то-же извѣстіе и подъ тѣмъ-же годомъ, но съ ошибочнымъ добавленіемъ: «В се лѣто выведе Володымеръ изъ Володымера Глѣба, и посади въ Володымеру Романа сына своего». Густ. 291) это названіе предшествуетъ бѣгству Ярослава и отнесено къ 1117 г. Но, кажется, вѣрнѣе извѣстіе остальныхъ лѣтописей. Также слѣдуетъ отдать предпочтеніе Лавр. лѣт. передъ Ипат. и въ разрѣшеніи вопроса, куда бѣжалъ Ярославъ. Изъ того, что Ярославъ въ 1121 г. (по Ип.) является къ Червеню съ польскою помощью, можно, кажется, заключить, что онъ бѣжалъ въ Польшу. Это-же можно допустить, и потому что въ Польшѣ княжилъ въ это время Болеславъ Кривоустый, первая жена котораго Сбыслава была сестрой Ярослава (см. *Линиченко*. ВЗ. отн., 250—2).

¹⁾ Длуг. I, 370.

²⁾ Ип. 204.

скаго князя — сейчас же перешли на сторону противников Мономаха.

Оппозиція Ярослава Святополковича была сломлена, и самъ онъ погибъ, а владимірскій столъ перешелъ послѣ него въ родъ Мономаха. Еще, впрочемъ, и во время борьбы Ярослава съ Владиміромъ Мономахомъ во Владимірѣ сидѣлъ, правда, очень недолго, князь изъ того-же рода — Романъ Владиміровичъ ¹⁾. Его преемникомъ былъ братъ его Андрей Владиміровичъ, жившій во Владимірѣ до 1136 г., когда кіевскій князь Ярополкъ Владиміровичъ перевелъ его въ Переяславль, а на его мѣсто назначилъ Изяслава Мстиславича ²⁾. О времени княженія Андрея на Волыни мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій. Знаемъ только, что въ 1128 г. онъ вмѣстѣ съ другими князьями участвовалъ въ походѣ на Полоцкъ ³⁾.

Занявъ въ 1136 г. владимірскій столъ, Изяславъ, съ княженіемъ въ Кіевѣ Всеволода Ольговича, уступилъ его въ 1142 г. временно сыну Всеволода Святославу. Но уже въ 1146 г. Изяславъ, сдѣлавшись самъ княземъ кіевскимъ, уводитъ Святослава Всеволодовича изъ Владиміра и даетъ ему взамѣнъ этого города 5 городовъ (Бужскъ, Межибожье, Котельницу и еще 2 неизвѣстныхъ города), лежавшихъ на пограничьи русскихъ владѣній съ кочевниками ⁴⁾. Въ это время Вячеславъ Владиміровичъ, князь туrowsкій, какъ старшій въ родѣ, изъявляетъ притязанія на занятіе кіевского стола и, не овладѣвъ еще этимъ послѣднимъ, распоряжается на правахъ великаго князя, — такъ, городъ Владиміръ онъ отдаетъ своему племяннику — Владиміру Андреевичу ⁵⁾. Изяславъ Мстиславичъ, однако, не только отнялъ го-

¹⁾ Въ Лавр. подъ 1119 г. читаемъ: «И посла Володимерь сынъ свой Романа в Володимерь княжить» и дальше подъ тѣмъ-же годомъ — «в то же лѣто преставися Романъ князь, сынъ Володимерь, мѣсяца генваря въ 15 день... В то же лѣто посла Володимерь сынъ свой другой, Андрѣя, княжить Володимерю» (Лавр. 277).

²⁾ Ипат. 214.

³⁾ Ип. 210.

⁴⁾ Ib. 234.

⁵⁾ Ип. 234.

родъ Владиміръ у Владиміра Андреевича, но и самого Вячеслава выгналъ изъ Турова, а на его мѣсто посадилъ сына своего Ярослава ¹⁾).

Изяславъ Мстиславичъ, занявъ кіевскій столъ, нарушилъ тѣмъ княжескіе счеты — на столъ этотъ имѣли притязаніе старшіе въ родѣ Мономаховичи — Вячеславъ и Юрій Владиміровичи. Благодаря этому, между Изяславомъ Мстиславичемъ и его дядьями возникла борьба. Въ борьбѣ, которая шла съ перемѣннымъ успѣхомъ, то Изяславъ занималъ Кіевъ и выгонялъ Юрія, то наоборотъ, Ольговичи приняли сторону Юрія Владиміровича; зато Изяславъ Мстиславичъ нашелъ поддержку въ Волынской землѣ, куда онъ всегда уходилъ, въ случаѣ неудачи; при хорошемъ-же для него поворотѣ дѣлъ, онъ самъ сидѣлъ въ Кіевѣ, а во Владимірѣ — сначала братъ его Святополкъ ²⁾, а послѣ смерти послѣдняго (въ 1154 г.) — сынъ Ярославъ.

Во время княженія Изяслава окончательно выдѣлился на степень княжескаго города пригородъ Владиміра — Луцкъ ³⁾. Всякій разъ какъ Изяславъ сидитъ во Владимірѣ, въ Луцкѣ спятъ братья его — или Святополкъ, или Владиміръ; послѣ-же смерти Изяслава городъ Владиміръ до 1157 г. занимаетъ братъ его Владиміръ, а Луцкъ, — сынъ Ярославъ, въ родѣ котораго и остается Луцкое княжество.

Затѣмъ, судя по успѣху того или другого князя, спорные Погоринскіе города — Пересопница, Дорогобужъ и другіе переходятъ изъ рукъ въ руки. Зачастую этими городами овладѣвалъ (но не надолго) Изяславъ Мстиславичъ, возвращаясь къ себѣ на Волынь послѣ неудачи въ Кіевѣ.

*

¹⁾ Ib. 235.

²⁾ Въ 1148 г. Святополкъ былъ уже во Владимірѣ, — какъ это видно изъ Новгор. лѣт. (I, 10), гдѣ подъ 1148 г. записано: «Той-же осени приѣла Изяславъ изъ Кіева сына своего Ярослава, і приѣша Новгородьци, а Святополка выведе, злобы его ради, и дасть ему Володимиръ».

³⁾ Впрочемъ, и раньше, въ то время, какъ Святополкъ занялъ Владимірскую обл., въ Луцкѣ былъ посаженъ Святоша, но послѣ взятія этого города Давидомъ, отдѣльныхъ князей тамъ не было.

Въ продолженіе этой борьбы сосѣдъ Изяслава Мстиславича — Владиміръ галицкій стоитъ на сторонѣ враговъ его. Политика Владимірка была такова — всячески препятствовать усиленію Волынскаго княжества путемъ соединенія его съ Кіевскимъ. Мы видѣли, что эту политику преслѣдовали также и Ростиславичи. Владимірко галицкій, къ которому по смерти въ 1141 г. *Ивана Васильковича*, перешли Теребовль и Перемышль, чуть не съ перваго года своего княженія сталъ осуществлять свою политику. По смерти Ярополка кіевскій престолъ захватилъ Всеволодъ Ольговичъ. Какъ Мономаховичи стремились къ тому, чтобы въ разныхъ русскихъ волостяхъ сидѣли князья ихъ рода, такъ и Ольговичи преслѣдовали ту-же цѣль. И вотъ, Всеволодъ Ольговичъ начинаетъ съ того, что хочетъ изгнать изъ Владиміра Изяслава Мстиславича. Союзникомъ его въ этомъ дѣлѣ являются Владимірко и ляхи¹⁾. Затѣя Всеволода не удалась: войска, посланныя имъ противъ Изяслава Мстиславича, «дошедше Горинки», говоритъ лѣтописецъ, «пополошився воротишася»; союзники его — «Васильковичъ же и Володаревичъ Галичскій князь привабиша къ собѣ Изяслава Мстиславича, и не върядивъшеся възратишася» а «Ляхове (воевали) Володимирскую волость, помогающе Всеволоду»²⁾. Когда владимірскій столъ перешелъ въ руки сына Всеволода — Святослава, Владимірко изъ союзника Всеволодова обращается во врага его, такъ какъ для Владимірка было крайне невыгодно, что во Владиміръ сидитъ князь, отецъ котораго занимаетъ кіевскій столъ³⁾.

Скажемъ еще объ отношеніи къ борьбѣ между Изяславомъ Мстиславичемъ и Юріемъ Долгорукимъ поляковъ. Отношеніе это хорошо выяснено въ упомянутомъ нами выше сочиненіи г. Линниченка. Въ этомъ-же сочиненіи мы находимъ объясненіе

¹⁾ Ип. 218—19.

²⁾ Ib. 219.

³⁾ Уже въ 1144 г. лѣтопись сообщаетъ о походѣ Всеволода Ольговича съ ополченіемъ князей на «многоглаголиваго» Володимірка: «В то же лѣто роскоростася Всеволодъ с Володимѣркомъ про сына, оже сѣде сынъ его Володиміри». Ип. 225. Такой-же походъ былъ предпринятъ и въ 1146 г.

участія поляковъ въ борьбѣ Всеволода Ольговича съ Изяславомъ Мстиславичемъ за Волынь. По словамъ г. Линниченка, въ Польшѣ, по смерти Болеслава Кривоустаго, возникли усобицы между его сыновьями — Владиславомъ, старшимъ сыномъ Болеслава, рожденнымъ отъ Сбыславы Святополковны, и Болеславомъ и Мѣшкомъ, рожденными отъ дочери Всеволода Мстиславича. Борющиеся искали русской помощи и, такъ какъ въ это время родственники — Святополковичи и Мономаховичи — сами находились въ стѣснительномъ положеніи, то они обратились за помощью къ Ольговичамъ; при чемъ, Владиславъ предупредилъ братьевъ и раньше ихъ заключилъ союзъ со Всеволодомъ Ольговичемъ. Вотъ этимъ и объясняется участіе поляковъ (безъ сомнѣнія, поляковъ Владислава) въ походѣ (1140 г.) Всеволода Ольговича на Изяслава Мстиславича. Когда же въ Польшѣ, съ изгнаніемъ Владислава, утвердились остальные Болеславичи — Болеславъ, Мѣшко и Генрихъ, а на Волыни — Мономаховичи, то обѣ стороны стали въ дружественныя отношенія и постоянно оказывали взаимную помощь ¹⁾).

Указавъ вкратцѣ на соотношеніе боровшихся силъ, приступимъ къ изложенію самой борьбы, по скольку, главнымъ образомъ, она касалась Волыни. Въ 1149 г. Изяславъ Мстиславичъ долженъ былъ уступить на время Кіевъ Юрію Владиміровичу и уйти во Владиміръ ²⁾). Заручившись затѣмъ помощью ляховъ (Болеслава и Генриха, сыновей Болеслава Кривоустаго) угровъ и чеховъ, Изяславъ двинулся на Юрія. По пути его движенія лежали спорныя владѣнія. Въ этомъ году эти владѣнія принадлежали Вячеславу, который, въ виду угрожавшей ему опасности, просилъ брата Юрія посѣтить къ нему на выручку. Въ Пересопницю, гдѣ находился Вячеславъ, прибыли 2 Юрьевича — Ростиславъ и Андрей, и самъ Юрій. Въ то же время съ юга черезъ Шумскъ двигался на помощь Юрію его союзникъ Владимірко галицкій. Такимъ образомъ, Изяславу, вышедшему

¹⁾ Линниченко. Взаимн. отн., 634—5, 640—1.

²⁾ Ипат. 268.

изъ Владимира и шедшему на Луцкъ и Чемернѣ на Олычѣ, была отрѣзана дорога на Кіевъ. До стычки, однако, на этотъ разъ дѣло не дошло. Примирителями явились чужестранные союзники Изяславовы; въ особенности, на примиреніи настаивали поляки, которые узнали отъ оставленнаго ими дома Мѣшка о нападеніи на ихъ землю пруссовъ. Примиреніе состоялось—Юрій обязался возвратить Изяславу захваченныя имъ дани новгородскія; союзники ушли въ свои земли, а Изяславъ—во Владиміръ.

Примиреніе, очевидно, было только уловкою со стороны Юрія: какъ только союзники ушли, Юрій не только отказался выполнить свое обязательство, но даже возымѣлъ желаніе овладѣть волостью Изяслава¹⁾. Разбившись на два отряда, Юрій съ Вячеславомъ, съ двумя сыновьями и съ половцами двинулся на Луцкъ, въ которомъ сидѣлъ тогда Владиміръ Мстиславичъ съ нѣмецкою пѣхотою²⁾. Осада Луцка длилась 6 недѣль и сопровождалась ужасными лишеніями для осажденных³⁾, а Изяславъ Мстиславичъ, не смотря на все свое желаніе, не могъ подать помощи осажденнымъ, такъ какъ Владиміръ галицкій, ставъ на «Полоной», между Владиміромъ и Луцкомъ, отрѣзалъ ему дорогу въ Луцкъ. Лѣтописецъ такъ объясняетъ этотъ поступокъ Владимира: «Добрый бо князь Володимиръ братолюбиемъ свѣтлся, миролюбиемъ величаяся, не хотя никому зла, того дѣла межи има ста, хотя ѣ уладити межи има тѣмъ нелзѣ бы Изяславу поити на Вячеслава и на Дюргия полку имъ дати»⁴⁾.

Не братолюбиемъ и добротою объясняется поступокъ Владимірка, а боязнью, чтобы Юрій не побѣдилъ окончательно Изяслава и не присоединилъ къ Кіеву Волыни. Въ данномъ случаѣ Владимірко имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, противоѣдѣствіе движенію Юрія на Владиміръ, и его поступокъ вытекалъ все

¹⁾ «П рече (Юрій) выжену Изяслава, а волость его всю переиму». Ип. 271.

²⁾ Ипат. 272.

³⁾ «Стоящимъ же имъ (Юрію и др.) около города, и не дадущимъ ни воды почерсти за 3 недѣль, всего же стоянья ихъ у Лучьска 6 недѣль». Ип. 273.

⁴⁾ Ип. 273.

изъ той же традиціонной политики галицкихъ князей. Начались переговоры, и дѣло покончилось миромъ: Изяславъ отказался отъ Кіева, а Юрій опять обязался возвратить новгородскія дани Изяславу; кромѣ того, рѣшено было возвратить имущество и стада, захваченныя раньше обѣими сторонами. Такъ какъ Юрій не выполнилъ послѣдняго условія, то миръ былъ нарушенъ, и Изяславъ (въ 1150 г.) открылъ военныя дѣйствія противъ Юрія захватомъ Пересопницы и изгнаніемъ оттуда княжившаго въ ней тогда Глѣба Юрьевича. Поручивъ сыну Мстиславу выпроводить далеко за предѣлы Волыни Глѣба, Изяславъ черезъ Гольшко и Куниль отправился въ «Черныя Клобуки» и, заручившись помощью этихъ послѣднихъ, двинулся на Кіевъ. При вѣсти о движеніи Изяслава, Юрій бѣжалъ за Днѣпръ въ свой «городокъ Вострьскій»¹⁾. Изяславъ, овладѣвъ безъ сопротивленія Кіевомъ, чтобы устранить притязанія Юрія на кіевскій столъ, и въ то же время въ виду угрожавшей ему опасности со стороны Владимірка галицкаго, спѣшившаго на помощь Юрію,—сталъ править, прикрывшись именемъ Вячеслава, болѣе Юрія имѣвшаго правъ (по княжескимъ счетамъ) на велико-княжеское достоинство²⁾. Теперь уже Юрій долженъ былъ вести войну не только съ Изяславомъ, но и съ законнымъ великимъ княземъ кіевскимъ—Вячеславомъ. Вскорѣ затѣмъ Изяславъ Мстиславичъ, выступившій на встрѣчу Владимірку на Перепетово поле (въ теперешней Кіевской губ.), оставленный въ рѣшительную минуту и черными клобуками, и кіевлянами долженъ былъ бѣжать сначала въ Кіевъ, а оттуда во Владиміръ. Въ Кіевѣ опять засѣлъ Юрій. По дорогѣ Изяславъ захватилъ Погорину, т. е. тѣ погоринскіе порубежные города, о которыхъ часто спорили кіевскіе и волынскіе князья. Занявъ эти города, Изяславъ оставляетъ въ Дорогобужѣ сына Мстислава, а самъ ѣдетъ во Владиміръ. Недолго

¹⁾ Городъ на Острѣ въ Переяслав. обл., принадлежавшій Юрію и служившій ему операціоннымъ базисомъ въ его движеніяхъ на Кіевъ; въ 1152 г. Изяславъ Мстиславичъ съ Ярославомъ Давидовичемъ и Святославомъ Всеволодовичемъ разрушили этотъ городъ. Ип. 308.

²⁾ Ипат. 277.

пришлось Мстиславу сидѣть въ Дорогобужѣ: Владимірко галицкій, возвращаясь въ Галичъ изъ Кіева, овладѣлъ Погоринскими городами, выгналъ Мстислава изъ Дорогобужа и посадилъ въ Пересопницѣ Мстислава Юрьевича. Но той же осенью Юрій отдалъ Погоринскіе города вмѣстѣ съ Пинскомъ и Туровомъ другому своему сыну—Андрею. При посредствѣ послѣдняго Изяславъ Мстиславичъ входитъ въ сношенія съ Юріемъ и проситъ отъ него волости «по Горину»,—въ чемъ однако Юрій отказываетъ ему. Владимірко галицкій, овладѣвши не только такими спорными городами, какъ Дорогобужъ, Пересопница, но и Бужскомъ, Шумскомъ, Тихомлемъ, Выгошевымъ, и Гнойницею ¹⁾, несомнѣнно, уже принадлежавшими Волыни, шелъ на Владиміръ. Изяславъ Мстиславичъ, не отказавшійся отъ надежды овладѣть Кіевомъ, сносится съ угорскимъ королемъ, который выступаетъ ему на помощь. Владимірко, узнавъ о движеніи на его владѣнія угорскаго короля, быстро уходитъ отъ Белза,—гдѣ онъ стоялъ,—въ Черемышль и, благодаря только подкупу вельможъ угорскаго короля избавляетъ этотъ городъ отъ осады. Изяславъ Мстиславичъ, получивъ помощь отъ угорскаго короля, въ томъ же 1150 г. идетъ на Кіевъ. Не желая сталкиваться съ княжившимъ въ Пересопницѣ Андреемъ Юрьевичемъ, Изяславъ обходитъ этотъ городъ, зажигаетъ г. Зарѣчскъ и останавливается у Мильска. Здѣсь, узнавъ о движеніи на него Владимірка, отряжаетъ брата Святополка для защиты Владиміра, а самъ идетъ въ Кіевъ на Дорогобужъ, Хотрію и Коречскъ (тепер. Корепъ, въ Новградволынск. уѣздѣ), Чортовъ лѣсъ, Ушескъ, Святославию Криницу, Мичьскъ, Въздвигденъ и Бѣлгородъ ²⁾. Владимірко погнался за Изяславомъ Мстиславичемъ, но, узнавъ въ Мичьскѣ о томъ, что Изяславъ уже въ Кіевѣ, оставляетъ сопровождавшихъ его Андрея Юрьевича и Владиміра Андреевича и уходитъ въ Галичъ, при чемъ, по дорогѣ

¹⁾ Послѣднее—наше предположеніе, основанное на словахъ Изяслава Мстиславича: «а Володимиръ Галичской по его (Юрія) веленію, волость мою взялъ» Ипат. 1150 г., 282. Быть можетъ, впрочемъ, Владимірко занялъ эти города и нѣсколько позже; во всякомъ случаѣ къ 1152 г. Владимірко владѣлъ уже ими.

²⁾ Всѣ 6 послѣднихъ мѣстностей находились въ Кіевской области.

береть изрядную контрибуцію со всѣхъ тѣхъ городовъ, черезъ которые ему пришлось идти. Въ 1152 г. борьба переносится на галицкую территорию. Въ этомъ году Изяславъ Мстиславичъ съ огромнымъ войскомъ, которое состояло изъ черныхъ клобуковъ, полковъ братьевъ Изяслава—Святополка (изъ Владиміра) и Владиміра изъ Дорогобужа), Владиміра Андреевича (изъ Пересопницы) съ уграми подступаетъ къ Перемышлю, желая окончательно сломить силы Владимірка, на котораго Изяславъ былъ очень золъ, во 1-хъ, за то, конечно, что онъ постоянно поддерживалъ его враговъ, во 2-хъ, Владимірко захватилъ города Изяслава, и въ 3-хъ, когда сынъ Изяслава Мстиславича въ 1151 г. шелъ въ Кіевъ съ уграми на помощь отцу и расположился у Сапогиня ¹⁾, Владимірко внезапно напалъ на него и избилъ его дружину и угровъ. Плохо пришлось бы Владимірку въ 1152 г., однако, онъ, какъ и всегда, сумѣлъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Подкупивъ сановниковъ угорскаго короля, Владимірко достигъ того, что съ нимъ заключили миръ, на условіи возвращенія захваченныхъ имъ Изяславовыхъ городовъ — Бужска, Шумска, Тихомля, Выгошева и Гноиницы. Владимірко, конечно, и не думалъ исполнять своего обязательства — не возвратилъ городовъ, да и преемникъ его Ярославъ тоже не думалъ добровольно возвращать ихъ, — что побудило Изяслава предпринять въ 1153 г. походъ и на этого князя, кончившійся пораженіемъ галичанъ. Лѣтопись не говоритъ о результатахъ похода, — получилъ ли Изяславъ обратно захваченные у него города или нѣтъ. По всей вѣроятности, Тихомль былъ отобранъ Изяславомъ еще до начала главныхъ военныхъ дѣйствій съ галичанами; по крайней мѣрѣ, лѣтописецъ говоритъ, что Изя-

¹⁾ Теперь есть въ Ровен. уѣздѣ деревня Сапожинъ. Очень можетъ быть, что это и есть лѣтописный Сапогинъ; первый находится тамъ, гдѣ находился послѣдній, т. е. недалеко отъ Дорогобужа: «Мстиславу же ставшу у Сапогыня... Тогда же выслалъ ему бѣшеть Володимѣръ Андреевичъ питье изъ Дорогобужа», говорится въ лѣтописи. Ипат. 305.

²⁾ «И поиде Изяславъ, скупя силу свою на Галичь, и Вячеславъ полкъ ноя съ собою, Изяславъ Давыдовичъ с нимъ свой полкъ и сынъ его Мстиславъ приде с Переяславльскимъ полкомъ и вси Чернии Клобуки, и яко же

славъ былъ у этого города²⁾. Что касается Бужска, то изъ извѣстій о послѣдующихъ событіяхъ мы узнаемъ, что въ 1173 году онъ былъ еще въ рукахъ Ярослава¹⁾.

Въ 1154 г. скончался Изяславъ Мстиславичъ²⁾. Послѣ его смерти Мстиславъ, сынъ его, удалился въ Переяславль, откуда его скоро прогналъ Юрій. Мстиславъ въ 1155 г. занимаетъ Пересопницу, и отсюда гонитъ его Юрій. Тогда Мстиславъ уходитъ въ Луцкъ, гдѣ тоже пробылъ не долго и, оставивши здѣсь своего брата Ярополка, долженъ былъ бѣжать въ «Ляхи», такъ какъ зять Юрія— Ярославъ галицкій съ Владиміромъ Мстиславичемъ осадили Луцкъ (однако, города не взяли). Наша лѣтопись ничего не говоритъ, помогли-ли поляки Изяславу Мстиславичу. По Длугошу, польскіе князья—Болеславъ, Мечиславъ и Генрихъ входятъ въ предѣлы Руси, чтобы возстановить Мстислава Изяславича не только на переяславскомъ столѣ, но и на кievскомъ. Георгій, боясь польскихъ вождей, примиряется съ Мстиславомъ и съ его братьями — Владиміромъ и Ярославомъ и даетъ имъ переяславскій удѣлъ³⁾.

Изъ лѣтописныхъ извѣстій 1155 года мы узнаемъ, что во Владимірѣ сидѣлъ въ это время Владиміръ Мстиславичъ, а въ Луцкѣ—Ярославъ. Какимъ образомъ Владиміръ Мстиславичъ попалъ во Владиміръ? Въдѣ Изяславъ Мстиславичъ по смерти брата своего Святполка (1154 г.) отдалъ Владиміръ сыну своему Ярославу?

Въ данномъ случаѣ, при отсутствіи лѣтописныхъ указаній, могутъ быть высказаны только одни болѣе или менѣе правдоподобныя предположенія. Такъ, по предположенію г. Линниченка,

приде к Тихомлю, и ту приде к нему из Дорогобужа братъ Володимиръ. Ип. 321.

¹⁾ Ип. 384.

²⁾ «Томъ же лѣтъ разболѣся великий князь Киевскій Изяславъ; честный, благотворный и христоробивый, славный Изяславъ Мстиславичъ, внукъ Володимиръ, и плакася по немъ вся Руская земля и вси Чернии Клобуци и яко по цари и господинъ своемъ, наипаче же яко по отци, въ недѣлю на ночь преставися»... Ипат. 323.

³⁾ Dlug. 448. О помощи поляковъ Мстиславу говоритъ и Татищевъ. III, 92.

Мстиславъ Изяславичъ занялъ Пересопницу, предварительно выгнавъ оттуда Владимира Мстиславича ¹⁾, а впоследствии, желая примириться съ дядей и привлечь его вновь на свою сторону, Изяславичи—племянники отдали ему Владимиръ. Вотъ какимъ образомъ, по объясненію г. Линиченка, Владимиръ Мстиславичъ сдѣлался владимірскимъ княземъ!

Быть можетъ и такъ,—лѣтопись не даетъ прямыхъ указаній на этотъ счетъ. Фактъ только тотъ, что въ 1155 г. во Владимирѣ сидѣлъ Владимиръ Мстиславичъ. Въ этомъ году, по сообщенію лѣтописи,—«Ростиславъ посла по брата своего Володимира Володимирю, и по Мъстислава и по Ярослава Лучьску, и приведе я оба къ Гюргеви къ строюи своему» ²⁾.

Владиміръ Мстиславичъ скоро долженъ былъ уступить свое мѣсто Мстиславу Изяславичу, который въ 1157 г., вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ причинъ, напалъ на Владимиръ и прогналъ его оттуда, а разныя дорогія вещи, привезенныя матерью его изъ Венгріи въ 1156 г., присвоилъ себѣ ³⁾. Владимиръ Мстиславичъ бѣжалъ въ Венгрію къ своему зятю (къ Гейзъ II, женатому на сестрѣ Владимира и Изяслава Мстиславичей ⁴⁾). Этотъ случай далъ возможность Юрію Владиміровичу

¹⁾ Очень возможно, что дѣло было такъ. Раньше, подъ 1153 г., въ лѣтописи упоминалось о томъ, что изъ Дорогобужа на помощь Изяславу Мстиславичу прибылъ его братъ Владимиръ (Ип. 321). Въ это-же время последнему могла принадлежать и Пересопница, такъ какъ, во 1-хъ, Владимиръ Андреевичъ, въ рукахъ котораго она находилась прежде (въ 1152 г.). (Ип. 308), въ 1153 г. уже владѣлъ Берестьемъ (ib. 321), а во 2-хъ, Пересопница и Дорогобужъ часто находились въ однихъ рукахъ. При предположеніи г. Линиченка становится понятнымъ, почему Владимиръ Мстиславичъ, который всегда до того времени шелъ рука объ руку съ сыновьями Изяслава противъ Юрія, теперь вдругъ сталъ сторонникомъ послѣдняго. См. *Линиченко*—Взаимн. отн., 648.

²⁾ Ип. 330.

³⁾ «Тогда-же и Мъстиславъ Изяславичъ ѣха изъвѣдомъ на стрѣя своего на Володимира Володимирю, и я жену его и матеръ его, и всадивъ я на возы везе я, Лучьску посла» (Ип. 333)

⁴⁾ О родственникахъ отношеніяхъ Владимира Мстиславича съ угорскимъ княземъ см. *Лонгиновъ*—Взаимныя связи етс., 45—46.

вмѣшаться въ волинскія дѣла, чтобы посадить на владимірскомъ столѣ своего племянника Владимира Андреевича. Въ 1157 г. Юрій съ ѣзатемъ своимъ Ярославомъ галицкимъ, съ сыновьями, съ Владимиромъ Андреевичемъ и берендіями подступилъ къ Владимиру, но, простоявъ здѣсь безуспѣшно десять дней, долженъ былъ снять осаду города. Между прочимъ, интересенъ одинъ эпизодъ изъ этой борьбы. Владимиръ Андреевичъ подступилъ къ Червеню, рассчитывая на то, что червенцы сдадутся ему, какъ сыну князя, когда-то правившаго ими; но червенцы затворили ворота и на слова Владимира Андреевича — «Язъ есмь не ратью пришелъ къ вамъ, зане есте (были) людие милии отцю моему, а язъ вамъ свой княжичъ, а отворитесь», — одинъ изъ червенцевъ, «потягнувъ стрѣлою, удари (его) въ горло, и тако Богъ заступи и отъ смерти»¹⁾. Этотъ эпизодъ показываетъ, насколько были привязаны волинцы къ Мстиславу Изяславичу и какъ недружелюбно смотрѣли на Юрія и его креатуръ.

Юрій долженъ былъ уйти ни съ чѣмъ. По словамъ лѣтописца²⁾, Юрій искалъ Владимира не для себя, а для своего сыновца, а такъ какъ Владимира онъ не добылъ, то далъ племяннику взамѣнъ его — Дорогобужъ, Пересопницу и всѣ погоринскіе города³⁾.

¹⁾ Ип. 334.

²⁾ Ип. 335.

³⁾ Ib. Интересно отношеніе Владимира Андреевича къ Изяславу и Юрію. Въ 1146 г. надѣленный Вячеславомъ Владимирскою областью, Владимиръ Андреевичъ прогоняется оттуда Изяславомъ Мстиславичемъ. Однако, при открытіи Изяславомъ военныхъ дѣйствій противъ Юрія (въ 1149 г.), Владимиръ Андреевичъ является союзникомъ Изяслава (Ип. 267); но уже съ 1150 г. (ib. 285) онъ переходитъ на сторону Юрія — быть можетъ, въ это время и произошло соглашеніе между Владимиромъ Андреевичемъ и Юріемъ относительно занятія первымъ владимірскаго стола. Съ 1150 г. Владимиръ Андреевичъ держится такой политики — въ случаѣ столкновенія Изяслава съ Юріемъ — Владимиръ на сторонѣ послѣдняго; въ другихъ же случаяхъ онъ — сторонникъ Изяслава. Такъ, въ походахъ 1152 г. и 1153 г. на Владимирка и Ярослава галицкихъ Изяславу помогаетъ Владимиръ Андреевичъ (Ип. 308, 320—21); въ одномъ случаѣ, роль его даже крайне двусмыс-

Неудача, постигшая въ 1157 г. Юрія, повела къ тому, что съ этого года Владимірское княжество совершенно обособляется отъ Кіевского. До этого времени была еще хотя слабая тѣнь зависимости—такъ, Юрій, на правахъ в. князя, хочетъ отдать Владимірское княжество Владиміру Андреевичу. Съ этого же времени оно дѣлается совершенно самостоятельнымъ, дѣлится само на нѣсколько княжествъ, при чемъ, князь собственно Владимірскаго княжества играетъ роль великаго князя.

Въ заключеніе этой главы приведемъ нѣсколько лѣтописныхъ пзвѣстій, показывающихъ, насколько разорительны были для Волыни войны, которыя велись въ промежутокъ между 1149 и 1157 гг. Въ 1150 г. Владимірко, узнавъ у Мичска о занятіи Изяславомъ Кіева, возвращается домой. По дорогѣ беретъ контрибуціи съ городовъ: «И рече Мьчаномъ: дайте ми серебро, что вы язъ хочю; пакы ли я възму вы на щитъ»; они же не имѣяхуть дати чего у нихъ хотяше, они же емлюче серебро изъ ушью и съ шии сливаюче же серебро даяхуть Володимеру. Володимеръ же поймавъ серебро и поиде, тако же емля серебро по всимъ градомъ, оли и до своей земли»¹⁾. Въ 1157 г. «червяне» затворились отъ Владиміра Андреевича и чуть было не убили его; тогда Владиміръ «ту гнѣвы, повелѣ воевати много»²⁾. Юрій, не успѣвъ взять въ томъ-же 1157 г. г. Владиміра, отошелъ отъ него, а Мстиславъ Изяславичъ, «иде по немъ до Дорогобужа, воюя и жга села, и много зла створи»³⁾. Въ 1150 г. Изяславъ Мстиславичъ «пожъже Зарѣческъ»⁴⁾. Когда Юрій съ

ленна: онъ, сторонникъ Юрія, въ бытность (въ 1151 г.) княземъ въ Дорогобужѣ, предупреждаетъ шедшаго съ уграми на помощь отцу Мстислава Изяславича объ угрожающей ему опасности со стороны Владиміра галицкаго, союзника Юрія, и высылаетъ ему 'пятье (Ип. 305). Такая политика Владиміра Андреевича была вызвана, кажется намъ, во 1-хъ, надеждою получить когда-либо Владиміръ, а во 2-хъ, тѣмъ соображеніемъ, что только при такомъ образѣ дѣйствій онъ можетъ сохранить за собою бывшія въ его рукахъ спорныя владѣнія — Дорогобужъ и Пересопвицу.

¹⁾ Ип. 289.

²⁾ Ib. 334.

³⁾ Ип. 335.

⁴⁾ Ib. 284.

союзниками въ 1149 г. стоялъ въ Пересопницѣ, а Изяславъ со своими союзниками (поляками, чехами и уграми) въ «въ Чемеринѣ на Олычѣ», и этими послѣдними было предложено Юрію мириться, то онъ имъ сказалъ: «не стойте на нашей земли, а жизни нашей, ни селъ нашихъ не губите...»¹⁾. Если такимъ образомъ поступали союзники Изяслава, да и онъ самъ съ сыномъ, то почему-же не допустить, что и противники ихъ держались такого-же образа дѣйствій. Войны въ отмѣченный промежутокъ были тѣмъ губельны, что въ нихъ принимали участіе не только княжескія дружины, но и полки, т. е. земское ополченіе. Фактъ этотъ по отношенію къ Волыни указываетъ на то, что Изяславъ и его дѣти сумѣли расположить къ себѣ земство, такъ что интересы послѣдняго сплелись неразрывною связью съ интересами князя. Ради него земля готова была жертвовать всѣмъ своимъ достоинствомъ. Такая любовь къ князю вытекала изъ уваженія его къ народнымъ учрежденіямъ (напр., къ вѣчу).

Вся сила Изяслава Мстиславича заключалась, главнымъ образомъ, въ сочувствіи къ нему народной массы. Вотъ почему лѣтописецъ по поводу его смерти могъ сказать: «плакася по немъ вся Руская земля и вси Чернии Клобуци, и яко по цари и господинѣ своемъ, *наипаче же яко по отци*»²⁾. Князь этотъ

¹⁾ Ib. 271.

²⁾ Ип. 323. Когда въ 1148 г. Изяславъ явился въ Новгородъ и созвалъ вѣче, на которомъ предложилъ новгородцамъ самимъ разрѣшить вопросъ, слѣдуетъ-ли идти войною на Юрія за обиды, наносимыя новгородцамъ послѣднимъ, то раздались крики: «ты нашъ князь, ты нашъ Володимиръ, ты нашъ Мстиславъ! ради с тобою идемъ своихъ дѣла обидъ» (Ип. 259). Довольно характерныя слова влагаетъ лѣтописецъ въ уста кіевлянъ, когда Изяславъ, разбитый Юріемъ у Переяславля (въ 1149 г.), бѣжалъ въ Кіевъ: «господина наю князя (Изяславъ и Ростиславъ)! не погубитъ насъ до конца; се нынѣ отди наши и братья наша и сынови наши на полку, они изоманы, а дружини избѣены и оружье снято; а нынѣ ать не возмуть насъ на полонъ, поѣдита въ свои волости; а вы вѣдаета оже намъ съ Гюргемъ не ужити; аже по сихъ днехъ где узримъ стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы» (Ип. 268). См. также Ип. 284.

могъ всегда найти для себя поддержку и убѣжище на Волынѣ. Ему незачѣмъ было бѣгать въ «ляхы» и «угры», когда его постигала неудача въ Кіевѣ; предъ нимъ не затворялись ворота, какъ, напр., предъ Владиміромъ Андреевичемъ ¹⁾).

¹⁾ Гл. 334.

VI. Волинь до конца XIV в.

Изложеніе внѣшней исторіи Волинскаго княжества мы прервали на 1157 г. Въ этомъ году Мстиславъ Изяславичъ, выдержавъ осаду Юрія Владиміровича и удержавъ, такимъ образомъ, за собою Владиміръ, положилъ начало окончательному обособленію Владимірскаго княжества отъ Кіева. Владимірское княжество при Мстиславѣ Изяславичѣ дѣлилось уже на Луцкое и собственно Владимірское. Въ первомъ княжилъ братъ Мстислава Ярославъ. Братья жили дружно—во всѣхъ внѣшнихъ предпріятіяхъ мы видимъ ихъ вмѣстѣ. Никогда они не становились другъ противъ друга. Одинъ только разъ миръ между ними чуть было не нарушился¹⁾.

Мстиславъ Изяславичъ, подобно отцу своему, стремился къ занятію Кіева,—что ему и удавалось нѣскольکو разъ: въ первый разъ онъ занялъ его въ 1159 г. и сейчасъ же отдалъ Ростиславу Мстиславичу²⁾; во 2-й—въ 1167 г.³⁾, но ненадолго, такъ какъ въ 1169 г. былъ изгнанъ изъ Кіева сыномъ Андрея Боголюбскаго Мстиславомъ⁴⁾; въ 1169—1170 г. Мстиславъ опять ходилъ къ Кіеву, но послѣ неудачной осады Вышгорода вернулся въ 1170 г. во Владиміръ, гдѣ въ этомъ же году и скончался⁵⁾.

¹⁾ Ип. 365.

²⁾ Ib. 344.

³⁾ Ibid. 366, (1169 г.), Новг. I, 146.

⁴⁾ Ип. 372, (1171 г.) Новг. I, 148 (1168 г.), Кенгсб. (1168 г.) 244—45.

⁵⁾ Ип. 376, 381; Лавр., Новг. I и Кенгсб.—1170 г. Въ Ип.—1172 г.—очевидно, ошибочно. *Б. Рюмин*—Рус. ист. I, 182 (1172 г.).

Мстиславъ Ізяславичъ старался поддерживать миръ между князьями и потому-то, занявъ въ 1159 г. Кіевъ, уступилъ его старѣйшему—Ростиславу Мстиславичу. Миръ былъ необходимъ, такъ какъ дикіе кочевники, пользуясь княжескими раздорами, опустошали русскія владѣнія и стѣсняли русскую торговлю. Для острастки половцевъ князя, по иниціативѣ Мстислава Ізяславича, ходили въ 1168 г.¹⁾ на половцевъ и нанесли имъ чувствительный уронъ. Въ томъ-же году, по зову того-же Мстислава Ізяславича, князя идутъ охотно къ Каневу на встрѣчу «гречникамъ».

Мстиславъ Ізяславичъ, въ заботахъ объ интересахъ русской земли, которой онъ, по словамъ лѣтописца, «хотяше добра всмѣхъ сердцемъ»²⁾, стремился не къ отчужденію волостей другихъ князей въ свою пользу, а къ союзу всѣхъ князей,—потому-то мы и не видимъ, чтобы походы Мстислава на другихъ князей оканчивались изгнаніемъ ихъ. Такъ, въ 1169 г. Мстиславъ ходилъ на Владиміра Андреевича къ Дорогобужу, овладѣлъ городами, принадлежавшими прежде Владимірскому княжеству, — какъ Шумскъ, напр., — но Владиміра Андреевича оставилъ въ его Дорогобужѣ³⁾.

Стремясь все къ той-же цѣли — созданію прочнаго мира между князьями, Мстиславъ жилъ въ ладахъ и съ сосѣдомъ своимъ Ярославомъ галицкимъ и даже съ противниками рода Мономаховичей—князьями черниговскими, и только, когда Ізяславъ Давидовичъ выказалъ стремленіе поддерживать раздоры въ русской землѣ, напр., тѣмъ, что пріютилъ у себя претендента на галицкій столъ Ивана Берладника и сталъ добиваться для него стола,—Мстиславъ перешелъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ одного изъ представителей черниговскихъ князей.

Сильное вліяніе Мстислава Ізяславича на ходъ русскихъ дѣлъ, его популярность, созданная удачной защитой русской земли и русской торговли отъ половцевъ, не нравились Андрею

¹⁾ Ип. 368, Новг. I. 148 (1167 г.).

²⁾ Ип. 368.

³⁾ Ib. 373.

Боголюбскому, который въ это время изъявлялъ притязаніе на главное руководство дѣлами тогдашней Руси. Проснулась старая вражда между Изяславичами и Юрьевичами, и Андрей Боголюбскій искалъ только случая нанести ударъ Мстиславу Изяславичу.—Такой случай представился въ 1168 г., когда новгородцы пригласили къ себѣ на княженіе сына Мстиславова — Романа ¹⁾. Андрей Боголюбскій, который, по словамъ Татищева, «спльно старался Святослава паки или сына своего въ Новѣградѣ посадить, и безпутство Новгородцевъ пресѣчь, для котораго ни съ чѣмъ къ нимъ не пропускать, и ихъ купцовъ вездѣ ловили и грабили» ²⁾—воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы составить коалицію изъ князей противъ Мстислава. Назначеніемъ Романа въ Новгородъ сильно были недовольны смоленскіе Ростиславичи. Они и примкнули къ коалиціи Андрея Боголюбскаго. Въ 1168 г. разсорился съ Мстиславомъ Изяславичемъ изъ-за волости Владиміръ Андреевичъ,—онъ тоже присталъ къ союзу. Составилось огромное ополченіе изъ князей, которое подъ предводительствомъ сына Андрея-Мстислава подступило въ 1169 г. къ Кіеву. Кіевъ былъ взятъ, и преданъ разграбленію, а Мстиславъ бѣжалъ во Владиміръ ³⁾.

Предавая сожженію и разграбленію Кіевъ, Андрей (Мстиславъ Андреевичъ дѣйствовалъ, безъ сомнѣнія, по инструкціи отца), очевидно, имѣлъ въ виду низвести древній центръ Руси къ ничтожеству, чтобы затѣмъ сдѣлать свой городъ Владиміръ центромъ Руси, а остальные города и ихъ князей поставить въ подручное къ себѣ отношеніе. Въ виду этого онъ считалъ возможнымъ назначать волости Ростиславичамъ и даже одного изъ

¹⁾ Ib. 371 (1170 г.), Новг. I, 148. (1168 г. — что вѣрнѣе). Подъ этимъ годомъ въ Новг. I записано: «Приде князь Романъ Мстиславиць, вѣнухъ Изяславъ, Новугороду на столъ, мѣсяца априля въ 14, въ вѣторую недѣлю по велици дни, индикта първаго».

²⁾ *Татищевъ*—III, 164.

³⁾ Ип. 372 и 373 (прим.). По *Бестужеву*—взятіе Кіева произошло въ 1169 г. (Р. ист. т. I, 173). Какъ въ данномъ случаѣ, такъ и нѣсколько раньше лѣтосчисл. въ Ип. не сходно съ таковымъ-же въ Лавр.—См. Ип. 366 (прим.).

нихъ изгнать изъ Руси, распоряжался туровскими, пинскими, городенскими князьями¹⁾ и другими, какъ князьями, зависимыми, отъ него, не смотря на протестъ со стороны князей, которые не желали имѣть его властелиномъ, а отцомъ, и относились къ нему, какъ къ старшему²⁾).

Итакъ, во второй половинѣ XII в. два человѣка на Руси приходятъ къ мысли о необходимости сплоченія земель и устранения раздоровъ среди князей. Но въ то время, какъ Андрей Боголюбскій желаетъ сплотить земли подъ своею единодержавною властью и перенести центръ древне-русской жизни въ другое мѣсто, Мстиславъ Изяславичъ стремится къ равноправной федерации князей. Понятно, эти два князя рано или поздно должны были столкнуться, и столкновение вышло не въ пользу Мстислава. Послѣдній удалился во Владиміръ,—гдѣ вскорѣ и умеръ. Андрею, впрочемъ, тоже не довелось довести своего дѣла до конца—въ 1175 г. онъ былъ убитъ. Стремленія этихъ князей, однако, не умерли съ ними и съ большою силою проявились у Романа Мстиславича и у Всеволода Юрьевича. Необходимо, при этомъ, отмѣтить разницу въ стремленіяхъ сѣверныхъ и южныхъ князей: тогда какъ первые желали подчинить своей власти всю Русь, притязанія послѣднихъ не шли такъ далеко,—они имѣли въ виду только юго-западную Русь.

Романъ Мстиславичъ нѣсколько измѣнилъ политику отца. Въмѣсто исканій Кіевского стола, — такъ какъ значеніе Кіева сильно умалилось послѣ разграбленія его въ 1169 г.,—Романъ стремится овладѣть Галичемъ, а овладѣвъ имъ, дѣлаетъ его резиденціею своею и центромъ всей юго-зап. Руси. Послѣдняя постепенно подчиняется его власти, и онъ, по выраженію лѣтописца, становится «самодержцемъ всей Руской земли»³⁾.

Насколько благотворна была для населенія юго-зап. Руси

¹⁾ Ип. 391.

²⁾ Мстиславъ Ростиславичъ говоритъ Андрею: «мы тя до сихъ мѣстъ аки отца имѣли по любви, аже еси съ сякими рѣчьми прислазъ, не аки къ князю, но аки къ подручнику и просту чловѣку... (Ип. 390).

³⁾ Ип. 479.

и въ частности для Галича и Волыни дѣятельность этого «само-держца» видно изъ того, что и много лѣтъ спустя его вспоми-нали съ любовью ¹⁾. А къ этой плодотворной дѣятельности Ро-манъ въ значительной степени былъ подготовленъ, такъ какъ прежде чѣмъ выступить на историческую арену въ качествѣ га-лицко-волынскаго князя, собирателя земель юго-зап. Руси и водво-рителя здѣсь мира и порядка, прошелъ хорошую жизненную школу. Рожденный отъ сестры Казимира Справедливаго (Юдита) ²⁾, Ро-манъ, по словамъ Богучала, «почти съ люльки находился на воспитаніи у Казимира» ³⁾ и видѣлъ, съ какими трудностями прихо-дится бороться князьямъ польскимъ съ своевольными вельможами. Занявъ въ 1168 г. новгородскій столъ, онъ самолично убѣдился, какъ необходимо лавировать, чтобы быть угоднымъ безпорядоч-ному вѣчу и въ то же время поддерживать авторитетъ князя. Примѣры Андрея Боголюбскаго, поступавшаго для достиженія намѣченной цѣли слишкомъ прямолинейно и потому такъ траги-чески разставшагося съ жизнью; отца, хотѣвшаго мирнымъ пу-темъ сплотить князей и постоянно сталкивавшагося то съ однимъ, то съ другимъ,—заставили Романа Мстиславича избрать такую политику, которая принесла ему самые плодотворные результаты. Человѣкъ съ недюжиннымъ умомъ, энергичный, строго последо-вательно шедшій къ разъ намѣченной цѣли, Романъ ловко пользо-вался благопріятными для него обстоятельствами, причемъ, не принималъ въ расчетъ родственныхъ отношеній и мало обра-щалъ вниманія на выборъ средствъ ⁴⁾.

¹⁾ Лѣтописецъ рассказываетъ, какъ берестяне съ радостью встрѣтили жену и сына Романа, «ято велика Романа жива видящи» (Ип. 483).

На похоронахъ Владимира Васильковича владимірцы говорили: «добры бы ны, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ бяшетъ отъ всихъ обидъ; ты же бяше, господине, есму поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего» (Ип. 605).

²⁾ *Богучалъ*—Мон. Pol. II, 535. *Ждановъ*—«Пѣсни о Романѣ». Ж. М. Н. Пр. 1890, № 4, стр. 274. *Лонгиновъ*—Родств. связи etc 43, 44.

³⁾ *Богучалъ*—Мон. Pol. II, 47.

⁴⁾ Такъ, отдавъ въ 1188 г. въ замужество за старшаго сына Влади-

Послѣ этихъ предварительныхъ словъ, перейдемъ къ изложенію вышней дѣятельности Романа. Въ 1170 г. умеръ Мстиславъ Изяславичъ, заключивши передъ смертью «рядъ» со своимъ братомъ, княземъ луцкимъ Ярославомъ, «яко же ему не подозрѣти волости подъ дѣтьми его»¹⁾. Въ силу этого, владимірскій столъ по смерти отца занялъ безпрепятственно Святославъ, — какъ-то видно изъ извѣстія лѣтописи подъ 1173 г.²⁾ Но какова была дѣятельность этого Святослава, и когда онъ умеръ, лѣтопись не говоритъ. Шараневичъ относитъ, на основаніи извѣстныхъ намъ источниковъ, смерть Святослава къ 1175 г.³⁾, а Зубрицкій — къ 1173 г.⁴⁾ По Татищеву, Святославъ Мстиславичъ умеръ въ 1172 г., въ Берестѣ, а въ Ипатской лѣт. подъ 1173 г. записано: «в то же время преставилъ ся бѣшеть братъ ему мѣньший миръ въ Берестѣ». Кого тутъ разумѣть лѣтописецъ, неизвѣстно.

Когда затѣмъ Романъ Мстиславичъ вступилъ на владимірскій столъ, опредѣлить не можемъ. Знаемъ только, что въ 1170 г.

міра галицкаго свою дочь, Романъ, узнавъ о неурядицахъ въ Галичѣ, заводитъ интригу съ крамольными галицкими боярами противъ Владимира (Ип. 444), а въ 1199 г., занявъ галицкій столъ, Романъ, по словамъ Длугоша Богуслава и Кадлубка, терроризируетъ тѣхъ самихъ галицкихъ бояръ, крамольнымъ стремленіемъ которыхъ въ 1188 г. онъ считалъ возможнымъ поддерживать: многихъ разбѣжавшихся бояръ онъ обманными завѣреніями и дарами привлекаетъ въ Галичъ и избиваетъ (Dlug. I, 1615 г., ред. 519; *Wagurh Chr* M. P. II, 547, *Кадлубекъ*—ib. 439). Въ 1196 г. Романъ становится на сторону Ольговичей и нападаетъ на волость братьевъ тестя своего Рюрика въ то время, какъ у того произошло столкновеніе съ Ольговичами (Ип. 467), не смотря на то, что предъ этимъ цѣловалъ крестъ Рюрику Ростиславичу «како ся ему Олговичъ боле того лишити, а въ его волѣ (Рюрика) быти и зрѣти на нь» (Ип. 468). Въ 1205 г. Романъ требуетъ у Лешка Бѣлаго, своего двоюроднаго брата, Люблинской земли и, не получивъ ея, вторгается въ Польшу (Dlug. I. 1615 г., р. 533).

¹⁾ Ип. 382.

²⁾ Ib. 384.

³⁾ Шараневичъ—Ист. Гал. В. кн., стр. 53.

⁴⁾ Зубрицкій—Ист. Гал. р. кн. II, 112.

онъ выѣхалъ уже изъ Новгорода¹⁾, а въ 1183 г. былъ, несомнѣнно, владимірскимъ княземъ²⁾.

Чему приписать такое позднее выступленіе Романа на историческую сцену въ качествѣ владимірскаго князя? Быть можетъ, Ярославъ не сдержалъ «ряда» съ Мстиславомъ Изяславичемъ и захватилъ Владиміръ по смерти Святослава Мстиславича? На такое предположеніе наводитъ насъ извѣстіе лѣтописи подъ 1174 г. о томъ, что Ярославъ Изяславичъ пошелъ на Ростиславичей въ Кіевъ «со всею Велиныскою землею». Какимъ образомъ въ распоряженіи Ярослава оказалась вся Волынская земля, когда онъ владѣлъ однимъ только Луцкомъ³⁾?

Какъ бы то ни было, но послѣ 1183 г., повторяемъ, Романъ уже былъ княземъ во Владимірѣ. Въ 1183 г. онъ вмѣстѣ съ другими князьями наноситъ пораженіе половцамъ, а въ 1188 г., пользуясь неудовольствіемъ галичанъ на своего без-

¹⁾ Новгор. I по Синод. сп. стр. 156: «И съдумавъше Новъгородьци показаша путь князю Роману». По извѣстію лѣт. Авраамка, въ 1169 г. Романъ еще «быше дѣтескъ», за него Новгородцы храбро бились съ ратью 72 князей, подступившихъ въ 1169 г. къ Новгороду (стр. 46).

²⁾ Ип. 426, 428. Татищевъ упоминаетъ о Романѣ, какъ о владимірскомъ князѣ, еще подъ 1182 г.—Ист. III, 248.

³⁾ Богучалъ сообщаетъ, что Владиміръ достался Роману, благодаря Казимиру (*Богучалъ* — 542). Мы знаемъ, что въ 1188 г. (по Ипат. лѣт., по Длугошу — въ 1191 г.) поляки, дѣйствительно, помогали Роману братъ Владиміръ, но тогда послѣдній достался ему, благодаря угрозамъ Рюрика Ростиславича, а не помощи поляковъ. Очень возможно, что объ этомъ именно случаѣ упоминаетъ Богучалъ. А то, можетъ быть, онъ говоритъ о помощи поляковъ раньше 1188 г.: подъ 1182 г. Казиміръ, по словамъ Богучала, возстановляетъ на галицкомъ столѣ сына сестры своей; противникомъ является (*Богучалъ*—534) Всеволодъ Белзскій (Всеволодъ Мстиславичъ—братъ Романа); на его дочери Еленѣ былъ женатъ Казиміръ Справедливый)—ужь не о Романѣ ли Мстиславичѣ тутъ рѣчь? Такъ именно смотритъ на этотъ вопросъ г. Лонгиновъ. См. Родств. связи рус. княз. съ угорскимъ домомъ, стр. 44. Казиміръ Справедливый—братъ Юдиенъ, матери Романа Мстиславича. У Длугоша подъ тѣмъ-же годомъ говорится о возстановленіи на галицкомъ столѣ какаго-то Метислава (*Dług.* I, 490).

Очень возможно, что польскіе писатели записали какой-то дѣйствительно бывшій случай, но въ извращенномъ видѣ.

путнаго князя Владиміра, при помощи принявшихъ его стору на галицкихъ бояръ, захватываетъ Галичъ, но не надолго, такъ какъ въ томъ-же году принужденъ былъ уступить его Андрею, королевичу венгерскому. Романъ остался безъ стола, такъ какъ Владиміръ, въ которомъ онъ сидѣлъ до 1188 г., предъ уходомъ въ Галичъ отдалъ своему брату Всеволоду. Теперь, потерявъ Галичъ, Романъ требуетъ возврата отъ брата Владиміра, — на что тотъ не соглашается. Тогда между братьями возгорается борьба. Въ борьбѣ этой, завершившейся побѣдой Романа, принимаютъ участіе поляки и тестъ Романа Рюрикъ. Благодаря, между прочимъ, настоянію послѣдняго, Всеволодъ ушелъ изъ Владиміра и занялъ Белзъ¹⁾.

Отказавшись пока отъ мысли занять Галичъ, такъ какъ въ немъ послѣ скитаній по чужимъ землямъ въ 1190 г. опять уѣхалъ Владиміръ, признавшій свою зависимость отъ могущественнаго въ то время Всеволода Юрьевича²⁾, Романъ Мстиславичъ обратилъ свои взоры на Кіевъ, — гдѣ тогда сидѣлъ Рюрикъ. Въ 1195 г. Романъ, недовольный Рюрикомъ за то, что тотъ отдалъ Всеволоду Юрьевичу города, данные имъ раньше ему, Роману («Торьцкый, Корсунъ, Богуславль, Треполь, Каневъ»)³⁾ — принялъ сторону противниковъ Рюрика и всего Мономахова племени — Ольговичей. Одного изъ нихъ — Ярослава Романъ звалъ на кіевскій столъ. Дѣло, быть можетъ, и въ этомъ году дошло бы до столкновенія, если бы Романъ не принялъ участія въ распрѣ между польскими князьями. Въ Польшѣ въ это время шла борьба между Лешкомъ Бѣлымъ и

¹⁾ Прежде чѣмъ начать военныя дѣйствія противъ брата, Романъ пытается овладѣть пограничнымъ галицкимъ городомъ Пльєнескомъ, желая, по всей вѣроятности, сдѣлать его своимъ операціоннымъ базисомъ противъ Галича. Осада города была безуспѣшна. Тогда Романъ, съ помощью дяди своего Мечислава, кн. великопольскаго, подступаетъ къ Владиміру. Всеволодъ, однако, города не сдаетъ, и только, по настоянію Рюрика, уходитъ въ Белзъ. (Ип. 444 и 446).

²⁾ Ип. 448.

³⁾ Города эти были даны Рюрикомъ Роману въ то время, какъ послѣдній лишился Владиміра. Татищевъ — III, 288.

его дядею Мечиславомъ. Мать Лешка, дочь Всеволода Мстиславича — Елена пригласила на помощь Романа. Въ сраженіи, происшедшемъ у Мозгавы, Романъ потерпѣлъ поражение и раненый отвезенъ былъ во Владиміръ¹⁾. Не до борьбы съ Рюрикомъ было теперь Роману, а потому онъ готовъ былъ примириться съ нимъ. Примиреніе и состоялось, при чемъ, Романъ получилъ отъ Рюрика «Полоный и полъ тартака Корсуньского»²⁾. Примиреніе это, однако, было только временнымъ, такъ какъ Романъ не думалъ оставлять стремленія къ намѣченной имъ цѣли — занять Кіевъ. Въ 1196 г. онъ становится опять на сторону Ольговичей и начинаетъ изъ даннаго ему Рюрикомъ «Полонатаго» враждебныя дѣйствія противъ брата Рюрика — Давида и сына — Ростислава. Рюрикъ, съ цѣлью парализовать дѣйствія Романа, вступаетъ въ соглашеніе съ Владиміромъ галицкимъ объ одновременномъ нападеніи на волость Романову. И дѣйствительно, въ то время какъ Владиміръ галицкій (естественно, недоброжелатель Романа, послѣ того, какъ тотъ такъ вѣроломно съ нимъ поступилъ) съ племянникомъ Рюрика опустошаютъ владѣнія Романа около Перемышля, Ростиславъ Рюриковичъ съ черными клобуками нападаетъ на волость того-же Романа со стороны Кіева и жжетъ села около Каменца³⁾. На этотъ разъ Роману не удалось овладѣть Кіевомъ и, главнымъ образомъ, потому что ятвяги воспользовались его отсутствіемъ и напали на его земли⁴⁾. Тогда Романъ, оставивъ на время свое

¹⁾ Ип. 462. *Болубалъ*—542, *Кадлубекъ*—433; Длугошъ—I, 511.

²⁾ Ип. 462.

³⁾ Ib. 468.

⁴⁾ На какія владѣнія Романовы сдѣлали набѣгъ ятвяги? Разрѣшеніе этого вопроса находимъ у Татищева, который подъ 1196 г. сообщаетъ слѣдующее: пошелъ (Романъ) на ятвяговъ, которые въ Подляшій, области его по Бугу, дѣлали нѣкоторыя безпокойства» (*Татищевъ*—III, 325). Какъ далеко въ глубь ятвяжской территоріи зашелъ Романъ, видно изъ словъ того-же Татищева: «разоря всѣ жилища ихъ, поплѣняя по Бугу и до Немона, въ домъ возвратился отъ Мстислава» (ib). Итакъ, ятвяги напали на земли Романовы въ такъ называемой Подляхій, гдѣ въ то время были города—Бересте и Дрогичинъ, прибрѣтенные Романомъ, по Татищеву—въ 1182 г.

намѣреніе относительно Кіева, вторгается въ ятвяжскую землю и производитъ здѣсь страшное опустошеніе ¹⁾. Какъ велико было послѣднее, видно изъ того, что и 30 лѣтъ спустя опустошенная территорія не была заселена: «си же земля», говоритъ лѣтописецъ, «опустѣла по 80 лѣтѣхъ по Романѣ» ²⁾.

Въ 1198 г. умеръ Владиміръ галицкій. Романъ воспользовался случаемъ и при помощи поляковъ занялъ Галичъ. Сдѣлавшись галицкимъ княземъ, Романъ постарался прежде всего устранить боярскую оппозицію, — для чего многихъ изъ бояръ, по извѣстію польскихъ источниковъ, умертвилъ ³⁾. На галицкій столъ было много претендентовъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ среди бояръ свою партію; потому-то Романъ, для устраненія смуты, счелъ необходимымъ круто обойтись съ боярами ⁴⁾.

Такимъ образомъ, въ рукахъ Романа было уже два княжества — оставалось овладѣть Кіевскимъ, и тогда вся юго-западная Русь въ его власти. Рюрикъ, тогдашній великій князь кіевскій, первый открылъ враждебныя дѣйствія противъ Романа. Дѣло въ томъ, что Рюрикъ былъ страшно обиженъ тѣмъ, что Романъ въ 1197 г., по извѣстію лѣтописи, «нача пущати дчерь Рюрикову, хотяшетъ ю постричи» ⁵⁾. Рюрикъ вошелъ въ соглашеніе съ Ольговичами и въ 1202 г. хотѣлъ идти на Галичъ. Романъ предупредилъ тестя, явился въ Кіевъ и занялъ его. Тогда Рюрикъ ушелъ въ Овручъ, а Кіевъ Романъ отдалъ двоюродному брату своему Ингвару Ярославичу ⁶⁾.

Желанія Романа исполнились — онъ владѣлъ всей юго-западной Русью. Рюрикъ, однако, не думалъ отказываться отъ

¹⁾ «Тое же зимы ходи Романъ Мъстиславичъ на Ятвяги отомщиваться: бяхуть бо воевали волость его, и тако Романъ вниде в землю ихъ; они же не могучи стати противу силѣ его, и бѣжаша во свои тверди, а Романъ пожегъ волость ихъ и отомститися, возвратися во свояси». (Ип. 471).

²⁾ Ип. 578.

³⁾ *Кадлубекъ* (въ изд. Бѣловскаго) 439; *Болуфалъ* (ib) 546; Dlug. I, 517.

⁴⁾ *Кадлубекъ* приписываетъ Роману характерную поговорку: *melle securus uti opum non posse* (р. 439).

⁵⁾ Лавр. 392.

⁶⁾ Ib. 397. М. С. *Грушевскій* — Очеркъ ист. Кіев. земли, стр. 263.

притязаній на Кієвъ: въ 1203 г. онъ съ Ольговичами и половцами напалъ на Кієвъ, взялъ его и подвергъ страшному разграбленію. Тогда Романъ рѣшилъ дѣйствовать такъ: въ томъ-же 1203 г. онъ является въ Овручъ, куда бѣжалъ Рюрикъ при извѣстіи о движеніи Романа и мирится съ Рюрикомъ; при этомъ, желая разстроить союзъ послѣдняго съ Ольговичами, требуетъ, чтобы онъ отказался отъ этого союза. Затѣмъ настаиваетъ на томъ, чтобы Рюрикъ просилъ Кієва у Всеволода Юрьевича, а самъ просить того-же Всеволода простить Ольговичей за разореніе Кієва. Такими поступками Романъ желалъ какъ бы выразить в. к. суздальскому свою преданность¹⁾ и тѣмъ устранить возможность со стороны его оказать помощь Рюрику или самому занять Кієвъ. Рюрикъ, получивъ такимъ образомъ, Кієвъ отъ Всеволода, остался безъ союзниковъ Ольговичей и безъ надежды на помощь со стороны Всеволода, которому, конечно, было пріятно, что такой могущественный князь, какъ Романъ, признаетъ его авторитетъ. Послѣ этого Романъ оставляетъ Рюрика до поры до времени въ покоѣ и уходитъ въ свой Галичъ²⁾, гдѣ, впрочемъ, долго не оставался, такъ какъ скоро принялъ участіе въ походѣ русскихъ князей на половцевъ³⁾. На возвратномъ пути съ похода, въ Треполѣ, Рюрикъ съ Романомъ о чемъ-то заспорили, и послѣдній, захвативъ въ плѣнъ перваго, отправилъ его въ Кієвъ и велѣлъ постричь въ монахи вмѣстѣ съ женою его и дочерью (женою Романа). Наконецъ-то Романъ утвердился въ Кієвѣ! Татищевъ влагаетъ въ уста Роману такую мотивировку его поступка съ Рюрикомъ: «нынѣ видимъ», говоритъ Романъ Всеволоду Юрьевичу и другимъ князьямъ.«похищаютъ престолъ молодшіе.... которые не могутъ не только другихъ распорядить, и братію во враждахъ разводить, но сами себя оборонить не въ состояніи, часто во-

¹⁾ Лавр. 398—99.

²⁾ Татищевъ говоритъ, что «Рюрикъ не во всемъ хотѣлъ требованія Романовы удовлетворять». III, 336.

³⁾ Въ лѣтописи Авраамки этотъ походъ и послѣдовавшее за нимъ постыженіе Рюрика отнесены къ 6711 г.

станетъ война въ братіи, приводятъ поганныхъ половцевъ и разоряють землю русскую.... того ради и Рюрикъ явился виненъ, и я лишилъ его престола, дабы покой и тишину Русской земли приобрѣсти» ¹⁾). Романъ былъ на верху славы — ему принадлежала огромная территорія, и хотя, по настоянію Всеволода Юрьевича, онъ скоро уступилъ Кіевъ сыну Рюрика — Ростиславу, но, безъ сомнѣнія, на условіяхъ подчиненія своей волѣ ²⁾).

Слава Романа гремѣла по всей Европѣ — Византійскій императоръ Алексѣй Комненъ просилъ у него помощи противъ половцевъ, и въ то время, какъ послѣдніе опустошали Фракію и окрестности Константинополя, Романъ, въ 1202 г., по извѣстію нашей лѣтописи, «ходи на Половцѣ, и взя вежѣ Половечьскыѣ и приведе полона много, и душъ хрестыаньскихъ множество отпологи отъ нихъ; и бысть радость велика въ земли Русьстѣй» ³⁾). Папа Иннокентій III, услыхавъ о подвигахъ Романа, предлагалъ ему королевскій вѣнецъ съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ католическую вѣру ⁴⁾).

Соединивъ всю юго-зап. Русь подъ своею властью, обезопасивъ границы ея отъ нападеній кочевниковъ половцевъ и дикихъ народцевъ ятвяжскихъ, Романъ сталъ помышлять о расширеніи территоріи Руси на счетъ Польши — захотѣлъ приобрѣсти Люблинскую землю. Польша въ это время находилась въ состояніи разьединенія — области ея были раздѣлены между Лешкомъ Бѣлымъ, Конрадомъ и другими князьями, враждовавшими между собою ⁵⁾). Романъ, завершивъ дѣло объединенія юго-западной Руси, воспользовался беспорядками въ Польшѣ и въ 1205 г. двинулся туда съ войсками. Но польскіе князья, соединившись, по словамъ Длугоша, дали энергичный отпоръ Роману. Войско его потерпѣло пораженіе у Завихоста, а самъ

¹⁾ *Татищевъ* — III, 337.

²⁾ Лавр. 400.

³⁾ *Ib.* 397.

⁴⁾ «Папа слышавъ, иже Романъ Угры и Ляхи побѣди, и всю Русь подъ себе приведе, сля къ нему свой посолъ, намовляти въ Латинскую вѣру свою, обѣщая ему грады и королевѣ въ Руси учинити». Кенигсб. 301.

⁵⁾ *Dlug.* I, 533—4, *Bozuph.* 553.

онъ былъ убитъ ¹⁾. Такъ закончилъ свою жизнь «самодержецъ всей Руской земли».

При концѣ жизни Романа юго-западная Русь наслаждалась покоемъ. Побѣды надъ половцами и ятвягами, опустошавшими безпрестанно русскія окраинныя владѣнія, прекращеніе раздоровъ между князьями путемъ подчиненія ихъ своей власти ²⁾, подавленіе оппозиціи бояръ,—все это содѣйствовало умиротворенію Руси, а Роману создало громадную популярность какъ внутри Руси, такъ и внѣ ея. Насколько велика была популярность Романа на Руси, благодаря въ особенности побѣдамъ надъ половцами и ятвягами, видно изъ того, что говорятъ о немъ лѣтописецъ и авторъ «Слова о полку Игоревѣ». «По смерти же великого князя Романа», говорится въ лѣтописи, «приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолѣвша всимъ поганьскимъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемъ Божиимъ: устремилбоя бяше на поганяя яко п левъ, сердить же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодиль, и прехожаше землю ихъ яко и орель, храборъ бо бѣ яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганяя Измалтяны, рекомыя Половци... Роману же князю ревновавшю за то, и тшасеся погубити иноплемьники ³⁾. «А ты, буй Романи и Мстиславе!» обращается пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» къ Роману. «Храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дѣло: высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломи латинскими, тѣми тресну земля и многы страны: Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тии мечи харалужныи ⁴⁾.

¹⁾ «Въ лѣто 6713... Того же лѣта убиша князя Романа въ Лясъхъ. Того же лѣта растрижеса Рюрикъ и поиде на Галичъ». Лѣт. Авраамка, стр. 47. *Danilowicz*,—*Scarbiac* dipl. т. I, 53.

²⁾ Длугошъ говоритъ, что, благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ, Романъ сталъ повелѣвать «*omnibus Ruthenorum provinciis et singulos Russiae principes haberet tributarios et subjectos*». I, 519.

³⁾ Ип. 479—80.

⁴⁾ «Слово о полку Игоревѣ», изд. проф. В. А. Яковлева.

Романъ, говоритъ Карамзинъ, «надолго оставилъ память блестящихъ воинскихъ дѣлъ, извѣстныхъ отъ Константинополя до Рима... Ему принадлежитъ честь знаменитости между нашими древними князьями»¹⁾. «Образъ Романа», замѣчаетъ профессоръ Ждановъ, «долго тревожилъ народное воображеніе на Руси и въ Польшѣ. Разказы о Романѣ даже современныхъ ему писателей носятъ несомнѣнные слѣды такого потревоженного воображенія». Князь Романъ, какъ Владиміръ-Красное Солнышко и Грозный царь Иванъ Васильевичъ, сдѣлался героемъ народныхъ пѣсенъ, сохранившихся на югѣ и сѣверѣ Россіи. Въ этихъ пѣсняхъ Романъ является человѣкомъ необыкновеннымъ:

«А какъ енѣ да хитеръ мудеръ,
А какъ знатѣ языки какъ ужѣ птичьи,
Знатѣ енѣ языки какъ вранины,
А какъ енѣ мастеръ вѣдѣ по полямъ скакать,
Ай по полямъ скакать да онѣ сѣрымъ волкомъ,
А по темнымъ лѣсамъ летать да чернымъ ворономъ,
А по крутымъ горамъ скакать да горносталюшкомъ,
Ай какъ по синимъ морямъ плавать сѣрой утѣшкой»²⁾.

Чему же приписать выдающіеся успѣхи Романа? А тому, по нашему мнѣнію, что юго-зап. Русь к. XII в., обезсиленная и княжескими усобицами, и набѣгами кочевниковъ и другихъ дикихъ народцевъ, жаждала покоя, упорядоченія дѣлъ, а потому, когда на галицко-влад. княжескомъ столѣ явился энергичный человѣкъ съ подобными же стремленіями къ установленію мира и порядка въ ю. з. Руси, народная масса всецѣло приняла его сторону. Опираясь на нее, Роману удалось сломить боярскую оппозицію и прекратить хотя на-время княжескія усобицы.

Закончимъ очеркъ княженія Романа Мстиславича словами уважаемаго проф. Н. П. Дашкевича «Для южной Руси», говорить онъ, «готовилась, повидимому, самая счастливая будущ-

¹⁾ Карамзинъ—Ист. госуд. Рос., т. III, стр. 98 (изд. Суворина).

²⁾ Ждановъ—«Пѣсни о Романѣ». Ж. М. Н. Пр. 1890, №№ 4 и 5. «Польскія пѣсни о Романѣ», по словамъ г. Жданова, «извѣстны намъ по упоминанію Длугоша».

ность. Новый порядокъ, введенный Романомъ, держался сплосу его личности и еще долго нуждался въ поддержкѣ его самого или лица подобнаго ему. Романъ же, къ несчастью, скоро умеръ, оставивъ своего малолѣтняго наследника подъ опекою матери, не могшей, конечно, совладать съ громаднымъ количествомъ трудностей, которыя не замедлили явиться передъ нею. И вотъ дѣло Романа рушилось вслѣдъ за его отходомъ въ могилу, и юго-западная Русь возвратилась къ прежнему порядку раздробленія¹⁾.

Послѣ смерти Романа, оставившаго двухъ малолѣтнихъ сыновей — Даниила (4-хъ лѣтъ) и Василька (2-хъ лѣтъ), — въ Галицкомъ и Волынскомъ княжествахъ наступили смуты «велику мятежю возставшю въ землѣ Русской», говоритъ по этому поводу лѣтописецъ, «оставившиа же ся двѣиа сына его, единъ 4 лѣтъ, а другой 2-хъ лѣтъ»²⁾. На наследіе великаго Романа является масса претендентовъ, и названные княжества дѣлаются яблокомъ раздора между разными русскими князьями. Въ особенности, энергична была борьба изъ-за Галича, и начало ей положили тестъ Романа — Рюрикъ. Узнавъ о смерти зятя, Рюрикъ, по выраженію лѣтописца³⁾, «рострижеся» и съ половцами предпринялъ походъ на Галичъ, но, не успѣвъ взять его, вернулся въ Кіевъ. Вслѣдъ за Рюрикомъ и нѣкоторые другіе русскіе князья пытаются овладѣть наследіемъ Романовичей. Наступило для Галича и Волыни смутное время! Галицкіе бояре, преслѣдуя свои личные интересы и не питая особеннаго расположенія къ Даниилу и Васильку, какъ къ дѣтими князя, жестоко съ ними, боярами, расправлявшася, не только не заботятся объ участи сиротъ-князей, но своимъ поведеніемъ поддерживаютъ смуту въ Галичѣ и заставляютъ вдову Романову съ малолѣтними дѣтьми искать себѣ пристанища на чужбинѣ⁴⁾.

¹⁾ П. И. Дашкевичъ — Княж. Даниила Галицкаго. Стр. II.

²⁾ Ип. 480.

³⁾ Лѣтопись Авраамка, стр. 47, подъ 6713 г.

⁴⁾ Ее первоначально пріютили поляки: «не вѣдяху бо», говоритъ лѣтописецъ, «камо бѣжаще, бѣ бо Романъ убитъ на Ляхохъ, а Лестько мира

Галичъ и Владиміръ переходятъ въ это время изъ рукъ въ руки. Поляки и угры въ этой борьбѣ русскихъ князей не остаются простыми зрителями, а принимаютъ въ ней живѣйшее участіе и, разумѣется, не оставляютъ себя безъ надлежащаго вознагражденія за труды, — первые захватываютъ богатую Волынскую Украйну¹⁾ и Берестье, а вторые—на нѣкоторое время даже Галичъ. Литовцы и ятвяги, не осмѣливавшіеся показываться въ русскія владѣнія при Романѣ, пользуясь смутами на Волыни и въ Галичѣ, вторгаются въ Волынское княжество и производятъ тамъ страшное опустошеніе: въ 1205 году, по словамъ лѣтописи, «бѣда бо бѣ в землѣ Володимерьстѣй отъ воеванья Литовьскаго и Ятвяжьскаго»²⁾.

Мы не станемъ слѣдить за всѣми перипетіями этой борьбы изъ-за Галича и Владиміра,—перипетіями, такъ подробно и краснорѣчиво описанными лѣтописцемъ³⁾. Скажемъ только, что Романовичи въ концѣ концовъ добились своего — овладѣли своей «отчиной». Этимъ они обязаны прежде всего себѣ самимъ, своему энергичному и всегда дружному образу дѣйствій. Затѣмъ, не мало помогли имъ нѣкоторые дружелюбно расположенные къ нимъ князья русскіе (Владиміръ Рюриковичъ кievскій, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, Мстиславъ Нѣмой), а также сосѣди ихъ угры, поляки и литовцы. Даже папа, и тотъ старался оказать братьямъ поддержку въ ихъ стремленіи возвратить себѣ наслѣдство отца⁴⁾.

Не можемъ не отмѣтить здѣсь также того участія къ судьбѣ Романовичей, какое проявляла къ нимъ Волынская земля. Въ

не створилъ. Богу же бывшу поспѣшнику, Лествко не помяну вражды, но съ великою честію прия ятровь свою и дѣтѣхъ». Ип. 481.

¹⁾ Ип. 489—90, 501.

²⁾ Ib. 483.

³⁾ «Начнемъ же», говоритъ онъ, между прочимъ, «сказать бесчисленныя рати, и великия труды, и частыя войны, и многія крамолы, и частая востанія, и многія мятежи, измылада бо не бы има покоя». Ип. 501.

⁴⁾ Въ 1247 г. папа Иннокентій IV шлетъ королю русскому (Данилу), брату его и сыну буллу о возвращеніи имъ ихъ владѣній. Въ этой буллѣ гово-

то время, какъ галицкіе бояре, всеильные въ своемъ княжествѣ, то признавали Данила своимъ княземъ, то измѣняли ему и передавались на сторону его враговъ, владимірскіе бояре и населеніе¹⁾ Волини (насколько о томъ позволяетъ судить намъ лѣтопись) постоянно были на ихъ сторонѣ, и только внѣшнее давленіе со стороны болѣе сильныхъ враговъ Романовичей могло заставлять ихъ подѣль частью признавать своими князьями другихъ.

Въ 1249 году произошла битва Ростислава Михайловича съ Даниломъ подѣ Ярославлемъ²⁾, и это была послѣдняя (при Данилѣ) битва за Галичъ. Съ этого времени Данилъ могъ уже спокойно княжить здѣсь, не боясь какихъ-бы то ни было претендентовъ³⁾. Теперь Данилу и Васильку, его брату, княжившему въ уступленномъ ему Даниломъ Владиміръ, пришлось заботиться не о возвращеніи захваченной другими князьями и иноземцами «отчины», а о томъ, чтобы сберечь эту «отчину» и приумножить ее новыми приобрѣтеніями. Кромѣ того, еще и иная забота стала удручать князей-братьевъ съ 40-хъ годовъ XIII-го вѣка.

Страшное бѣдствіе постигло въ это время Русь и въ частности Галичъ съ Волинью. Еще въ началѣ того вѣка (XIII в.), по лѣтописи, въ 6732 году отъ сотворенія міра, южно-русскимъ князьямъ, въ томъ числѣ и галицко-волинскимъ, пришлось помѣряться силами съ невѣдомымъ до того времени для русскихъ врагомъ—по выраженію лѣтописца, съ «безбожными Моавитя-

рится, между прочимъ: *Ea propter, carissimi in Christo filii, vestris justis precibus inclinati, recuperandi possessiones, terras et alia bona ad vos hereditario, vel alio jure spectantia, que alii reges qui in Ecclesie devotione non permanent, contra justitiam detinent et injurias seculari potentia propulsandi liberam vo his concedimus auctoritate predicta facultatem.* Акты истор., отн. къ Рос., извѣд. Тургеневымъ. Т. I, Спб. 1841 г. стр. 61.

¹⁾ Ипат. 481, 483, 487—88, 501.

²⁾ Ип. 531—533. *Scarbiec diplom.* р. 65, № 87 (событіе это относится Даниловичемъ къ 1241 или 1243 г.).

³⁾ Правда, по извѣстію лѣтописи, еще въ 1255 г. Изяславъ Владиміровичъ попытался было овладѣть Галичемъ, но попытка эта окончилась для него плачевно. Ип. 550.

нями, рекомыи Татарами»¹⁾) и это первое столкновение съ послѣдними закончилось, какъ извѣстно, чрезвычайно плачевно для русскихъ князей. Не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ (и среди нихъ 'Даніилъ съ Василькомъ) очень храбро сражались съ татарами при Калкѣ,—по словамъ лѣтописца, «бысть побѣда на всі князи Рускыя, также не бывало никогда же»²⁾).

Татары, нанеши страшное пораженіе русскимъ князьямъ, ушли назадъ въ Азію, оставивъ Русь на нѣсколько лѣтъ въ покоѣ. Но вотъ въ 1237 г. опять появились они въ предѣлахъ Руси и стали громить одно княжество русское за другимъ. Въ 1240 г., взявъ Кіевъ, татарскія полчища вступили въ Волынское княжество и обозначили свой путь рядомъ сожженныхъ селъ и разграбленныхъ городовъ и множествомъ убитыхъ. Въ особенности, пострадалъ столичный городъ Волынской земли — Владимиръ, тотъ городъ, о которомъ осадившій его (по лѣтописи — въ 1231 г.) угорскій король Андрей сказалъ: «яко така градъ не пзобрѣтохъ ни в Нѣмечскыхъ странахъ»³⁾. При извѣстїи о движенїи татаръ въ Волынь, Василько съ супругой Даніила и съ дѣтьми его ушелъ въ Польшу, а Даніилъ еще до нашествїя татаръ на Волынь и Галичъ уѣхалъ въ Венгрію, къ королю ея, «хотя имѣти съ нимъ любовьъ сватьства»⁴⁾, и только на обратномъ пути въ Галичъ узналъ печальную новость о погромѣ, произведенномъ татарами въ Галицкомъ и Волынскомъ княжествахъ. Тогда онъ вернулся въ Венгрію, оставилъ здѣсь своего сына и опять выѣхалъ изъ Венгріи. На этотъ разъ онъ отправился въ Польшу, въ Мазовецкую землю, къ кн. Болеславу, который далъ въ его распоряженіе городъ Вышгородъ. Здѣсь съ семьей своей и братомъ прожилъ Даніилъ до тѣхъ поръ, пока не узналъ, что «сошли суть изъ землѣ Руское безбожнии»⁵⁾. Тогда братья возвратились въ свои земли и нашли ихъ въ са-

¹⁾ Ипат. 495.

²⁾ Ипат. 497.

³⁾ Ibid. 510, 524.

⁴⁾ Ib. 523.

⁵⁾ Ип. 524.

момъ ужасномъ состояніи, а что послѣднее дѣйствительно было ужасно, видно изъ словъ лѣтописца, который говоритъ, что Даниилъ и Василько, на пути изъ Польши прибывъ въ Берестье, «не возмогоста ити въ поле, смрада ради множества избѣженныхъ: не бѣ бо на Володимѣрѣ не осталъ живой, церкви святой Богородици исполнена трущя, иныя церкви наполнена быша трущя и телесъ мертвыхъ»¹⁾. На печальное состояніе Волынской земли въ это время указываетъ и папскій посланецъ къ татарамъ Плато-Карпини, проѣздомъ къ нимъ посѣтившій Волынь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ погрома. По его словамъ, «дорогою» (изъ Волыни въ Кіевъ) онъ и его спутники «были безпрестанно въ опасности отъ литовцевъ, которые часто дѣлали набѣги на Русскую землю, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, копни (они) проѣзжать были должны. Отъ Руссовъ же были (они) въ безопасности, имѣя слугителя (отъ Василька), да и кромѣ того большая изъ нихъ часть была побита и уведена въ плѣнъ татарами»²⁾. Хотя въ этихъ словахъ Плато-Карпини заключается значительная доля преувеличенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть, несомнѣнно, и доля истины.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ татарскаго нашествія на Волынь было то, что она, наравнѣ съ остальною Русью, должна была подпасть татарскому игу. Правда, она находилась на окраинѣ Русской земли, вдалѣ отъ центра татарской орды, и это дѣлало ея положеніе нѣсколько сноснѣе положенія многихъ другихъ русскихъ областей, — все-таки, это было страшное для нея бѣдствіе³⁾.

Исправить зло, причиненное татарскимъ погромомъ Галичу и Волыни, низвергнуть постыдное иго, которому подпала юго-зап. Русь — вотъ та новая забота, которой были удручены князья-

¹⁾ Иб.

²⁾ *Плато-Карпини*, изд. Языкова. Слб. 1825 г., стр. 8.

³⁾ Лѣтописецъ, по поводу постигшаго Волынь, какъ и вообще всю Русь, несчастія съ сокрушеніемъ говоритъ: «Тогда бо бяхуть князи Русци в воли татарской... Тогда же бяху вси князи в неволѣ татарской... Тогда бо бяхуть вси князи Русци в воли Татарской покорени» и т. д. Ип. 581 585, 591.

братья съ 40-хъ годовъ XIII в. и о которой мы упоминали выше. И братья со свойственной имъ энергіей старались выполнить поставленную имъ обстоятельствами тогдашняго времени задачу. Однако, прежде чѣмъ говорить о мѣропріятіяхъ Даниила и Василька въ этомъ направленіи, скажемъ нѣсколько о словѣ о томъ, въ какое отношеніе къ татарамъ стала Волынь и какія еще другія бѣдствія пришлось ей испытывать въ это время.

Князья волынскіе, по первому требованію татаръ, обязаны были помогать имъ въ ихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятелей. Это обязательство ставило иногда волынскихъ князей въ неловкое положеніе къ ихъ сосѣдямъ и подъ часъ нарушало установившіяся было добрыя отношенія съ ними. Такъ, въ 1260 году, по требованію Бурундая, Василько вынужденъ былъ принять участіе въ войнѣ татаръ съ Литвою, а между тѣмъ съ 1255 года (по лѣтописи) Василько и Даниилъ находились въ дружбѣ съ Миндовгомъ. Это участіе Василька въ походѣ татаръ на Литву имѣло слѣдствіемъ нарушеніе мира между русскими и литовцами, захвата въ плѣнъ сына Даниилова—Романа и войну Миндовга съ Василькомъ въ 1262 г., окончившуюся, впрочемъ, вполне благополучно для послѣдняго—сраженіемъ у города Небля и совершеннымъ пораженіемъ литовцевъ¹⁾.

Этимъ обязательствомъ, однако, не ограничивалась еще зависимость отъ татаръ волынянъ — ихъ князья должны были вообще безпрекословно исполнять приказанія татаръ, даже и въ томъ случаѣ, когда такимъ исполненіемъ наносился чувствительный вредъ Волынской землѣ. Такъ, въ 1261 году князья волынскіе встрѣчаютъ на границѣ своихъ владѣній съ дарами и пить-

¹⁾ Ип. 560—567 г. Въ 1277 г. татары опять требуютъ, чтобы волынскіе князья шли на войну съ литовцами (Ип. 578). Русскіе должны были помогать татарамъ и при ихъ нашествіяхъ на Польшу, и папа Урбанъ IV обратился даже въ 1264 г. къ богемскому королю Оттонару съ просьбой защитить поляковъ отъ схизматиковъ русскихъ и литовцевъ, вмѣстѣ съ татарами вторгавшихся въ предѣлы Польши и Тевтонскаго ордена. Акты ист. изд. Тургеневымъ, т. II, стр. 350.

емъ Бурундая и затѣмъ, по требованію его, разрушаютъ главные города земли—Кременецъ, Луцкъ, Владиміръ и др.¹⁾).

Помимо всего этого, волыняне должны были платить татарамъ особенную дань, называвшуюся «татарщиной»²⁾.

Вотъ и все, что говорить лѣтописи объ отношеніяхъ Волинской земли къ татарамъ. Последніе отъ времени до времени появлялись въ ея предѣлахъ и производили здѣсь страшныя опустошенія. Такъ, въ 1259 г. былъ на Волыни Куремса, въ 1200—61 г. «безбожный, злый» Бурундай³⁾, а въ 1283 году татары Телебуги, по дорогѣ въ Польшу, «учиниша», по словамъ лѣтописи, «пусту землю Володимерьскую»⁴⁾. Впрочемъ, последнее нашествіе обрушилось, главнымъ образомъ, всюю своею силою на владѣнія Льва Даниловича. По уходѣ Телебуги, Левъ счелъ, сколько у него погибло людей, и таковыхъ оказалось «полъ трѣтынадесять тысячъ»⁵⁾.

Татарскимъ игомъ не ограничивались бѣдствія Волыни въ то время. Съ самой смерти Романа ее не перестаютъ тревожить ятвяги и литовцы. Почти подъ каждымъ годомъ въ лѣтописи, за время княженія Василька, мы читаемъ о набѣгахъ на Волынь то тѣхъ, то другихъ. Для предотвращенія набѣговъ Василько съ братомъ предпринимали частые походы въ глубь литовской и ятвяжской территорій. Во время одного изъ такихъ походовъ Василько захватилъ въ плѣнъ до 40 ятвяжскихъ князей⁶⁾, но и послѣ этого набѣги ятвяговъ долго не прекращались, пока Данилъ съ Василькомъ и съ Семовитомъ Мазовецкимъ, а также и съ другими русскими и польскими князьями, не причинили имъ въ 1256 г. до того чувствительнаго опустошенія, что они должны были признать себя Данииловыми данниками, обѣщали строить города въ своей землѣ и прислали ему своихъ дѣтей въ ка-

¹⁾ Ип. 562.

²⁾ Ib. 595.

³⁾ Ib. 560.

⁴⁾ Ib. 588.

⁵⁾ Ип. 589.

⁶⁾ Ib. 531.

честь заложников¹⁾. Съ тѣхъ поръ о набѣгахъ ятвяговъ на русскія земли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лѣтописецъ ничего не говоритъ, и можно думать, что набѣговъ и на самомъ дѣлѣ не было.

Съ литовцами добрыя отношенія наступили съ 1255 г., когда сынъ Миндовга Войшелкъ, заключивъ съ Даніиломъ миръ, для скрѣпленія дружбы, выдалъ за Шварна Даніиловича свою сестру, а затѣмъ, воспринявъ монашескій чинъ, удалился изъ Литвы, отдавъ принадлежавшіе ему въ Литвѣ города (Вослонимъ, Волковыйскъ, Новгородокъ и др.), другому сыну Даніила—Роману²⁾. Однако, миръ какъ сказано было выше, въ 1260 г. нарушенъ былъ, благодаря участію Василька въ походѣ татаръ на Литву, и снова восстановленъ только въ 1263 г., когда въ Литвѣ, послѣ убіенія Миндовга, вокняжился сбросившій съ себя на время монашескія ризы расположенный къ русскимъ сынъ Миндовга—Войшелкъ. Съ послѣднимъ дѣлилъ труды по управленію страной и Шварно Даніиловичъ. Не отказывалъ въ добрыхъ совѣтахъ Войшелку и Василько, котораго, какъ говоритъ лѣтописецъ, Войшелкъ «нарекъ бо бѣшетъ отца собѣ и господина»³⁾. Само собою разумѣется, что въ это время литовцы не беспокоили своими набѣгами Волынь, равно какъ не беспокоили ее и тогда, когда Войшелкъ удалился опять въ монастырь, передавъ княжескую власть въ Литвѣ своему зятю Шварну⁴⁾. И даже вѣроломное убійство Войшелка Львомъ Даніиловичемъ⁵⁾ не нарушило дружбы между литовцами и русскими. И только, когда языческая реакція въ Литвѣ одержала верхъ, и предста-

¹⁾ Ип. 551—554. Подъ 1255 г. въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе о борьбѣ Даніила и Семовита, польскаго князя, съ ятвягами. Подъ этимъ же годомъ у Тейнера, въ Моп. Pol., t. I, p. 63, помѣщена грамота папы Александра отъ 6 авг. 1255 г. на имя Варооломея изъ Богеміи «ordinis Minorum», съ повелѣніемъ проповѣдывать въ Богеміи, въ Польшѣ и въ Австріи крестовый походъ противъ литовцевъ и ятвяговъ.

²⁾ Ип. 551.

³⁾ Ib. 570.

⁴⁾ Ib. 573.

⁵⁾ Ib.

витель ея Тройденъ занялъ велико-княжескій литовскій столъ, набѣги на Волынь опять возобновились.

Если къ указаннымъ бѣдствіямъ мы прибавимъ еще голодъ и моръ, свирѣпствовавшіе, впрочемъ, не только на Волыни, но и въ Польшѣ¹⁾, то увидимъ, въ какомъ ужасномъ состояніи находилось Волынское княжество при Василькѣ Романовичѣ.

Василько, при помощи своего брата Даниїла, стремился облегчить тяжелое положеніе волынянъ. Они возобновляли разрушенные города, строили новые²⁾, укрѣпляли ихъ, заботились объ увеличеніи населенія земли, принимая съ охотою переселенцевъ изъ разныхъ странъ. Но всѣ эти мѣры оказывались палліативами при существованіи главнаго зла—татарскаго ига. Была настоятельная необходимость прежде всего уничтожить это иго. Такъ какъ сдѣлать это одними своими силами нечего было и думать, то Даниїлъ и Василько вступаютъ въ сношеніе съ папою Иннокентіемъ IV, который, посылая въ 1245 г. къ татарамъ монаха Плато-Карпини, приказалъ ему, при проѣздѣ чрезъ владѣнія Даниїла и Василька, убѣдить послѣднихъ войти въ лоно католической церкви³⁾. Какъ извѣстно, сношенія съ папою привела къ принятію Даниїла и Василька съ ихъ землями подъ покровительство Св. Петра и римскаго первосвященника и къ коронованію Даниїла въ Дрогоичинѣ въ 1253 г.⁴⁾

Отдавая себя и свои земли подъ покровительство римской куріи, Даниїлъ и Василько рассчитывали на то, что папа окажетъ имъ могущественную поддержку въ дѣлѣ сверженія татарскаго ига. Они думали, что по одному зову папы двинутся на помощь имъ полки разныхъ западно-европейскихъ державъ.

¹⁾ *Rocznik Sędziwoja* (изд. Бѣлов.) 878; *Rocznik Malopolski* (ib.) 168.

²⁾ Ип. 578.

³⁾ *Плато-Карпини*, изд. Языкова. Спб. 1825, стр. 8, 44. *Scarbiec dipl.*, р. 69, № 98 (подъ 1246 г.); проф. *Дашкевич*—Пер. ун., 21.

⁴⁾ См. буллы Иннокентія IV отъ 1246 и 1247 гг., напеч. въ *Акт. Ист.*, извлеч. Тургеневымъ, т. I. Спб. 1841. Ип. 548—49. Коронованіе Даниїла въ Дрогоичинѣ нашей лѣтописью отнесено къ 1255 г. Мы вполне согласны съ Н. П. Дашкевичемъ, приводящимъ неопровержимыя доказательства въ пользу 1253 г. См. Первая унія, стр. 34—35.

Однако, надеждамъ этимъ не суждено было сбыться, такъ какъ папа, въ это время вообще озабоченный принятіемъ мѣръ къ защитѣ христіанскихъ народовъ отъ татаръ, хотя и старался воздвигнуть противъ нихъ крестовый походъ, но тщетно¹⁾.

Не могли въ данномъ случаѣ оказать поддержки нашимъ князьямъ и тѣ изъ ближайшихъ ихъ сосѣдей — поляки и угры, — на содѣйствіе которыхъ они въ правѣ были разсчитывать, во 1-хъ, потому что татары были грозны и для нихъ, а во 2-хъ, потому что Романовичи принимали близкое участіе въ дѣлахъ ихъ, оказывая имъ часто съ своей стороны помощь²⁾.

Тогда Даніилъ, разочарованный въ своихъ надеждахъ на помощь со стороны запада, разрываетъ союзъ свой съ римской куріей (что вызываетъ негодованіе папы Александра IV³⁾) и тѣсно сближается⁴⁾ съ Миндовгомъ, который, принявъ католицизмъ и получивъ отъ папы въ 1251 г.⁵⁾ королевскую корону, въ скоромъ времени, такъ же, какъ и Даніилъ, разорвалъ связь съ Римомъ.

¹⁾ См. *Theineri*—Mon. Pol. t. I, p. 51, гр. папы Иннокентія IV отъ 14 мая 1253 г. — *universis Christifidelibus per Poloniam etc. constitutis, ut Tartarorum incursionibus viriliter obsistant et vexillum crucis contra eos sumant*. Вопросъ о татарахъ обсуждался и на Ліонскомъ соборѣ. См. *Theineri* — Mon. histor. Hung., t. I, p. 198. Мг. 366. 1245 ап. См. также ib. p. 203, Мг. 379; p. 204, Мг. 380; p. 206, Мг. 388.

²⁾ См. напр. *Theineri*: Mon. Pol. t I, p. 23, № 46. Акты истор., изв. Тургенев., т. I, 33. Еще до нашествія татаръ русскіе виѣщивались въ междоусобія польскихъ князей, и это виѣщательство очень не нравилось римской куріи.

Даніилъ не разъ оказывалъ помощь уграмъ. См. Ип. 540, 545, также— Акты ист. Тург., т. II, стр. 349, гдѣ напечатано письмо кор. богемскаго Оттокара къ папѣ Александру IV съ извѣщеніемъ объ одержанной имъ побѣдѣ надъ венграми, русскими и поляками.

³⁾ См. гр. папы Александра IV отъ Id. Febr. 1257 г., въ которой онъ укоряетъ кор. русскаго Даніила за отступленіе его отъ католичества и увѣщеваетъ его возвратиться въ нѣдра католической церкви. *Акты истор.*, изв. Тургенев., т. I, 84.

⁴⁾ Ип. 551.

⁵⁾ *Theineri*—Mon. Pol., t. I, p. 49, 50.

Сношенія съ папою, уграми и поляками, коронованіе въ Дрогоичинѣ, построеніе новыхъ укрѣпленныхъ городовъ, наконецъ, сближеніе съ Миндовгомъ — все это не могло не сдѣлаться извѣстнымъ татарамъ и они, почувавши грозившую имъ со стороны галицко-волинскихъ князей опасность, рѣшились усилить свою власть надъ окраинными землями юго-зап. Руси, гдѣ сидѣли такіе строптивые князья. Для чего сочли необходимымъ вновь разгромить Галицкое и Волынское княжества, и начало этому положили, по извѣстію нашей лѣтописи, походомъ на Бакоту. Куремса съ татарскими полчищами подступилъ къ этому городу и, благодаря предательству баскака Милѣя, взялъ его, а затѣмъ двинулся къ Кременцу. Последняго города Куремса, однако, взять не удалось. Тогда онъ, ограничившись на этотъ разъ опустошеніемъ окрестностей Кременца, удалился, по выраженію лѣтописца, «въ страны своя»¹⁾.

Татары выбрали самый удобный моментъ для нападенія на владѣнія Даніила, а именно тотъ, когда онъ воевалъ съ литовцами. Что было дѣлать Даніилу и его брату Васильку? Они могли предвидѣть, что татары не ограничатся взятіемъ Бакоты и опустошеніемъ окрестностей Кременца, что они, нѣкоторое время спустя, опять станутъ разорять ихъ земли.

Положеніе Романовичей въ это время было не особенно хорошо — надѣяться на помощь со стороны запада они не могли, собственными силами бороться съ татарами было рискованно. Положеніе ихъ становилось критическимъ еще и благодаря тому обстоятельству, что съ водвореніемъ татарскаго владычества надъ юго-зап. Русью среди нѣкоторой части ея населенія съ особенной силой сказалось автономное движеніе. Само собой разумѣется, что подобное движеніе зародилось не съ появленіемъ татаръ въ юго-зап. Руси, — оно, несомнѣнно, существовало тамъ и раньше, но теперь наступило благопріятное время для большаго, такъ сказать, проявленія этого движенія. Признавъ безропотно надъ собой власть татаръ, обязавшись служить имъ²⁾,

¹⁾ Ип. 549, 550.

²⁾ О Болоховскомъ населеніи лѣтописецъ говоритъ: «оставили бо ихъ Татарове, да имъ орють пшеницу и просо». Ип. 526.

всѣ эти болоховцы, бѣлобережцы, чарнятинцы и прочіи «люди татарскыя» («города сѣдѣшиа за татары»), — какъ называется ихъ лѣтописецъ,¹⁾ — получили отъ татаръ право на болѣе или менѣе самостоятельное существованіе, и не хотѣли уже признавать надъ собой иной власти, помимо татарской. А признавать послѣднюю они считали для себя болѣе выгоднымъ, чѣмъ признавать власть Романовичей.

Романовичи, фактическіе обладатели Галича и Волыни, судя по лѣтописи²⁾, простирали свое вліяніе и на всю тогдашнюю юго-зап. Русь, — если не были такими же фактическими обладателями ея, — и стремленіе къ автономіи разныхъ юго-зап. русскихъ общинъ, къ освобожденію отъ власти и вліянія центра и признаніе даже надъ собой ради этого власти татаръ — было имъ далеко не по душѣ, и въ особенности, въ тотъ моментъ, когда нужна была концентрація силъ для борьбы съ такимъ опаснымъ врагомъ, какъ татары. Отсюда и понятно то раздраженіе, съ которымъ относился Даниилъ, напр., къ болоховцамъ, бывшимъ еще и до нашествія татаръ всегда на сторонѣ враговъ его³⁾.

¹⁾ Ип. 555.

²⁾ Ib. 536. «Озлѣ зла честь Татарская! Данилови Романовичю князю бывшу велику, обладавшу рускою землею, Киевомъ и Володимиромъ и Галичемъ, со братомъ си, иными странами» (Ип. 536).

³⁾ Ип. 511, 516. Даниилъ, по лѣтописи, въ 1241 г. «плѣнивъ землю Болоховскую и пожегъ, оставили бо ихъ Татарове, да имъ орють пшеницю и просо. Даниилъ же на нѣ большую вражду держа, яко отъ Татаръ надежду имѣаху». Ип. 527. Благодаря почтеннымъ трудамъ проф. Н. П. Дашкевича, а въ последнее время проф. Львовскаго университета М. С. Грушевскаго, начинаетъ понемногу выясняться исторія загадочныхъ болоховцевъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣхъ этихъ «татарскихъ людей», о которыхъ повѣствуетъ нашъ лѣтописецъ.

См. о Болоховѣ, Болоховской землѣ, болоховскихъ князьяхъ и о другихъ юго-з. р., автономныхъ общинахъ XIII в. слѣд. сочиненія—*Н. П. Дашкевича*—Болох. земля и ея значеніе въ рус. ист.; его-же «Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ». *М. С. Грушевскій*—Очерки ист. Киевской земли; его-же—«Громадський рух на Україні—Руси в XIII в.» (въ Запискахъ Тов.

Шевченка, ч. I); его-же замѣтка о Болохово въ Чт. ист. общ. Нестора

Такимъ образомъ, Даниилъ съ братомъ въ предстоявшей имъ борьбѣ съ татарами не могли даже разсчитывать на помощь со стороны ближайшаго къ ихъ «отчиннымъ» землямъ населенія.

Однако, Даниилъ рѣшился сразиться съ татарами. Для этого онъ прежде всего успѣшилъ покончить съ выгодой для себя войну съ Литвой и заключилъ съ Миндовгомъ миръ¹⁾, причемъ, очевидно, выговорилъ для себя помощь со стороны Миндовга противъ татаръ, а затѣмъ уже съ братомъ Васплкомъ и сыновьями Львомъ и Шварномъ (Романъ съ литовцами, по общанію Миндовга, долженъ былъ прійти позже)²⁾, какъ говоритъ лѣтописецъ, «воздвиже рать противъ татаръ»³⁾. И началъ «рать» съ этихъ стремившихся къ автономіи общинъ,—о которыхъ мы только что говорили,—желая утвердить надъ ними свою фактическую власть и покореніемъ ихъ и разореніемъ ихъ городовъ поставить въ невозможность помогать татарамъ. Все это удалось Даниилу съ братомъ успѣшно выполнить, даже безъ запоздавшей литовской помощи⁴⁾. Потомъ, братья вступаютъ въ борьбу съ Куремсой, который явился съ татарами въ предѣлы Волынской земли и тщетно пытался овладѣть главными ея городами — Владиміромъ и Луцкомъ.

Пока во главѣ татарскихъ войскъ, оперировавшихъ на Волыни, былъ Куремса, борьба съ ними Романовичей, какъ можно заключить изъ лѣтописи⁵⁾, велась довольно энергично и неустрасимо. Но вотъ Куремсу замѣнилъ «безбожный, злый»

лѣт., кн. VII; его-же—Барское староство (стр. 16 и др.). И. М. Каманинъ—Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго (1, 2 стр.). И. А. Линниченко—Черты изъ ист. сословія въ юго-зап. (галиц.) Руси (стр. 73, 74, вообще см. II главу). М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Населеніе юго-з. Р. отъ $\frac{1}{2}$ XIII в. до $\frac{1}{2}$ XV в.. Зотовъ—О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодлку.

¹⁾ Ип. 551.

²⁾ Ib. 555.

³⁾ Ib.

⁴⁾ Ib. 555—557.

⁵⁾ Ib. 560.

Бурундай, и наступили опять тяжелыя времена для Романовичей. Зная, несомнѣнно, о союзѣ русскихъ съ литовцами, Бурундай поставилъ ребромъ вопросъ о покорности братьевъ татарской волѣ. Черезъ пословъ онъ сказалъ Даніилу: «иду на Литву; оже еси миренъ, поиди со мною» ¹⁾). Сильно опечалены были князья - братья подобнымъ требованіемъ Бурундая! Имъ приходилось разрывать недавно установившіяся дружелюбныя отношенія съ литовцами, — что совсѣмъ было невыгодно для Романовичей. Могли бы опять повториться набѣги литовцевъ на Волынскую землю, да и въ случаѣ борьбы съ татарами нечего, конечно, уже было рассчитывать на поддержку со стороны литовцевъ. Въ то-же время Даніилъ и Василько не осмѣливались не исполнить требованій Бурундая — такъ какъ не чувствовали еще себя въ силахъ бороться съ такимъ грознымъ врагомъ. Волей-неволей пришлось повиноваться, и на помощь татарамъ выступилъ Василько. Васильковы полки стали громить литовскія земли, и миръ съ литовцами такимъ образомъ былъ нарушенъ, но Бурундай этимъ не удовлетворился.

Въ то время какъ въ столицѣ Владимірскаго княжества происходили празднества по случаю радостнаго для Романовичей событія — бракосочетанія дочери Василька съ кн. черниговскимъ Андреемъ Всеволодовичемъ, — разнеслась печальная вѣсть о нашествіи Бурундая на Волынь. Участвовавшіе въ празднествахъ гости — Даніилъ съ сыновьями Львомъ и Шварномъ и иные князья — сильно встревожились, получивъ подобное извѣстіе, тѣмъ болѣе, что Бурундай обратился къ нимъ съ грознымъ требованіемъ: «оже есте мои мирници, срѣтѣте мя, а кто не срѣтитъ мене, тый ратный миѣ» ²⁾). Посовѣтовавшись, русскіе князья порѣшили, чтобы Василько со Львомъ выѣхали на встрѣчу Бурундаю, а Даніилъ послалъ своего холмскаго владыку Ивана. Такимъ образомъ, Даніилъ счелъ для себя болѣе удобнымъ не показываться на глаза Бурундаю. Послѣдній сильно разгнѣвался за это на Даніила, принялъ князей, выѣхавшихъ къ нему на

¹⁾ Ип. 560.

²⁾ Ип. 562.

встрѣчу съ дарами, далеко не милостиво и велѣлъ имъ размѣтать главные города Галицкой и Волынской земель. Даниилъ, узнавъ обо всемъ этомъ, ушелъ сначала въ Польшу, а оттуда въ Венгрію, и вернулся на родину лишь по мпнованіи грозы.

Нечего говорить, какое удручающее впечатлѣніе произвело это татарское нашествіе на Романовичей. Думая современемъ низвергнуть постыдное иго, они напрягали все свои усилія, чтобы получше укрѣпить свои города, а теперь вынуждены были собственными руками разрушать то, что сами же создали, и вмѣстѣ съ этимъ терять послѣднюю надежду на болѣе или менѣе скорое исполненіе завѣтнаго желанія.

Не долго послѣ этого прожилъ Даниилъ Романовичъ — въ 1264 г., по лѣтописи, онъ скончался, а нѣсколько лѣтъ спустя скончался и его братъ Василько ¹⁾, оставшійся послѣ Даниила главнымъ руководителемъ политики юго-западнорусскихъ князей.

Попытки братьевъ-князей къ низверженію татарскаго ига не увѣнчались успѣхомъ, — однако, необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что въ то время, какъ князья сѣв. в. Руси предпочитали покорно гнуть свои шеи передъ татарами, князья юго-зап. Руси съ самаго покоренія ихъ земель татарами не переставали стремиться къ уничтоженію владычества послѣднихъ надъ ними.

Не удалось Романовичамъ осуществить и другое свое стремленіе — объединить подъ своею властью всю юго-западную Русь. Правда, непосредственно предъ татарскимъ нашествіемъ эта часть Руси имъ принадлежала, — что видно какъ изъ факта назначенія Данииломъ въ Кіевъ тысяцкимъ Димитрія, такъ и изъ слѣдующихъ словъ лѣтописца, сказанныхъ имъ по поводу пребыванія Даниила у Батия: «Озлѣ зла честь Татарская! Данилови Романовичю князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Киевомъ и Володимеромъ и Галичемъ, со братомъ си, инѣми странами» ²⁾.

Татарскій погромъ освободилъ восточныя области юго-зап. Руси отъ подчиненія Даниилу, и попытка Романовичей вновь

¹⁾ Ип. 574.

²⁾ Ib. 536.

утвердить свою власть надъ этими землями, хотя и имѣла, какъ сказано выше, нѣкоторый успѣхъ, но новый татарскій погромъ, какъ кажется, опять поставилъ всѣхъ этихъ «людей татарскихъ» въ независимое положеніе отъ галицко-волынскихъ князей¹⁾. Такъ что и въ этомъ отношеніи Романовичи потерпѣли неудачу.

Не смотря, однако, на всѣ неудачи, какія имъ пришлось пере испытать, они пользовались большимъ авторитетомъ въ глазахъ ближайшихъ своихъ сосѣдей—(угровъ, поляковъ и литовцевъ),—и послѣдніе частенько прибѣгаютъ къ нимъ за помощью въ случаѣ домашнихъ неурядицъ или столкновеній съ иноземцами и считаютъ для себя лестнымъ родниться съ Романовичами²⁾. О томъ, насколько папскому престолу желательно было имѣть въ числѣ духовныхъ чадъ своихъ такихъ мужественныхъ князей, каковы были наши Романовичи, говорилось выше. Скажемъ теперь еще, что и прусскій тевтонскій орденъ считалъ для себя полезнымъ входить въ сношенія съ Романовичами. Съ Данииломъ крестоносцы заключили договоръ³⁾, въ силу котораго они обязаны были оказывать ему помощь въ случаѣ борьбы съ татарами, а Данииль, по просьбѣ папы (въ 1248 г.) долженъ былъ увѣдомлять крестоносцевъ о предполагавшихся набѣгахъ татаръ на христіанскія области⁴⁾.

Въ заключеніе очерка дѣятельности Романовичей считаемъ

¹⁾ Проф. Будановъ, въ своемъ сочиненіи — «Населеніе юго-зап. Руси отъ $\frac{1}{2}$ XIII в. до $\frac{1}{2}$ XV в.» — говоритъ, что кіевщина и украинная полоса ея остались за волынскими князьями и послѣ Бурундаева нашествія въ 1271 г., и такое свое утвержденіе основываетъ, какъ кажется, главнымъ образомъ на томъ, что въ 70 и 80 гг. XIII в. подручникомъ Владиміра Васильковича и Метислава Даниловича былъ Юрій, кн. поросекій, — а Поросье, по словамъ г. Буданова, составляло особый удѣлъ русскихъ князей. Врядъ-ли, однако, подобный доводъ можно признать убѣдительнымъ. Арх. юго-зап. Руси. Ч. VII, т. I, стр. 24, 32.

²⁾ Ип. 517, 537, 540, 545 и др. Войшелкъ «нарекль бо бѣшетъ Василька отца собѣ и господина». Ип. 570.

³⁾ Проф. Дашкевичъ — Первая унія юго-зап. Руси съ катол. Кіевъ, 1884 г., стр. 39.

⁴⁾ «Акты истор.», извл. Тургеневымъ, т. I, стр. 67.

не лишнимъ указать на то единодушіе, какое существовало между братьями до конца жизни одного изъ нихъ. Лѣтописецъ не приводитъ ни одного случая вражды между ними; напротивъ, онъ говоритъ, что Даниилъ «бѣшетъ бо братолюбьемъ свѣтѣся, с братомъ своимъ Василкомъ»¹⁾.

Для иноземцевъ представителемъ Галича и Волыни (а то и всей юго-зап. Руси) былъ старшій Романовичъ — Даниилъ; къ нему главнымъ образомъ обращаются иноземцы въ случаѣ нужды. Съ Данииломъ Тевтонскій орденъ заключаетъ договоръ въ 1254 г., на его имя, а не на Васильково, адресована большая часть папскихъ буллъ²⁾. Однако, князья ничего важнаго, касавшагося Галича и Волыни (совмѣстно), не предпринимали безъ взаимнаго соглашенія и всегда дѣйствовали соединенными силами. Такимъ образомъ, въ этихъ земляхъ какъ бы существовало не одновластіе, а двоевластіе. При всемъ томъ, каждый изъ князей-братьевъ имѣлъ въ своемъ непосредственномъ распоряженіи отдѣльную область (Даниилъ Галичъ, а Василько-Владиміръ), гдѣ установленіе внутреннихъ порядковъ зависѣло отъ одного только князя, смотря по землѣ, то Даниила, то Василька, хотя въ важныхъ случаяхъ Даниилъ выѣшивался въ дѣла Волынской земли, а Василько — Галицкой³⁾.

Такое единодушіе между братьями мы видимъ не только въ государственныхъ дѣлахъ, но и въ чисто личныхъ, семейныхъ, и Даниилъ; напр., соглашается на бракъ сына своего Льва съ дочерью угорскаго короля лишь послѣ совѣщанія съ братомъ⁴⁾.

Трогательное братолюбіе⁵⁾ Романовичей должно было по-

¹⁾ Ип. 570.

²⁾ Нѣкоторыя буллы адр. на имя Даниила, Василька и сына перваго. Булла Иннокентія IV отъ 1247 г. о признаніи законнымъ брака Василька, короля Лодомерца, — на имя одного Василька. Акты истор., т. I, стр. 67.

³⁾ Ип. 526.

⁴⁾ Ип. 537. О Даниилѣ Романовичѣ см. цѣнное сочиненіе проф. Н. П. Дашкевича — «Княженіе Даниила галицкаго». Кіевъ, 1873 г.

⁵⁾ Эта дружба Романовичей напоминаетъ намъ таковую-же Гедиминовичей — Ольгерда и Кейстута. О значеніи этой дружбы см. *Любавскій*. Областное дѣленіе, стр. 8—9.

служить примѣромъ и для послѣдующихъ галицко-волинскихъ князей. И дѣйствительно, князья эти иногда поступали заодно въ случаѣ надобности. Такъ, еще при жизни Василька случилась у русскихъ и у литовцевъ война съ поляками, и въ ней принимали участіе Василько, его сынъ Владиміръ и Шварно Даніиловичъ ¹⁾.

Послѣ смерти Василька Романовича ²⁾ Владимірское княжество занялъ сынъ его Владиміръ, а въ Луцкѣ княжилъ въ это время сынъ Даніила Мстиславъ ³⁾. Благодаря тому обстоятельству, что княженіе Владиміра Васильковича описано современникомъ и при томъ близко знакомымъ съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, мы можемъ хорошо познакомиться какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней дѣятельностью этого князя.

Владиміръ Васильковичъ продолжалъ борьбу съ литовцами и ятвягами. Въ 1273 г. былъ предпринятъ имъ походъ на ятвяговъ, но послѣдніе не особенно сопротивлялись, и князья ихъ помирились съ Владиміромъ. Послѣ этого, во все время княженія Владиміра, ятвяги не производили нападеній на Волынь; напротивъ, они жили съ Владиміромъ въ мирѣ, и тотъ даже въ 1279 г., во время голода, посылалъ имъ, по ихъ просьбѣ, жита.

¹⁾ Ип. 571.

²⁾ Въ лѣтописи смерть Василька Романовича невѣрно отнесена къ 1271 г.: Владиміръ Васильковичъ умеръ въ 1289 г., а о немъ сказано, что онъ княжилъ по отцѣ 20 лѣтъ, слѣд., Василько скончался въ 1269 г. Дату 1289 считаемъ вѣрною, такъ какъ она написана въ текстѣ самимъ авторомъ описанія княженія Владиміра Васильковича. См. Ип. 604.

³⁾ Г. Андріашевъ предполагаетъ (Оч. Вол. з., стр. 192), что Мстиславъ Даніиловичъ получилъ Луцкъ уже послѣ смерти Даніила отъ Василька или «даже можетъ быть сына его Владиміра». Намъ же кажется, что Мстислава посадилъ въ Луцкѣ еще Даніилъ. Въдъ Луцкѣ принадлежалъ собственно Даніилу—этотъ городъ былъ подаренъ ему Мстиславомъ Нѣмымъ (Ип. 501). Даніилъ, дѣйствительно, одно время передалъ было Луцкъ своему брату Васильку, но это было тогда, когда онъ самъ сидѣлъ во Владимірѣ. Съ переходомъ же въ Галичъ Даніилъ уступилъ Владиміру Васильку, а Луцкъ, вѣроятно, отобралъ у него и передалъ одному изъ своихъ сыновей и, всего вѣроятнѣе, тому изъ нихъ, кого мы здѣсь находимъ впоследствии, т. е. Мстиславу.

Иное дѣло было съ литовцами. Въ Литвѣ княжилъ въ это время Тройденъ, всѣми силами защищавшій предѣлы своего отечества отъ иноземцевъ. Въ 1273 г. онъ «воевалъ» волость Владиміра, а этотъ опустошалъ въ свою очередь литовскую территорию; подъ 1274 г. и 1276 г. опять читаемъ въ лѣтописи о походѣ Владиміра на литовцевъ, а Тройдена—на русскихъ. Тройденъ, для обезопасенія границъ Литовскаго государства отъ нападений русскихъ, призвалъ пруссовъ и поселилъ ихъ въ Гроднѣ и въ Слонимѣ. Владиміръ со Львомъ ходилъ въ 1276 г. подъ Слонимъ на пруссовъ «а быша землѣ не подѣсѣдалъ»¹⁾.

Въ концѣ своего княженія Владиміръ, однако, примирился съ литовцами. Такъ, въ 1282 г. онъ, по просьбѣ Льва, пригласилъ даже себѣ ихъ на помощь. Литовцы по этому поводу, по словамъ лѣтописца, сказали ему: «Владимере, добрый княже, правдивый! можемъ за ты головы своѣ сложити; коли ти любо, осе есмы готовы»²⁾. Такая перемѣна въ отношеніяхъ литовцевъ къ Владиміру можетъ быть объяснена тѣмъ, что въ 1282 г. въ Литвѣ умеръ Тройденъ, и здѣшняя русская партія, по всей вѣроятности, вполне одержала верхъ надъ противной ей партіей.

Со своимъ ближайшимъ сосѣдомъ мазовецкимъ княземъ Конрадомъ Владиміръ поддерживалъ самыя дружественныя отношенія. Разъ только произошло у нихъ столкновеніе изъ-за жита, отправленнаго ятвягамъ Владиміромъ и захваченнаго поляками у Пултуска; но враги скоро³⁾ примирились. Вообще, противъ поляковъ Владиміръ не предпринималъ наступательныхъ дѣйствій и боролся съ ними большею частью поневолѣ, по требованію татаръ⁴⁾. Съ татарами у Владиміра не было столкновений, и этому обстоятельству, быть можетъ, слѣдуетъ приписать, что только одинъ разъ при Владимірѣ татары страшно опустошили Владимірскую землю⁵⁾.

¹⁾ Ип. 577.

²⁾ Ib. 586

³⁾ Ипат. 580—1.

⁴⁾ Ипат. 581, 588, 591.

⁵⁾ Походъ Телебуги въ 1283 г. Ипат. 587. Смирновъ (Суд. 58) ссылается на одну рукописную кормчую, въ которой сдѣлана слѣдующая над-

Такимъ образомъ, Владимірское княжество при Владимірѣ Васильковичѣ наслаждалось относительнымъ миромъ, — что дало возможность Владиміру обратить надлежащее вниманіе на внутреннее устройство земли. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи была въ высшей степени плодотворна и заслужила признательность современниковъ; выразителемъ-же чувствъ ихъ явился лѣтописецъ, столь увлекательно и обстоятельно описавшій княженіе Владиміра. Эти страницы лѣтописи принадлежатъ къ самымъ занимательнымъ какъ по богатству сообщаемого матеріала для исторіи внутренняго быта княжества, такъ и по живости разсказа: онѣ читаются съ большимъ интересомъ.

Къ числу важныхъ заслугъ Владиміра нужно отнести постройку новыхъ городовъ; послѣдніе были необходимы, какъ потому что татары многіе разрушили, такъ и потому что подъ прикрытіемъ укрѣпленныхъ городовъ можно было не только существовать на территоріи, напр., Берестейской земли, но и колонизовать земли ятвяговъ и литовцевъ. О внутренней дѣятельности Владиміра въ этомъ направленіи будемъ говорить ниже, а теперь скажемъ, что Владиміръ, стараясь всѣми силами облегчить горе, причиненное жителямъ татарами, не щадилъ для того своихъ средствъ. Такъ, въ лѣтописи подъ 1288 г. читаемъ: «и розда убогимъ имение свое все; золото и серебро и каменіе дорогое, и поясы золотыи отца своего и серебряные, и свое, иже бѣше по отци своемъ стяжалъ, все розда; и блюда великаа серебрянаа, и кубькы золотыя и серебряныя, самъ передъ своими очима побѣи и поля в гривны, и мониста великая золотая бабы своей и матери своей все поля, и розъсла милостыню по всей земли; и стада роздая убогимъ людемъ, у кого то коний нѣтуть и тѣмъ, иже кто погубли въ Телебузину рать¹⁾».

пись: «Въ лѣто 1286 г. списанъ бысть сей Номокановъ боголюбивымъ княземъ, Владиміромъ, сыномъ Васильковымъ, боголюбивой княгиней его Ольгой Романовной. Пишущимъ же намъ сія книги, поѣхалъ господь нашъ къ Ногаеву и госпожа осталася у Владиміру зане бѣша немощію утонула люта дѣло, того ради не можно ей быть проводить его». (*Востоковъ. О. Р. М.*, стр. 312.

¹⁾ Ипат. 601.

Что за человекъ былъ Владиміръ Васильковичъ, лучше всего видно изъ того, что по немъ плакали «все множество Володимерцевъ, мужи и жены и дѣти, Нѣмцы, и Сурожьцѣ, и Новгородци, и Жидове... и нищии, и убозии, и черноризци, и черницы; найпаче-же плакахуся по немъ лѣпшии мужи Володимерстии, рекуче: «добро бы ны, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу, яко-же и дѣдъ твой Романъ свободилъ башеть отъ всихъ обидъ; ты же баше, господине, сему поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего; нынѣ же, господине, уже к тому не можемъ тебе зрѣти, уже бо солнце наше зайде ны и во обидѣ всѣмъ остахомъ» ¹⁾).

Такъ какъ у Владиміра Васильковича дѣтей не было (былъ у него и его жены Ольги пріемышъ—Изяслава, къ которой они обое питали весьма нѣжную привязанность. Умирая, Владиміръ Васильковичъ поручилъ свою жену и этого пріемыша заботамъ Мстислава) ²⁾, то онъ порѣшилъ еще за 2 года до смерти объявить своимъ наслѣдникамъ Мстислава. Въ 1287 г. Телебуга и Алгуй и русскіе князья Левъ, Мстиславъ, Владиміръ и Юрій Львовичъ и «инии князи мнози, тогда бяхуть», говоритъ лѣтописецъ, «всп князи Рускіи в воли? Татарьской покоренн», пошли на поляковъ. Владиміръ, бывшій въ это время очень болѣнымъ, «зане», по словамъ лѣтописца, «бысть рана послана на нь отъ Бога неисцѣлимая», достигши р. Сана, «сотьснущься немощью тѣла своего», призвалъ своего брата Мстислава Даниловича и сказалъ: «брате! видишь мою немощь, оже не могу, а

¹⁾ Ил 601. Владиміръ Васильковичъ умеръ отъ ужасной болѣзни, по всей вѣроятности, рака нижней челюсти. Вотъ что говоритъ по этому поводу лѣтописецъ: «Князю же Володимеру Васильковичю великому лежащу в болести 4 лѣта... Нача ему гнити исподняя уста, перваго лѣта мало, на другое и на третье болма нача гнити... Исходящу же четвертому лѣту и наставши зимѣ, и нача болми немочи, и онада ему все мясо с бороды, и зубы исподнии выгниша вси, и челюсть бороднаа перегни... и бысть видити гортань». Умеръ Владиміръ Васильковичъ «во Любомли городѣ, в лѣто 6797 (1289 г.) мѣсяца декабря во 10 день, на святаго отца Мины». Погребенъ былъ во Владиміртѣ, въ хр. св. Богородицы. Ил. 601—604.

²⁾ Ипат. 591.

ни у мене дѣтий, а даю тобѣ, брату своему, землю свою всю и города, по своему животу, а се ти даю при царихъ и при его рядьцахъ». Тогда же Владиміръ оповѣстилъ о такомъ своемъ рѣшеніи брата Льва и племянника Юрія: «се вама повѣдую, далъ есмь брату своему Мстиславу землю свою и города». Левъ на это отвѣтилъ: «такъ и гораздо, оже еси далъ; мнѣ под(ъ) нимъи искати по своему животу? А вси ходимъ Богомъ, а бы мы далъ Богъ и своимъ мочи изволѣти все время» ¹⁾. Со своей стороны и Мстиславъ Даниловичъ увѣдомилъ Льва и Юрія о волѣ Владиміра, при чемъ, зная алчность этихъ князей, просилъ ихъ теперь-же заявить свои претензіи, — буде у нихъ таковыя имѣются. — относительно тѣхъ владѣній, которыя, по смерти Владиміра Васильковича, перейдутъ къ нему, Мстиславу («а чего восхочешъ искати по животу брата моего и своего, о се же ти царевъ, а се царь, а се азъ, молви со мною што восхочешъ»). Распорядившись такимъ образомъ со своими землями, Владиміръ Васильковичъ, не имѣвшій возможности, вслѣдствіе страшной болѣзни, принимать участія въ дальнѣйшемъ походѣ, уѣхалъ во Владиміръ, откуда, а также изъ любимыхъ своихъ резиденцій Каменца, Рая и Любомля, съ напряженіемъ слѣдилъ за ходомъ борьбы татаръ и русскихъ князей съ поляками. Ему было очень пріятно узнать, наконецъ, о томъ, что борьба прекратилась, татары ушли, а его ближайшіе родственники находятся въ вожделѣнномъ здравіи; но одновременно съ этимъ ему донесли, что Мстиславъ, не дождавшись смерти его, Владиміра, распоряжается по своему его доброму, раздаетъ его земли своимъ боярамъ. Это извѣстіе очень опечалило Владиміра Васильковича, и онъ рѣшилъ потребовать объясненія у Мстислава Даниловича. Съ этой цѣлью въ Луцкъ, мѣстопробываніе послѣдняго, былъ отправленъ посолъ, который долженъ былъ, между прочимъ, заявить Мстиславу, что онъ не имѣлъ никакого права распоряжаться волостями Владиміра Васильковича при жизни послѣдняго. «Ты ми братъ еси», долженъ былъ сказать посолъ, «а другой ми братъ Левъ, а сыновець ми Юрьи, азъ же у васъ трехъ

¹⁾ Ib.

избралъ есмь тебе одного, и далъ ти есмь землю свою и города по своему животѣ, а при моемъ ти животѣ не вступатися ни во что же; се же есмь учинилъ за гордость брата своего и сыновца своего, далъ есмь тобѣ землю свою»¹⁾. Эти слова, вложенныя лѣтописцемъ въ уста Владиміра Васильковича, очень характерны — они указываютъ на то, какой недоброй славой пользовались у современниковъ Левъ и Юрій. По желанію Владиміра Васильковича, Мстиславъ съ боярами и слугами прибылъ въ одну изъ резиденцій Владиміра — Рай, и здѣсь, въ присутствіи приближенныхъ къ обоимъ князьямъ лицъ, между которыми былъ и епископъ владимірскій Евсигній, учиненъ былъ формальный «рядъ». По этому поводу Владиміромъ Васильковичемъ были написаны 2 грамоты («рукописанія»²⁾); одной изъ нихъ онъ давалъ Мстиславу Даниловичу «землю всю и города, по своему животѣ, и столный свой городъ Володимѣръ», а другой обезпечивалъ судьбу своей жены («далъ есмь княгинѣ своей, по своему животѣ, городъ Кобрынъ; и с людьми и з данью, како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ать дають княгинѣ моей» etc. Ип. 595). «Рядъ» былъ скрѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ и обѣщаніемъ Мстислава не отымать (послѣ смерти Владиміра) владѣній, назначенныхъ Владиміромъ своей женѣ и приѣмшу Изяславъ, и «не отдать еѣ (Изяславу) неволею ни за кого же, но кдѣ будетъ княшинѣ любо, тутотъ ю дати»³⁾

Заполучивъ отъ Владиміра Васильковича грамоту, Мстиславъ отправился съ нею во Владиміръ, гдѣ она была прочтена въ храмѣ св. Богородицы, въ присутствіи бояръ, русскихъ мѣстичей и нѣмцевъ; послѣ этого еп. Евсигній благословилъ Мстислава на княженіе, и тотъ «хоташеть бо уже княжити в Володимѣрѣ, но братъ ему не да, тако река: «моглъ ольны по моему животѣ княжити». Тогда Мстиславъ удалился въ свои владѣнія⁴⁾.

¹⁾ *Ипат.* 593. И Мстиславъ не всегда искренно поступалъ съ Владиміромъ Васильковичемъ. См. Ип. 579.

²⁾ Проф. *Будановъ*. Обз. 409, 419

³⁾ Ипат. 595.

⁴⁾ Ib. 596.

Недолго, однако, пришлось Мстиславу ждать смерти Владимира: 10 декабря 1289 г. въ Любомлѣ «бысть», по словамъ лѣтописца, «преставление его» (Владимира). Княгиня—вдова «съ слугами дворными» въ тотъ-же день, возложивъ на сани, повезли тѣло усопшаго князя во Владиміръ, при «великомъ» плачѣ всѣхъ жителей Любомля. 11 декабря тѣло было вложено во гробъ (въ церкви св. Богородицы) и «лежа въ гробѣ тѣло его не замазано отъ 11 дне мѣсяца декабря до 6 дне мѣсяца апреля»¹⁾.

Оплакавъ смерть брата²⁾, Мстиславъ Даниловичъ принялся за устройство доставшейся ему земли. Теперь въ его рукахъ сосредоточились два княжества — Луцкое и Владимірское съ Берестейской землей. Последняя, впрочемъ, послѣ смерти Владимира Васильковича отпала было отъ Владимірскаго княжества и признала власть Юрія Львовича. Дѣло въ томъ, что Юрій Львовичъ, которому отецъ далъ въ удѣлъ Белзъ, Червень и Холмъ, а впослѣдствіи, вмѣсто этихъ городовъ — Дрогичинъ и Мельницъ³⁾, еще при жизни Владимира Васильковича сильно добивался приобрѣтенія Берестейской земли. Съ этой цѣлью онъ въ 1288 году отправилъ къ Владимиру Васильковичу посла, который, по словамъ лѣтописца, сказалъ ему слѣдующее: «господине, строю мой! Богъ вѣдаетъ и ты, како ти есмь служилъ со всею правдою своею, имѣл(ъ) тя есмь аки отца собѣ, абы тобѣ сжалилося моее службы; а нынѣ, господине, отецъ мой прислалъ ко мнѣ, отнимаетъ у мене города, что ми былъ далъ, Белзъ, и Червень, и Холмъ, а велить ми быти в Дорогичинъ и в Мѣльницъ; а бью челомъ Богу и тобѣ, строюви своему, дай ми, господине, Берестий, (и) то бы ми сполу было»⁴⁾.

¹⁾ Ib. 608.

²⁾ На погребеніи Владимира Васильковича Мстиславъ Даниловичъ не былъ. Съ погребеніемъ князя, умершаго отъ такой страшной болѣзни, при жизни уже разлагавшагося, видимо, очень торопились, такъ что Мстиславъ Даниловичъ и не могъ поспѣть во Владиміръ; послѣ уже онъ сюда прибылъ, посѣтилъ мѣсто упокоенія своего брата и «плакался надъ гробомъ его плачемъ великимъ злѣ». Ип. 610.

³⁾ Ib. 599

⁴⁾ Ипат. 599.

Владиміръ Васильковитъ, отвѣтивъ послу, что онъ не желаетъ нарушить рѣды съ Мстиславомъ Даниловичемъ, отклонилъ такимъ образомъ домогательство Юрія, а въ то-же время послалъ къ Мстиславу Даниловичу сказать: «прислалъ ко мнѣ сыновѣць мой Юрьи, просятъ у мене Берестѣя, азъ же ему не далъ ни города, ни села; а ты не давай ничего-же»¹⁾. Неудача сына не помѣшала, однако, отпу сдѣлать подобную же попытку. Левъ Даниловичъ шлетъ къ умирающему Владимиру Васильковичу въ качествѣ посла своего перемышльскаго епископа Мемнона съ порученіемъ добиться отъ Владимира уступки въ пользу Льва Берестейской земли. Ни слова Льва, переданныя епископомъ²⁾, ни краснорѣчіе самого епископа, однако, не убѣдили Владимира, и онъ далъ въ концѣ концовъ такой отвѣтъ: «братъ, Лве княже! ци без(ъ) ума мя творишь, оже быхъ не разумѣлъ сей хитрости? ци мала ть своя земля, оже Берестѣя хочешь, а самъ держа княжения три, Галичкое, Перемышльское, Бельзское, да нѣтути сыти; осе пакъ мой отецъ, а твой стрый лежитъ во епископи у святой Богородици в Володимерѣ, а много ль есь над(ъ) нимъ свѣчь поставилъ? что есь далъ который городъ, абы то свѣча была? оже просилъ еси живымъ а уже пакъ мертвымъ просиши; не дамъ, не реку города. но ни села не возмешь у мене, розумѣю я твою хитрость, не дамъ». Епископъ, получивъ разные подарки отъ Владимира, уѣхалъ, не добившись желаннаго. Но какъ только умеръ Владимиръ Васильковичъ, Юрій Львовичъ постарался сейчасъ-же овладѣть Берестѣемъ: «въѣха», говорятъ лѣтописецъ «въ Берестий и нача княжити в немъ, по с(ъ)вѣту безумныхъ своихъ бояръ молодыхъ и коромолниковъ Берестѣанъ»³⁾. Бояре Мстислава совѣтовали послѣд-

¹⁾ Ib. 600.

²⁾ «Братъ ти, господине, молвить: стрый твой Данило король, а мой отецъ, лежитъ в Холмѣ у святѣй Богородицы, и сыновѣ его, братья моя и твоя, Романъ и Шварно, и всѣхъ кости тутъ лежать; а нынѣ брате слышимъ твою немочь великую, абы ты, братъ мой, не изгасилъ сѣтъ надъ гробомъ стрѣя своего и братья своей, абы далъ городъ свой Берестий: то бы твоя свѣща была». Ип. 600.

³⁾ Ип. 611

нему отвѣтитъ Юрію такимъ-же захватомъ его земель—Белза и Червеня; но Мстиславъ отвергъ такое предложеніе («бѣшетъ легосердѣ», замѣчаетъ лѣтописецъ), сказавъ: «не дай ми Богъ того учинити, оже бы мнѣ пролити кровь неповинную; но я исправлю Богомъ и благословеніемъ брата своего Володимира»¹⁾. Мстиславъ рѣшился сначала дѣйствовать путемъ мирныхъ переговоровъ съ Львомъ и Юріемъ, хотя въ то-же время послалъ къ Юрію пороскаго (бывшаго у него теперь, а раньше у Владиміра Васильковича, на службѣ) звать на помощь татаръ. Переговоры привели къ благопріятному для Мстислава результату. Левъ приказалъ Юрію удалиться изъ Берестья, подъ довольно внушительной угрозой: «поѣдъ вонъ изъ города, не погуби землѣ: братъ мой послалъ возводить Татаръ; не поѣдешъ ли вонъ, я же ти буду помочникъ брату своему на тя; аже ми будетъ смерть, по своему животѣ даю землю свою всю брату своему Мстиславу, а тобѣ не дамъ, оже мене не слушаешь отца своего»²⁾. И дѣйствительно, Юрій «пограбивъ всѣ дома стрія своего, и не оставя камень на камени в Берестѣи и в Каменци и в Бѣльски»³⁾, удалился во свояси. Понятно, что въ данномъ случаѣ не столько укорязны Мстислава подѣйствовали, сколько угроза привести татаръ, а у Льва «еще бо не сошла оскомина Телѣбужины рати».

Мстиславъ, занявъ Берестье, справился съ крамольниками, обложивъ ихъ особою данью, а «кормолу ихъ воспалъ въ лѣтописѣхъ»⁴⁾.

Мстиславъ Даниловичъ, о которомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ «правдолюбіемъ свѣтѣся ко всей братѣи своей и бояромъ, къ простымъ людемъ»⁵⁾, поддерживалъ миръ съ сосѣдями—поляками, литовцами и нѣмцами, и «одержа землю свою величествомъ оны по Татары, а сѣмо по Ляхы и по Литву»⁶⁾. По

¹⁾ Ип. 611.

²⁾ Ип. 612.

³⁾ Ib.

⁴⁾ Ип. 613.

⁵⁾ Ib.

⁶⁾ Ип. 613.

извѣстію лѣтописи, литовскій князь Бурдигидъ и братъ его Будивидъ «даша князю Мстиславу городъ свой Волковыескъ, абы съ ними миръ держалъ», а Конраду мазовецкому Мстиславъ помогъ овладѣть Сандомиромъ ¹⁾).

О дѣятельности Мстислава Даниловича мы знаемъ очень мало; не знаемъ даже, когда онъ умеръ ²⁾); послѣднее свѣдѣніе, которое мы находимъ о немъ въ лѣтописи, относится къ 1291 г.: «того же лѣта Мстиславу князю вложи ему Богъ во сердце мысль блугу: созда гробницу камену надъ гробомъ бабы своей Романовой, в монастырѣ въ святаго... и свяща ю во имя праведнику Акима и Анны, и службу въ ней створи. Того же лѣта въ Черторыйски в городѣ заложи столпъ каменъ» ³⁾).

На княженіи Мстислава Даниловича прекращается драгоценный источникъ для внутренней и внѣшней исторіи Волыни въ древнее время—галицко-волынская лѣтопись; дальнѣйшія свѣдѣнія о Волыни мы почерпаемъ изъ источниковъ, во многихъ случаяхъ крайне мутныхъ.

Кто княжилъ на Волыни послѣ смерти Мстислава Даниловича, сказать трудно. У Мстислава Даниловича былъ сынъ Даниилъ, о которомъ лѣтописецъ упоминаетъ подъ 1280 г.: въ этомъ году Даниилъ Мстиславичъ вмѣстѣ съ отцомъ, Владимиромъ Васильовичемъ, Львомъ и Юріемъ участвовалъ въ походѣ татаръ на поляковъ. Другихъ свѣдѣній о Даниилѣ въ лѣтописи не встрѣчаемъ, хотя лѣтописцу дважды представлялся случай упомянуть о немъ. Подъ 1282 и 1283 гг. лѣтописецъ сообщаетъ намъ имена галицко-волынскихъ князей, вынужденно принимавшихъ участіе въ походѣ татаръ; въ числѣ этихъ князей не названъ Даниилъ Мстиславичъ; быть можетъ, его уже въ это время не было въ живыхъ? Если совершенно больной Владимиръ Ва-

¹⁾ Ип. 614.

²⁾ Лонгиновъ относитъ смерть Мстислава Даниловича къ 1291 г.; на какомъ основаніи? См. *Лонгиновъ*, Грам. Юрія II, стр. 50.

³⁾ Ип. 616. Г. Лонгиновъ указываетъ на мѣстонахождение церкви св. Анны и Акимъ въ замкѣ владимірскомъ. Грам. Юрія II, стр. 36.

сильковичъ долженъ былъ идти вмѣстѣ съ татарами, то чѣмъ объяснить отсутствіе Даниіла?

Былъ ли женатъ Даниілъ Мстиславичъ, имѣлись ли у него дѣти — ничего неизвѣстно. Нѣкоторые ученые, какъ Зубрицкій¹⁾, Шараневичъ²⁾, Андріяшевъ³⁾, имѣя въ виду известную приписку (1376 г.)⁴⁾ на Румянцевскомъ евангеліи, принимаютъ упоминаемаго здѣсь Юрія Даниіловича за сына Даниіла; гр. Стадницкій же, помимо приписки на евангеліи, допускаетъ возможность существованія во второй половинѣ XIV в. кн. Юрія, сына Даниіла Мстиславича⁵⁾.

Чешскій ученый Ржежабекъ, въ своемъ сочиненіи — «*Jiří II, poslední kníže, veškeré Malé Rusi*», подвергъ обстоятельному анализу этотъ вопросъ и пришелъ къ заключенію что вкладная запись Юрія Даниіловича, князя холмскаго, есть не что иное, какъ фальсификація, неизвѣстно, съ какою цѣлью учиненная отъ имени Юрія Наримунтовича, ошибочно названнаго Даниіловичемъ, тогда какъ другое имя отца его было Глѣбъ⁶⁾.

Хотя такое заключеніе довольно произвольно, тѣмъ не менѣе автору вполне удалось убѣдить читателя въ томъ, что Юрій Даниіловичъ записи не могъ быть сыномъ Даниіла Мстиславича, и что Юрій Белзскій, упоминаемый въ нѣсколькихъ договорахъ литовцевъ съ поляками, есть не кто иной, какъ Юрій Наримунтовичъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ высшей степени странно, какъ это

¹⁾ Зубрицкій — Крит. пов. стр. 131, пр. 36, Ист. Гал. Р. III, стр. 267, пр. Анон. Гвязн. и Длуг., ст. 18—88.

²⁾ Шараневичъ — Ист. Гал. Вол. кн. стр. 220.

³⁾ Андріяшевъ — Оч. ист. Вол. кн. 199, 205.

⁴⁾ Приписка такого рода: «Сея князь Юрія Холмскаго, сынъ Даниіла Холмскаго, по смерти сына моего, князя Семена, придали есмо к церкви Божой Пречистой Богоматери на богомоде вечистое, села: Стрижово, Слепче, Космово, Цуднево з обема береги обополъ Бугу, въ лѣто 6884, къ столцу епископіи Холмское при боголюбезномъ Калисти епископи холмскомъ и Белзскомъ. Донгиновъ — Грам. Юрія II, 29.

⁵⁾ Stadnicki — Syn. Ged. II, пр. 20.

⁶⁾ Rěžabek — Jiří II, poslední kníže veškeré Malé Rusi. V. Praze 1883, стр. 36.

законный наслѣдникъ галицко-владимірскаго престола Юрій Даниловичъ (а еще раньше, его отецъ Данилъ) остался при одномъ жалкомъ холмскомъ удѣлѣ, а его дѣдиной овладѣли, на правахъ наслѣдниковъ, чужестранцы. Г. Лонгиновъ, — въ соч. Грамоты малорусскаго князя Юрія II и вкладная запись кн. Юрія Даниловича Холмскаго XIV в., — въ свою очередь, подвергъ критикѣ нѣкоторыя положенія Ржежабка объ Юріи Даниловичѣ и пришелъ къ довольно правдоподобию заключенію, что «сынъ Мстислава Даниловича, князя Владимірскаго, Данилъ, не могъ княжить въ Холмѣ, и что князь Юрій Даниловичъ, сдѣлавшій эту (вышеупомянутую) вкладную запись, никто иной, какъ наслѣдственный владѣлецъ крупнаго участка въ Холмской землѣ. Княземъ же Холмскимъ величалъ онъ себя по мѣстному происхожденію, т. е. по той же самой причинѣ, по которой иные князья прозывались Острожскими, Вишневецкими, Корецкими, Збаражскими и т. п. (отъ извѣстныхъ городовъ) и по которой члены одного близкаго къ княжескому, рода прозывались Холмскими. Можетъ быть онъ былъ братомъ Михаила и Дмитрія Даниловичей князей Волынскихъ, погибшихъ въ битвѣ при р. Ворсклѣ 1399 г.»¹⁾ Этому крупному владѣльцу въ Холмской землѣ, однако, долженъ былъ принадлежать и городъ Холмъ, — только въ такомъ случаѣ можно, кажется намъ, сравнивая, напр., съ князьями острожскими, величать его княземъ Холмскимъ.

Кто таковы были этотъ Юрій Даниловичъ и его отецъ Данилъ, рѣшить нынѣ трудно; по всей вѣроятности, это служилые литовскіе князья, всего вѣрнѣе, изъ дома Владиміра Св.

Быть можетъ, на Волыни послѣ Мстислава княжилъ Левъ Даниловичъ, умершій въ 1301 г.²⁾? Несомнѣненъ фактъ, что Волынь какимъ то образомъ перешла къ сыну Льва — Юрію? Дѣло въ томъ, что отъ времени непосредственныхъ преемниковъ Юрія Львовича остались 2 грамоты; на первой изъ нихъ (1316 г.) привѣщена печать, на одной сторонѣ которой сдѣлана такая

¹⁾ Лонгиновъ. Грам. Юрія II, 39.

²⁾ Каралзинъ IV, 202 пр.

надпись—*Domini Georgi Principis Ladimeriae*¹⁾. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Юрій Львовичъ въ нач. XIV в. былъ княземъ владимірскимъ, и что въ 1316 г. его уже не было въ живыхъ, такъ какъ грамоту этого года даетъ не онъ, а его преемники-сыновья Андрей и Левъ. По предположенію проф. В. Б. Антоновича, эти князья въ 1316 г. только что вступили на престолъ, потому что употребляли еще печать отца Юрія Львовича²⁾; слѣд., смерть послѣдняго можно относить къ этому 1316 г.

Относительно же года смерти Андрея и Льва между учеными существуетъ разногласіе. Проф. В. Б. Антоновичъ относитъ это событіе къ 1324 г.³⁾, основываясь на письмѣ (отъ 21 іюля 1324 г.) кор. Владислава Локетка къ папѣ Іоанну XXII, въ которомъ первый сообщаетъ, что «*duo ultimi Principes Ruthenorum de gente schismatica, quos immediatos pro scuto inexpugnabili contra crudelem gentem Tartarorum habebamus, decesserunt ex hac luce*»⁴⁾. Иначе смотрятъ на это дѣло нѣкоторые другіе ученые (проф. Н. П. Дашкевичъ, г. Ржежабекъ, г. Филиевичъ). Основаніемъ для ихъ сужденій служитъ извѣстіе т. н. лѣтописи Быховца о завоеваніи Гедиминомъ Волыни и Кіевской земли⁵⁾.

¹⁾ Описаніе печати у Карамзина, IV, 204 пр. «*Scarb. dipl.*», t. I, p. 168.

²⁾ Проф. В. Б. Антоновичъ—Моногр. т. I, 58. По словамъ Карамзина, (и Даниловича) такую же печать употреблялъ и Юрій II. Т. IV, 276 пр. «*Scarb.*», I, 168. По мнѣнію Ржежабка, смерть Юрія могла случиться и раньше 1316 г. Рѣ. 21. Упомянутыя выше грамоты даны — первая (1316) князьями Андреемъ и Львомъ тевтонскому ордену, вторая (1320 г.)—однимъ княземъ Андреемъ городу Торю; въ грам. 1316 г. князья титулуются — «*Dei gratia Duces totius terre Russie, Galicie et Ladimirie*», а 1320 г. — «*Andreas Dei gratia Dux Ladimiriae et Dominus Russiae*». Карамзинъ—IV, 268 пр., Зубрицкій—III, 251.

³⁾ В. Б. Антоновичъ—Моногр. т. I, 51.

⁴⁾ Карамзинъ—IV, пр. 275. *Raynaldi Annales ecclesiast.* т. XXIII, 1324 г. р. 273—274.

⁵⁾ Такъ наз. лѣтопись Быховца, изд. Нарбута, Wilno. 1846 г., стр. 15. Вотъ что сообщаетъ намъ эта лѣтопись о завоеваніи Волыни: «Вспокоивши землю Жомойтскую отъ Нѣмцевъ, пошелъ (Гедиминъ) на князи Русскія, и

Извѣстіе литовско-русской лѣтописи было подвергнуто строгому анализу проф. В. Б. Антоновичем¹⁾, и уважаемый профессор, наглядно доказавъ всю несообразность этого извѣстія, выразился, между прочимъ, такъ: «если во время войны за Подляхію, литовскій князь дѣйствительно проникъ на Волынь до г. Владимира, и если въ битвѣ у этого города дѣйствительно палъ одинъ изъ Волынскихъ князей, то, въ такомъ случаѣ, мы можемъ скорѣе всего согласиться съ предположеніемъ г. Шараневича, что походъ на Волынь долженъ быть отнесенъ къ 1316 г., и что князь погибшій въ битвѣ съ Литвою, могъ быть только Юрій Львовичъ²⁾». Проф. Н. П. Дашкевичъ, признавъ, что «В. Б. Антоновичъ превосходно доказалъ невѣроятность извѣстія объ одновременномъ завоєваніи Волыни и Кіева Гедиминомъ въ 1319—1321 г.³⁾ и освѣтилъ всю недостоверность этого разсказа», вмѣстѣ съ тѣмъ значительно отступилъ «отъ мнѣнія г. Антоновича, что завоєваніе Кіева и вообще южной Руси вовсе не

приде напередъ къ городу Володиміру; и князь Володиміръ Володимірскій, собравшись съ людьми своими, и вчини бой лють съ княземъ великимъ Гедиминомъ. И поможе Богъ великому князю Гедимину, ижъ князя Володимера Володимерскаго самого вбилъ, и рать его всю побилъ, и городъ Володимеръ возметъ. И потомъ поиде на князя Льва Лудкого, и князь Левъ услышалъ што князя Володимера Литва вбила и городъ Володиміръ взяли, и онъ не смѣлъ противустати, и побѣжить до князя Романа, до зятя своего, ку Бринску; а князи (и) бояре Волынскіе били челомъ великому князю Гедимину абы въ нихъ пановалъ и господаремъ быть, а земли ихъ не казилъ; и князь великій Гедиминъ, укрѣпивши ихъ присягою, и оставивши намѣстниковъ своихъ въ нихъ, и тамъ начнетъ княжити, а потомъ на зиму шелъ до Берестя, вси войска свои розпустилъ, а самъ въ Берести зимовалъ».

Это извѣстіе въ послѣдствіи повторилъ Стрыйковскій, пользовавшійся лѣтописью Быховца, составленною въ XVI вѣкѣ, и авторъ Густынского лѣтописн. свода (компиляціи, доведенной до 1597 г.), при чемъ первый приурочилъ завоєваніе Волыни Гедиминомъ къ 1320 году, а второй—къ 1304 году. *Strzykowski*—I, 363. *Густынский* лѣтописный сводъ 348.

¹⁾ В. Б. Антоновичъ—Монogr. I, 47—58.

²⁾ В. Б. Антоновичъ—Мон. I, 58.

³⁾ Проф. Будановъ признаетъ нѣкоторую достоверность за извѣстіями бѣлор. лѣтоп. о походѣ Гедимина на Кіевъ и Волынь. Арх. VII/1, 32, 38.

имѣло мѣста при Гедиминѣ»¹⁾. Для насъ важны, главнымъ образомъ, тѣ разсужденія г. Дашкевича, которыя касаются Волини. Г. Дашкевичъ, находя въ разсказѣ лѣтописи Быховца о столкновеніи Гедимина съ волынскими князьями много истиннаго, тѣмъ не менѣе считаетъ вымысломъ «выставленный 2-ю литов. лѣтописью результатъ этой войны, т. е. подчиненіе Гедиминомъ Владиміра-Волинскаго тотчасъ послѣ пораженія Владимірскаго князя»; «на первый разъ», говоритъ г. Дашкевичъ, «дѣло окончилось полнымъ присоединеніемъ къ Литвѣ Берестя и окрестныхъ земель»²⁾. Въ сущности, въ данномъ случаѣ и г. Дашкевичъ, и г. Антоновичъ смотрятъ одинаково на дѣло. Г. Антоновичъ не отрицаетъ, вѣдь, того, что «въ началѣ своего княженія Гедиминъ велъ войну съ Галицко-Владимірскими князьями», войну, которая, и по предположенію г. Антоновича, могла окончиться присоединеніемъ къ Литвѣ Подляхій³⁾. Разница только въ томъ, что г. Антоновичъ склоненъ отнести эту войну къ самому началу княженія Гедимина, когда еще живъ былъ Юрій Львовичъ, а г. Дашкевичъ относитъ ее къ тому времени, когда княжили уже преемники Юрія — Андрей и Левъ. Кто же изъ двухъ уважаемыхъ ученыхъ правъ? Лѣтопись Быховца называетъ владимірскаго князя, защищавшаго свой стольный городъ отъ Гедимина, Владиміромъ. Г. Дашкевичъ думаетъ, что такъ назывался кн. Андрей Юрьевичъ. Можетъ быть, и такъ, — но у насъ нѣтъ основанія приписывать ему и это имя. Тутъ возможны однѣ только догадки, и Шараневичъ, вотъ, напр., принимаетъ князя Юрія Львовича за лѣтописнаго Владиміра... Далѣе, самъ г. Дашкевичъ упоминаетъ о сообщеніи Равданской рукописи⁴⁾ о томъ, «что въ к. 1315 г., когда умеръ Витень, Гедиминъ находился въ походѣ противу русскихъ князей»⁵⁾, а

¹⁾ Н. П. Дашкевичъ—Зам. по ист. Лит. р. г., стр. 42.

²⁾ Н. П. Дашкевичъ—Зам. по ист. Лит. р. г. Кіевъ, 85 г., 46 стр.

³⁾ В. Б. Антоновичъ—Мон. I, 57.

⁴⁾ О Равд. рук. см. *Narbuth*, Dr. nar. lit. t. I. 156, 160.

⁵⁾ Н. П. Дашкевичъ—Зам. 45. Г. Антоновичъ относитъ смерть Витеня къ 1316 г. Мон. I, 37. Вольфъ, ссылаясь на Равд. рукопись—къ 1315 г. «*Ród. Ged.*» р. 6.

въ 1315 г. Галицко-Владимірское княжество могло еще принадлежать Юрію Львовичу. Г. Дашкевичъ готовъ даже признать вѣроятнымъ самый фактъ гибели владимірскаго князя въ этой борьбѣ¹⁾; не отрицаетъ совсѣмъ этого факта, какъ мы говорили выше, и г. Антоновичъ, но первый считаетъ такимъ погибшимъ княземъ Андрея Юрьевича, а второй (вмѣстѣ съ Шараневичемъ) — Юрія Львовича, и намъ кажется, мнѣніе г. Антоновича болѣе правдоподобно, если имѣть къ тому же въ виду упомянутое выше письмо кор. Владислава Локетка къ папѣ Іоанну XXII, отъ 21 іюля 1324 г.

Признавая вѣрнымъ сообщеніе лѣтописи о гибели владимірскаго князя Владиміра (Андрея), г. Дашкевичъ думаетъ, что князь Левъ Луцкій «погибъ, если только это случилось во время войны съ Литвою²⁾, ранѣе борьбы Гедимина съ владимірскимъ княземъ: повидимому, Льва Луцкаго не было въ живыхъ уже въ 1320 г.»³⁾. Г. Дашкевича навело на эту мысль то обстоятельство, что грамота 1316 г. была дана отъ имени Андрея и Льва, а 1320 г. — только Андрея. По нашему мнѣнію, это обстоятельство не можетъ еще служить достаточнымъ основаніемъ для предположенія г. Дашкевича, — онъ самъ вѣдь говоритъ, «что отдѣльность въ это время Луцка отъ Владиміра-Волынскаго не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію»⁴⁾; слѣдовательно, не можетъ быть ничего страннаго въ томъ, что князь Андрей отъ своего одного только имени далъ грамоту городу Торну.

Итакъ, доказательства, приведенныя г. Дашкевичемъ, въ пользу того, что война, о которой разсказано въ лѣтописи Быховца, происходила во время княженія Андрея и Льва, и что въ этой войнѣ погибли оба эти князя, — кажутся намъ не вполне убѣдительными, и мы по этому вопросу склоняемся болѣе на сторону мнѣнія проф. В. Б. Антоновича.

¹⁾ Н. П. Дашкевичъ — Зам. 46.

²⁾ Такимъ образомъ и самъ г. Дашкевичъ не рѣшается высказаться утвердительно о гибели кн. Льва во время войны съ Литвою.

³⁾ Ib. — 47.

⁴⁾ Н. П. Дашкевичъ — Зам. 47.

Ржежабекъ, основываясь все на томъ же разсказѣ лѣтописи Быховца, относитъ смерть Андрея къ 1321 г., а Льва — къ 1322 г. Но Ржежабекъ слишкомъ уже довѣрчиво отнесся къ извѣстію лѣтописи и не обратилъ никакого вниманія на сообщеніе Равданской рукописи. Г. Дашкевичъ, сказавъ, что лѣтопись эта сообщаетъ только, что война Гедимина съ южно-русскими князьями началась, когда онъ «вспокоилъ землю жомойтскую отъ нѣмцовъ», справедливо, при этомъ, замѣтилъ: «изъ такого указанія не вполне ясно время похода Гедимина: онъ могъ случиться сейчасъ послѣ примиренія съ нѣмцами, но могъ также произойти позднѣе. При этомъ нападенія нѣмцевъ на Жмудъ при Гедиминѣ возобновлялись нѣсколько разъ»¹⁾. А между тѣмъ, Ржежабекъ, почерпнувъ изъ хроники Петра Дюсбурга извѣстіе о пораженіи, нанесенномъ въ 1320 г. крестоносцамъ въ Жмуди, и прочитавъ въ лѣтописи Быховца, что Гедиминъ «впокоивши землю Жомойтскую отъ Нѣмцовъ, и пошолъ на князи Рускія etc., отнесъ этотъ походъ къ 1321 г. (по Стрыйковскому — 1320 г.)²⁾; въ этомъ году, по его мнѣнію, городъ Владиміръ былъ взятъ Гедиминомъ, а кн. владимірскій Андрей, ошибочно названный въ лѣтописи Владиміромъ, былъ убитъ; въ слѣдующемъ году постигла та-же участь и князя Льва³⁾. Такъ какъ Ржежабекъ не доказалъ, что Гедиминъ предпринялъ походъ свой на Волынь именно послѣ пораженія крестоносцевъ въ 1320 г., то и утвержденіе его, что война велась въ княженіе Андрея и Льва, и что оба эти князя погибли во время этой войны въ указываемые имъ годы, не можетъ быть принято.

Не соглашаясь съ г. Дашкевичемъ и Ржежабкомъ, мы не думаемъ, однако, совершенно отвергать, какъ недостовѣрный, разсказъ лѣтописи Быховца о борьбѣ литовцевъ съ галицко-владимірскими князьями. Какъ выше сказано, и г. Антоновичъ признаетъ кое-что въ разсказѣ правдоподобнымъ. Мы представ-

¹⁾ Н. П. Дашкевичъ—Зам. 43.

²⁾ Бал. и Липинскій относятъ, согласно со Стрыйков., завоеваніе Владиміра Гедиминомъ къ 1320 г. Bal. i Lip. Star. Pol., t, III, 4.

³⁾ Н. П. Дашкевичъ—Зам. 43.

ляемъ себѣ дѣло такъ. Еще непосредственно послѣ смерти Шварна Даниловича, какъ говорятъ г. Антоновичъ, вспыхнула между Львомъ Даниловичемъ и Тройденомъ распря за обладаніе, такъ называемой, Подляхией, т. е., южной частью бывшей Ятвяжской земли¹⁾. Изъ галицко-волинской лѣтописи мы знаемъ, что часть этой Подляхія (Дрогичинъ, Мельникъ) въ концѣ XIII вѣка принадлежала Льву и его сыну Юрію, а часть (Берестейская земля)—Владиміру Васильковичу, а по его смерти Мстиславу Даниловичу; впоследствии, съ переходомъ всего Галицко-Владимірскаго княжества въ руки Юрія, вѣроятно, и Берестейская земля (которую Юрій, какъ выше упомянуто,—захватилъ было даже сейчасъ послѣ смерти Владиміра Васильковича) сдѣлалась его достояніемъ,—такимъ образомъ, вся Подляхія могла принадлежать ему. Но вотъ въ концѣ XIII в. въ Литвѣ появляется новая династія, первымъ представителемъ которой былъ Лютуверъ, уступившій свое мѣсто сыну Витеню уже въ 1293 г.²⁾. Новая династія въ лицѣ своихъ представителей Лютувера, Витеня и Гедимина, успѣла «остановить завоевательное движеніе (на Литву) крестоносцевъ, расширила предѣлы своихъ владѣній присоединеніемъ къ нимъ многихъ русскихъ земель и образовала сильное государство»³⁾.

Новая династія, съ самаго начала своего появленія, ознаменовала себя многочисленными набѣгами на сосѣднія земли⁴⁾. Нападая на Польшу, литовцы, безъ сомнѣнія, не оставляли въ покоѣ и русскихъ. Стремясь къ расширенію своего государства на счетъ сосѣднихъ земель, литовцы, конечно, не оставляли безъ вниманія тѣхъ земель, которыя прежде принадлежали ятвягамъ (вѣроятно же всего, соплеменникамъ же литовцевъ).

Естественно, въ это время у нихъ является желаніе отнять эти земли у русскихъ, и, по нашему мнѣнію, нѣтъ ничего не-

¹⁾ В. Б. Антоновичъ. Моногр. I, 57.

²⁾ Ib. 36—37.

³⁾ В. Б. Антоновичъ. Мон. т. I, 37.

⁴⁾ Ib. 37 и дальше.

правдоподобнаго въ извѣстіи Воскресенскаго лѣт. свода, что Витень присоединилъ земли до Буга, иначе говоря, Подляхію¹⁾.

Галицко-волинскіе князья, потерявъ эту область, не думали, однако, совершенно отъ нея отказываться, и вотъ, въ то время, какъ литовцы были заняты войной съ крестоносцами, быть можетъ, въ 1311 г. (у Виганда изъ Марбурга подъ этимъ годомъ записано: *Wytan rex Lituanorum, cum suis et Ruthenis venit in Prussiam*)²⁾, они не только захватили Подляхію, но, выполняя обязательства, данныя крестоносцамъ, — оказывать имъ помощь въ борьбѣ съ врагами (на такого рода обязательства указываютъ грамоты, о которыхъ рѣчь впереди), вторглись въ собственно литовскія земли. Кто же были эти русскія князья? Мы уже выше говорили, что передъ 1316 г. и даже въ этомъ году Галичъ и Волинь принадлежали Юрію Львовичу. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Юрій Львовичъ самъ непосредственно не управлялъ всѣми своими обширными землями, а, какъ бывало прежде, оставивъ за собою извѣстную область, остальные отдалъ сыновьямъ: Льву могъ принадлежать Луцкъ, Андрею — Владимірь. Въ такомъ случаѣ, лѣтопись Быховца, называя Льва луцкимъ княземъ, можетъ быть, и не погрѣшаетъ. Захвативъ Подляхію, Юрій оставляетъ здѣсь сына Льва, а самъ съ Андреемъ опустошаетъ, какъ сказано выше, собственно литовскія земли.

Окончивъ войну съ крестоносцами, Витень, желая съ одной стороны отнять у русскихъ Подляхію, а съ другой — отомстить имъ за опустошеніе Литвы, отправляетъ въ походъ на русскихъ сына своего Гедимина³⁾. Послѣдній беретъ Берестейскую землю,

¹⁾ Н. П. Дашкевичъ — Зам. 40.

²⁾ В. Б. Антоновичъ — Моч. Т. I, 40. Подъ «*Ruthenis*» Вигандъ здѣсь могъ разумѣть и не волинянъ съ галичанами.

³⁾ Такія же причины войны выставлены и у Стрыйковского; только походъ имъ отнесенъ ко времени самостоятельнаго княженія Гедимина. Проф. В. Б. Антоновичъ, признавая за несомнѣнное, что «въ началѣ своего княженія Гедиминъ велъ войну съ Галицко-Владимірскими князьями», говоритъ, что «на причины этой войны указываетъ, не цитируя къ несчастію своихъ

двигается дальше, подступает къ Владимиру и осаждаетъ его. Въ это-то время (уже могъ быть 1316 г.) и погнбаеть Юрій¹⁾. Его преемники, желая заручиться содѣйствіемъ ордена въ борьбѣ съ литовцами, сейчасъ же послѣ смерти отца заключаютъ договоръ съ крестоносцами. Быть можетъ, нападенія этихъ послѣднихъ, а также смерть Витеня²⁾, заставляютъ Гедимина прекратить борьбу съ волынскими князьями, борьбу, которая закрепила за литовцами приобрѣтеніе Подляхій. Последняя, несомнѣнно, въ княженіе Гедимина принадлежала уже литовцамъ, какъ это видно, во 1-хъ, изъ грамоты Юрія II отъ 1335 г., въ которой названы воеводы главныхъ галицко-волынскихъ городовъ, но между ними не находимъ имени воеводы Берестейской земли; а во 2-хъ, изъ грамоты, списанной Нарувепичемъ (изъ короннаго архива), въ которой значится: «rex nihil juris habiturus unquam in Kiejstuti arces: in Brest, Kamienica, Dorohiczyn, Mielnik, Bielsk»; значить, Берестейская земля была ухѣломъ сына Гедимина Кейстута.

О дѣятельности князей Андрея и Льва мы знаемъ очень

источниковъ, Стрыйковский: «Волынскіе князья (говорить онъ), зная, что Гедиминъ занятъ войною съ крестоносцами, вмѣсто того, чтобы оказать ему помощь, дѣлали набѣги на литовскія земли надъ Вилією и около Новгорода... князь Левъ Луцкій занялъ было Берестіе и Дрогичинъ во время войны съ крестоносцами» (*В. Б. Антоновичъ—Моногр., т. I, 57*). Основываясь на сообщеніи Равданской рукописи, что Витень умеръ въ к. 1315 г., въ то время, какъ его сынъ Гедиминъ находился въ походѣ противъ русскихъ (*Narbutt. Dz. nar. Lit. I, 159, IV, 464.—Н. П. Дашкевичъ — Зам., стр. 45*), можно этотъ походъ отнести къ 1315 г., когда Гедиминъ еще не былъ самостоятельнымъ княземъ.

¹⁾ Юрій, на упомянутой выше печати, называется «rex»; почему это? У Длугоша, подъ 1309 г., находимъ такое извѣстіе «Clemens papa quintus ad Ruthenorum Regem Nuncios missis, hortatur et requirit eum ut juxta pollicitationem suam per Nuncios et literas factam, ad obedientem et unionem Ecclesiae Romanae venire non negligat. Qui nuncios Apostolicos vacuos remittens in schismate inveterato perseveravit et errorum Graecorum potius duxit Catholica pietate». Ужъ не объ Юріи ли Львовичѣ тутъ рѣчь? (Дѣтписъ занытій Арх. Ком., вып. IV, стр. 329).

²⁾ *Н. П. Дашкевичъ—Зам. 45.*

мало. Не знаемъ даже, какъ распредѣлили они между собою отцовское достояніе. Проф. Н. П. Дашкевичъ, согласно съ лѣтописью Быховца, называетъ Льва луцкимъ княземъ. Дѣйствительно, во время борьбы съ литовцами, при жизни отца, Левъ могъ быть таковымъ, но наврядъ ли и послѣ смерти отца онъ остался только при луцкомъ удѣлѣ. Ржежабекъ называетъ Льва галицкимъ княземъ. Онъ говоритъ, что оба брата, владѣя вначалѣ вмѣстѣ землями, позже раздѣлились, и, при этомъ, такъ, что Левъ, какъ младшій, занялъ Галичъ¹⁾. Откуда, однако, извѣстно Ржежабку, что Левъ былъ младшимъ братомъ? Въ грамотѣ отъ 1316 г. князя Андрей и Левъ титулуются—«*Dei gratia Duces totius terre Russie Galicie et Ladimirie*»; въ грамотѣ же отъ 1320 г. Андрей называетъ себя — «*Andreas dei gratia Dux Ladimiriae et Dominus Russiae*»²⁾. Сличивъ обѣ грамоты, мы видимъ, что во второй, въ титулѣ князя пропущено слово «*Galicie*» и нѣтъ — «*totius terrae Russiae*». Это не случайно—по всей вѣроятности, кн. Андрей былъ волынскимъ княземъ, а Левъ—галицкимъ³⁾. Да и въ самомъ дѣлѣ, оставивъ въ сторонѣ неразрѣшимый нынѣ вопросъ о старшинствѣ того или другого изъ двухъ братьевъ-князей, — странно было бы надѣлять однимъ только Луцкимъ княжествомъ Льва, а всю остальную землю предоставлять Андрею!

Князя Андрей и Левъ поддерживали хорошія отношенія съ крестоносцами,—что было въ пріятныхъ ихъ интересахъ. Общающія крестоносцамъ защищать ихъ владѣнія отъ нападеній татаръ и всякихъ вообще враговъ («*ceterum terras vestras fide-*

¹⁾ *Reżabek*—10.

²⁾ Въ гр. Юрія II отъ 1327 года — *dux terre Russie Galicie et Lodomerie*.

³⁾ А. Прохаска, въ статьѣ—«*Wsprawie sajcie Rusi przez Kaz. W.*» — указываетъ на одинъ малонизвѣстный источникъ—генеалогію мазовецкихъ князей, напечатанную Нарбутомъ (*Pomniejsze pisma*). Въ этой генеалогіи жена Тройдена именуется русской княжной, сестрой галицкаго короля Льва. См. И. А. Линиченко—Черты изъ ист. сословій въ юго-зап. Руси XIV—XV в., стр. 2, пр. 1.

liter premunire curabimus pro tartaris dummodo constiterit et ab hostili qualibet invasione»), тѣмъ самымъ, разумѣется, князья русскіе заручались поддержкой и со стороны крестоносцевъ на случай борьбы съ какими-нибудь врагами. Эти князья, какъ явствуетъ изъ письма (отъ 21 іюля 1324 г.) кор. Владислава Локетка къ папѣ Іоанну XXII, дѣйствительно, служили для своихъ западныхъ сосѣдей оплотомъ противъ татаръ.

Слѣдуетъ также отмѣтить стремленіе одного изъ названныхъ князей — Андрея (о другомъ свѣдѣній нѣтъ) къ развитію торговыхъ сношеній съ иностранцами.

Къ іюлю 1324 г. обоихъ князей уже не было въ живыхъ ¹⁾. 21 іюля этого года кор. Владиславъ Локетокъ шлетъ папѣ Іоанну XXII увѣдомленіе такого рода: «hinc est, quod Sanctitati Vestrae insinuatione praesentium cum dolore reverentius intimamus, quod *duo ultimi Principes Ruthenorum de gente schismatica*, quos immediatos pro scuto inexpugnabili contra crudelem gentem Tartarorum habebamus, *decesserunt ex hac luce*: ex quorum *interitu* nobis et terris nostris ex vicinitate Tartarorum, quos decerto credimus terram Ruthenorum, nostris metis contiguam, occupare, perturbatio indicibilis imminebit» ²⁾. Ржежабекъ видитъ въ этомъ письмѣ, между прочимъ, подтвержденіе своего мнѣнія, будто Андрей и Левъ пали во время войны съ Гедиминомъ: король употребилъ слово—*interitu*, а это де указываетъ на насильственную смерть³⁾. Не говоря уже о томъ, что Ржежабекъ произвольно толкуетъ ⁴⁾ употребленные въ письмѣ выраженія, можно ли, вообще, придавать большое значеніе отдѣльнымъ словамъ?

¹⁾ Что князья Андрей и Левъ могли умереть въ одинъ и тотъ же годъ—въ этомъ, конечно, не можетъ быть ничего невозможнаго. Припомнимъ, напр., что Борисъ Александровичъ сѣлъ на Тверскомъ престолѣ послѣ дѣда, отца и старшаго своего брата, скончавшихся въ одинъ годъ отъ моровой язвы,—что случилось въ 1426 г. *Карамзинъ*—V, 246.

²⁾ *Režabek—Jiři*,--8.

³⁾ *Ib.*

⁴⁾ Ржежабекъ обратилъ вниманіе на «*interitu*», а «*decesserunt ex hac luce*»—оставилъ безъ надлежащаго вниманія. А между тѣмъ, если первое слово могло быть употреблено въ письмѣ для выраженія насильственной смерти,

Ржежабекъ относитъ смерть Андрея и Льва къ 1321—22 г., но это едва ли возможно допустить и потому, что тогда странно было бы въ высшей степени, отчего это король съ сокрушеніемъ сообщаетъ папѣ о смерти князей, случившейся два года тому назадъ, а то и болѣе. Напротивъ, выставленная въ письмѣ причина —

то послѣднимъ предложеніемъ, безъ прибавленія поясняющихъ словъ, очевидно, желалъ выразить естественную смерть. Слово — *interitus* у древнихъ римскихъ писателей употреблялось въ смыслъ—погибель, уничтоженіе (напр., i. literae, pecunia, navis naufragio); въ средніе вѣка—*interitus* i. e. *multa*, quae domino competit ex homicidio, seu pro jurisdictione et cognitione ejusdem; глаголъ же *interire*=infundere (см. *Glossarium mediae et infimae latinitatis* cond. a Carolo Dufresne domino *du Cange*. t. III). Конечно, въ письмѣ Локетка — *interitus* употреблено не въ смыслъ—*multa ex homicidio*, а въ смыслъ—уничтоженіе, прекращеніе жизни, надо думать, естественное, потому что иначе было бы добавлено, вслѣдствіе чего произошелъ *interitus*. См. *Totius latinitatis lexicon opera et studio Aegidii Forcellini* — «*interitus*» — part. v. *intereo* — *vita functus*. «*Interitus*» — verb. ab *intereo* — *actus intereundi, quasi discessus, et secretio, ac direptio earum rerum, quae junctione aliqua tenebantur* — *distrusione, scioglimento, rovina, morte*. Что касается—*decesserunt ex hac luce*, то *decedere de luce, vita, mundo* (также *migrare*) у древнихъ означало умереть; при этомъ разумѣлась естественная смерть; для выраженія же насильственной смерти (а также на полѣ брани) употреблялись другія слова; въ средніе вѣка — *decessus*=*defunctus* (*Du Cange*, t. II), а *defungere de vita, luce etc.*=умереть (а не быть убитымъ), «*z swiatu żywota schodzą*» (*Materyały do słow. Łacińsko-Pols. śred. iac. zebr. dr. Łebński*) *Migrare* въ средніе вѣка, даже одно, безъ прибавленія *de luce etc* употреблялось въ значеніи *mori* (*Du Cange* IV). Для сравненія приведемъ примѣры изъ сочиненій средневѣковыхъ писателей. У Яна изъ Чаркова (M. P. t. II, 620—21) о смерти Болеслава Тройденовича читаемъ: «*veneno per Ruthenos intoxicatus interierat*» (объяснено, какимъ образомъ погибъ); въ *Roczn. Traski* (Mon. P. h. II, 860)—«*Boleslano filius Troydeni ducis Mazoviae princeps Ruthenorum a suis incinnatus ex hac vita migravit*» (объяснено); безъ объясненія см. *Boguphali Chr. Biel.* M. P. h. II, стр. 592—«*Daniel rex migravit ad Christum de hoc mundo*» (естественная смерть). Въ *малопольскомъ* статутѣ читаемъ: «*Cum aliqui Kmetones seu rustici, vel alii civiles homines absque prole de hac luce decedunt*» (Б. Рюмянъ, т. I, стр. 24, пр. 35). Иногда словами—*obitus*, «*mors*» (сюда же можно отнести и *interitus*) обозначались оба рода смерти (естеств. и насильств.); напр. Янъ изъ Чаркова говоритъ—*post obitum* (Бол. Тройд.), *de morte Wladislai Lokytek*; *Bogusław*—*de obitu Danielis* (Дан Романов.), *de morte* (убійство) *Lestkonis ducis* (1227 г.).

беззащитность отъ татаръ—побуждала бы короля поспѣшнѣ съ просьбой у папы помощи. По крайней мѣрѣ, преемникъ Владислава Локетка—Казимиръ поступилъ именно такъ: узнавъ объ отравленіи Болеслава Тройденовича 25 марта 1340 г., онъ сейчасъ же шлетъ объ этомъ увѣдомленіе папѣ Бенедикту XII, прося при этомъ его помощи противъ татаръ, въ виду ожидаемаго со дня на день ихъ нашествія¹⁾.

Ржежабекъ, отнеся смерть Андрея и Льва къ 1321—22 г., а вступленіе на престолъ Юрія къ послѣднимъ мѣсяцамъ 1324 г. или къ началу 1325 г.²⁾, долженъ же былъ разсказать, что происходило на Волини въ непродолжительное время безкняжья, — такъ сказать, чѣмъ-нибудь заполнить этотъ промежутокъ. Онъ и говоритъ, что въ это время «въ осиротѣвшей странѣ возникли безпорядки, которыми же сейчасъ готовились воспользоваться татары, желая или возобновить надъ нею свое прежнее верховное господство, или даже совсѣмъ ее себѣ подчинить,—что они за-долго передъ тѣмъ уже сдѣлали съ одной бывшей частью Галицко-Владимірскаго княжества, именно съ Подоліей». ³⁾ Но, во 1-хъ, высказанное Ржежабкомъ предположеніе ничѣмъ имъ не обосновано (самъ онъ къ другимъ ученымъ въ такихъ случаяхъ чрезвычайно строгъ!), а во 2-хъ, оно скорѣе можетъ служить не въ пользу мнѣнія автора относительно годовъ смерти Андрея и Льва. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли—въ осиротѣвшемъ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ происходятъ смуты (конечно—онъ начался сейчасъ-же послѣ смерти князя?), Польша угрожаетъ близкое сосѣдство татаръ, а король, не имѣвшій возможности самъ обороняться отъ враговъ, только черезъ два года (а то и болѣе) обращается за помощью къ папѣ?! Это все трудно допустить, а слѣдовательно,

¹⁾ *Theineri* — Mon. Hung., t. I, p. 637, № 958—Письмо къ кор. Казимиру папы Бенедикта XII, изъ Авиньона отъ 1 Авг. 1340 г., съ отвѣтомъ на посланіе короля («*Sane nuper tua serenitas per suas litteras nostro apostolatus patefecit*» etc.).

²⁾ Režabek—17.

³⁾ Ib. 9.

трудно допустить и то, чтобы смерть Андрея или Льва случилась за два-три года до известнаго письма къ папѣ короля Владислава.

Какъ-бы то ни было, несомнѣннѣ фактъ, что къ іюлю 1324 г. ни Андрея, ни Льва въ живыхъ уже не было. Спрашивается, кто же явился ихъ преемникомъ? Относительно этого вопроса мнѣнія ученыхъ значительно расходятся, и вопросъ этотъ вслѣдствіе недостатка относящихся сюда документовъ, по нашему мнѣнію, въ настоящее время не можетъ быть рѣшенъ утвердительно.

По Ржежабку, между смертью Андрея и Льва и занятіемъ престола ихъ преемникомъ прошелъ нѣкоторый періодъ безкняжья, а затѣмъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Юрія — Болеславъ, сынъ мазовецкаго князя Тройдена, женатаго на русской княжнѣ Маріи, дочери одного изъ Даніиловичей. Посмотримъ, насколько это вѣрно,

Съ именемъ Юрія известны нынѣ пять грамотъ — отъ 1325 г., 1327 г., 1334 г., 1335 и 1339 г. На основаніи четырехъ первыхъ грамотъ¹⁾, раньше другихъ русскихъ ученыхъ, Карамзинъ считалъ преемникомъ Андрея и Льва (умершихъ, по его мнѣнію, около 1324 г.) малолѣтняго Георгія, праправнука Даніила. «Въ дружескихъ латинскихъ грамотахъ», говоритъ Карамзинъ, «къ великимъ магистрамъ ордена нѣмецкаго, скрѣпленныхъ печатами епископа, княжескаго пѣстуна и воеводъ Бельзскаго, Перемышльскаго, Львовскаго, Лудкаго, онъ писался природнымъ княземъ и государемъ всей Малой Россіи, обязываясь предохранять землю Рыцарей отъ набѣга Монголовъ; употреблялъ печать Юрія Львовича, своего дѣда, и жилъ то во Львовѣ, то во Владимірѣ». Князь этотъ, по словамъ Карамзина, «скончался около 1336 г., не оставивъ дѣтей, и ханъ прислалъ своихъ Намѣстниковъ въ Галицію; но жители, по сказанію одного современнаго историка, тайно умертвили ихъ, и съ дозволенія ханскаго поддались Болеславу, сыну Тройдена,

¹⁾ Грамота Юрія II отъ 1339 г. Ржежабку осталась неизвѣстной.

кн. Мазовскаго, и Маріи, сестры Георгіевой»¹⁾. Вслѣдъ за Карамзинымъ, и другіе ученые, польскіе, галицко-русскіе и русскіе—Бобрижскій, гр. Стадницкій, Зубрицкій, Шараневичъ, проф. В. Б. Антоновичъ (впрочемъ, В. Б. Антоновичъ высказываетъ свое мнѣніе съ оговоркой, что «существуетъ мнѣніе, не лишенное правдоподобныхъ основаній, по которому Юрій II отождествляется съ Болеславомъ Тройденовичемъ»²⁾), Иловайскій, Бестужевъ-Рюминъ и въ послѣднее время г. Любавскій³⁾ высказали подобное Карамзину мнѣніе относительно преемника Андрея и Льва. По ихъ словамъ, послѣ смерти Андрея и Льва княжилъ до 1335—1337 г. Юрій, сынъ Андрея.

Противоположнаго мнѣнія держался, какъ говоритъ г. Лонгиновъ, столѣтіе тому назадъ еще Нарушевичъ. Въ своемъ сочиненіи по исторіи Польши Нарушевичъ дѣлаетъ категорическое заявленіе, основанное на Витодуранѣ и перепискѣ папы съ Владиславомъ Локеткомъ, что послѣ гибели въ войнѣ съ Гедиминомъ двухъ сыновей Юрія Львовича—ок. 1321 или нач. 1322 г.—русины провозгласили своимъ княземъ Болеслава мазовецкаго ок. 1324 г.⁴⁾ Въ новѣйшее время поборниками такого-же мнѣнія явились Бѣловскій (М. Р. *h.*, т. II, хр. Яна изъ Чарикова) и Прохаска—польскіе ученые, Ржежабекъ—чешскій, а изъ русскихъ—Н. П. Дашкевичъ, гг. Линниченко, Филевичъ и Лонгиновъ. Изъ всѣхъ названныхъ нами ученыхъ одинъ, Впрочемъ, Ржежабекъ подвергъ всестороннему разсмотрѣнію вопросъ объ Юріи II. Его сочиненіе, въ которомъ подробно трактуется этотъ вопросъ, носитъ названіе — *Jiří II, poslední kníže veškeré Malé Rusi*⁵⁾. Разсмотримъ, на какихъ основа-

¹⁾ *Карамзинъ* — т. IV, стр. 214, 253, изд. Ал. Смирдина, Спб. 1851 г.

²⁾ *В. Б. Антоновичъ*—Моногр. I, 51.

³⁾ Г. Любавскій (въ соч.—Областное дѣленіе etc. стр. 39) послѣднимъ галицко-владимірскимъ княземъ считаетъ Юрія II, умершаго ок. 1336 г.

⁴⁾ *Лонгиновъ*—Грам. Юрія II, стр. 6.

⁵⁾ Это сочиненіе первоначально было напечатано въ «*Časopis Musea království Českého*», а затѣмъ вышло отдѣльнымъ изданіемъ въ Прагѣ въ 1883 г.

ніяхъ Ржежабекъ отождествляетъ Юрія II съ Болеславомъ Тройденовичемъ.

Для сужденія о преемникѣ Андрея и Льва, равно какъ и о самой личности его, главнымъ источникомъ служатъ оставшіяся отъ того времени грамоты съ именемъ Юрія. Ихъ, какъ выше сказано, пять. Первая писана въ 1325 г. къ великому магистру Вернеру Арсельнскому, вторая—въ 1327 г. (того-же содержанія, какъ и грамота 1316 г.) къ тому-же магистру, третья—въ 1334 г. къ великому магистру Лудеру, герцогу Брауншвейгскому, четвертая—въ 1335 г. (подтверждаетъ всѣ договоры, заключенные до этого года съ тевтонскимъ орденомъ) и, наконецъ, пятая—въ 1339 г.; этой грамотой Юрій жалуетъ городу Саяну Магдебургское право, съ предоставленіемъ войтовства вѣрному своему слугѣ Бартку изъ Сандомира.

Въ этихъ грамотахъ Юрій величаетъ себя то—«*Georgius dei gracia dux Russie*» (1325 г.), то—«*Georgius dei gratia dux terre Russie, Galicie et Ladimere*» (1327 г.), въ грам. 1334 г.—«*Georgius ex dono Dei natus dux et dominus Russie*», 1335 г.—«*Georgius Dei gratia natus dux totius Russie Mynoris*», въ грам. же 1339 г.—«*Georgius dei gracia Dux et heres Regni Russie*». Большинство грамотъ (какъ и грамоты 1316 и 1320 г.) писаны во Владимірѣ (1327, 1335, 1339), одна (1334 г.) во Львовѣ, а одна (1325 г.)—непзвѣстно, гдѣ.

Сличивъ грамоты Юрія II (за исключеніемъ гр. 1339 г.) между собой, Ржежабекъ пришелъ къ заключенію, что Юрій не былъ сыномъ ни Андрея, ни Льва, и слѣдовательно, могъ называть Юрія I своимъ дѣдомъ только по матери; по ней же онъ могъ считать себя потомкомъ Романовичей. Ржежабекъ строитъ свое заключеніе на томъ, что Юрій, упоминая въ грамотѣ 1325 г. о своихъ предкахъ (*progenitores*), не называетъ въ числѣ ихъ ни Андрея, ни Льва (*quod nostri progenitores felicis recordacionis rex Daniel, seu Leo noster atavus, aut Georgius noster avus karissimus*), между тѣмъ, какъ въ грамотахъ 1334 и 1335 г. Андрей упоминается въ числѣ «*predecessores*» Юрія. Доводы Ржежабка, однако, наврядъ-ли можно признать убѣдительнымъ, не говоря уже о томъ, что вообще строить заклю-

ченія на отдѣльныхъ выраженіяхъ, по нашему мнѣнію, не основательно. Въ грамотѣ 1325 г. пропущено имя князя Андрея—это могло быть случайно и неслучайно. Грамотой 1325 года Юрій общаетъ крестоносцамъ поддерживать съ ними дружбу, по примѣру предковъ его. Здѣсь ничего не говорится объ общаніи защищать земли ордена отъ татаръ,—какое общаніе дается Юріемъ въ грамотѣ 1327 г., повторяющей слово въ слово грамоту Андрея и Льва отъ 1316 г. У Юрія были, несомнѣнно, важныя причины умалчивать о татарахъ въ грамотѣ 1325 г.¹⁾, а отсюда становится понятнымъ, почему въ этой грамотѣ пропущено имя Андрея, дававшего крестоносцамъ общаніе защищать ихъ земли отъ татаръ («*ceterum terras vestras fideliter premunire curabimus pro tartaris*»²⁾). Кроме того, какъ справедливо замѣтилъ г. Лонгиновъ, «въ грамотѣ 1327 г. подразумѣвается ссылка въ числѣ другихъ предковъ Юрія II также на братьевъ—Андрея и Льва»³⁾. Затѣмъ, пропускъ можно признать просто случайнымъ. Такимъ-же случайнымъ пропускомъ объясняемъ мы неупоминаніе о Львѣ Юрьевичѣ. Какъ бы то ни было, но послѣдній былъ предшественникомъ Юрія II, бывъ самостоятельнымъ княземъ. А неупоминаніе о волынскихъ князьяхъ—Владимірѣ Васильковичѣ, Мстиславѣ Даниловичѣ—не пропускъ развѣ? Вѣдь, Юрій II, владѣя Галиціей и Волынью, явился преемникомъ и этихъ князей, слѣд., и ихъ нужно было помѣстить въ число «*predecessores*». Правда, отъ ихъ времени не осталось никакихъ договорныхъ грамотъ, касающихся крестоносцевъ, но таковыхъ нѣтъ также и отъ времени Льва I и Юрія I. Если эти послѣдніе князья, несомнѣнно, заключали договоры съ крестоносцами, то нѣтъ никакого основанія отвергать этого и относительно Владиміра Васильковича и Мстислава Даниловича.

¹⁾ Припомнимъ, что въ 1325 г., Польша подвергается опустошеніямъ со стороны татаръ, *скизматики* (подъ которыми можно подразумѣвать въ данномъ случаѣ и нашихъ волынянъ съ галичанами) и *язычи* *Theineri*—Mon. Pol., t. I, p. 205, № 316.

²⁾ Лонгиновъ—Грам. Юрія II, стр. 7.

³⁾ Ib.

Считать Андрея и Льва послѣдними галицко-волынскими князьями (а Болеслава Тройденевича ихъ преемникомъ), основываясь на извѣстномъ письмѣ Владислава Локетка къ папѣ Іаанну XXIII, отъ 21 іюля 1324 г., кажется намъ невозможно. Для Ржежабка въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣеть употребленное королемъ слово—*ultimi*¹⁾. Но послѣднему слову можетъ быть придано разное толкованіе²⁾. Быть можетъ, король, употребляя это слово, хотѣлъ выразить опасеніе, что преемникъ Андрея и Льва не будетъ въ состояніи защищать отъ татаръ ни своихъ земель, ни земель сосѣдей; не будетъ, значить, такимъ *«inexpugnabili scuto»*, какимъ были его предшественники, изъ умершихъ галицко-русскихъ князей—*послѣдніе*.

Король также могъ, какъ бы прозрѣвая будущее, сказать, что умершіе князья были *послѣдними* изъ русскихъ православныхъ князей, являвшихся противъ татаръ *«inexpugnabili scuto»*, а что отъ ихъ преемниковъ нельзя ожидать ничего подобнаго. Конечно, говоря это, король могъ не принимать во вниманіе дѣйствительной способности или неспособности преемниковъ Андрея и Льва играть извѣстную роль; онъ могъ выставить въ

¹⁾ «Hinc est, quod Sanctitati Vestrae insinuatione praesentium cum dolore reverentius intimamus, quod duo *ultimi* Principes Ruthenorum de gente schismatica, quos immediatos pro *scuto inexpugnabili* contra crudelem gentem Tartarorum habebamus, decesserunt ex hac luce: ex quorum interitu nobis et terris nostris ex vicinitate Tartarorum, quos decerto credimus terram Ruthenorum, nostris metis contiguam, occupare, perturbatio indicibilis imminet. Ea propter Sanctitati Vestrae supplicamus quatenus memores servitii nostri, pariter vestri honoris, cum ex eo debito nostrae subjectionis nos et terras nostras teneamini defensare vestro consilio et auxilio videlicet in praedicatione crucis et aliis subsidiis, contra gentem Tartarorum ne occupent terram Ruthenorum et per consequens nos invadant celeriter succurrere dignemini». *Raynaldi. Annal. eccl.*, t. XXIII, p. 273—274. *Карамзинъ*—IV, пр. 275; *Stadnicki—Syn. Ged.*, II, 10, пр. 22. «Въ 1324 г. ханъ Узбекъ (по Никонов. лѣт.) посылалъ князей воевать Литву; они возвратились съ плѣномъ». *Карамзинъ*—IV, пр. 280.

²⁾ См. *Lexicon Forcellini*, t. VI — «*ultimus*» proprie est postremus, extremus, summus, novissimus — *sezzaio, finale, ultimo*. «*Ultimus*» est etiam infimus.

такое положеніе дѣло, чтобы только получить отъ папы помощь, необходимую для него, въ виду достиженія извѣстныхъ цѣлей. Въ такомъ случаѣ, татары играли роль пугала, хотя изъ извѣстія Никоновской лѣтописи явствуетъ, что въ 1324 г. Узбекъ посылалъ татаръ воевать Литву,—слѣдовательно, дѣйствительно, въ это время опасность угрожала Польшѣ и другимъ сосѣднимъ съ нею христіанскимъ областямъ. Папа откликнулся на призывъ къ помощи со стороны кор. Владислава и въ теченіе 1½ мѣсяца, съ 20 іюня по 1 августа 1325 г., отправилъ въ Польшу четыре грамоты—къ королю, польскому духовенству и народу, возбуждая ихъ мужественно бороться съ татарами, схизматиками, язычниками и разными другими невѣрными, и обѣщая за это прощеніе грѣховъ ¹⁾).

Для подтвержденія своего мнѣнія о тождествѣ Юрія II съ Болеславомъ Тройденовичемъ Ржежабекъ ссылается на письмо папы Іоанна XXII отъ 16 іюня 1327 г. къ королю Владиславу Локетку ²⁾ (такое письмо было послано папой и Болеславу). Папа увѣдомляетъ короля, что «nobilis vir Boleslaus Russie», по слухамъ («nuper audivimus» ³⁾), изъявилъ желаніе оставить православіе и перейти въ католицизмъ. Кто таковъ былъ этотъ Болеславъ, видно изъ письма—онъ названъ здѣсь «proneros» Владислава Локетка, а таковымъ былъ Болеславъ Тройденовичъ ⁴⁾. Карамзинъ говоритъ, что послѣдній, какъ родственникъ по матери Романовичамъ, «видю при дѣдѣ своемъ, Георгіи, имѣлъ какой-нибудь удѣлъ въ Галиціи или въ Волынѣ» ⁵⁾, а потому-то папа и величаетъ его «dux Russie» ⁶⁾. Ржежабекъ не соглашается

¹⁾ Theineri—Mon. Pol. I, p. 205, 215, 216.

²⁾ Карамзинъ—IV, пр. 329. Theineri—Mon. Pol. t. I, p. 299, № 383.

³⁾ Theineri—M. P. t. I, p. 299, № 83.

⁴⁾ Ломоносовъ—Грам. Юрія II, 50.

⁵⁾ Карамзинъ—IV, пр. 329.

⁶⁾ «Cum itaque, sicut exaltatione pergrandi nuper audivimus, nobilis vir Boleslaus (вм. Boleslaus) dux Rusie, pronepos tuus, qui ex ritus imitatione grecorum ab universalis sancte Romane matris ecclesie unione dividitur, spiritum, domino aspirante, conceperit ad unitatem ipsius ecclesie redeundi, nec bene conveniat, ut ex tue, quod absit, degeneratione prosapie

съ этимъ. По его словамъ, Болеслава папа назвалъ княземъ русскимъ, потому что онъ въ это время, дѣйствительно, владѣлъ Галиціей и Волинью; предположеніе же Карамзина Ржежабекъ находитъ ни на чемъ не основаннымъ. Но самъ же Ржежабекъ сообщаетъ, что Генрихъ глоговскій въ письмѣ своемъ къ папѣ Іоанну XXII называетъ себя княземъ Галиціи (*Halesiae dux*), а папа въ письмѣ къ брату этого Генриха-Яну глоговскому называетъ послѣдняго — *dux Longomeriae*. Почему? Потому что Генрихъ и Янъ были претендентами на эти русскія земли, говоритъ Ржежабекъ. Отчего же не допустить такого объясненія и по отношенію къ Болеславу Тройденовичу? А Владиславъ Опольскій, развѣ онъ владѣлъ всей Галиціей и Волинью, что величалъ себя—*dux totius Russiae*»¹⁾. Какъ сынъ русской, изъ дома Романа, Болеславъ Тройденовичъ могъ считать себя кандидатомъ на галицко-волинскій столъ, въ случаѣ, если бы послѣдній сдѣлался вакантнымъ, и въ такомъ смыслѣ величать себя княземъ русскимъ. Помимо того, какъ и предполагалъ Карамзинъ, онъ могъ владѣть какой-нибудь частью Галицко-Владимірскаго княжества, а слѣдовательно, и называться русскимъ княземъ.

Ржежабекъ предполагаетъ, что Болеславъ Тройденовичъ былъ первоначально воспитанъ въ духѣ католицизма, былъ католикомъ, въ правословіе же перешелъ въ зрѣломъ возрастѣ, и

arbor discrepet a radice: rogamus excellentiam Regiam, quantum affectuose possumus, et hortamur, te nichilominus in remissionem peccaminum obsecrantes, quatinus prefatum ducem, cui super hoc per alias nostras litteras scribimus, quod relicto hujusmodi ritu erroneo, redeat seu veniat in sue salutis premium ad ipsius ecclesie unitatem, paternis et salubribus inducere monitis non ommittas». Письмо папы Іоанна XXII къ кор. Владиславу Локетку, отъ 16 іюня 1327 г. *Theineri*. М. Р. т. I, р. 299, № 383. Подъ № 384 ib. помѣщено письмо того-же папы къ рус. князю Болеславу.

¹⁾ *Reżabek* — Ііѣі, 36. См. письмо къ папѣ Іоанну XXII глоговскаго князя Генриха, въ которомъ послѣдній титудуетъ себя—*Henricus dux Halesiae, heres regni Poloniae, dux Glogoviae et Poshnaniae*. Datum — An. d. 1324. *Raynaldi* — *Annales eccles.*, t. XXIII. О Владиславѣ Опольскомъ — *Ern. Breiter*. *Wladyslaw książe Opolske*. Lwów 1889. *Мильковичъ* — Студія критичны надъ исторією руско-польскою. Львовъ, 1893, стр. 80, 82.

это сдѣлалъ не ради внутренняго влеченія, а имѣя въ виду наслѣдство Романовичей. Получивъ послѣднее, Болеславъ сейчасъ же обнаружилъ желаніе оставить православіе, завелъ объ этомъ переговоры съ папой и, сдѣлавшись вновь католикомъ, сталъ ревностнымъ гонителемъ православія.

Переходъ Болеслава Тройденовича въ католицизмъ Ржежабекъ относитъ къ 1327 г., на основаніи, въ 1-хъ, писемъ папы Іоанна XXII къ королю Владиславу и Болеславу отъ 16 іюня 1327 г.¹⁾, а во 2-хъ, записаннаго у Длугоша подъ 1331 г. извѣстія, что Болеславъ, князь Мазовіи и русскихъ, женился въ Плоцкѣ на дочери Гадимины, окрестивъ ее передъ свадьбой. То обстоятельство, что Болеславъ крестилъ свою невѣсту въ Плоцкѣ, а не въ какомъ-нибудь городѣ Галицко-Владимірскаго княжества, даетъ Ржежабеку поводъ сказать, что крещеніе ея было совершено по католическому обряду; иначе де Длугошъ упомянулъ бы о противномъ. Если же это такъ, то, слѣдовательно, и самъ Болеславъ былъ въ это время уже католикомъ. А такъ какъ на галицко-владимірскій столъ онъ могъ быть избранъ единодушно (какъ говорится у Яна пзъ Чарикова) только въ бытность православнымъ, то, слѣдовательно, Галицко-Владимірскимъ княземъ онъ сдѣлался передъ 1327 г. Отпасть отъ православія Болеславъ рѣшился только тогда, когда нашелъ опору для себя противъ православнаго обывательства въ пришломъ населеніи—нѣмцахъ, на что было достаточно 2-хъ—3-хъ лѣтъ; отсюда, авторъ выводитъ заключеніе, что Болеславъ сдѣлался княземъ галицко-владимірскимъ въ исходѣ 1324 г. или въ нач. 1325 г. или, иначе говоря, явился наслѣдникомъ Андрея и Льва²⁾, и княжилъ до 1340 г., т. е. довольно продолжительное время. Что это было такъ, Ржежабекъ приводитъ, въ опроверженіе Карамзина и проч., свидѣтельство Яна Витодурана³⁾. Принявъ православіе, Боле-

¹⁾ *Theineri*—Mon. P. h. I, p. 299, № 383, 384.

²⁾ *Reżabek*—*liči*, 16, 17.

³⁾ *Causam adventus horum paganorum* (татаръ на Польшу въ 1341 г.) *aliqui aliter assignant, dicentes, quod Imperator Tartarorum duos paganos breviter ante ista tempora reges satis idoneos Ruthenis praefererat, qui-*

славъ принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и новое имя—Юрій; съ этимъ именемъ онъ и впослѣдствіи остался, когда былъ уже вновь католикомъ.

Что Юрій и Болеславъ (по словамъ Ржежабка) одно и то же лицо, видно также изъ свидѣтельства Яна изъ Чарникова. Правда, тутъ вмѣсто—«Болеславъ» стоитъ дважды «Казиміръ», но Ржежабекъ объясняетъ это ошибкой, при этомъ, не переписчика, а самого Яна, которому въ данномъ случаѣ память измѣнила. Янъ де смѣшалъ имя отравленного Болеслава съ именемъ его младшаго брата Казиміра (кн. плоткаго), умершаго въ 1354—55 г. естественной смертью. Такая ошибка произошла вслѣдствіе того, что Янъ привыкъ слышать о Болеславѣ, какъ объ Юріи. Дальше, въ той же хроникѣ Яна, подъ 1349 г., говорится опять объ отравленіи Болеслава, и здѣсь онъ уже названъ своимъ именемъ¹⁾.

Относясь критически къ высказанному Ржежабкомъ мнѣнію, мы должны замѣтить, что оно ненадлежаще мотивировано, страдаетъ именно тѣмъ, въ чемъ зачастую авторъ обвиняетъ другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, основываясь на одномъ только выраженіи въ папскомъ письмѣ (*redeundi*), авторъ приходитъ къ заключенію, что до принятія православія Болеславъ былъ католикомъ. Если и теперь въ официальныхъ документахъ встрѣчаются неточныя выраженія, то какъ же требовать абсолютной точности отъ документовъ XIV в.? Дальше, слову—*redeundi*—можно придавать разный смыслъ—и тотъ, который придалъ ему авторъ, и иной. Православные — схизматики, они отпали отъ единенія съ истинной церковью; къ этой схизматической церкви принадлежатъ и Болеславъ. Папа убѣждаетъ послѣдняго, какъ

bus successive ab eis per venenum extinetis, procuravit eis christianum Latinum (т. е. Болеслава мазовецкаго), qui dum regni gubernacula per plura annorum curricula strenue gessisset, tandem cum numerum et ritum Latinorum illis multiplicasset, et hoc Ruthenis displicuisset, illum intoxicabant per venenum tam fortem, quod dissiliit in plures partes». Ioh. Vitodurani chronicon. Ed. a Georgio Eccardo, t. I, p. 1862.

¹⁾ *Rzeczabek*—Iiŕi, 18, 19.

одного изъ схизматиковъ, опять возсоединиться съ истинной матерью-церковью¹⁾. Слово — *redeundi* — папа могъ употребить по отношенію къ каждому православному, желавшему присоединиться къ католицизму.

Далѣе, хотя мотивы, побудившіе Болеслава принять православіе и правдоподобны (въ изложеніи Ржежабка), но гдѣ же опора, основанія для таковыхъ? При существованіи подобныхъ мотивовъ, Болеславъ могъ принять православіе и не при владиміро-галицкомъ дворѣ (какъ утверждаетъ Ржежабекъ), а и въ Черскѣ. Православіе Болеславъ могъ, впрочемъ, принять и безъ такихъ мотивовъ — мать его была православною по рожденію, въ Мазовіи князья часто находились въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ къ православнымъ русскимъ князьямъ (слѣдуетъ, напр., вспомнить объ отношеніяхъ Конрада Семовитовича къ Владиміру Васильковичу и Мстиславу Даниловичу). Г. Лонгиновъ говоритъ даже, что православіе было сильно распространено при дворѣ мазовскихъ князей еще въ XIV в.²⁾

Затѣмъ, нѣтъ никакого основанія относить переходъ въ

¹⁾ Въ грам. папы Александра IV Миндовгу отъ 1255 г. говорится: «Hinc est, quod cum sicut te intimante nobis acceperimus, tu divinitus inspiratus de paganice cecitatis errore ad viam vite, que Christus est, baptismatis renatus unda redieris... Theineri—Mon. Pol. I, 60. Въ грам. папы Іоанна XXII отъ 15 дек. 1320 г. Генриху, назначенному кіевскимъ епископомъ, говорится: «cum autem Civitas et diocesis Kyowiensis novissimis temporibus, divina inspirante gratia, redire ceperint ad cultum fidei orthodoxe... Theineri—Mon. Pol. t. I, p. 162, № 252. См. Древняя и Новая Россія, т. III, стр. 322—«все московитяне (говоритъ Герберштейнъ) возвратились въ лоно истинной церкви. Въ грамотѣ кор. Сигизмунда I православному владѣкѣ Перемышльскому (*Acta Tomiciana*, t. II, p. 106) говорится, между прочимъ — «ut errantes ab errore desistant et salutem animarum suarum sibi fide recta (т. е. катол. вѣрой) preparent». Папа Іоаннъ XXII пишетъ князю русскому Болеславу 16 іюня 1327 г. — «quod a grecorum ritu scismatico, qui ab universali sancta Romana matre ecclesia dampnabiliter prohdolor te divisit ab hactenus, ad ipsius ecclesie venire desideras unitatem». Theineri, Mon. P. t. I, p. 299, № 384. Справ.—Lithuani et nonnulli alii illarum partium pagani venire cupiant ad christianae fidei unitatem». Theineri—Mon. Pol. t. I, p. 77.

²⁾ Лонгиновъ, Гр. Юрія II, стр. 13.

католицизмъ Болеслава къ 1327 г. Можно только сказать, что до этого времени онъ, *наверное*, былъ православнымъ. То же обстоятельство, что Болеславъ крестилъ свою невѣсту въ Плоцкѣ, понятно, не можетъ служить въ пользу предположенія Ржежабка. Допустимъ даже, что невѣста его была крещена по католическому обряду; все же, нельзя высказаться въ пользу утвержденія автора; въ такомъ случаѣ можно только сказать, что въ 1331 г. Болеславъ Тройденовичъ былъ католикомъ. Но доводы автора въ пользу того, что невѣста Болеслава Тройденовича была крещена по католическому обряду, не выдерживаютъ критики—Длугошъ, въ противность автору скажемъ мы, не ограничился бы однимъ голымъ заявленіемъ о крещеніи литовской княжны, если бы это крещеніе, дѣйствительно, было совершено по католическому обряду (конечно, у насъ такое же основаніе говорить это, какъ у автора утверждать противное). Въ Плоцкѣ могла быть православная церковь, какъ во Владимірѣ (резиденціи князя) католическая (вѣдь, по словамъ автора, въ г. Владимірѣ и въ княжествѣ въ это время было много католиковъ, да и самъ Болеславъ со своими приближенными былъ католикомъ), слѣдовательно, зачѣмъ же было ѣздить для крещенія невѣсты по католическому обряду въ Плоцкъ¹⁾? Скорѣе это обстоятельство можетъ служить указаніемъ на то, что Болеславъ въ это время не былъ галицко-владимірскимъ княземъ.

Если же доказательства автора относительно принятія Болеславомъ католицизма въ 1327 г. шатки, то также шатко и его утвержденіе о вокняженіи Болеслава въ Галичъ и на Волыни въ 1324—1325 г. Авторъ относитъ смерть послѣдняго Романовича къ 1322 г., а выборъ въ князья Болеслава Тройденовича къ началу 1325 г. или къ концу 1324 г.; вслѣдствіе чего же произошелъ такой перерывъ? Авторъ объясняетъ это явленіе

¹⁾ Длугошъ, впрочемъ, говоритъ только о вѣнчаніи въ Плоцкѣ: «Boleslaus dux Mazoviae et Russiae, filius Ducis Troydeni Mazoviae uxoratur, et accipit in uxorem filiam Gedimini Ducis Lithuaniae gentilem et barbaram. Qua fonte baptismatis a sordibus idolorum abluta, nuptiae ex more apud Ploczkam celebrantur». Дѣт. зан. арх. ком. IV в., стр. 329.

тѣмъ, что послѣ 1322 г. оставались еще въ Галиціи полчища Гедимины ¹⁾), — но на какомъ основаніи онъ это говоритъ? Вѣдь въ это время войска Гедимину нужны были для борьбы съ ливонцами ²⁾)?

Наконецъ, обращаясь къ извѣстному тексту хроники Яна изъ Чарикова, мы видимъ разницу въ немъ въ двухъ изданіяхъ хроники — у Соммерсберга и у Бѣловскаго. Ржежабекъ предпочитаетъ второе изданіе, — но и въ такомъ случаѣ, ему пришлось считаться съ однимъ недоразумѣніемъ. Янъ говоритъ о Казимірѣ (дважды), а Ржежабекъ объясняетъ это запятованіемъ Яна, тѣмъ болѣе возможнымъ, что онъ все слышалъ объ Юріі, а не о Болеславѣ. Такое объясненіе, понятно, никого не можетъ удовлетворить. Да и самъ Ржежабекъ сообщаетъ, что въ другомъ мѣстѣ хроники Болеславъ выступаетъ подъ своимъ собственнымъ именемъ; считать же появленіе въ этомъ мѣстѣ имени Болеслава вставкой позднѣйшаго переписчика, — какъ это дѣлаетъ Ржежабекъ, — нѣтъ достаточныхъ основаній ³⁾. Лонгиновъ отказался признать правдоподобнымъ объясненіе Ржежабка, но и предложенное имъ не можетъ быть принято. По словамъ г. Лонгинова, «правильнѣе отнести (ошибку относительно имени Болеслава) ее (если только она есть и Болеславъ не носилъ еще 3-го имени Казиміръ) къ позднѣйшему времени и приписать ее малограмотности переписчика, которому все мерещилось имя Казимира Вел., гремѣвшее въ Польшѣ» ⁴⁾. Почему тотъ же малограмотный переписчикъ дальше не дѣлаетъ подобной ошибки, а называетъ правильно Болеслава? Г. Лонгиновъ произвольно вводитъ новую, по его мнѣнію, среднюю (?) редакцію текста, при этомъ, читаетъ его въ переводѣ такъ: «Вскорѣ послѣ того, какъ русины отравили сына Мазовецкаго князя Тройдена-Болеслава, преемника, въ Русскомъ княжествѣ, послѣ смерти своего

¹⁾ *Režabek—Iiri—12* (въ прим.).

²⁾ *Филевичъ—Жб. М. Н. Пр. 1889, XI, 176. «Scarb dipl.», I, p. 151—152. № 295.*

³⁾ *Филев. XII, 300.*

⁴⁾ *Лонгиновъ. Грам. Юрія II, стр. 12.*

покойнаго дяди по матери, великаго князя Русскаго Казимира Георгіевича, Казиміръ Великій, вознамѣрившись отомстить за смерть своего родственника, нагрязнулъ на Русь»¹⁾. На какомъ же основаніи, однако, г. Лонгиновъ превратилъ *Kazimiro dicto Georgio* въ Казимира Георгіевича, подъ которымъ разумѣеть Андрея Юрьевича?

Вообще, ссылаться на хронику Яна изъ Чарикова при рѣшеніи вопроса о личности Юрія II невозможно, потому что,—какъ это прекрасно доказалъ г. Филевичъ²⁾,—три первыя главы ея, особенно важныя въ данномъ случаѣ для насъ, не могутъ считаться подлинными, а «слѣдовательно, не могутъ имѣть значенія вполне достовѣрнаго источника»,—это передѣлка, которую г. Филевичъ склоненъ отнести къ XV в. Кроме того, въ разныхъ изданіяхъ хроники текстъ неодинаковъ. Такъ, то мѣсто ея, которое берется, главнымъ образомъ, во вниманіе при рѣшеніи упомянутаго вопроса, у Соммерсберга читается — «post» (Карамзинъ, Шараневичъ и Зубрицкій дополняютъ—«coronatinem Casimiri an. 1333») *non multo tempore mortuo magnifico Principe Kazimiro, dicto Georgio, totius regni Russiae Duce, Trojden Dux Mazoviae* (по словамъ только что названныхъ ученыхъ, надо читать—*Boleslaus Troydeni filius*), *qui avunculo suo in ducatu Russiae successerat, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat*». Ржезакъ предпочитаетъ текстъ хроники, напечатанный въ *Mon. Pol. hist.*, t. II. Тамъ онъ читается такъ: «et post non multo tempore mortuo magnifico principe dicto Georgio totius regni Russiae duce filio Troydini ducis Mazoviae, qui Kazimirus avunculo suo in ducatu Russiae successerat veneno per Ruthenos intoxicatus interierat». Карамзинъ, Зубрицкій, Шараневичъ, имѣя въ виду текстъ, напечатанный Соммерсбергомъ, принимали Казимира за Юрія, сына Андрея. Такъ, напр., Карамзинъ говоритъ: «слѣдственно, Болеславъ родился отъ сестры Георгія и какъ вѣроятно, дочери Андреевой; Георгій же, сверхъ христіанскаго

¹⁾ Ib.

²⁾ *Филевичъ*—Ж. М. Н. Пр. 1889, XII, стр. 299, 301—2.

имени, могъ называться славянскимъ Казиміръ»¹⁾. Если толкованія названныхъ ученыхъ произвольны, то нельзя признать иными и толкованій Ржежабка и другихъ, и г. Филевичъ былъ въ правѣ сказать, что «однимъ словомъ, указанныя 3 главы (хроникки Яна) породили множество болѣе или менѣе остроумныхъ, но въ концѣ концовъ произвольныхъ толкованій, нисколько не содѣйствующихъ выясненію дѣла»²⁾.

Остается еще сказать нѣсколько словъ относительно извѣстія Яна Витодурана, на которое ссылается Ржежабекъ. Ужъ оно никоимъ образомъ не можетъ подтверждать предположеній Ржежабека. Послѣдній, обративъ вниманіе на тѣ слова Витодурана, которыя подкрѣпляютъ его мысль (*qui dum regni gubernacula per plura annorum curricula strenue gessisset etc.*), совершенно игнорируетъ другія. А между тѣмъ, изъ нихъ то видно, что, во 1-хъ, Болеславъ княжилъ недолго (*breviter ante ista tempora*), а во 2-хъ, что онъ былъ, при вокняженіи въ Галиціи и на Волыни, латинникомъ, католикомъ, значитъ (*christianum Latinum*).

Итакъ, Ржежабекъ не представилъ ни одного такого довода, которымъ бы могъ убѣдить читателя въ томъ, что Юрій II и Болеславъ Тройденевичъ одно и то-же лицо, и вопросъ о личности Юрія II, какъ и вообще о времени и обстоятельствахъ смерти послѣднихъ Даниловичей, далеко нельзя, какъ это думаетъ г. Филевичъ, считать рѣшеннымъ³⁾. Скорѣе, кажется намъ, можетъ быть принято мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые видятъ въ Юріи II одного изъ Даниловичей. При этомъ, однако, нужно замѣтить, что положительно нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя-бы позволили сказать, чей сынъ былъ этотъ Юрій II— Андрея или Льва (по общепринятому, ни на чемъ не основанному, мнѣнію — Юрій былъ сынъ Андрея).

По нашему мнѣнію, дѣло могло происходить такимъ образомъ (но происходило-ли на самомъ дѣлѣ такъ, конечно, не

¹⁾ Карамзинъ—т. IV, пр. 329.

²⁾ Филевичъ—Ж. М. Н. Пр. 1889, XII, стр. 300.

³⁾ Филевичъ—Ж. М. Н. Пр. 1889, XI, стр. 173.

утверждаемъ). Около 1324 г. умерли князья Андрей и Левъ Юрьевичи. Со смертью ихъ въ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ наступило такое же смутное время, какое мы замѣчаемъ послѣ смерти великаго Романа. На галицко-владимірскій столъ въ это время является нѣсколько претендентовъ (Генрихъ и Янъ глоговскіе, Болеславъ Тройденовичъ, можетъ быть, и Любартъ Гедиминовичъ), не смотря на то, что одинъ изъ умершихъ князей оставилъ послѣ себя сына, законнаго наслѣдника стола—Юрія. Этотъ послѣдній могъ быть въ моментъ смерти родителя малолѣтнимъ, и вотъ въ его малолѣтство повторяется та-же исторія, какая разыгралась въ малолѣтство Романовичей. Сосѣди — угры, поляки и литовцы, теперь, какъ и тогда, не остаются простыми зрителями совершавшихся въ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ событій, вмѣшиваются въ дѣла княжества, съ одной стороны ради оказанія поддержки претендентамъ, съ другой—съ цѣлью овладѣть хотя-бы частью сосѣдней территоріи. Однако, малолѣтній Юрій (какъ въ былое время Романовичи) нашелъ себѣ защитниковъ какъ внутри княжества, такъ и внѣ его. Хотя не можетъ быть сомнѣнія, что большинство галицкихъ бояръ (а, быть можетъ, и владимірскіе) и теперь воздвигал крамолу, желая предоставить княжескую власть такому лицу, которое бы больше всего отвѣчало ихъ видамъ на занятіе преобладающаго положенія въ княжествѣ, тѣмъ не менѣе, часть бояръ могла быть и на сторонѣ Юрія, и въ числѣ ихъ тотъ Дмитрій, который упоминается въ грамотахъ Юрія, и котораго Юрій называетъ «нашъ детко», а по правдоподобию толкованію нѣкоторыхъ ученыхъ «детко» то-же, что «дядько», кормилецъ. Этотъ-то «детко», судя по грамотамъ Юрія, занимавшій въ его княженіе первенствующее положеніе въ княжествѣ, и могъ явиться ревностнымъ защитникомъ интересовъ своего питомца, какъ онъ явился такимъ же защитникомъ интересовъ всего Галицко-Владимірскаго княжества, когда послѣднимъ, со смертью Болеслава Тройденовича, старался овладѣть Казиміръ Великій. И въ 1324 г., какъ и въ 1340 г., Дмитрій, для достиженія своихъ цѣлей, прибѣгаетъ къ помощи татаръ, которые считали себя тогда господами Галича

и Владимира. Татары охотно идутъ на призывъ Димитрія и съ нимъ вносятъ опустошеніе въ сосѣднія съ Галицко-Владимірскимъ княжествомъ польскія области. Напрасно, какъ сказано выше, папа возбуждалъ въ королѣ Владиславѣ и польскомъ народѣ мужество въ борьбѣ съ татарами и схизматиками, поляки должны были отказаться отъ видовъ на наше княжество, а съ ними и другіе сосѣди. Юрій, благодаря дѣйствительной поддержкѣ Димитрія, восторжествовалъ и занялъ отцовскій столъ. Онъ владѣлъ всѣмъ Галицко-Владимірскимъ княжествомъ (въ чемъ убѣждаетъ насъ его грамота отъ 1335 г.), за исключеніемъ Берестейской земли, которая отошла къ Литвѣ ¹⁾.

До какого времени княжилъ Юрій, сказать трудно; можно лишь утверждать, что его уже не было въ живыхъ въ 1339 г. Отъ этого года извѣстна грамота, данная тоже отъ имени Юрія, но, очевидно,—это не прежній Юрій. Грамота эта разнится отъ таковыхъ-же съ тѣмъ-же именемъ и въ титулѣ князя, и указаніемъ на составъ приближенныхъ послѣдняго, все иностранцевъ.

Многіе ученые относятъ смерть Юрія II къ 1335 — 1337 г., конечно, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что послѣдняя, имъ извѣстная, грамота съ именемъ Юрія относится къ 1335 г. Можно, однако, думать, что Юрій жилъ и въ 1337 г., когда русскіе вѣстѣ съ татарами сдѣлали набѣгъ на Люблинскую землю и осадили Люблинъ ²⁾. Трудно допустить, чтобы Болеславъ Тройденовичъ (разъ онъ былъ въ это время галицко-владимірскимъ княземъ), ставшій на опасный для него путь насажденія католицизма среди своихъ православныхъ подданныхъ, участвовалъ въ разгромѣ земель своего довольно близкаго родственника и тѣмъ создавалъ для себя врага въ лицѣ государя сосѣдней католической земли (хотя, конечно, могло быть и такъ, въ особенности, если мы припомнимъ, что русскіе

¹⁾ Г. Бряцевъ (Истор. литов. госуд. Вильна, 1869 г., стр. 149) думаетъ, что Юрію II не принадлежалъ и Луцкъ, но онъ ошибается—въ грамотѣ Юрія отъ 1335 г. названъ воевода луцкій.

²⁾ *Roczn. smiętokrzyski*. Mon. P. h. t. III, 78, 119, 295.

иногда противъ воли, по требованію татаръ, совершали вмѣстѣ съ ними походы на извѣстныя земли).

Со смертью Юрія II прекратился домъ Даниловичей; наследниками оставались Болеславъ Тройденевичъ и Любартъ Гедиминовичъ. Установимъ ихъ родство съ угасшимъ домомъ.

Болеславъ былъ сынъ Тройдена, кн. мазовецкаго, и Маріи, о которой подъ 1341 г. у Длугоша записано: «*Ducissa Czirnensis Maria moritur, uxor Troydeni Mazoviae et Czirnensis ducis, natione Ruthena*» ¹⁾. Ученые расходятся въ опредѣленіи, чья дочь была Марія. Такъ, Шараневичъ считаетъ ее старшей сестрой Юрія II или, скорѣе, дочерью Юрія ²⁾; проф. В. Б. Антоновичъ — дочерью Андрея ³⁾, гр. Стадницкій — дочерью Юрія II ⁴⁾, г.г. Андріяшевъ и Лонгиновъ — Юрія I ⁵⁾. Всего правдоподобнѣе, кажется намъ, мнѣніе двухъ послѣднихъ, и въ генеалогіи мазовецкихъ князей, напечатанной Нарбутомъ, жена Тройдена названа русской княжной, сестрой галицкаго короля Льва ⁶⁾; слѣд., она была дочерью Юрія I.

Какъ сынъ Маріи, Болеславъ имѣлъ нѣкоторое право на осиротѣвшій галицко-владимірскій столъ.

Другой претендентъ — Любартъ Гедиминовичъ. Изъ древнѣйшей литовско-русской лѣтописи, т. е., Даниловича мы узнаемъ, что Любартъ былъ женатъ на дочери владимірскаго князя: «а Любарта», говорится здѣсь, «принялъ Володимирскій князь к дотце, во Влодимеръ и въ в Луческъ, и во всю землю Волинскую» ⁷⁾. То-же самое, по сообщенію Карамзина, записано

¹⁾ *Dlug.* въ Лѣт. зан. Арх. к. в. IV, стр. 333.

²⁾ *Шараневичъ* — Ист. Гал. Вол. кн. 126, 149.

³⁾ *В. Б. Антоновичъ* — МОН. I, 51.

⁴⁾ *Stadnicki* — Syn. Ged., II, стр. 7.

⁵⁾ *Андріяшевъ* — Очеркъ 206, пр. 2; *Лонгиновъ* — Гр. Юрія II, 50.

⁶⁾ *Narbutt* — Pomn. pisma hist. Wilno, 1856 г. р. 296 (см. *И. А. Липиченко* — Черты изъ ист. сосл., стр. 2, пр. 1).

⁷⁾ *Лѣтопись Даниловича*, стр. 27.

и въ нашихъ родословныхъ книгахъ ¹⁾, а у Длугоша, подъ 1382 г., читаемъ: «Lubardus sortem inter fratres non accepit, matrimonium filiae unicae Ducis Wladimiriensis sortitus; cum qua illi Ducatus Leopoliensis et Wladimiriensis obveniebant» ²⁾. У Писторія, по сообщенію г. Филевича, въ генеалогической таблицѣ литовскихъ князей, при имени Любарта сказано: «Lubardus a patre nihil acceperat, sed ex uxore dux erat Leopoliensis et Wladimiriensis» ³⁾.

Кто-же могъ быть этотъ владимірскій князь? «Стрыйковский», пишетъ Карамзинъ, «именуетъ князя Владимірскаго, отца Любартовой супруги, Агапіи (или Бучи ⁴⁾)—по родословнымъ Яблоновскаго) Владиміромъ ⁵⁾. Шараневичъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія—«Исторія Галицко-Володимірскаго княжества»—говоритъ, что Любартъ «женился съ дочерью Андрея, або Льва», а въ другомъ — утверждаетъ, что «Любартъ выводилъ право на той престолъ (галицко-владимірскій) отъ жены своей, сестры остатного князя русского Юрія II» ⁶⁾. Проф. В. Б. Антоновичъ, гр. Стадницкій и г. Андріяшевъ считаютъ тестемъ Любарта — Льва луцкаго ⁷⁾, Бобржинскій, Ржежабекъ, гг. Лонгиновъ и Любавскій — Андрея ⁸⁾. Нечего говорить, что всѣ такія предположенія произвольны. Самъ собой является, при этомъ, вопросъ, какими же землями владѣлъ Любартъ при Юріи II? Гр. Стадницкій, не отрицая цѣликомъ истинности извѣстія лѣтописи Даниловича, утверждаетъ, однако, что Любарту отъ тестя (Льва) во владѣніе досталась одна только Луцкая земля, Владимірское

¹⁾ Карамзинъ—IV, пр. 267: «А. Любарта принялъ Волинскій князь всю землю Волинскую, и женился у него, и достался ему Володиміръ и Луцкъ».

²⁾ Dlug. Лѣт. занятій Арх. К., вып. IV. Спб. 1868, стр. 362.

³⁾ Филевичъ—Ж. М. Н. Пр. 1889, XI, стр. 180, пр. 6.

⁴⁾ Что это за имя?

⁵⁾ Карамзинъ—IV, пр. 267.

⁶⁾ Шараневичъ—Ист. Гал. Вол. кн. 136 и 149.

⁷⁾ В. Б. Антоновичъ. Мон. I, 51 и 75; Stadnicki — Syn. Ged. II, 25; Андріяшевъ—Оч. 207.

⁸⁾ Бобржинскій—Оч. ист. II, т. I, 181; Reżab.—Jiři, 37; Лонгиновъ—Гр. Юрія II, 50; Любавскій—Обл. дѣл., стр. 38.

же княжество вмѣстѣ съ Галицкимъ перешло въ руки сына Андрея — Юрія II¹⁾. И по мнѣнію В. Б. Антоновича, Любарта досталась Луцкая земля сейчасъ-же послѣ смерти Льва Юрьевича²⁾; того-же мнѣнія держится и г. Андріашевъ³⁾. Г. Лонгиновъ думаетъ, что «послѣ смерти Андрея и Льва Владимірскаго и Луцкое княжество или по наслѣдству, или по завоеванію Гедимномъ (вопросъ остается открытымъ)⁴⁾, перешли къ Любарту Гедимновичу⁵⁾. Въ подтвержденіе своей мысли г. Лонгиновъ приводитъ, между прочимъ, фундушевую записъ Любарта отъ 8 декабря 1322 г.(?)⁶⁾. На слѣдующей же страницѣ своего сочиненія (гр. Юрія II) тотъ-же г. Лонгиновъ говоритъ иное — «такимъ образомъ, призваніе Болеслава Тройденевича Русскими на княженіе могло послѣдовать ок. 1324 г., при томъ, только въ одной Владиміро-Волынской области»⁷⁾. Куда-же дѣлся Любартъ? Бобржинскій иначе смотритъ на дѣло. По его словамъ, «дочь Андрея вышла за сына Гедиминова, Любарта (принесши ему въ приданое Луцкъ)... По смерти своихъ русскихъ союзниковъ, Андрея и Льва (ум. ок. 1324 г.), онъ (Гедиминъ) двинулся далѣе и помышлялъ о господствѣ надъ ихъ владѣніями, а черезъ то и надъ всею Русью. Только въ Галицкомъ княжествѣ успѣлъ удержаться сынъ Андрея, князь Юрій II⁸⁾... Всѣ эти предположенія

¹⁾ Гр. *Стадницкій*—Syn. Ged., II, 25, пр. 44.

²⁾ В. Б. *Антонович*—Мон. I, 75.

³⁾ *Андріашевъ* — Оч. 207. Ссылка ничего не доказываетъ, потому что здѣсь указывается только на тѣ земли, которыя *издвна составляли Луцкое княжество*.

⁴⁾ Никакого завоеванія Волыни Гедимномъ не было, — какъ это убѣдительно доказалъ В. Б. Антоновичъ (Мон. I, 50—52).

⁵⁾ *Лонгиновъ*—Гр. Юрія II, 10.

⁶⁾ Фундушевая записъ Любарта писана «лета отъ создания мира 6830, индикта сегого, месеца декабря 8 дня». Очевидно, дата проставлена ошибочно. См. *Steski—Lusk.*; Проф. *Дашкевичъ*—Замѣч. 96, пр. 2.

⁷⁾ *Лонгиновъ* — Гр. Юрія II, стр. 11.

⁸⁾ *Бобржинскій*—Ист. Польши, т. I, 181.—Г. *Любавскій* (Обл. дѣл., стр. 39) предполагаетъ, что до 1336 г. (?) Любартъ Гедимновичъ «повидимому» держалъ только нѣсколько волостей на Волыни «въ кормленіи». Послѣ смерти Юрія (1336 г.) Любартъ захватилъ Волынь, а въ Галицкомъ княжествѣ

ученыхъ разбиваются о грамоты Юрія II (въ особенности, отъ 1335 г.), изъ которыхъ явствуетъ, что послѣдній былъ господиномъ всего Галицко-Владимірскаго княжества (за исключеніемъ Берестейской земли, да Холмъ подъ сомнѣніемъ). Ржежабекъ, не желая совершенно отвергать достовѣрности извѣстія лѣтописи Даниловича, дѣлаетъ предположеніе, что послѣ смерти Андрея осталась малолѣтняя дочь его, которая и была устранена крѣпкими боярами отъ престола; послѣдній, съ согласія бояръ, занялъ Болеславъ Тройденевичъ, какъ самый близкій потомокъ Романовичей... При посредствѣ уже этого-то Болеслава Тройденевича и была будто бы выдана въ замужество за Любарта дочь Андрея. Бракъ этотъ и уговоръ относительно галицко-владимірскаго наслѣдства совпадаетъ съ бракомъ самого Болеслава. Если-же, говоритъ Ржежабекъ, допустить, что Андрей при жизни своей отдалъ въ замужество за Любарта дочь, то тогда, конечно, послѣ смерти его дочь, а съ нею и Любартъ, дѣлались наслѣдниками Галицкаго и Владимірскаго княжествъ, и Любартъ добивался бы этого стола,—а въ документахъ нѣтъ на это ни одного намека ¹⁾).

Предположенія Ржежабка еще болѣе произвольны, чѣмъ указанная нами выше другихъ ученыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основываетъ Ржежабекъ свою гипотезу о малолѣтствѣ дочери Андреевой? Далѣе, если-бы, дѣйствительно, Любартъ женился на ней уже послѣ смерти Андрея, при посредничествѣ Болеслава Тройденевича, то неужели бы онъ дожидался смерти Юрія-Болеслава, а не постарался бы по-скорѣе низвергнуть узурпатора, захватившаго достояніе законной наслѣдницы умершаго князя? Нѣтъ, мнѣніе Ржежабка относительно женитьбы Любарта не можетъ быть принято, да и вообще этотъ вопросъ въ настоящее время, по нашему мнѣнію, не можетъ быть рѣшенъ окончательно.

утвердился Болеславъ Тройденевичъ. Все это чисто произвольныя предположенія!

¹⁾ *Režabek*—Iiŕi, стр. 41.

Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, отвергать достовѣрность извѣстія лѣтописи или даже считать его тенденціознымъ нѣтъ, кажется намъ, основанія. Слѣдуетъ, напротивъ, опираться на это извѣстіе, считать Любарта однимъ изъ законныхъ кандидатовъ, по крайней мѣрѣ, на Владиміро-волинское княжество. Последнимъ, однако, Любарту не удалось овладѣть раньше 1340 г.

Можно думать, что во время похода 1337 г. или вскорѣ послѣ него умеръ Юрій II, а съ нимъ прекратилось и мужское потомство дома Романовичей. Татары, быть можетъ, даже еще бывшіе на Волини въ моментъ смерти Юрія II, стараются окончательно захватить въ свои руки осиротѣлую землю и навязываютъ ей своихъ правителей въ лицѣ двухъ намѣстниковъ изъ татаръ. Но русскіе, не желая сносить такого ига, расправились жестоко съ намѣстниками — отравили ихъ. Вотъ что читаемъ объ этомъ событіи у Яна Витодурана: «*causam adventus horum paganorum (татаръ на Польшу въ 1341 г.) aliqui aliter assignant, dicentes, quod imperator Tartarorum duos paganos breviter ante ista tempora reges satis idoneos Ruthenis praefecerat, quibus successive ab eis per venenum extinctis*»¹⁾. Теперь приходилось выбирать главнымъ образомъ между двумя претендентами — Болеславомъ Тройденовичемъ и Любартомъ Гедиминовичемъ. Несомнѣнно, что среди русскихъ бояръ находились сторонники и того, и другого, и что послѣ отравленія татарскихъ намѣстниковъ должна была произойти во Владиміро-Галицкомъ княжествѣ борьба партій.

Въ этой борьбѣ, также несомнѣнно, участвовали, при этомъ, въ качествѣ сторонниковъ Болеслава Тройденовича, разные чужестранцы (нѣмцы etc.), осѣвшіеся къ этому времени, въ довольно значительномъ числѣ, въ главныхъ городахъ Галицко-Владимірскаго княжества и оказывавшіе, вслѣдствіе своей большой матеріальной обезпеченности, немалое вліяніе на ходъ текущихъ дѣлъ въ княжествѣ. Немаловажную роль, при рѣшеніи вопроса, играли какъ сосѣднія земли Польша и Литва, такъ и татары, которые смотрѣли на Галицко-Владимірское княжество,

¹⁾ *Карамзинъ*, IV, 329 пр.

какъ на свой удусъ. Къ послѣднимъ-то, вѣроятно, и обратились борющіяся стороны за окончательнымъ разрѣшеніемъ интересовавшаго ихъ вопроса. Очень возможно, что въ дѣло вмѣшался и папа, для котораго, конечно, было безразлично, кто будетъ владѣть Галиціею и Волинію — католикъ Болеславъ или православный Любартъ. Должно быть, сторонники Болеслава Тройденовича дѣйствовали болѣе успѣшно, чѣмъ таковыя же Любарта, потому что у того-же Витодурана встрѣчаемъ извѣстіе, что «*imperator*» (Узбекъ) *Tartarorum* (послѣ смерти двухъ намѣстниковъ-татаръ) *procuravit eis* (русскимъ) *christianum Latinum*» ¹⁾, т. е. Болеслава Тройденовича, а Янъ изъ Чарикова сообщаетъ даже объ единодушномъ (*unanimiter*) избраніи русскими себѣ въ князя Болеслава — «*quem Rutheni unanimiter sibi in ducem et dominum susceperunt*» ²⁾. Понятно, что это *unanimiter* является подъ большимъ сомнѣніемъ, но какъ бы то ни было — несомнѣнно, Болеславъ Тройденовичъ, который и по принятіи католицизма носилъ еще православное имя Юрій, вступилъ на галицко-владимірскій столъ, и въ грамотѣ своей отъ 1339 г., данной въ г. Владиміръ, титулуетъ себя — «*Georgius dei gracia Dux et heres Regni Russie*». Львовскій бургомистръ Зиморовичъ, въ своемъ «*Triplici Leopoli*», сочиненномъ въ 1672 г., говоритъ, что жители Львова лишь тогда признали своимъ княземъ Болеслава, когда онъ согласился на предъявленные ему условія: «*sola Leopoli a commilitonibus Leonis, Tartaris, Saracenis, Armenis, caeterisque stipatoribus Principis masculis defensa, peregrinis dominis* (Мазовшанамъ) *portas clausit, nec nisi pactis initis patefecit, ut nimirum Boleslaus, titulo Ducis Russiae in se sumpto, urbanam multitudinem indemnem ac immunem suis legibus et ritibus vivere permittet, a cimeliarcho Ducale, velut re sacra, manus cohiberet, nihilque in publicum sine comitiis centurialis ageret. Hujusmodi sponsionibus vinctus, Boleslaus Leopolim recepit*» ³⁾.

¹⁾ Карамзинъ—IV, 329 пр.; Biel. М. Р. h. II, 619—756.

²⁾ Янъ изъ Чарикова—Mon. Р. II, 629; у Длугоша—*baronum Russiae nobiliumque consensu*. Лѣт. з. Арх. к. IV, 329.

³⁾ Карамзинъ—IV, 329 пр.

Извѣстіе Зиморовича не лишено правдоподобія. Какъ Болеславъ утвердился во Владимірѣ, не знаемъ; равно какъ не можемъ положительно сказать, принадлежала ли Болеславу вся Волинь или только собственно Владимірское княжество; быть можетъ, хотя Луцкое досталось Любарту.

Не долго, однако, пришлось Болеславу княжить въ Галиціи и на Волини. Съ такимъ фактомъ не могъ примириться ни Любартъ, ни его сторонники изъ русскихъ; тѣмъ болѣе, что самое поведеніе Болеслава не предрасполагало въ его пользу русское населеніе. Какъ болѣею частью бываетъ съ ренегатами, Болеславъ, отпавъ отъ православія, сталъ ревностнымъ гонителемъ его и насадителемъ католицизма въ тѣхъ русско-православныхъ земляхъ, въ которыхъ ему пришлось княжить. Очень возможно, что также онъ поступалъ, будучи еще княземъ какого-то незначительнаго клочка русской земли (если только допустить это); быть можетъ, Янъ Витодуранъ имѣлъ это въ виду, когда говорилъ—*qui dum regni gubernacula per plura annorum curricula strenue gessisset...* Затѣмъ, принадлежа всей своей душой западному міру, Болеславъ старался о привитіи западной культуры своему княжеству (отсюда, дарованіе Магдебургскаго права Санокъ; вѣроятно, и нѣкоторымъ другимъ городамъ), не справляясь, удобно ли все это туземному православно-русскому населенію. Обязанный, быть можетъ, въ значительной степени, своимъ вокняженіемъ въ Галиціи и на Волини чужестранцамъ, укоренившимся въ этихъ русскихъ земляхъ, смотря на нихъ, какъ на культурную силу, находясь, быть можетъ, и въ матеріальной зависимости отъ этихъ пришлыхъ людей, Болеславъ выдвигаетъ ихъ на первый планъ (въ грамотѣ, напр., 1339 г. говорится — *omnem hominem judicandum, sive sit Theuthunicus, Polonus, Ungarus et Ruthenus*. Ruthenus здѣсь занимаетъ послѣднее мѣсто¹⁾),—окружаетъ себя ими и съ ними же судить и рядить. Въ числѣ подписавшихся на грамоту 1339 г. нѣтъ ни одного русскаго вельможи и нѣтъ, какъ бывало прежде, не всегда впрочемъ, подписи епископа (*sub testimonio ditorum proborum*

¹⁾ Лотинковъ Грам. Юрія II, 22 стр.

et honestorum videlicet Iohannis dicti Latta, Adalberti advocati de Bahna, Bartholomei, advocati de Varsov, Iohannis Brunonis, Leonis de Sywiez), а Длугошъ сообщаетъ намъ, что Болеславъ набралъ «praefectus suos et officiales curiensesque ex Polonis et Bohemis et Almanis»¹⁾. Помимо этого, Болеславъ со своими приближенными позволялъ себѣ всевозможныя насилія надъ русскимъ населеніемъ.

У того-же Длугоша мы находимъ такого рода извѣстіе — «sive quod tributis datisque crebro illos exactionaverit gravaveritque, sive quod conjunges filiasque eorum sua incontinentia foedaverit»²⁾.

Такого рода поведение должно было отшатнуть отъ Болеслава и прежнихъ его сторонниковъ изъ среды русскихъ, а когда чаша терпѣнія переполнилась, Болеславъ былъ насильственнымъ путемъ устраненъ отъ престола—ему, по словамъ Яна Витодурана, дали на столько сильный ядъ, что онъ распался на части³⁾. Событіе это имѣло мѣсто 25 Марта 1340 г.⁴⁾. Относительно города, въ которомъ произошло отравленіе Болеслава, мнѣнія ученыхъ расходятся. Гг. Шараневичъ и Любавскій⁵⁾, напр., предполагаютъ, что это случилось во Львовѣ; Ржежабекъ и Филевичъ—во Владимірѣ. Для первыхъ нѣкоторымъ указаніемъ можетъ служить грам. Дмитрія Детка купцамъ г. Торна, въ которой, между прочимъ, сказано—«dampna vero post obitem domini nostri felicitis memoriae ducis Russie quicunque Lemburgen-

¹⁾ *Длугошъ*—Лѣт. зан. Арх. К., вып. 4-й, стр. 330.

²⁾ Ibid.

³⁾ *Янъ Витодуранъ*.—Mon. Pol. II, 263, въ прим.—«ipsum intoxicabant per venenum tam forte, quod dissiliit in plures partes». См. также — *Ioh. Witodurani chr.* Ed. a Georg. Eccardo, I, p. 1862.

⁴⁾ *Rocznik Traski*—Mon. Pol. h. II, 860, *Ioh. Witodurani Chron.* Eccard. p. 1862, *Rocznik Malopolski*, М. Р. h. III, p. 200.—«Item Boleslaus filius Trohide ducis Mozovie princeps Ruthenorum a suis inopcinatus circa festum annuncionis beate Marie ex hac vita decessit» (Režabek—Жи, —42). У Длугоша подъ 1340 г. читаемъ: veneno in potu propinato, in die Annunciationis S. Mariae, alias nono Calendas Aprilis, illum (Болеслава) extinguunt». Лѣт. зан. Арх. К., вып. IV, стр. 330.

⁵⁾ Шараневичъ—Ист. Гал. Вол., кн. 153. Любавскій—Обл. дѣл., стр. 39.

ses intelierunt¹⁾); для послѣднихъ двухъ — слѣдующее извѣстie— (Troydenus) habuit tres filios: Bolkonem, qui receptus per Ruthenos, in Wlodzymyrz veneno interiit....²⁾).

Мнѣніе гг. Ржежабека и Филевича, кажется намъ, основательнѣе. Вмѣстѣ съ Болеславомъ были отравлены и нѣкоторые изъ его приближенныхъ³⁾).

Изъ письма папы Бенедикта къ еп. краковскому, отъ 29 іюня 1341 г., видно, говоритъ Ржежабекъ, что король понималъ истинную причину прискорбнаго событія⁴⁾. Траска, Янъ изъ Чарикова, Янъ Витодуранъ, Длугошъ всѣ единогласно выставляютъ одну и ту же причину отравленія — распространеніе среди православнаго русскаго населенія католицизма и всевозможныя насилія со стороны Болеслава и его сотоварищей⁵⁾

¹⁾ Voigt. Codex dipl. Prus III, p. 83, № LXI.

²⁾ Biel. M. P. h. III, p. 284 (Rz. 48).

³⁾ Theineri. M. P. H. t. I, p. 434, № 566.

⁴⁾ Ex oblate siquidem nobis petitionis ejusdem regis (Казимиръ) serie nuper accepimus, quod cum dudum gens schismatica Ruthenorum quondam Boleslaum Ducem Russie, ipsius Regis consaguineum germanum de fidelibus procreatum parentibus, veneno impie, ac nonnullos alios Christi fideles eidem Duci, dum viveret, obsequentes, immaniter occidissent, idem Rex hujus modi scelus abhorrens, et zelo ulciscende injuriaefidei christianae accensus, cum exercitu suo terram Russie dictam gentem expugnaturus intravit. Theineri — Mon. P. pag. 468, № 7, 605. Rz 42.

⁵⁾ Янъ изъ Чарикова—qui (Болеславъ Тройд.) legem et fidem ipsorum immitare nitebatur M. P. H. II, 629; Roczn. Traski (годъ 1340 г.)—hic dicitur suis multum fuisse violentes, ipsos capiens et pecunias ab ipsis extorquens, filias eorum et uxores rapiens et easdem dehonestans, nec non alias gentes, sicut Bohemos et Almannos super ipsos inducens. M. P. H. II, 860; Янъ Витодуранъ—«Qui (Болеславъ) dum regni gubernacula per plura annorum curricula strenue gessisset, tandem cum numerum et ritum Latinorum illic multiplicasset... M. P. H. II, 860 (въ пр.); Длугошъ—«Odii autem et necis causas varias plerique astruunt, quod videlicet ritus eorum schismaticos abrogare et fidei Catholicae duritatem, ritumque et obedientiam Romanae Ecclesiae introducere, firmareque illic plurimo studio quaesiverit; sive quod tributis datisque crebro illos exactionaverit gravaveritque, sive quod conjuges filiasque eorum sua incontinentia foedaverit; sive quod Praefectus suos et Officiales curiensesque ex Polonis et Bohemis, et Almanis collectos, probris et injuriis eos afficere non prohibuerit». Лѣт. зан. Арх. К., вып. IV, 330.

Итакъ, не стало Болеслава Тройденовича, вновь осиротѣла Галицко-владимірская земля! Недолго княжилъ Болеславъ-Юрій, а сколько вреда принесъ русскому населенію своего княжества! Однако, нѣкоторые современные намъ польскіе историки, закрывая глаза предъ приведенными выше фактами возмутительной дѣятельности Болеслава, позволяютъ себѣ говорить такія вещи: «Итакъ, когда, по смерти Юрія II татарскій ханъ хотѣлъ непосредственно овладѣть страной, русины воспротивились этому и посадили на престолъ князя Болеслава мазовецкаго, сына сестры Юрія, Маріи. Правленіе мазовецкаго князя на Руси было непродолжительно, но оставило по себѣ хорошее воспоминаніе. Толпы польскаго народа перешли на Русь, заселили ея пустыни, развили земледѣльческій трудъ и укрѣпили связь между Польшей и Русью» ¹⁾. Эти слова польскаго ученаго настолько говорятъ сами за себя, что для русскаго читателя они не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ!

Послѣ смерти Болеслава Тройденовича на Галицію и Волынь заявляютъ притязанія Любартъ Гедиминовичъ и Казиміръ Великій, какъ родственникъ умершаго князя. Ни та, ни другая сторона не желаютъ уступить другъ другу, и въ 1340 г. завязывается между Польшей и Литвой ожесточенная борьба, которая для Волыни заканчивается (или, правильнѣе сказать, принимаетъ иное направленіе) только въ 1371 г. Собственно говоря, наследственные права въ этой борьбѣ играли второстепенную роль,—какъ это справедливо замѣтилъ г. Филевичъ ²⁾; были болѣе существенныя причины. Бобржинскій говоритъ—«И поляки также уже издавна жаднымъ взоромъ смотрятъ на эту плодородную и по природѣ богатую страну (Галицко-владимірское княжество). Обладаніе ею не только вознаграждало за всѣ потери, которыя они непрерывно терпѣли на зап. границѣ, не только позволяло имъ расширить свои владѣнія на востокъ, если ужъ западъ былъ для нихъ закрытъ, но сверхъ того обезпечивало имъ великій торговый путь къ берегамъ Чернаго моря; а этотъ путь былъ

¹⁾ *Бобржинскій*—Ист. Польши, т. I, стр. 182.

²⁾ *Филевичъ*—Ж. Мин. Нар. Пр. 1889 г. XI, стр. 136.

главной жизненной артеріей ихъ промышленности и благосостоянія. Хотя въ продолжительный удѣльный періодъ мало-польскіе князья могли вмѣшиваться въ династическіе раздоры на Руси, особенно въ ближайшемъ къ нимъ Галицкомъ княжествѣ могли начинать войны съ галицкими князьями и заключать временные союзы съ корыстными цѣлями, однако они не могли и мечтать о распространеніи прочнаго вліянія и о перевѣсѣ надъ Русью. Только лишь при Казимірѣ насталъ этотъ моментъ для Польши, соединенной и обезпеченной со стороны Запада¹⁾. Если для Польши, тѣснямой съ запада, являлась настоящая потребность въ движеніи на востокъ, въ поглотеніи сосѣднихъ русскихъ земель, то такая же необходимость, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, побуждала литовцевъ мало по малу захватывать русскія земли. Въ началѣ XIV в. Польша и Литва смотрятъ, по выраженію Бобржинскаго, жаднымъ взоромъ на богатое Галицко-владимірское княжество, и какъ только престолъ въ немъ сдѣлался вакантнымъ, каждая сторона стремится привести въ исполненіе свои затаенныя желанія.

Кромѣ того, испоконъ вѣка папы стремятся къ распространенію католицизма среди населенія разныхъ русскихъ земель и, между прочимъ, Галича и Владиміра. Теперь, казалось, наступилъ желанный моментъ для достиженія этой цѣли. Отсюда и понятно, почему папы оказывали такую дѣятельную поддержку Польшѣ въ ея борьбѣ съ Литвой за Червоную Русь и Волынь.

По извѣстію Яна изъ Чарикова²⁾, послѣ смерти Болеслава Тройденевича Галиція и Волынь перешли во власть Любарта. Но и Казиміръ не дремалъ, рѣшилъ дѣйствовать энергично для достиженія своихъ цѣлей, не пропустилъ, какъ говоритъ Бобр-

¹⁾ Бобржинскій—Ист. Польши, т. I, стр. 182—83.

²⁾ «Et sequenti (1340) anno Boleslao, filio Troyden ducis Mazoviae, quem Rutheni unanimiter sibi in ducem et dominum susceperant, per toxicum interrepto, qui legem et fidem ipsorum immutare nitebatur, Lubardus filius Gedimini ducis Litwanorum eundem ducatum Russiae possidebat». Mon. Pol. II, 629.

жинскій¹⁾), такого момента. Узнавъ о смерти Болеслава, Казимиръ сейчасъ-же пишетъ письмо къ папѣ Бенедикту и получаетъ отъ послѣдняго отвѣтъ отъ 1 августа 1340 г. Въ письмѣ своемъ Казимиръ изъясняетъ покорность папѣ и проситъ его оказать помощь. И въ данномъ случаѣ, какъ и въ 1324 г. (Владиславъ Локетокъ), польскій король, прибѣгая къ папѣ за помощью, мотивомъ выставляетъ угрожающее нашествіе татаръ²⁾. Папа откланивается на просьбу Казимира и немедленно предписываетъ епископамъ гнѣзненскому, краковскому и вроцлавскому проповѣдывать крестовый походъ противъ татаръ и другихъ невѣрныхъ³⁾.

Не ожидая, однако, помощи со стороны католическихъ государей, Казимиръ, какъ говорится въ письмѣ папѣ Бенедикта къ краковскому епископу отъ 29 іюня 1341 г., ужаснувшись подобнаго злодѣянія (т. е. отравленія русскими его родственника,

¹⁾ *Бобржинскій*—Ист. II, т. I, 183.

²⁾ Въ февралѣ 1340 г. татары опустошали Польшу и многоходовъ, конечно, досталось и Руси. У Тейнера (Mon. hist. Hung., t. I, p. 636, № 957) читаемъ: Anno domini 1340 die XX Febr. cum Tartari intrassent Regnum Polonie, et ob hoc Rex et totum Regnum Ungariae turbaretur, commutavi etc.

³⁾ Папа пишетъ Казимиру (1 авг. 1340 г.): «Ita quod ad tuum fidedigna relatione pervenit auditum, quod dicti Tartari hujusmodi conceptus iniquos continere sub clave silentii nequeuntes, pretensis occasionibus frivolis, publice comminantur, quod ipsi ad invasionem et destructionem regni prefati et desolationem fidelium habitantium in eodem et religionem catholicam inibi prophanandam, conflatis potentie sue viribus, infra breve tempus hostiliter properabunt». *Theineri. Mon. h. Hung. I, p. 637, № 958. Ibid.* въ концѣ письма: «Archiepiscopo Gnesnensi et... Cracoviensi ac... Wratislaviensi Episcopis per alias nostras dedimus litteras in mandatis, ut ipsi et eorum quilibet per se et alias personas ecclesiasticas... in eodem Polonie ac Ungarie et Boemie regnis contra prefatos Tartaros, et quosunque alios infideles volentes ac presumentes invadere, seu offendere te et dictum regnum Polonie ac habitatores ipsius, proponant juxta datam eis a deo prudentiam verbum crucis... См. также *Филевичъ*—Борьба Польши и Литвы-Руси etc. Спб. 1890 стр. 56.

князя русскаго Болеслава, рожденнаго отъ правовѣрныхъ родителей) и горя желаніемъ отомстить за обиду, причиненную христіанской вѣрѣ, двинулся на Русь¹⁾.

Объ этомъ походѣ Казимира въ 1340 г. на Галицію говорятъ Длугошъ (съ обычными прикрасами²⁾, Янъ изъ Чарикова³⁾, Янъ Витодуранъ⁴⁾, монахъ Леобенскій, Траска⁵⁾. По извѣстіямъ всѣхъ ихъ, походъ окончился благополучно для Казимира. По Яну изъ Чарикова, напр., — *cujus (Казимира) potentiae Ruthenorum principes, barones, comites ac caeteri nobiles resistere non volentes, ultronea voluntate domino Kazimiro se et sua commiserunt, ipsum in suum dominum fideliter suscipientes, sibique fidelitatis homagia jurentis firmantes*⁶⁾. По Длугошу, Казимиръ, взявъ Львовъ, двинулся на Волынь и захватилъ Владимиръ, Луцкъ и всю Волынь, но опасаясь возмущеній, онъ, оставивъ польскій гарнизонъ во Владимирѣ и Львовѣ, удаляется въ Польшу. а затѣмъ черезъ нѣкоторое время является вновь, беретъ Перемышль, Галичъ, Луцкъ, Владимиръ, Санокъ, Любачевъ, Теребовль и всѣ прочіе города и такимъ образомъ окончательно подчиняетъ себѣ русскія земли и включаетъ ихъ въ число польскихъ провинцій⁷⁾.

Противъ поплзновеній Казимира выступаютъ въ это время двое русскихъ вельможъ. Янъ изъ Чарикова говоритъ, что покорность русскихъ князей и бояръ была вынужденною, и не успѣвъ еще Казимиръ удалиться въ Польшу, какъ Детко («*quidam pessimus baro Datko nomine*»), перемышльскій бояринъ и

¹⁾ *Theineri*—Mon. Pol. I, 434, № 566. *Филевичъ*—Борьба etc. стр. 56.

²⁾ *Длугошъ*—Лѣт. занят. Арх. К., вып. IV, 331.

³⁾ *Янъ изъ Чарикова*—Mon. P. h. II, 620—21.

⁴⁾ *Joh. Vitodurani* chr. ed. a Ecc. t. I, p. 1862.

⁵⁾ *Филевичъ*—Борьба etc. 58, 59.

⁶⁾ *Янъ изъ Чарикова*—Mon. Pol. II, 620—21.

⁷⁾ *Dlugossi* —I, 1057—58. Не только Волыни, но и Галиціи даже не удалось завоевать Казимиру въ 1340 г.,—какъ это убѣдительно доказывать г. Филевичъ въ упомянутомъ выше своемъ сочиненіи.

князь Даниилъ de Ostrow¹⁾ тайно отъ другихъ вельможъ русскихъ завязываютъ сношенія съ татарами, верховными господами русскихъ земель. Они доводятъ до свѣдѣнія татарскаго хана (Узбека), что Казимиръ напалъ на русскія земли, занялъ ихъ и

¹⁾ Кто были эти лица? На грамотахъ Юрія II отъ 1334 и 1335 г. мы встрѣчаемъ между другими вельможами и Дмитрія Детка; при чемъ, его имя на грамотѣ 1334 г. слѣдуетъ сейчасъ же за именемъ епископа, а на гр. 1335 г.—стоитъ на первомъ мѣстѣ,—что указываетъ на весьма важное положеніе этого лица въ совѣтѣ князя. Далѣе, въ упомянутомъ раньше письмѣ папы Бенедикта къ краковскому епископу мы опять встрѣчаемся съ этимъ русскимъ бояриномъ, и, наконецъ, съ его именемъ извѣстна грамота, данная торнскимъ купцамъ, какъ можно думать, въ 1341 г. (Mon. Pol. II, 621, пр. 2; Cod. diplom. Prus. t. III, № LXI, p. 83. См. также у г. Филевича—Ж. М. Н. Пр. 1889, XII, 287). Въ грамотѣ этой нашъ воевода титулуется себя — «Demetrius Dedko, provisor seu capitaneus terre Russie». У Длугоша вмѣстѣ съ Данииломъ de Ostrow упоминается Daszko, «quem Cazimirus rex Captinentui et terrae Przemisliensi praefecerat» (Длугошъ — въ Лѣт. занят. Арх. К., вып. IV, 334), а у Fejer'a помѣщено письмо угорскаго короля Людовика съ такимъ началомъ—«fidei suo viro Magnifico, comiti Dechk, capitaneo Ruthenorum salutem et gratiam» (Fejer — Cod. diplom. Hung. IX, 1, № 95. Цитата взята у г. Филевича — Ж. М. Н. Пр. XII, 1889, 288 стр., прим. 2).

Сопоставленіе всѣхъ этихъ извѣстій приводитъ насъ къ убѣжденію, что Детко и Дашко, несомнѣнно, одно и то-же лицо. Скудость извѣстій объ этомъ русскомъ бояринѣ сдѣлала его, какъ выразился г. Филевичъ (Борьба etc. 68), «нѣсколько загадочнымъ». Шараневичъ, Смирновъ, Иловайскій, Лонгиновъ и Ржежабекъ считаютъ даже самое слово «Detco» нарицательнымъ. По первымъ тремъ, это—кормиличичъ, дядька, по Лонгинову—дѣтскій (Гр. Юрія II, стр. 15,—но съ этимъ положительно нельзя согласиться), по Ржежабку (Jiři —46)—nejvyšší hofmistr (dětko čili vlastně dědko). И по нашему мнѣнію, dědko и «дядько» —одно и то-же.

Въ Даниилѣ «de Ostrow», по Яну изъ Чарникова и Длугошу, — ученые (см. напр. проф. Буданова—Арх. юго-зап. Русн, ч. VII, т. I, стр. 75) видятъ Данила Острожскаго, извѣстнаго сподвижника Любарта, одного изъ родоначальниковъ знаменитаго рода князей Острожскихъ. По объясненію ученыхъ —de Ostrow—ошибочно употреблено вмѣсто —de Ostrog. Такое объясненіе нужно признать правдоподобнымъ. Въ грамотѣ Ягайла и Витовта отъ 1386 г.. данной Федору Даниловичу, мы встрѣчаемъ подобную же ошибку: тутъ стоитъ «ostroviensi», тогда какъ, несомнѣнно, должно быть—«ostrogoviensi», («Arch. Sang. t. I, 6) Въ грамотѣ короля Яна Альберта отъ 1493 г. упо-

не позволяет платить имъ, татарамъ, установленной дани. Въ виду этого, ханъ послалъ огромное войско, которое, съ помощью

треблено также—*dux ostroviensis* вх. *ostrogoviensis* («Arch. Sang.», т. II, 249). К. Горжицкий, въ своемъ сочиненіи «*Polączenie Rusi czerwonej z Polską przez Kazimierza W.*» (Львовъ, 1889 г.), полагаетъ «несомнѣннымъ», что союзникъ Дмитрія не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ ему Даниломъ Острожскимъ: «*do dziś dnia*», говоритъ онъ, «*istnieje w Galicyi wieś Ostrow, może być że tam wznosił się ongiś grod naszego Daniela*» (Филевичъ—Ж. М. Н. Пр. 1890, I, 97). Г. Филевичъ, процитировавъ приведенныя только что слова Горжицкаго, восклицаетъ—«Резонъ убѣдительный! Какой-же смыслъ имѣютъ въ такомъ случаѣ грамоты Острожскимъ, въ которыхъ упоминаются «старыя службы» Любарту». Намъ кажется, что и резонъ г. Филевича не совсѣмъ убѣдителенъ. По-мимо борьбы съ Казиміромъ Данилъ Острожскій могъ оказать другія очень важныя услуги Любарту,—за что самъ былъ награжденъ послѣднимъ, и преемники его награждались, при чемъ, въ жалованныхъ грамотахъ припоминались «старыя службы» ихъ рода. Что касается *Ostrow'a*, то съ такимъ названіемъ есть и по-нынѣ населенный пунктъ въ юго-восточной части Садлецкой губ., къ зап. отъ Влодавы, въ сѣв. части бывшей Холмской земли. Этотъ «*Ostrow*» упоминается въ грамотѣ кор. Александра отъ 1503 г. («дозволили въ его имѣнны оу Вортеля замокъ збудовати, на старомъ городищи, на Островѣ». «Arch. Sang.» I, 151). Былъ еще Островъ въ Литвѣ, по Нарбуту, въ Лядскомъ повѣтѣ. Здѣсь въ авг. 1492 г. Ягайло заключилъ договоръ съ Витовтомъ, — о чемъ см. *Scarb. diplom.* т. I, p. 294, № 617; *Cromeri* — *De orig et reb. gest. Pol. lib. XV*, p. 374. Этотъ Островъ представлялъ изъ себя нѣкогда огромную, по выраженію Нарбута (*Scarb.* I, № 617), *majetność scarbu litowskiego*. Въ «*князѣ Данилинѣ*» грам. Любарта отъ 1366 г. видятъ того-же Данила de Ostrow; о немъ же находимъ упоминаніе и въ грам. Ягайла и Витовта отъ 1386 г. («Arch. Sang.» т. I, 1 и 6). Имъ сына его Федора Даниловича встрѣчается во многихъ документахъ. Кромѣ старшаго сына Θεодора у Данила отъ жены Василины было еще два сына—Алексѣй и Андрей (см. *Максимовичъ* — Собр. соч., т. I, — «Письма о князьяхъ Острожскихъ»; «Др. и Нов. Россія», т. III, 1876 г., ст. «Преподобный Θεодоръ, кн. Острожскій»). Изъ одной же грамоты кн. Федора Даниловича («Arch. Sang.» I, 1) мы узнаемъ, что кромѣ трехъ названныхъ сыновей у Данила былъ еще четвертый — Михаилъ. Редакція перваго тома *Arch. S.* въ примѣчаніяхъ къ грамотѣ поясняетъ, что этотъ кн. Михаилъ погибъ въ битвѣ при р. Ворсклѣ въ 1399 г. Въ такомъ случаѣ, и Дмитрія Даниловича, тоже погибшаго въ этомъ сраженіи, можно причислить къ сыновьямъ Данила Острожскаго.

Такъ какъ въ XIV в. изъ князей зап. русскихъ только одинъ намъ извѣстенъ съ именемъ Данила, именно тотъ, о которомъ ведемъ рѣчь, то

русскихъ, должно было разгромить Польшу. Татары дошли до Вислы, но перейти ее не допустилъ Казиміръ. Тогда татары

можно бы думать, что упомянутый выше Юрій Даниловичъ Холмскій былъ также его сыномъ. Но ни откуда не видно, что у Данила былъ сынъ Юрій; да и нѣтъ основанія предполагать, чтобы Данилъ, до приобрѣтенія Острога, владѣлъ Холмомъ, хотя намъ и неизвѣстно, когда собственно достался Данилу Острогъ и какими землями владѣлъ онъ до этого. Знаемъ только, что родъ кн. Острожскихъ, несомнѣнно, ведетъ свое начало отъ кн. турово-пинскихъ, которые теряютъ свою самостоятельность, по наиболее правдоподобному предположенію проф. В. Б. Антоновича (Мон. т. I, 46), при литовскомъ в. к. Гедиминѣ и турово-пинскомъ князѣ Дмитріѣ, отцѣ Данила. Последний является уже служилымъ литовскимъ княземъ. Отъ литовцевъ Данилъ могъ получить Острогъ не раньше 1340 г. Является вопросъ, принадлежалъ-ли ему этотъ городъ и до этого времени, какимъ образомъ князья турово-пинскіе могли попасть на Волинь? Изъ грамоты Ягайла, данной Федору Даниловичу въ 1386 г. (4 ноября), и таковой же отъ 4 ноября 1393 г., королевы Ядвиги («Arch. S.» I, 5 и 15) можно бы заключить, что уже предшественники Данила владѣли Острогомъ: «sane considerantes» говорится въ грам., «clarescdei studia et laboris indefessi sollerciam, quibus illustris princeps dominus Fedor et sui progenitores duces ostrogovienses majestatem nostram et predecessores nostros, duces Lithvaniae et Russiae, sunt hactenus venerati». Насколько правдоподобно утвержденіе грамоты, судить трудно. На врядъ ли, можетъ быть рѣчь о «veneratio» къ литовскимъ князьямъ со стороны тѣхъ, которые, будучи лишены своихъ удѣловъ, вынуждены были искать пріюта на чужбинѣ! Очень возможно, что здѣсь ошибочно употреблено слово—*progenitores*. Изъ того, что Данилъ и Федоръ являются вѣрными слугами литовскихъ князей, можно заключить, что присоединеніе ихъ бывшей отчины къ литовскому государству произошло довольно миролюбивымъ путемъ, и хотя уже отецъ Данила Дмитрій и самъ Данилъ лишились удѣловъ своихъ, но взамѣнъ этого они были вознаграждены, по всей вѣроятности, другими землями; какими—неизвѣстно, только не Острогомъ, который могъ сдѣлаться литовскимъ достояніемъ только лишь ок. 1340 г., послѣ смерти Болеслава Тройденовича. Острогъ съ округомъ былъ укрѣпленъ литовцами сначала за Даниломъ (при Любартѣ), а затѣмъ—за его сыномъ Федоромъ и потомствомъ послѣдняго (при Ягайлѣ и Витовтѣ; см. «Arch. Sang.» I, 5, 6, 11, 15). Что же касается Холма, то намъ въ точности неизвѣстно, остался ли онъ зъ русскими въ то время, какъ уходила къ литовцамъ въ нач. XIV в. Берестейская земл. Въ грамотѣ Юрія II отъ 1335 г., въ которой названы воеводы главныхъ городовъ Галицко-Владимірскаго княжества, не находимъ именъ воеводъ Берестейской земли и Холмской. Правда, Белзъ въ это время принадлежалъ русскимъ, но нѣтъ основанія причислять къ Белзу и Холмъ.

съ русскими подступили къ Люблину, но послѣ неудачной осады его отступили ¹⁾).

Не въ такомъ благопріятномъ для Казимира видѣ представленъ этотъ походъ въ помѣщенномъ у Тейнера (Mon. Pol., t. I) письмѣ папы Бенедикта XII къ краковскому епископу, отъ 29 іюня 1341 г. Какъ видно изъ этого письма, Казимиръ былъ поставленъ татарами и русскими въ довольно затруднительное положеніе—число враговъ превосходило его войско, помощи отъ сосѣднихъ государей онъ не получалъ. Находясь въ такомъ положеніи, Казимиръ вынужденъ былъ заключить съ Деткомъ мирный договоръ ²⁾. Конечно, договоръ этотъ, заключенный при такихъ обстоятельствахъ, не могъ быть въ пользу Казимира, и хотя въ папскомъ письмѣ и говорится, будто «capitaneus» и «gens predicta» (т. е. русскіе) должны были признать надъ собою власть Казимира, но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ ни о какомъ подчиненіи Руси (ни Галиціи, ни тѣмъ паче Волыни) не могло быть и рѣчи. А что это было такъ, отчасти видно изъ самаго папскаго письма. Папа говоритъ, что договоръ былъ скрѣпленъ со стороны короля вѣтвеннымъ обѣщаніемъ, «quod capitaneum et gentem predictos in omnibus tueri debebat, ipsosque in eorum ritibus, juribus et consuetudinibus conservare», и что король Казимиръ и попросилъ впослѣдствіи папу освободить его отъ данной имъ клятвы (что папа и исполнилъ). Выходитъ, такимъ образомъ, что клятва короля была вынуждена, а разъ это такъ, то, слѣдовательно, Казимиръ попалъ, дѣйствительно, въ такое непріятное положеніе, когда нечего было мечтать о подчиненіи своей власти сосѣднихъ русскихъ земель. Утвержденіе же Бобржинскаго, что Казимиръ безъ труда занялъ всю Червоную Русь, освободилъ ее отъ татарскаго ига въ кровопролитной

¹⁾ *Янъ изъ Чарикова*. Mon. Pol. h. II, 622.

²⁾ Хотя этого имени въ папскомъ письмѣ (*Theineri*—Mon. Pol., t. I, № 566, р. 434) и нѣтъ (здѣсь упоминается только — «capitanens ipsius gentis» т. е. русскіяхъ), но не можетъ быть сомнѣнія, что подъ этимъ «capitaneus» нужно разумѣть нашего Детка. См. напр. *Foigt. Cod. dipl.*, t. III, LXI, p. 83.

битвѣ подъ Люблиномъ въ 1341 г.—основано, повидимому, только на однихъ измышленіяхъ Длугоша ¹⁾).

Въ опроверженіе этого утвержденія можемъ еще сослаться на грамоту торнскимъ купцамъ, данную отъ своего имени Димитріемъ Деткомъ, «провизоромъ или капитаномъ русской земли». Въ этой грамотѣ Димитрій упоминаетъ о происшедшей между нимъ и королемъ польскимъ Казиміромъ столкновении и о послѣдовавшемъ затѣмъ заключеніи союза дружбы (*concordie inivimus unione*»), но не говоритъ ничего о признаніи имъ своей зависимости отъ Казиміра и не называетъ послѣдняго своимъ государемъ. Для Детка умершій князь русскій, т. е. Болеславъ Тройденовичъ былъ государемъ (*post obitum domini nostri felicitis memoriae ducis Rusie*), говорится въ грамотѣ), а Казиміръ только—*rex Poloniae* ²⁾).

Много времени прошло, прежде чѣмъ Казиміру удалось овладѣть Червонной Русью и утвердить здѣсь польское господство! Послѣ борьбы съ Казиміромъ въ 1340—41 г. Червонная Русь была самостоятельна, — какъ это прекрасно доказалъ г. Филевичъ ³⁾, и ни въ какой зависимости отъ Польши не находилась. Здѣсь, до 1344 г. ⁴⁾ правилъ страной, на правахъ «*capitaneus seu provisor*», Детко, а въ 1347 г. владѣлъ Галиціей Любартъ, какъ объ этомъ можно судить, на основаніи письма (отъ 1347) императора Іоанна Кантакузина къ Любарту съ извѣщеніемъ объ уничтоженіи галицкой митрополіи и о подчиненіи ея епископій кievской митрополіи ⁵⁾). Но и до этого времени галицкимъ княземъ былъ, всего вѣроятнѣе, не кто иной, какъ тотъ-же Любартъ, его же намѣстникомъ,—«*capitaneus seu provi-*

¹⁾ *Бобржинскій*—Ист. II. 1, 183

²⁾ *Feigt. Codex diplom. Prus*, t. III, LXI, p. 83.—*Scarbiec dipl.*, t. I, p. 182, № 366 (подъ 1341 г.).

³⁾ *Филевичъ*—Ж. М. Н. Пр. 1889, XII, 289.

⁴⁾ См. грам. кор. угорскаго Людовика отъ 1344 г. «*fidei suo magnifico comiti Desch capiteo Ruthenorum*». *Милюковичъ*—Студ. критич., стр. 28.

⁵⁾ Протоколы Конст. патр. Ж. М. Н. Пр. 1847, ч. 54; Рус. истор. библ., т. VI, прил. 6.

son», — былъ Детко¹⁾. Этотъ послѣдній могъ быть таковымъ и въ княженіе предшественника Любарта — Юрія Болеслава. Недаромъ, въ грамотѣ торнскимъ купцамъ онъ, между прочимъ, говоритъ: «*damna vero post obitum domini nostri felicitis memoriae ducis Russie*»²⁾).

Какъ намѣстникъ Любарта, Детко пользовался въ Галиціи громаднымъ значеніемъ — онъ, наприм., отъ своего имени даетъ грамоту торнскимъ купцамъ, въ которой предшествующихъ ему галицкихъ князей называютъ своими «*praedecessores*»; Людовикъ, кор. угорскій, обращается къ нему, какъ къ лицу очень высокопоставленному («*Ludovicus — fidei suo*», говорится въ письмѣ кор. отъ 1344 г., «*viro Magnifico comiti Dechk, capitaneo Ruthenorum salutem et gratiam*»³⁾).

Въ какомъ же положеніи находилась въ это время Волынь? Княжилъ ли здѣсь непосредственно Любартъ или тамъ былъ его намѣстникъ, быть можетъ, упомянутый выше Даніилъ? Ничего неизвѣстно. Да и вообще мы не имѣемъ никакихъ извѣстій объ участіи Любарта въ первоначальной борьбѣ Литвы съ Польшей. Очень возможно, что вмѣсто Любарта орудовали здѣсь преданные ему люди, услуги которыхъ онъ въ послѣдствіи щедро вознаграждалъ. Самъ онъ, вѣроятно, и не могъ принимать дѣятельнаго и непосредственнаго участія въ начавшихся тогда столбовеніяхъ съ поляками, потому что въ это время какъ разъ въ Литвѣ случилось событіе, которое должно было отвлечь его вниманіе въ другую сторону. Въ 1341 г. погибъ при осадѣ одной

¹⁾ Мильковичъ—Студ. кр., стр. 34. Въ — «кратко-истор. пов.» Зубрицкій приводитъ надпись на колоколѣ въ Львовѣ: «въ лѣто 6849 сольянтъ бы колоколъ сій стоуму Юрью при князи Димитріи игуменомъ Евѣонимемъ». Андриашевъ—(Оч. стр. 210, пр. 3) по поводу этой надписи замѣчаетъ: «Детко, конечно, тотъ князь, котораго отыскивалъ Зубрицкій по поводу надписи на колоколѣ 1341 г. во Львовѣ». Намъ же кажется, что въ данномъ случаѣ разумѣется Любартъ Гедимновичъ, который носилъ еще другое имя — Димитрій. Детко же ни въ одномъ извѣстіи о немъ не встрѣчается съ титуломъ князя (a—capitaneus seu provisor, baro, noster detko, comes Dechk).

²⁾ М. Р. h. II, 621, пр. 2. Foigt. Cod. dipl. Prus. t. III, № LXI p. 83.

³⁾ Филевичъ—Жб. М. Н. Пр. 1889, XII, стр. 288.

крѣпости Гедиминъ, а съ его смертію для наслѣдниковъ, въ томъ числѣ и для Любарта, наступило тяжелое время устроенія внутренняго распорядка въ молодомъ, еще не вполне окрѣпшемъ литовскомъ государствѣ. Любарту (который, хотя и не пользовался, судя по извѣстію литовско-русской лѣтописи, никакимъ удѣломъ въ литовскомъ государствѣ¹⁾), тѣмъ не менѣе, ничто не даетъ намъ основанія думать, что Любартъ оставался равнодушнымъ зрителемъ совершавшагося въ его родной землѣ), вслѣдствіе этого, было положительно невозможно самому отстаивать свои интересы въ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ противъ поползновеній Казимира. А послѣдній, между тѣмъ, энергически готовился къ новой борьбѣ и находилъ въ этомъ отношеніи большую поддержку со стороны папы.

Папа Климентъ VI, подобно своему предшественнику папѣ Бенедикту XII, старался прежде всего примирить польскаго короля съ тевтонскимъ орденомъ, и старанія эти увѣнчались успѣхомъ. Въ 1343 г. въ Калишѣ Казимиръ заключаетъ съ орденомъ договоръ, въ силу котораго Померанія должна была отойти къ ордену. Это была тяжелая утрата для Польши, и тѣмъ болѣе тяжелая, что уже раньше, въ 1336 г., по Вышеградскому договору съ Чехіей, Казимиръ уступилъ послѣдней Силезію²⁾. Но Казимиръ согласился на подобную уступку ордену, лишь бы только тотъ не мѣшалъ ему въ борьбѣ съ литовцами. Далѣе, папа Климентъ VI, склоняясь на мольбы Казимира объ оказаніи ему матеріальной поддержки, необходимой для борьбы съ татарами, русскими и литовцами, предписываетъ буллой 1 декабря 1343 г. архіепископу Гнѣзненскому и нѣкоторымъ другимъ «*executoribus*» уступить королю на два года (какъ это видно изъ письма папы къ Казимиру отъ того-же 1 декабря 1343 года), $\frac{1}{10}$ часть всѣхъ церковныхъ доходовъ съ епархій Гнѣзненской, Краковской, Познанской, Куявской, Плоцкой, Любушской и Каминской³⁾.

¹⁾ *Лит. зап.* Арх. К., вып. IV, стр. 362.

²⁾ *Богрѣжскій*. Ист. П. т. I, стр. 176.—*Scarbiec diplomat.*, t. I, p. 184, № 373.

³⁾ *Theineri*—*Mon. Pol. h.* t. I, p. 468, №№ 604 и 605. *Филевичъ*—Ж. М. Н. Пр. 1890, I, 101.

Приготовившись къ борьбѣ съ литовцами, Казиміръ выжидалъ только удобнаго момента для начатія этой борьбы, и таковой наступилъ въ 1348 г. Въ этомъ году литовцы,—по извѣстіямъ Стрыйковскаго, съ 1342 г. боровшіеся съ переменнымъ счастьемъ съ крестоносцами¹⁾,—потерпѣли отъ послѣднихъ сильное пораженіе на берегу р. Стравы²⁾, и этимъ-то обстоятельствомъ постарался воспользоваться Казиміръ. Его походъ 1349 г., по Длугошу, былъ блистателенъ и окончился завоеваніемъ Владиміра, Луцка, Белза, Холма и Берестя. Отдавши во владѣніе Любарту одинъ только Луцкъ, «ad placitum bonae voluntatis suae», Казиміръ привелъ русскихъ князей къ присягѣ на вѣрность себѣ, и «homagio suscepto, omnia quae juris eorum dinoscebantur restituit»; затѣмъ, въ главныхъ завоеванныхъ имъ городахъ поставилъ своихъ намѣстниковъ³⁾. Извѣстіе о походѣ Казиміра на Волынь находимъ и въ Новгородской I лѣтописи, гдѣ подъ 1349 г. записано: «Прииде король Краковскый со многою силою, и взяша лествю землю Волыньскую, и много зла крестианомъ створиша, а церкви святыя претвориша на Латыньское богумерзъское служеніе»⁴⁾. Казиміръ въ это время, по словамъ папы (см. буллу отъ 14 марта 1351 г.), завоевалъ такую обширную русскую территорію, что на ней можно было учредить семь епископствъ и митрополію⁵⁾. И дѣйствительно, вѣроятно, литовцамъ пришлось плохо, если Кейстутъ съ братьями (съ какими—неизвѣстно), по внушенію Казиміра, вынужденъ былъ изъѣ-

¹⁾ *Strzykowski*—Kron., p. t. II, 21—27. Warsz. 1846 г.

²⁾ *Baliński i Lipiński*. Staroż. Polska, str. 80, t. IV. Во время сраженія погибъ и Наримунтъ (2 Lutego 1348 г.) Wolff. Röd. Ged. 20. *Scarbies. dipl.*, t. I, p. 188, № 383 (подъ 1348 г.). *Лѣт. Абраамка*—подъ 6855 г. (стр. 78).—*Никоновская*, ч. III, стр. 190

³⁾ *Яко изъ Чарикова* — М. Р. II. 629, Dlug. I, 1087—8, Kojalowicz—Hist. Litw. I, 315, *Strzykowski*—Kron. t. II, p. 27, *Cromeri* — De orig. et. reb. g. lib. XII, p. 314.

⁴⁾ Новг. I по синод. жар. сп. Спб. 1888 г., стр. 350.

⁵⁾ *Theineri*—Mon. Pol. h., t. I, p. 531, № 702.

вить желаніе принять католицизмъ, — о чемъ съ большою радостью узналъ изъ сообщенія Казимира папа¹⁾.

Впрочемъ, литовскіе князья скоро оправдлись отъ понесеннаго пораженія, и уже въ слѣдующемъ (1350) году, воспользовавшись неурядицами въ Польшѣ, не только овладѣли волынскими крѣпостями, занятыми въ 1349 г. поляками, но и вторгнулись въ самую Польшу. Теперь, Казимиръ долженъ былъ вновь принятися за покореніе Волыни. Для этого онъ входитъ въ соглашеніе съ королемъ Людовикомъ угорскимъ. Послѣдній, «*Dei gratia Hungariae etc. Galiciae et Lodomeriae rex*», съ соизволенія брата своего Стефана, уступаетъ за 100 тыс. флориновъ королю Казимиру, своему дядѣ, русскія земли, но подъ условіемъ, что если у Казимира родится сынъ, то король угорскій имѣетъ право выкупить у него «*regnum Russiae*»²⁾. Кроме того, папа Климентъ VI, къ которому, по извѣстію Яна изъ Чарнкова³⁾, Казимиръ посылалъ пословъ съ изъясненіемъ своего покаянія по случаю потопленія имъ въ Вислѣ капеллана краковскаго Баричка⁴⁾, въ маѣ 1351 г. приказалъ польскимъ епископамъ провозгласить крестовый походъ противъ Литвы, а другою будлою отъ 14 марта 1351 г. назначилъ Казимиру для войны съ язычниками $\frac{1}{10}$ часть церковныхъ доходовъ⁵⁾. 18-го же сентября 1351 г. Казимиру удалось заключить договоръ съ Семовитомъ и Казпиромъ мазовецкими, по которому онъ обязался, въ случаѣ неоставленія по себѣ мужскаго потомства, предоставить Мазовіи независимость⁶⁾, и этимъ привлекъ на свою сторону новыхъ союзниковъ.

¹⁾ Ib. p. 525—526, №№ 691—692 и 693.

²⁾ *Cromeri*—De orig. P. l. XII, p. 314. *Strykowski*—Kr. t. II, 28, *Stadnicki*—Syn. Ged. II, 231; *Андріашевъ*—Оч. 213, *Милковичъ*—Студ. кр. 37, 129. II. А. Ляницченко—Черты изъ ист. соед., стр. 6, 7. Г. Ляницченко относитъ этотъ договоръ къ 1350 г. (id. и д-ръ Прохаска).

³⁾ *Янъ изъ Чарнкова*—Mon. Pol. h. II, 630.

⁴⁾ *Cromeri*—De orig. P. l. VII, p. 315. *Strykowski*—Kr. t. II, p. 28. *Бобржинскій*. Ист. II. т. I, стр. 91.

⁵⁾ *Danilowicz*—*Scarbiec* I, № 398. *Theineri*—Mon. P. I, p. 531, 533. В. Антоновичъ—Mon. I, 130.

⁶⁾ *Филевичъ*—Ж. М. Н. Пр. 1890, I, 111. (Ссылка на Cod. Maz.).

Благодаря, главнымъ образомъ, помощи кор. Людовика угорскаго, Казиміръ овладѣлъ Владимірскою землею; при чемъ, по извѣстію Длугоша, въ одномъ сраженіи Кейстутъ попался было въ плѣнъ, изъ котораго скоро убѣжалъ¹⁾. Съ Любартомъ, по Кояловичу, чуть было не повторилась та-же исторія²⁾. На самомъ дѣлѣ, во время этой борьбы, Любартъ, дѣйствительно, попался въ плѣнъ къ венгерцамъ, изъ котораго его выручилъ Кейстутъ. Послѣдній долженъ былъ отправиться за это къ Людовику для принятія крещенія, но черезъ три дня бѣжалъ отъ него. Объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ перемирный договоръ, о которомъ сейчасъ скажемъ, такъ и такъ называемая Дубницкая хроника³⁾.

Положеніе дѣлъ измѣнилось въ пользу литовцевъ, когда на помощь братьямъ явился Ольгердъ съ татарами и сталъ опустошать Польшу⁴⁾. Тогда заключено было на два года перемиріе.

Учеными точно не установлена дата перемирнаго договора. Такъ, напр., проф. В. Б. Антоновичъ относитъ его къ 1347 г.⁵⁾. Гораздо вѣрнѣе, кажется намъ, поступаютъ тѣ, которые, при рѣшеніи даннаго вопроса, принимаютъ во вниманіе генеалогію мазовскихъ князей. Въ договоръ не упомянутъ, въ числѣ мазовскихъ князей, Болеславъ Тройденевичъ, умершій въ 1351 г., слѣдовательно, договоръ раньше этого года не могъ быть заключенъ. Это-же не могло случиться и послѣ 1355 г., потому что въ этомъ году умеръ Казиміръ Тройденевичъ, одинъ изъ участниковъ договора. Послѣдній нужно отнести, какъ правильно вы-

¹⁾ Dlug. 1092—93.

²⁾ *Kojalowicz*—Hist. Litw. I, 317.

³⁾ *Филевичъ* — Ж. М. Н. IIр. 1890, I, 110. *Cromeri* — De orig. et. reb. ges. Pol., lib. XII, p. 315. (Походъ Каз. и Люд. оти. къ 1351 г.).

⁴⁾ *Kojalowicz*—His. Litw. I, 319; Dlug. 1096. Еще въ 1349 г. Ольгердъ отправилъ посольство къ татарамъ, вѣроятно, съ просьбой о помощи противъ поляковъ. См. Wolf. — *Ród Ged.*, p. 20. Въ маѣ 1352 г. папа велѣлъ польскимъ епископамъ провозгласить крестовый походъ противъ татаръ, опустошавшихъ Польшу. *Theineri*—Mon. P. h. t. I, p. 539, № 713.

⁵⁾ В. Б. Антоновичъ—Mon. I, 128.

водитъ г. Андріяшевъ¹⁾, ко времени между 1351—1355 г., но только почему непременно къ 1354 г. (по Андріяшеву)? Всего вѣроятнѣе, по ходу событій, относитъ его къ 1352 г., какъ это и дѣлають Прохаска и г. Филевичъ²⁾.

Договоръ былъ заключенъ между литовскими князьями Явнутиемъ, Кейстутомъ, Любартомъ, Юріемъ Наримунтовичемъ и Юріемъ Коріатовичемъ съ одной стороны, кор. Казиміромъ, Семовитомъ и его братомъ Казиміромъ — мазовскими князьями съ другой. По договору, за Казиміромъ оставлена была Львовская земля («королеви держати Львовскую землю исполна»), за литовцами—Владиміръ, Луцкъ, Белзъ, Холмъ, Берестье—съ землями; Кременецъ же постановлено было «держати Юрью Наримонтовичу отъ князей литовскихъ и отъ короля». Литовскіе князья обязывались «городовъ оу русской земли новыхъ не ставити, ни сожженого не рубити, доколя миръ стоитъ, за 2 лѣтъ?» Что же касается плѣненія Любартова, то объ этомъ въ договорѣ говорилось — «апро Любартово ятство, хочемъ его поставити на судѣ передъ паны угорскими.. будетъ ли ялъ его король по кривдѣ, Любартъ будетъ правъ и я князь Кейстутій буду правъ предъ вѣгорьскимъ королемъ, будетъ ли король правъ, намъ своего брата Любарта дати оугорьскому королеви оу ятство». Кроме того, обращаетъ на себя вниманіе въ договорѣ слѣдующее обстоятельство, разъясненное прекрасно В. Б. Антоновичемъ. Въ борьбѣ татаръ съ поляками, а венгровъ съ литовцами, послѣдніе могутъ оказывать помощь татарамъ, а поляки — венграмъ, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда татары или венгры нападутъ на «Русь, што короля слушаетъ» или «на Русь што Литвы слушаетъ» Въ этой статьѣ сказалось взаимное недоверіе договаривавшихся сторонъ и опасеніе, какъ бы не воспо- слѣдовало соглашеніе по галицкимъ дѣламъ поляковъ съ венграмъ, а литовцевъ съ татарами³⁾.

¹⁾ *Андріяшевъ*—Оч. 215.

²⁾ *Филевичъ*—Ж. М. Н. Пр. 1890, I, 112; Režab. 24, *Мицьковичъ*—38.

³⁾ *В. Б. Антоновичъ*—Мо. I, 129. Договоръ напечатанъ въ Актахъ Зап. Россіи т. I, стр. 1—2). Подлинникъ, написанный на пергаментѣ, по-русски, хранится въ главномъ архивѣ царства польскаго, въ Варшавѣ. *Мицьковичъ*, стран. 131.

Перемирие, однако, было нарушено до истечения срока. Въ 1353 г., въ іюлѣ мѣсяцѣ, по Длугошу, Любарть «потихоньку пробрался въ Галицкую землю, ограбилъ ее и быстро удалился домой» ¹⁾. Въ сентябрѣ того-же года литовцы съ огромными полчищами появляются у Завихоста и предають окружающія мѣстности огню и мечу ²⁾. Казиміру приходилось вновь вступить въ борьбу съ литовцами и помогавшими имъ татарами. Для этого онъ, во 1-хъ, укрѣпляетъ нѣкоторые города, какъ, напр., Плодкъ ³⁾, а затѣмъ — проситъ помощи у папы. Папа буллой отъ 22 ноября 1354 г. на имя короля и другой отъ 12 февр. 1355 г. на имя польскихъ прелатовъ — уступаетъ королю для борьбы съ татарами и литовцами часть церковныхъ доходовъ съ Польши. Въ послѣдней буллѣ, между прочимъ, папа говоритъ о томъ, что «*infidelium Tartarorum et Litwanorum gentes, christiani nominis inimici, Regnum Polonie jam pluribus annis elapsis hostiliter invaserant, multaue sibi dampna in gentibus atque bonis intulerant*», и о томъ, что татары и литовцы вновь готовятся напасть на Польшу ⁴⁾. Но этого мало. Казиміръ входитъ въ соглашеніе съ Людовикомъ венгерскимъ, въ силу котораго тотъ, во 1-хъ, даетъ обѣщаніе не требовать съ Казиміра денегъ, данныхъ ему въ ссуду для приобретенія сосѣднихъ русскихъ земель («*quod debitum, quo nobis occasione regni Ruthenorum tenemini*»), пока Казиміръ окончательно не утвердится въ послѣднихъ (*donec possessionem pacificam seu dominium prout predecessores nostri habuerunt obtinere valueritis regni prepotati*), а во 2-хъ, обѣщаетъ принять участіе (если можно будетъ, и лично) въ походѣ противъ литовцевъ, задуманномъ Казиміромъ, и прислать въ помощь ему больше войскъ, чѣмъ раньше присылалъ ⁵⁾.

¹⁾ Dlug. I, 1096 — 1097, *Kojatowicz* — I, 319 — 320. Также — *Росси. Mieczkowski* — «*eodem anno 1353 post festum Trinitatis Litwani vastaverunt Lamburg, multos occiderunt*». Mon. Pol. h. II, 885.

²⁾ Dlug. Лѣт. зан. арх. к., вып. IV, 344.

³⁾ Ib.

⁴⁾ *Theineri* — Mon. Pol. h. т. I, p. 556, № 739 и p. 558, № 742.

⁵⁾ Обѣ грам. кор. Людовика отъ 24 янв. 1355 г. напечатаны у *Мицк.*

Подготовившись такимъ образомъ къ борьбѣ съ литовцами, Казиміръ началъ ее и, вѣроятно, велъ довольно успѣшно, если литовскіе князья вновь подняли вопросъ о принятіи ими католицизма, — какъ объ этомъ узнаемъ изъ писемъ папы Иннокентія VI отъ 23 октября 1355 г. къ Людовику венгерскому, Владиславу опольскому и Семовиту мазовецкому ¹⁾. Но дѣйствовать вполне успѣшно противъ литовцевъ Казиміру мѣшала тевтонскій орденъ, который, вмѣсто оказанія поддержки католическому государю, поддерживалъ дружбу съ литовцами, тайно оказывая имъ помощь и, наконецъ, даже безъ всякой основательной причины сдѣлалъ вторженіе въ Мазовію (*«ducatum Mazoviae eidem regi, т. е. Казиміру, jure feudali subjectum»*, какъ говорится въ грамотѣ папы отъ 17 сентября 1356 г.) и занялъ нѣкоторые крѣпости этого княжества. На все это горько жаловался папѣ кор. Казиміръ, и папа Иннокентій VI, внимая жалобамъ короля, обратился къ ордену съ буллой отъ 17 сентября 1356 г., въ которой увѣщаетъ орденъ не оказывать впредь поддержки язычникамъ и дѣйствовать противъ послѣднихъ за-одно съ королемъ ²⁾.

Однако, такого единодушія не было и послѣ папскаго внушенія, и король Казиміръ, ослабленный борьбою съ литовцами, на сторонѣ которыхъ были и татары, заключилъ съ первыми миръ и сталъ даже данникомъ татарскаго хана, — что, конечно, должно было привести папу Иннокентія VI въ ужасное

ковича — Студ. кр. — стр. 136. См. также — *Scarbiec dipl. t. I, p. 194, № 404, Theineri—Mon. Hung. II, 803.*

¹⁾ Въ первыхъ двухъ письмахъ папа говоритъ о томъ, что литовцы подали уже нѣкоторую надежду на воспріятіе ими крещенія (*postque experiri optemus conversionem Lituanorum infidelium, tuo Regne Polonie vicinorum, de qua nobis spes aliquis est data*), а въ письмѣ къ Семовиту — сообщаетъ, что отъ Доброгестія, препозита краковской церкви, онъ съ удовольствіемъ узналъ о томъ, что Семовитъ прилагаетъ всѣ старанія къ склоненію литовскихъ князей воспріять католическую вѣру. Папа увѣщаетъ всѣхъ трехъ всячески стараться объ обращеніи въ католицизмъ литовцевъ. *Theineri—Mon. Pol. h. t. I, p. 561. №№ 746, 747 и 748.*

²⁾ *Theineri—Mon. Pol. t. I, p. 577, № 769.*

негодованіе. Это негодованіе папа излялъ въ своемъ посланіи къ Казимиру отъ 24 янв. 1357 г.,—написанномъ имъ по поводу жалобы ордена на Казимира, заключившаго миръ съ литовцами и русскими и при помощи татаръ начавшаго, въ свою очередь, опустошать территорію ордена¹⁾.

Какъ долго держалась дружба у Казимира съ литовцами, мы не знаемъ, но уже въ 1363 г. папа Урбанъ V, по просьбѣ короля Казимира, обратился съ грамотой ко всемъ вѣрующимъ, въ которой проситъ оказать поддержку королю Казимиру въ его стремленіи защитить свое государство отъ литовцевъ, татаръ и «схизматиковъ» и общается участникамъ въ борьбѣ Казимира съ этими врагами его и церкви католической полное отпущеніе грѣховъ²⁾. Значитъ, уже къ 1363 г. вновь обострились отношенія между поляками и литовцами, возобновилась между ними борьба.

Въ 1366 г. по Яну пзъ Чарикова, Казимиръ съ огромнымъ войскомъ вторгся на Волынь, съ цѣлью ея покоренія. Прежде всего онъ осадилъ Белзъ, въ которомъ сидѣлъ тогда Юрій Наримунтовичъ. Послѣдній сдался и принесть присягу на вѣрность Казимиру,—за что получилъ въ ленное владѣніе Белзъ и Холмъ. Затѣмъ Казмиру удастся овладѣть Владиміромъ и Луцкомъ, бывшими въ это время во владѣніи Любарта³⁾. По миру, заключенному въ томъ же 1366 г., Казимиръ отдалъ, какъ сказано выше, Белзъ и Холмъ Юрію Наримунтовичу, въ качествѣ пожизненнаго лена, Владиміръ и Кременецъ—Александру Копиатовичу «fidelissimo principi» («idem autem dux Alexander usque

¹⁾ Свѣдѣній объ условіяхъ мира мы не имѣемъ, но что миръ былъ заключенъ, можемъ судить объ этомъ, на основаніи письма папы къ королю Казимиру отъ 24 января 1357 г. (*Theineri—Mon. Pol. h. t. I, p. 581, № 776*). Здѣсь, между прочимъ, папа говоритъ — «eorundem Tartarorum Regi in non modici annui census prestatione tributarium te fecisti». Ср. *Theineri, Mon. h. Hung. t. II, p. 33, № LXI* (въ грам. отъ 11 авг. 1357 г. папа Иннокентій VI расточаетъ, между прочимъ, похвалы кор. Людовику венгерскому за борьбу его съ татарами, литовцами и русскими).

²⁾ *Theineri Mon. Pol. h. t. I, p. 619, № 833.*

³⁾ *Яну изъ Чарикова—Mon. Pol. h. II, 631.*

ad mortem regis tenuit, fideliter sibi serviendo»¹⁾); Любарту достался Луцкъ съ добавленіемъ къ нему нѣкоторыхъ округовъ Владимірскаго княжества—Ветлы, Любяжь, Черныгородокъ, Камень и Мельница; наконецъ, Казиміръ отказался отъ всякихъ правъ на владѣнія Кейстута—Брестъ, Каменецъ, Дрогичинъ, Мѣльникъ, Бѣльскъ и Кобринъ²⁾. Эти свѣдѣнія относительно договора 1366 г. мы почерпаемъ какъ изъ хроники Яна изъ Чарнкова, такъ, главнымъ образомъ, изъ сочиненія Нарушевича, который извлекъ договоръ изъ королевскаго архива. Въ добавочномъ документѣ, напечатанномъ также у Нарушевича (т. VI стр. 328), говорится, что для рѣшенія пограничныхъ споровъ была учреждена особая коммиссія изъ двухъ судей со стороны Польши—люблинскаго подкоморія Рафала, и двухъ—со стороны князей литовскихъ—Олизара отъ Ольгерда и Ивана Мстишинскаго—со стороны Любарта. Коммиссія должна была засѣдать въ Городлѣ, на р. Бугѣ, и судить польскихъ подданныхъ по польскимъ законамъ, а русскихъ—по русскимъ³⁾.

Въ сравнительно недавнее время обнаруженъ новый интересный документъ, относящійся къ этому-же вопросу. Это договоръ между Казиміромъ и Любартомъ, который, правдоподобно, относятся⁴⁾ къ 1366 г. (документъ безъ даты). Договоръ устанавливаетъ границу между владѣніями Казиміра и Любарта на Волыни. Здѣсь говорится также о торговыхъ пошлинахъ и пу-

¹⁾ Ib.

²⁾ Rex nihil juris habiturus unquam in Keystuti arces, in Brest, Kamienica, Drohiczyn, Mielnik, Bielsk, Kobryn». (В. Б. Антоновичъ—Mon. I, 131). Danilow.—Scarbies I, 210. Въ «Scarbies» (№ 432) договоръ напечатанъ по-польски.

³⁾ Судя на то: Любельскы панъ Кротъ, подкоморый королевъ панъ Рафалъ а одъ князя одъ великого Ельчаръ, а одъ Любарта Иванъ Мостыжынскы. А судити на Бугѣ у Городла, а судитъ королевымъ судиямъ Полонина по польскому закону и вину на немъ взяти по польскому, а русскимъ судиямъ судити по своему закону и вину взяти по русскому закону». Грамота (по-русски) напечатана, между проч. и у Мильковича, op cit., стр. 141, № IX. Scarbiec. dipl. t. I, p. 210, № 432 (подъ 1366 г.).

⁴⁾ «Arch. Sang» t. I, p. 1, 153, пр. 1.

тяхъ, о взаимной помощи, въ случаѣ борьбы съ врагами. Этотъ документъ важенъ, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что указываетъ, какъ невелики были собственно пріобрѣтенія Казимира на Волыни¹⁾—они ограничивались Владиміромъ и незначительнымъ, тянувшимъ къ нему, округомъ²⁾.

Миръ 1366 г. держался недолго. Въ 1368 г. Кейстутъ опустошилъ Пултускъ³⁾, а въ 1370 г. Любартъ и Кейстутъ, воспользовавшись смертью Казимира и тѣмъ, что Александръ Коріатовичъ тогда былъ въ Краковѣ, подступилъ къ Владиміру. Воевода владимірскій Петръ Турскій сдалъ свой городъ литовцамъ безъ боя, и литовскіе князья, овладѣвъ, такимъ образомъ, Владиміромъ, срыли до основанія каменныя укрѣпленія его, на постройку которыхъ Казиміромъ была затрачена огромная сумма денегъ⁴⁾.

Но этихъ не закончилась борьба литовцевъ съ поляками.

¹⁾ Филевичъ—Ж. М. Н. Пр. 1890, I, 121.

²⁾ См. нашъ геогр. очеркъ.

³⁾ *Ioannis de Czarnkow*, Chron. Pol. Mon. Pol. t. II, 631. Вѣроятно, въ этомъ же году или въ началѣ 1369 г. литовцы разорили тѣ крѣпости въ Краковской діоцезѣ (*Wrucz, Plonee, Rotemburch et Polcosko*), о которыхъ упоминается въ папской буллѣ отъ 15 мая 1369 г. Папа говоритъ здѣсь, что король польскій, заключивъ перемиріе съ литовцами, былъ увѣренъ въ томъ, что они не станутъ дѣлать въ это время нападеній на его земли, а между тѣмъ, литовцы внезапно сдѣлали набѣгъ на Польшу и опустошили нѣкоторыя крѣпости въ краковской діоцезѣ. Папа поручилъ архіепископу гнѣзненскому передать кор. польскому часть церковныхъ доходовъ съ Польши для отстройки разрушенныхъ крѣпостей. *Theineri*—Mon. Pol. h. t. I, p. 653, № 882. *Scarbiec diplom.* t. I, p. 214, № 441 (подъ 1369 г. Здѣсь—*Polcosko*, а въ скобкахъ—*Pultusk*).

⁴⁾ *Ioannis de Charnkow*—Mon. Pol. t. II, 643—44. Въ постройкѣ замка участвовало ежедневно, въ продолженіе почти 2 лѣтъ, 300 человекъ; много быковъ и лошадей возило цементъ, камни, кирпичи и дерево. На постройку израсходовано было болѣе 3-хъ тысячъ марокъ изъ королевской казны. Еще за 4 дня до смерти Казиміра вручилъ для той-же надобности надзиравшему за постройкой католическому священнику Вячеславу де *Thapczin* 600 марокъ; но не успѣлъ еще священникъ выѣхать изъ Кракова, какъ король скончался. Деньги были возвращены въ королевскую казну.

Она продолжалась и при преемникѣ Казиміра В. Людовикѣ угорскомѣ. Правда, послѣдній, а также и его мать, которую онъ назначилъ было регентшей Польскаго государства, обращали мало вниманія на галицко-владимірскія дѣла, но, тѣмъ не менѣе, по словамъ г. Филевича¹⁾, имъ легко было затруднять литовцевъ борьбой съ крестоносцами²⁾, и послѣдніе, дѣйствительно, съ 1371 г. и по 1376 г. почти непрерывно производятъ опустошенія владѣній Кейстута, такъ что тотъ не могъ оказывать поддержки Любарту въ его еще неоконченной борьбѣ съ поляками. За-то литовцы находили для себя поддержку тогда въ мазовшанахъ, и это обстоятельство вызывало не малый гнѣвъ со стороны папы Григорія XI, который въ письмѣ отъ 23 ноября 1371 г. къ регентшѣ Елизаветѣ венгерской убѣждаетъ ее не допускать мазовшанъ къ переходу на сторону враговъ христіанства³⁾.

Чтобы положить конецъ этимъ непреетаннымъ нападеніямъ литовцевъ на христіанскія земли, папа Григорій XI дѣлаетъ новую попытку распространить среди литовцевъ католицизмъ. Съ этой цѣлью онъ обращается съ письмомъ отъ 23 октября 1373 г. къ литовскимъ князьямъ Ольгерду, Кейстуту и Любарту, въ которомъ говоритъ, что пора уже прекратить продолжительную борьбу между орденомъ и нѣкоторыми другими христіанами съ одной стороны, и литовцами — съ другой, для чего необходимо послѣднимъ воспринять католическую вѣру, «*sine qua (fide catholica)*» говорится въ грамотѣ, «*salus esse non potest*». Папа обѣщаетъ при этомъ литовцамъ утвердить между ними и тевтонскимъ орденомъ дружбу. Въ двухъ другихъ письмахъ отъ того-же числа къ кор. Людовику и Семовиту мазовецкому—папа проситъ этихъ лицъ содѣйствовать обращенію литовцевъ въ католицизмъ⁴⁾.

¹⁾ Филевичъ—Ж. М. Н. Пр. 1890 г. I, 126.

²⁾ Людовикъ былъ въ дружбѣ съ крестоносцами, предоставлялъ имъ разныя торговыя льготы въ своихъ владѣніяхъ. См. напр., *Voigt* (Cod. dipl. t. III, pp. 149—150, 165—167.

³⁾ Милковичъ — стр. 62, 75. *Scarb. dipl.* t. I, p. 216, № 446 (подъ 1371 г.—гр. Григорія XI, Семовиту мазов.), p. 217, № 447 (гр. Елизаветѣ венг., подъ 1371 г.).

⁴⁾ *Theineri*—Mon. Pol. h. t. I, p.p. 695, 696, №№ 934, 935 и 936.

Однако, литовскіе князья Ольгердъ, Кейстутъ, Ягайло, Витовтъ, Любартъ и Юрій белзскій, не внимая папскому призыву, соединившись въ 1376 г., бросаются на Польшу и опустошаютъ Сандомирскую и Люблинскую земли ¹⁾. Этотъ литовскій набѣгъ заставилъ Людовика предпринять походъ, въ свою очередь, на литовцевъ, и въ 1377 г. съ многочисленнымъ польскимъ и венгерскимъ войскомъ онъ вторгся въ принадлежавшія тогда имъ владѣнія въ Забужьѣ, при чемъ, самъ съ венграми осадилъ Белзъ, а поляки — Холмъ. По взятіи послѣдняго оба войска соединились и овладѣли Белзомъ. Юрій Наримунтовичъ сдался и получилъ отъ короля Любачевъ и 100 гривенъ изъ соляныхъ доходовъ въ Бохніи ²⁾. Наконецъ, при посредствѣ Кейстута былъ заключенъ договоръ между поляками и литовцами, въ силу котораго земли Владимірская, Луцкая и Брестская были признаны за Литвою, а земли Холмская и Белзская отошли къ Польшѣ ³⁾.

Такимъ образомъ, споръ за Волинь, начавшійся въ 1340 г., закончился въ 1377 г. Волинь (за исключеніемъ западнаго Забужья) отошла къ литовцамъ. Кромежь упоминаеть еще о двухъ набѣгахъ Юрія Наримунтовича на Галицкую землю, но насколько это вѣрно, трудно сказать ⁴⁾. Послѣ 1377 г. Юрія, очевидно, не было въ Белзѣ — послѣдній находился въ это время

¹⁾ *Изъ изг. Чарикова* — Мон. Р. II, 675, *Kojalowicz* — Н. Litw. I, 345. *Cromeri De orig. et r. g. P. I. XIII, 340.*

²⁾ *Ib.*, *Reżabek* — *іЖі*, 29—31.

³⁾ *В. Б. Антоновичъ* — Мон. I, 132. *Мильковичъ* — (Студ. кр., стр. 101) видитъ (что правдоподобно) причину довольно быстро завоеванія Людовикомъ нѣкоторой части Волинской территоріи, между прочимъ, въ томъ, что въ это время какъ разъ крестоносцы напали на владѣнія Кейстута (*Scarb. dipl. I, p. 221, № 458*), и послѣдній долженъ былъ воевать съ ними. Не можемъ только согласиться съ мнѣніемъ г. Мильковича, основаннымъ якобы на грамотѣ Любарта жителямъ Львова отъ 1379 г., будто Любартъ вынужденъ былъ въ это время признать надъ собой верховную власть Людовика (Студ. кр., стр. 101—102); на самомъ же дѣлѣ, эта грамота не даетъ намъ права дѣлать заключенія, подобнаго сдѣланному Мильковичемъ.

⁴⁾ *Cromeri De orig. P. lib. XIII, p. 341* («bis postea rursus Russiam a Litvano duce vexatam esse... Bonfinius memorat»). *Филевичъ* — *Ж. М. Н. Пр.* 1890, I, 130. — *Андріашевъ* — *Оч.* 223.

подъ управленіемъ Владислава опольскаго, которому Людовикъ 10 октября 1372 г. передалъ Галичину ¹⁾. Въ 1377 г. Владиславъ учредилъ въ Белзѣ складъ соли и другихъ товаровъ, при чемъ, «литовцы», т. е. по толкованію г. Филевича, — русскіе, находившіеся подъ властью Литвы, должны были запасаться солью въ Белзѣ и не посѣщать Галицкой Руси ²⁾. Въ этомъ же году, какъ видно изъ одного документа, въ Белзѣ былъ воевода Прибко ³⁾. Что же касается Юрія Наримунтовича, то къ 1379 г. онъ былъ уже въ Новгородѣ ⁴⁾.

Любартъ, однако, не могъ примириться съ потерей Галиціи, Забужья и нѣкоторыхъ волынскихъ городовъ (Кременца, напр.),—гдѣ, какъ и въ Галиціи, были поставлены венгерскіе гарнизоны. Благопріятнымъ для него обстоятельствомъ явилась смерть Людовика (1382 г.) ⁵⁾. Венгерскіе начальники, узнавъ о смерти короля, сдаютъ Любарту за плату города Кременецъ, Олеско, Перемышль, Гродло, Лопатинъ, Снятинъ и другіе ⁶⁾. Въ числѣ послѣднихъ былъ, вѣроятно, и Белзъ, потому что здѣсь въ 80-хъ годахъ XIV в. опять встрѣчаемъ Юрія Наримунтовича, который въ 1390 г. лишился Белза и ушелъ къ тевтонскимъ рыцарямъ, а въ 1395 г. Белзъ былъ отданъ Ягайломъ Семовиту мазовецкому, т. е. перешелъ въ польскія руки ⁷⁾.

Неизвѣстно, когда скончался княжившій на Волыни Любартъ, какъ мало вообще извѣстно о внутренней и внѣшней дѣятель-

¹⁾ Филевичъ—ib.; стр. 125; Милковичъ—стр. 77. 13 Янв. 1379 г. Владиславъ отказался отъ управленія Русью. *Suppl. ad hist. R. m. Филевичъ* — ib. 131. И. А. Липиниченко—Черты изъ ист. соесл., стр. 8, пр. 2 (здѣсь находимъ такія указанія: гр. Людовика, увѣдомляющая населеніе Польши и Венгріи о передачѣ Черв. Руси Владиславу, датирована 30 окт. 1372 г.; грам. Опольскаго жителямъ Руси, освобождающая ихъ отъ присяги ему на вѣрность—отъ 13 Янв. 1379 г.).

²⁾ Филевичъ—Борьба Польши и Литвы—Р., стр. 110.

³⁾ Reżabek—Jiří—30.

⁴⁾ «Той же зимы (1379 г.) приѣхалъ в Новгородъ князь Литовскыи Юрьи Наримунтовичъ». Новг. I, по синод. хар. еп. Спб. 1888, 367 стр.

⁵⁾ *Ягъ изъ Чарикова*—Mon. Pol. h. t. II, 721—22.

⁶⁾ Ib. 722.

⁷⁾ Reżabek—Jiří, стр. 31—34.

ности этого князя. Однако, изъ того, что мы о немъ знаемъ, можно заключить, что онъ являлся для волынянъ *persona gratissima*. Онъ велъ многолѣтнюю борьбу съ поляками, которая, хотя и вытекала изъ потребностей литовскаго государства, тѣмъ не менѣе, была выгодна и для волынянъ, потому что, при благопріятномъ исходѣ, спасала ихъ отъ политическаго и культурнаго порабожденія полякамъ. Любартъ всячески поддерживалъ на Волыни православіе, самъ будучи, несомнѣнно, православнымъ¹⁾; старался о развитіи въ своихъ владѣніяхъ торговли, промышленности и просвѣщенія. Все это, конечно, должно было сыграть ему благорасположеніе волынянъ,—что вело какъ къ укрѣпленію его династіи на Волыни, такъ и къ болѣе тѣсной связи этой русской земли съ литовскимъ государствомъ.

Въ 1386 г. Любарта уже не было въ живыхъ, какъ объ этомъ можно заключить, на основаніи грамоты отъ 22-го мая 1386 г., написанной отъ имени луцкаго князя Федора Любарта, а не Дмитрія—Любарта Гедиминовича²⁾.

¹⁾ Андрияшевъ—Оч. 227. *Strykowski. Kron.*, II, p. 29 («bo Lubart już sie był przed tym dawno ochrzczył w ruską wiarę»). Папа тщетно пытался обратить его, Кейстута и Ольгерда въ католицизмъ,—какъ объ этомъ говорилось выше.

²⁾ Любартъ умеръ въ промежуткѣ между 1382 и 1386 гг. Последнее извѣстіе о немъ относится къ 1382 г. (См. Хрон. Яна изъ Чарикова. М. Р. h. II, 721—722), а въ 1386 г. на Волыни княжилъ уже его сынъ («Arch. S.» t. I, p. 2).

Любартъ носилъ еще другое имя—Дмитрій, какъ это видно—во 1-хъ, изъ упомянутаго выше документа, относящагося къ 1366 г., который начинается такъ: «Се язъ князь великій Дмитрій» («Arch. S. t. I, 1»); во 2-хъ, изъ грамоты Любарта отъ 1379 г. жителямъ г. Львова—о недозволеніи польскими и нѣмецкими купцамъ проѣзжать съ товарами въ татарскія земли черезъ Львовъ, Луцкъ и Владиміръ». Любартъ здѣсь называетъ себя—«*Wir grosser Fürste Demytur*» (Supplem. ad hist. R. mon. Spб. 1848 г., стр. 128); въ 3-хъ, изъ надписи на колоколѣ 1341 г. во Львовѣ: «въ лѣто 6849 сольянъ бы колоколъ сіи стоуу Юрью при князи Дмитриаі игуменомъ Евѣфимьемъ» (*Зубрицкій*—Крит. ист. пов. стр. 78). Вольфъ, въ «*Röd. Ged.*» также приписываетъ эту надпись Любарту (стр. 73—74). Смерть Любарта Вольфъ относитъ къ 1384 г. (*Röd. Ged.* p. 76), но почему къ этому году, не говоритъ.

Спрашивается, къ кому же должно было перейти наслѣдіе Любарта Гедиминовича—Волынь? Естественнѣе всего думать — къ его дѣтямъ. Для послѣднихъ Волынь была отчиной; къ нимъ, а не къ кому другому изъ княжескаго литовскаго рода, должны были быть расположены больше всего волыняне, какъ къ дѣтямъ ихъ любимаго князя.

Но были ли дѣти у Любарта? Любартъ Гедиминовичъ былъ дважды женатъ — первый разъ на княжнѣ владиміро-волынской Бучѣ, а въ другой—на дочери ростовскаго князя Константина¹⁾. Отъ брака съ одной изъ этихъ княженъ родился сынъ Федоръ, несомнѣнно, остававшійся въ живыхъ и послѣ смерти отца — Любарта Гедиминовича. Были ли у Любарта еще другія дѣти, по-мимо Федора? Этотъ вопросъ разрѣшается грамотой в. кн. Федота (ошибочно — вмѣсто Федора) съ братьями Семеномъ и Лазаремъ и матерью Ольгой, грамотой, заключающей въ себѣ общаніе «не уступатися у его (кн. Федора Даниловича Острожскаго) отчизну и его служебные»²⁾. Кто же могъ давать подобное общаніе, какъ не ближайшіе наслѣдники того князя, которому Острогъ, вмѣстѣ съ другими волынскими землями, принадлежалъ. Такимъ княземъ былъ Любартъ Гедиминовичъ, а упомянутые въ грамотѣ Федоръ, Лазарь и Семень—его ближайшіе наслѣдники, его дѣти, Ольга—его супруга.

¹⁾ *Каралзинъ* — Ист. госуд. Р. IV, пр. 267 и 351. *Буча*, по Стадницкому Ged. II, р. 25) — С. дочь Льва Юрьевича, кн. луцкаго. *Хмыревъ* — (Алф. справ. переч. уд. кн., стр. 33, № 352) называетъ 2-ю жену Любарта — Агафіей. *Никоновская*, ч. III, стр. 192.

²⁾ Arch. Sang. t. I, р. 8. Дата грамоты не указана. Редакція «Arch. S.» относитъ грамоту ко времени ок. 1386 г., при чемъ, въ объясненіи (стр. 155, т. I) говоритъ, ссылаясь на соч. «Kniazowie i Szlachta», что документъ этотъ можетъ быть отнесенъ ко времени между 1384 и 1386 г. По нашему мнѣнію, скорѣе — между 1382 и 1386 г. Любартъ, вѣдь, могъ умереть и въ 1382 году; по крайней мѣрѣ, послѣднее извѣстіе о немъ мы имѣемъ именно отъ этого года; слѣд., документъ можно отнести и къ 1382 г. Послѣ 1386 г. грамота не могла быть написана, потому что Федоръ Любартовичъ въ это время уже не имѣлъ никакого отношенія къ отчинѣ Федора Даниловича—Острожскому княжеству,—о чемъ скажемъ дальше.

Изъ названныхъ братьевъ Федоръ былъ, несомнѣнно, старшій. Ему-то и должна была достаться Волинь послѣ смерти отца. Въ грамотѣ отъ 22 мая 1386 г. онъ величаетъ себя только «*dux luseorgiensis*»; но это ничего не значитъ. Луцкъ въ это время игралъ такую-же роль, какую въ прежнее время — Владимиръ. Онъ былъ главнымъ городомъ Волинской земли, — вотъ почему князь его — «*dux luseorgiensis*» — могъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и княземъ всей Волини.

И Ягайло, въ качествѣ вел. князя литовскаго, не могъ воспрепятствовать Федору Любартовичу занять отцовскій столъ — Волинь. На сторонѣ Федора Любартовича должна была быть симпатія населенія той земли, которая, хотя въ данное время и составляла уже часть великаго княжества Литовскаго, все же пользовалась большою самостоятельностью, какъ удѣлъ; на его же сторонѣ было право наслѣдованія Волини, какъ отчины. Ягайло не могъ игнорировать всѣхъ этихъ обстоятельствъ. Да притомъ же, если смерть Любарта Гедиминовича случилась до 1384 г. или около этого времени, то даже совсѣмъ не въ интересахъ Ягайла было нарушать права Федора Любартовича на Волинь.

Какъ пѣвѣстно, послѣ смерти Ольгерда (1377) въ Литвѣ произошла борьба между Кейстутомъ и Ягайломъ, трагически окончившаяся для перваго. Кейстутъ былъ взятъ въ плѣнъ племянникомъ и задушенъ въ темницѣ. Сынъ Кейстута Витовтъ бѣжалъ къ крестоносцамъ¹⁾. Здѣсь, принявъ христіанство и обѣщавъ сдѣлаться вассаломъ ордена, Витовтъ нашелъ поддержку со стороны послѣдняго, и между двоюродными братьями началась война. Война эта была довольно успѣшна для Витовта, и Ягайло счелъ за самое лучшее примириться съ нимъ. Тогда Витовтъ, разорвавъ связь съ крестоносцами, перешелъ на сторону Ягайла и вмѣстѣ съ нимъ разбилъ своихъ прежнихъ союзниковъ²⁾. По миру, заключенному съ Витовтомъ (въ 1384 году), Ягайло возвратилъ ему его отчину (Берестье, Дрогичинъ, Гродно,

¹⁾ *Лѣтопись Даниловича*, 39, 44; Лѣт. Быховца — 27; *Scarb. dipl. t. I*, p. 237—241.

²⁾ *Бестужевъ-Рюминъ* — Рус. ист. II, 8. — *Scarb. dipl. t. I*, p. 251—2, №№ 498 и 499 (подъ 1384 г.).

Троки и проч.—удѣлъ Кейстута) и обѣщалъ дать, кромѣ того (какъ говорить г. Брянцевъ), по настоянію своей матери Юліаніи¹⁾, Луцкъ со всею Волынской землею²⁾.

Могъ ли Ягайло, занятый борьбой съ Витовтомъ, рѣшиться на отнятіе у Федора Любартовича его законнаго наслѣдія. Едва-ли. Не въ интересахъ Ягайла было въ данное время возбуждать противъ себя новаго врага въ лицѣ Федора Любартовича и тѣмъ ослаблять себя въ борьбѣ съ Витовтомъ. А что Федоръ Любартовичъ, этотъ, несомнѣнно, слабый князь, могъ бы, въ случаѣ нарушенія Ягайломъ его правъ на Волынь, стать на сторону врага—Ягайла—Витовта, показываютъ позднѣйшія событія, когда этотъ же Федоръ Любартовичъ, недовольный отнятіемъ у него Владимірскаго княжества и пожалованіемъ ему въ удѣлъ Сѣверской земли, перешелъ на сторону боровшагося тогда съ Ягайломъ Свидригайла и вмѣстѣ съ послѣднимъ обратился за помощью къ Прусскому ордену.

¹⁾ *Брянцевъ*—Ист. лит. госуд. 187.

²⁾ *Kojalowicz*—Hist. Litw. I, 377; *Lator. Lit.* (Данилов.) 39: «Тогда князь велики Ягайло, презвавъ его (Витовта) со нѣмецъ и далъ ему Луцескъ со всею Волынской землею, а въ Литовской земли отчину его». То-же и въ лѣт. Выховца, 27. *Scarb. dipl.*, t. I, p. 251, № 498 (подъ 1384 г.). *Cromeri*—De orig. et reb. g. P., l. XII, p. 365. Однако, Витовтъ, на самомъ дѣлѣ, до 1387 г., какъ кажется, не владѣлъ совсѣмъ Волынью 22 мая 1386 года Федоръ Любартовичъ далъ грамоту въ Сандомірѣ, въ которой величаетъ себя—«*dei gracia dux luciensis*», а въ 1387 г., въ числѣ другихъ литовскихъ князей, гарантировалъ безопасность венгерскому воеводѣ Бенедикту, давшему Галичъ Ядвигѣ, при чемъ, на грамотѣ, данной по этому поводу литовскими князьями, подписанъ—«*Theodor Vladimiriensis*, а Витовтъ—«*Alexander Wit-hofidus dux brestensis*».

Можетъ быть къ к. 1387 г. Витовтъ получилъ Луцкъ? Кояловичъ (Hist. Litw. II, 2—3) подъ 1387 годомъ говорить: *agebat., is* (т. е. Витовтъ) *Luceorae*.

Между литовскими князьями, поручившимися предъ Ядвигой и польскими вельможами за Ягайла, былъ и нашъ Федоръ Любартовичъ, хотя, насколько это извѣстно изъ источниковъ, въ предбрачныхъ переговорахъ онъ не участвовалъ и на бракосочетаніи Ягайла съ Ядвигой не присутствовалъ. *Cromeri*—De orig. et reb. g. P., l. XV, p. 366.

Итакъ, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Ягайло могъ сейчасъ же послѣ смерти Любарта Гедиминовича лишить его сына Федора наслѣдства—Волини, какъ нѣтъ, слѣдовательно, основанія предполагать, что и кн. луцкій, написавшій грамоту отъ 22-го мая 1386 г., былъ кто-либо другой, а не Федоръ Любартовичъ,—какъ это утверждаетъ г. Лонгиновъ въ своемъ сочиненіи—«Князь Федоръ-Любартъ Ольгердовичъ»¹⁾.

Въ пользу высказываемаго нами мнѣнія о Федорѣ Любартовичѣ, какъ о преемникѣ Любарта Гедиминовича на Волинскомъ столѣ, говоритъ еще и слѣдующее. Федоръ Любартовичъ даетъ въ Сандомірѣ 22 мая 1386 г. грамоту, изъ которой видно, что «quadam causa racionabili occurrente», Ягайло съ Ядвигой нашли нужнымъ послать его въ Литву. Федоръ Любартовичъ общается и въ Литвѣ не измѣнять своимъ обязательствамъ (изложеннымъ имъ въ другой грамотѣ, намъ неизвѣстной) относительно короля и королевы и всегда пребывать имъ вѣрнымъ и послушнымъ. Какіе мотивы побудили Ягайла съ Ядвигой спровадить Федора Любартовича въ Литву, собственно неизвѣстно. Можно думать, что Ягайло хотѣлъ, такимъ образомъ, отдѣлавшись отъ Федора Любартовича, передать Луцкъ, согласно обѣщанію, Витовту. И дѣйствительно, выпроводивъ Федора въ Литву, Ягайло явился въ Луцкъ; сюда же прибылъ и Витовтъ. Отъ имени ихъ обоихъ въ это время, 4 ноября 1386 г., была написана здѣсь грамота, которой закрѣплялось за кн. Федоромъ Даниловичемъ Острожскимъ обладаніе Острогомъ. Вотъ это-то обстоятельство и даетъ намъ нѣкоторое указаніе на то, что Ягайло, въ 1386 г., наконецъ, осуществилъ свое обѣщаніе (для чего и понадобилось предварительно услатъ въ Литву Федора Любартовича) и уступилъ Луцкъ Витовту; причемъ, впрочемъ, не довѣряя вполне послѣднему, оставилъ въ этомъ же городѣ блюстителемъ польскихъ интересовъ какого то Креслава пзъ Курозвонкѣ, — какъ о томъ свидѣлствуютъ Длугошъ и Кояновичъ²⁾.

¹⁾ *Лонг новелла*—Кн. Федоръ — Любартъ Ольгердовичъ». Вильна, 1893 г. См. нашъ разборъ этого сочиненія въ Чт. Истор. общ. Нестора Лѣт., кн. VIII.

²⁾ «Castrum Luczko et omnem regionem ad illud pertinentem Creslao

Еще проще можно, однако, объяснить цѣль удаленія съ Волыни въ Литву Федора Любартовича, если согласиться съ г. Соколовскимъ, считающимъ грамоту Ягайла и Витовта отъ 4-го ноября 1386 г., несомнѣнно, подложной ¹⁾.

Удаляя въ Литву Федора Любартовича, Ягайло могъ и не думать о передачѣ Луцка Витовту, — на что указываетъ отчасти и то обстоятельство, что Витовтъ еще и въ 1387 г. подписывался только какъ «dux brestensis et horodnensis» ²⁾. У Ягайла въ данномъ случаѣ могла быть иная цѣль.

Окруженный польскими панамп, находясь подъ ихъ вліяніемъ, Ягайло, позабывъ литовско-русскіе интересы, дѣйствуетъ всецѣло въ пользу Польши, старается объ осуществленіи ея завѣтной мечты поглотить сосѣднія русскія земли. Но какъ воз-

de Kurozwłki, castellano sandomiriensi, quatenus illud suo ex regni Poloniae nomine gubernaret, contulit tenutam». (*Длугош*, X, 118—119). По Кромеру—Креслава, «castellanus Sandomiriensem» Ягайло — *Lusco praefecit*. *Cromeri* — De orig., l. XV, p. 369. Оч. Вол. земли Андрияшева 229. *Kojałowicz*, Hist. Litw. I, 399: «ubi quod Creslao Curozwancio polono praefecturam Luceoriae contra Lituanorum sententiam consignasset». На возвратномъ пути изъ Литвы въ Польшу Ягайло, по словамъ Кояловича, былъ на Волыни, гдѣ въ Луцкѣ въ это время жилъ Креславъ. Такимъ образомъ, Кояловичъ опредѣляетъ и время намѣстничанья этого поляка (1386—1387 гг.). Сообщение Длугоша, Кромера и Кояловича — правдоподобно. Вѣдь Ягайло, отдавъ вел. княз. литовскій столъ Скиргайлу, не позволилъ ему оставаться въ Вильнѣ, а передалъ этотъ городъ въ вѣдѣніе поляка изъ Москажева-Клименты (*Брянцевъ*—Ист. лит. госуд., 213). Почему подобно же не могло случиться и съ Витовтомъ? По словамъ Стрыйковского, (*Крон.*, t. II, p. 82) Ягайло на возвратномъ пути изъ Литвы въ Польшу «na starostwo Luckie przelożył Krzesława z Kurozwak».

¹⁾ Arch. ks. Sang. I, 155, объясн. VI.

²⁾ *Codex Vitoldi*, № XXXV. — Nos Alexander alias Vitoldus dei gratia dux Brestensis et Haradiensis etc. una cum fratribus nostris dilectis ea gratia ducibus videlicet Georgio, alias Debek, Fedario de Rathin, Vassilio de Pinsko, Fedario de Ladomi(ri)a, Gregorio de Sluczsko et Symeone StepanSKU etc. Кромѣ того, въ «Scarb. dipl.» (t. I, стр. 251) Даниловича читаемъ: «Witold, odwołany przez W. ks. Iagiellę świadczy, jako wziął od niego: Brześć, Drohiczyn, Mielnik, Bielsk, Suraż, Kamieniec, Wolkowysk i Grodno z całym powiatem».

можно было это сдѣлать, напр., хотя бы отношенію къ Волини? Для этого нужно было расположить въ пользу Польши вліятельныхъ на Волини лицъ; нужно было мало по-малу измѣнить издавна существовавшіе здѣсь порядки и замѣнить ихъ такими, при которыхъ возможно было бы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ осуществленіе польскихъ желаній.

Имѣя это въ виду, Ягайло и отправляется въ 1386 г. въ Луцкъ. Но свободно дѣйствовать здѣсь могъ бы ему помѣшать Федоръ Любартовичъ, который, какъ сынъ Любарта Гедиминовича, былъ, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, преданъ интересамъ волинскаго населенія; недаромъ же онъ въ послѣдствіи примкнулъ къ Свидригайлу, энергичному борцу за русско-литовскіе интересы. Вотъ съ цѣлью устраненія такой помѣхи Ягайло, выдумавъ благовидный предлогъ, и посылаетъ Федора Любартовича въ Литву, самъ же является въ Луцкъ и здѣсь начинаетъ свободно орудовать въ пользу свою и Польши, для чего, между прочимъ, старается расположить къ себѣ и Польшѣ разныхъ популярныхъ на Волини лицъ. Такъ, напр., въ это время онъ подтверждаетъ за пзвѣстнымъ княземъ Федоромъ Даниловичемъ и его преемникамъ право на владѣніе разными землями въ Луцкомъ княжествѣ, подъ условіемъ вѣрности Польшѣ ¹⁾.

Но Ягайло не могъ долго жить на Волини и въ частности въ Луцкѣ. Для продолженія начатаго имъ въ духѣ польскихъ интересовъ дѣла, онъ назначаетъ туда въ качествѣ своего наместника упомянутого выше поляка Курослава изъ Курозвонкѣ, а Федору Любартовичу рѣшается Луцка не возвращать.

Вотъ почему Федоръ Любартовичъ, вернувшись изъ Литвы, Луцка болѣе уже не получалъ, а принужденъ былъ довольствоваться однимъ только Владимірскимъ княжествомъ, и какъ князь этого послѣдняго—Theodor Wlodimiriensis—подписался на гра-

¹⁾ «Tali tamen interposita condicione (damus), quod dictus dominius Fedor, sui heredes et successores legitimi cum ipsorum hominibus, quos habent vel habere poterint, majestati nostrae, nostris successoribus ac coronae ipsius regni Poloniae famulatus et servicia exhibere sint astricti». «Arch. ks. Lubart. Sang.» T. I, p. 5. Грамота отъ 2 ноября 1386 г.

мотъ 1387 г., написанной князьями, участвовавшими въ осадѣ Галича и гарантировавшими безопасность венгерскому воеводѣ Бенедикту ¹⁾).

Позволимъ себѣ теперь спросить, сталъ ли бы Ягайло стѣсняться и выдумывать предлогъ для удаленія съ Волыни луцкаго князя, если бы, имъ дѣйствительно, былъ не законный отчичъ Волыни Федоръ Любартовичъ ²⁾)?

Прослѣдимъ за дальнѣйшей судьбой послѣдняго.

Къ 1388 г. дѣла Федора Любартовича ухудшились. Ягайло, уѣзжая въ 1387 г. изъ Литвы, вел. княжескій литовскій столъ передалъ брату Скиргайлу; ему же отданъ былъ и г. Троки ³⁾. Такимъ распоряженіемъ Ягайло долженъ былъ чрезвычайно обидѣться Витовтъ. Чтобы дать послѣднему хотя какое-либо удовлетвореніе, Ягайло рѣшается пожертвовать Федоромъ Любартовичемъ, — для чего, мало того, что отдаетъ Витовту Луцкъ, гдѣ спдѣлъ намѣстникомъ Курославъ, — отнимаетъ еще у Федора г. Владиміръ. Вотъ почему Витовтъ, титуловавшій себя въ 1387 г. (на гарантіи Бенедикта) — «*dux brestensis et horodnensis*», на актѣ отъ 1-го іюля 1388 г. величаетъ уже себя «великий князь литовскій и дѣдичъ городенскій, берестейскій, дорожницкій, луцкій и володимерскій», а въ 1390 г. «*Herczog czu Luczig und czu Garthin*» ⁴⁾).

¹⁾ Alexander Withowdus dux brestensis, Georgius belzensis, Theodor rohatin, Vasilio pinsc., Theodor Vladimiriensis, Simeon Stepan. et Georgius Slucens. duces fratres Vladislao reg. pro Benedicto palatino Haliciensi cavent. *Golębowski*—I, стр 501, № 132 (Reżabek—33).

²⁾ Г. Лонгиновъ—въ упомянутомъ выше сочиненіи — «Князь Федоръ-Любартъ Ольгердовичъ — утверждаетъ, что преемникомъ Любарта Гедиминовича на Волыни былъ Федоръ Ольгердовичъ. Мои возраженія см. въ Чт. истор. общ. Нестора лѣт., кн. VIII.

³⁾ Лѣт. Быховца, 29—31: Въ Литвѣ Ягайло оставилъ Скиргайла, а въ Луцкѣ былъ Витовтъ, который въ это время «змовилъ» дочь свою Софію за московскаго вел. кн. Василія Дмитріевича (послѣдній тогда еще не былъ вел. кн.). *Scarb. dipl. t. I*, p. 267, № 542; *Cromeri*—De orig. P., lib. XV, 368.

⁴⁾ *Акты, относящіяся къ ист. зап. Руси*. Т. I, № 9, а также — *Scarb. dipl. t.*, p. 272, № 558—привилей евреямъ, данный 1 іюля 1388 г. въ Луцкѣ. *Codex Vitoldi*, № 63, *Scarb. dipl. t. I*, p. 279, 280.

Уступкой Волыни¹⁾ Ягайло, однако, не могъ вполне удовлетворить Витовта, который стремился свергнуть съ вел. кн. стола Скригайла и овладѣть Вильной, чтобы самому сдѣлаться вел. княземъ литовскимъ. Такого рода стремленія Витовта должны были вызвать столкновение между нимъ и Ягайломъ, и Витовтъ вынужденъ былъ бѣжать сначала въ Мазовію, а затѣмъ къ крестоносцамъ²⁾. Что же случилось послѣ этого съ Волынію? А она, вѣроятно, еще до бѣгства Витовта была у него отнята Ягайломъ³⁾, при чемъ, Владимірское княжество (можетъ быть, изъ нежеланія имѣть лишняго врага) было возвращено послѣднимъ Федору Любартовичу, который еще и въ 1393 г. титулуется себя—«*dux Wlodimiriensis*». Что же касается Луцка, то Ягайло счелъ возможнымъ тогда довѣрить такой важный пунктъ на Волыни кн. Федору Даниловичу, назначивъ его своимъ наместникомъ въ этотъ городъ⁴⁾, и послѣдующія событія показали,

¹⁾ *Kajalowicz*, *Hist Litw.*, II, 2—3 (подъ 1387 г.): Въ это время Витовтъ, «*beneficio Iagellonis*», владѣлъ Самогитіей, Подляхіей, Польсьемъ и значительной частью Волыни; при этомъ, Кояловичъ замѣчаетъ: «*agebat is (т. е. Витовтъ) «Luceorine»*».

²⁾ *Kajalowicz*—*Hist Litw.* II, 4 и 14; *Cromeri*—*De orig. et reb. g. Pol.* lib XV, p. 369; *Strzykowski*—*Kron.* II, 84; «*Scarb. dipl.*»—I, p. 278, 280, 285.

³⁾ Въ грамотѣ отъ 1 іюля 1388 г. Витовтъ титулуется себя, между прочимъ,—княземъ луцкимъ и владимірскимъ; въ грам. отъ 24 іюля того-же года — княземъ брестскимъ и двдичемъ гродненскимъ и другихъ земель литовскихъ и русскихъ, а въ грам. отъ 29 мая 1389 г.—только княземъ гродненскимъ и брестскимъ, и можно думать, что около этого времени онъ, дѣйствительно, владѣлъ только этими землями. «*Scarbiesc dipl.*» I, 272, 273, 276, 278.

⁴⁾ Въ первомъ томѣ «*Archiw Sang.*» (p. 7, № VII) напечатана грамота кн. Федора Даниловича, изъ которой видно, что король Ягайло «далъ (Федору Даниловичу) намѣстничати оу Лучьску». При этомъ, Федоръ Даниловичъ отъ своего плени и брата Михаила «цѣлува крестъ» «доброе мыслити королю», «чипити ми (до Д.) исправно земляномъ, какъ Богу любу и осподареви моему великому королю». Въ грамотѣ обращается на себя вниманіе заявленіе Федора Даниловича, что онъ «съ его (Ягайла) руки свѣдъ» въ Луцкѣ, а также обещаніе «не утаити отъ господаря нашего великаго короля... што колъ отъ кого услышко на господаря нашего, лихо или добро», а «города Лучьска блюстп ми, а никому не дати, али жъ осподарь мой великий король

что Федоръ Даниловичъ оправдалъ довѣріе къ нему Ягайла. Онъ не послѣдовалъ за Витовтомъ къ нѣмцамъ, — какъ-то сдѣлали нѣкоторые другіе русско-литовскіе вельможи¹⁾; въ борьбѣ съ Витовтомъ онъ, напротивъ, стоялъ на сторонѣ короля, участвовалъ въ защитѣ Вильны и подвергалъ здѣсь свою жизнь опасности, — за что въ благодарность Ягайло подтвердилъ за нимъ въ послѣдствіи право на владѣніе Острогомъ съ Заславомъ и Бродами²⁾. Цѣна вѣрности Федора Даниловича, желая имѣть въ лицѣ князей Острожскихъ сторонниковъ Польши, и кор. Ядвига, отъ своего уже имени, даетъ Федору Даниловичу грамоту отъ 4-го ноября 1393 г. на наследственное обладаніе Острожскимъ княжествомъ³⁾.

Въ 1392 г. прекращается борьба между Витовтомъ и Ягай-

возмечь, коли усхочеть». Грамота эта, къ сожалѣнію, безъ даты, и мы не можемъ съ точностью сказать, къ какому собственно времени относится намѣстничанье въ Луцкѣ кн. Федора Даниловича. Г. Лонгиновъ («Кн. Федоръ—Люб. Ольгердъ», стр. 5) предполагаетъ, что Федоръ Даниловичъ былъ намѣстникомъ въ Луцкѣ уже въ 1386—1387 г., — съ чѣмъ нельзя согласиться, такъ какъ нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ достовѣрности сообщеннаго Длугошемъ, Кояловичемъ и Кромеромъ извѣстія о томъ, что въ это время намѣстничалъ въ Луцкѣ Креславъ изъ Курозвонкъ. Въ 1388 г. Луцкомъ владелъ уже, несомнѣнно, Витовтъ, а Федоръ Даниловичъ тогда былъ здѣсь воеводою (какъ то видно изъ привилея, даннаго троцкимъ евреямъ Витовтомъ въ Луцкѣ 1 іюля 1388 г. На этомъ привилеѣ Федоръ Д. подписался въ качествѣ свидѣтеля. «*Świadkami byli — książę Fedor wojewoda łucki*» («*Scarb. dipl.*» т. I, стр. 273, № 558), а не королевскимъ намѣстникомъ. Всего вѣроятнѣе, кажется намъ, относить упомянутую выше грамоту кн. Федора Даниловича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его намѣстничанье въ Луцкѣ, или ко времени послѣ бѣгства Витовта (ок. 1389—1390 г.), или, что еще вѣрнѣе, — ко времени ок. 1389; когда у Витовта, правдоподобно, была отнята Ягайломъ Волянь.

¹⁾ «*Scarb. dipl.*» — I, 292, №№ 613, 614, *Reżabek* — Iiŕi, 33, пр. 65.

²⁾ «*Arch. Sang.*» т. I, р. 11, гр. № XII: «*circa et ob defensionem castrī nostri vilnensis vitam suam mortis periculo exponens, nostre celsitudini studuit. (Ф. Дан.) complacere, in eodemque castro vilnensi ductus fidelitatis constancia circucellari ab emulis minime formidavit.*»

³⁾ Грамота такого-же содержанія, какъ и гр. Ягайла отъ 4 ноября 1386 г.

ломъ. Витовтъ добивается таки своего: получаетъ вел. княж. литовскій столъ, а съ нимъ, разумѣется, и Волинь. Федоръ Любартовичъ на этотъ разъ теряетъ вплоть до 1431 г.¹⁾ удѣлъ на Волини и получаетъ «ad sue (Ягайла) regalis duntaxat beneplacitum voluntatis²⁾» отъ Ягайла и Ядвиги Сѣверскую землю подъ условіемъ «Владиславу и его кролевой Ядвизѣ и его дѣтемъ и ихъ намѣсткомъ служить, вѣрну быти и послушну съ тымъ со всѣмъ, чимъ мя жаловали, а противу имъ nikdy не быти, ни однимъ веремьянемъ, во золсти и без хитрости»³⁾.

Только вотъ когда, наконецъ, Ягайло, очевидно, не рѣшавшійся сразу отнять у Федора Любартовича Волинь, достигаетъ цѣли—изгоняетъ съ Волини ея отчича! Но прежде чѣмъ удалось Ягайлу осуществить свое намѣреніе, онъ дѣйствовалъ осторожно и постепенно: сначала отнялъ у Федора Луцкъ, а потомъ и Владиміръ—доказательство, что въ данномъ случаѣ Ягайло имѣлъ дѣло именно съ сыномъ Любарта, обладавшимъ безспорными правами на Волинь, а не съ сыномъ Ольгерда,—какъ то предполагаетъ г. Лонгиновъ⁴⁾.

4 августа 1392 г. между Ягайломъ и Витовтомъ былъ заключенъ формальный договоръ, въ силу котораго первый долженъ былъ предоставить великое княжество литовское послѣднему⁵⁾. Не смотря, однако, на это, Ягайло и Ядвига (какъ сюзерены) и послѣ этого распоряжаются еще нѣкоторое время по своему усмотрѣнію частью в. кн. Литовскаго — Волинью.

¹⁾ Лонгиновъ—Кн. Фед. Люб. Ольгердовичъ, стр. 4.

²⁾ «Archiv. S.» t. I, № XIV п XV — «de sue plenitudine majestatis cupiens nos specialis gracie prosequi munificencia»; въ гр. № XV — «до своей воли».

³⁾ Arch. S.» t. I, № XV О дальнѣйшей судьбѣ Федора Любартовича см. Wolff—Rôd Ged, pp. 74—76, Андрияшев — Оч. 131, Лонгиновъ — Кн. Фед. Люб., стр. 4, 6 п 7.

⁴⁾ Лонгиновъ—Кн. Федоръ—Любартъ Ольгердовичъ.

⁵⁾ Брянецовъ — Ист. Литов. г. 216, Strykowski — Kron. t. II, 95 — 97. «Scarb. dipl.» t. I, p. 292, 294 — 95, Cromeri — De orig. et. reb. g. P. I. XV, p. 374.

Такъ, 4 ноября 1393 г. Ядвига даетъ вышеупомянутую грамоту кн. Федору Даніиловичу, и въ томъ же году Ягайло и Ядвига спроваживаютъ въ Сѣверскую землю Федора Любартовича. Еще раньше, 16 мая 1392 г. (значить, до заключенія договора съ Витовтомъ) Ягайло предоставляетъ шляхтѣ и боярамъ Луцкой земли тѣ-же права, какими пользовались въ это время шляхта и бояре Львовской земли, въ награду за вѣрность и помощь, оказанную королю во время происходившихъ недавно неурядицъ въ Литовско-русскомъ государствѣ¹⁾. Понятна цѣль подобныхъ пожалованій!

Да и послѣ 1393 г. Витовтъ, занятый борьбой съ удѣльными литовскими князьями, крестоносцами, сосѣднимъ Смоленскимъ княжествомъ, не имѣлъ достаточно времени, чтобы обратить серьезное вниманіе на Волынь, гдѣ въ ту пору, быть можетъ, намѣстникомъ его былъ тотъ-же Федоръ Даніиловичъ Острожскій. Въ 1396 г., впрочемъ, мы уже видимъ Витовта на Волыни. Здѣсь онъ, въ г. Луцкѣ, даетъ 3-го іюля 1396 г. грамоту²⁾, которой не только укрѣпляетъ за княземъ Федоромъ Даніиловичемъ Острогъ, но придаетъ еще нѣкоторые села и приселки. Очевидно, и Витовтъ вполне сознавалъ, что пріобрѣсти симпатіи такого вліятельнаго на Волыни рода, каковъ былъ родъ князей Острожскихъ, вещь не маловажная. Къ тому же Витовтъ долженъ былъ скоро убѣдиться, что Федоръ Даніиловичъ, если и поддерживалъ Ягайла, то потому, конечно, что впадѣлъ въ этомъ долгъ вѣрнопопданнаго. Теперь, онъ, на томъ же основаніи, сдѣлался тѣмъ болѣе надежнымъ исполнителемъ велѣній своего новаго великаго князя, что, на сколько мы знаемъ о дѣятельности послѣдняго и Федора Даніиловича, оба они стремились къ тому, чтобы не дать возможности Польшѣ поглотить литовско-русскія земли,—въ частности, разумѣется, и Волынь. Политика Витовта въ этомъ отношеніи была, впрочемъ, далеко не безупречна и симпатіей особенной, а слѣдовательно, и под-

¹⁾ «Arch. Sang» t. I, p. 12, rp. № XIII.

²⁾ «Arch. Sang» t. I, 20, rp. XX

держкой, со стороны русскаго населенія литовскаго государства онъ не могъ пользоваться¹⁾).

Разсмотрѣнiе дѣятельности Витовта и его преемниковъ по отношенiю къ Волынѣ уже не входитъ въ программу нашего изслѣдованiя, а потому мы, сообщивъ еще одинъ фактъ изъ исторiи правленiя Витовта, и закончимъ нашъ обзоръ внѣшней исторiи Волыни до конца XIV в. Мы имѣемъ въ виду крайне неудачную для Витовта битву на р. Ворсклѣ въ 1399 г. Въ этой битвѣ, по словамъ лѣтописца, «убиша князя великаго Андрѣя Олгердовича, брата его князя Михаила Евнутьевича, и всѣхъ князей пменитыхъ 74, а воеводѣ и Литвы многое множество ту костью падоша, толко Богъ вѣсть»²⁾. Въ числѣ погбшихъ были нѣкоторые и волынскiе князья, потомки старинныхъ княжескихъ русскихъ и литовскихъ родовъ³⁾. Витовтъ бѣжалъ съ остаткомъ войска, а татары пустились за нимъ въ погоню. Преслѣдуя Витовта, татары напали на Кiевъ, а затѣмъ вторгнулись въ Волынскую землю и страшно ее опустошили: они дошли «оли жѣ до великаго Луцка»⁴⁾. Такимъ образомъ, Волынская земля въ самомъ концѣ XIV в. еще разъ подверглась опустошительному набѣгу татаръ.

¹⁾ Интересенъ отзывъ о Витовтѣ въ Новгородской лѣтописи. Рассказавъ объ его пораженiи на р. Ворсклѣ, лѣтописецъ добавляетъ: «Тако бо Богъ навелъ поганныхъ Татаръ на землю Литовскую за высокоумье князя ихъ, занеже Богъ далъ князя Витовта великимъ княземъ Литовской земли грѣхъ ради крестьянскихъ. Былъ убо князь Витовтъ прже крестьянъ, а имя ему Александръ, и отвержеся правовѣрныя вѣры и крестьянства и приа Лятскую вѣру, церкви святѣи превратилъ на богомерское служенiе. Новг. I, 390.

²⁾ Ib.

³⁾ Лѣт. Быховца. 35 36; лѣтопись Даниловича—219.

⁴⁾ Ib.

VII. Очеркъ внутренняго быта Волынской земли до к. XIV в.

Изложивъ въ предыдущихъ главахъ внѣшнюю исторію Волыни за время до к. XIV в., попытаемся насколько то позволяютъ намъ скудныя данныя, нарисовать картину внутренняго ея быта за это же время¹⁾.

Представителемъ княжества въ его внѣшнихъ сношеніяхъ какъ съ другими княжествами, такъ и съ иностранными государствами является *князь*. Князь не избирается народомъ, какъ то, правдоподобно, было въ эпоху, предшествовавшую подчиненію Волыни кіевскимъ князьямъ. Однако, сознаніе права выбора долго не умираетъ въ народѣ и выражается, напр., въ привязанности къ излюбленной княжеской линіи. Юрій Долгорукій напр., хочетъ посадить на владимірскомъ столѣ Владимира Андреевича; происходитъ безуспѣшная десятидневная осада главнаго города княжества; въ это время претендентъ пытается взять пригородъ Червень, но червине, какъ и владимірцы, привязанные къ роду Изяслава Мстиславича, и только потомковъ его одного желавшіе имѣть у себя князьями, отказываются при-

¹⁾ Данныхъ для внутренней исторіи Волыни до нач. XIII в. слишкомъ мало,—до насъ не сохранилась отъ этого времени отдѣльная Волынская лѣтопись, а Кіевская, изъ которой, главнымъ образомъ, мы черпаемъ свои свѣдѣнія объ интересующемъ насъ вопросѣ, занимается почти исключительно внѣшними дѣлами, а внутренними — не только другихъ земель, но и своей — мало занимается. Болѣе данныхъ сообщаетъ Галицко-Волын. лѣтопись, но только для XIII в., а для XIV в.—мы опять обладаемъ весьма незначительнымъ матеріаломъ.

нять въ городъ Владиміра Андреевича, не смотря на то, что во 1-хъ, на его сторонѣ былъ великій князь, а во 2-хъ, что отецъ его когда-то былъ Владимірскимъ княземъ. Червляне такимъ образомъ отказались признать права Владиміра Андреевича, и въ отвѣтъ на его слова одинъ изъ горожанъ пускаетъ въ него стрѣлу ¹⁾.

Со времени Изяслава Мстиславича и до $\frac{1}{2}$ XIV в. на Волыни княжить его потомство, и владимірскій столъ большею частью переходитъ преемственно отъ отца къ сыну.

Каковы были функціи князя, въ точности неизвѣстно. Мы уже указали на одну — представительство предъ другими русскими землями и иностранными государствами. Какъ представитель княжества, князь объявляетъ войну и заключаетъ миръ, вступаетъ въ союзы; вообще ему принадлежитъ направленіе внѣшней политики земли; вторая функція — главное командованіе войсками (дружиною и земскимъ ополченіемъ — войми).

Рядомъ съ княземъ стоитъ *вѣче*. Каковы были функціи послѣдняго — мы доподлинно не знаемъ. Кажется, князю принадлежало завѣдываніе внутренними и внѣшними дѣлами, а власть *вѣча* являлась контролирующею. О томъ, существовало ли *вѣче* при первыхъ владимірскихъ князьяхъ до Давида Игоревича, лѣтопись почти не даетъ никакихъ свѣдѣній; но то обстоятельство, что при Давидѣ Игоревичѣ *вѣче* рѣзко проявляетъ свою волю, указываетъ на то, что *вѣче* существовало и до этого времени. Княжескія, усобицы кратковременное пребываніе князей на Волыни — все это способствовало тому, что *вѣче*, какъ высшій органъ политической жизни народа, продолжало существовать и проявляло всю свою силу и значеніе въ критическую минуту существованія земли. Еще въ 1084 г. въ лѣтописи записанъ такой фактъ: Ярополкъ Изяславичъ бѣжалъ въ «Ляхи»; Владиміръ Всеволодовичъ подступилъ къ Луцку и «дашася Лучанѣ», не смотря на то, что въ Луцкѣ были мать князя и его дружина ²⁾.

¹⁾ Ипат. 334.

²⁾ Ип. 144.

Въ 1097 г. Василько и Володаръ, взявъ «копьемъ» Всеволожъ и предавъ городъ огню и мечу, побѣдоносно подступали уже къ Владиміру. Быть можетъ, и этотъ городъ ждала такая-же участь; но братья предпочли вступить сначала въ переговоры съ владимірскимъ вѣчемъ: «И посласта», говорится въ лѣтописи, «к Володимирьцемъ, глаголюща: вѣ не приидоховѣ на городъ вашъ, ни на васъ, но на вороги своя, на Туряки и на Лазоря и на Васпля, ти бо сѣуть намогвили Давыда и тѣхъ естъ послушалъ Давыдъ и створилъ все зло; аще хочете за сихъ битися, да семы готовы; аще ли, то вы дайте враги наша»¹⁾). Граждане, выслушавъ братьевъ, «созвониша вѣче и рекоша Давыдови людье на вѣче: выдай мужи сия, мы не бьемся за сихъ, а за тя можемъ ся бити, а за сихъ не бьемся; аще ли, то отворимъ ворота городу, а самъ промышляй о собѣ»²⁾). Предъ ясно выраженной волею народа Давиду ничего не оставалось дѣлать, какъ преклониться и выдать требуемыхъ лицъ. Поступокъ князя показываетъ, насколько сильно было вѣче во Владимірѣ въ это время. Затѣмъ, когда тотъ же Давидъ Игоревичъ осадилъ Владиміръ и во время осады былъ убитъ оставленный во Владимірѣ Святополкомъ князь Мстиславъ, владимірцы сошлись на вѣче и рѣшили не сдаваться Давиду Игоревичу³⁾) — фактъ характерный, показывающій отношеніе вѣча къ князю. Изъ приведенныхъ фактовъ не видно, въ чемъ собственно состояла дѣятельность вѣча. Мы привели случаи, такъ сказать, экстраординарной дѣятельности его, но какова была его обычная дѣятельность, свѣдѣній не имѣетъ. Приведенные факты говорятъ въ пользу высказаннаго нами предположенія о томъ, что власть вѣча была контролирующая—неладно князь поступаетъ, вѣче выступаетъ на сцену и заставляетъ его поступать такъ, какъ должно, иначе говорятъ: «промышляй о собѣ».

Не всегда вѣче могло заставить князя поступать по народному желанію; наступали времена, когда значеніе вѣча своди-

¹⁾ Ип. 175.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ип. 178.

лось къ нулю. Наибольшею силою и значеніемъ пользовалось оно въ XI в. При Изяславѣ Мстиславичѣ оно, безъ сомнѣнія, существовало, хотя свѣдѣній о проявленіи имъ своей власти мы не находимъ въ лѣтописи. При сынѣ Изяслава Мстиславѣ вѣче, хотя и не главнаго города, а пригорода, проявило свою силу тѣмъ, что отказалось признать своимъ княземъ сына бывшаго владимірскаго князя, кандидата Юрія Долгорукаго, тогдашняго вел. князя кіевскаго.

При Романѣ Мстиславичѣ вѣче играло, вѣроятно, большую роль, и Романъ относился къ нему съ полнымъ уваженіемъ, — вотъ почему впоследствии, когда послѣ его смерти наступили смуты въ княжествѣ, оно охотно стало на сторону его дѣтей.

Въ нач. XIII в., какъ то видно изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій¹⁾,— вѣче во Владимірѣ и въ другихъ волынскихъ городахъ имѣло большое значеніе, а затѣмъ съ середины того же вѣка, со времени порабоженія волынянъ татарами, оно, какъ органъ высшей власти въ княжествѣ, мало по малу теряетъ почти всякое значеніе.

Кто имѣлъ право созывать вѣче, кто участвовалъ на немъ — лѣтопись не говоритъ опредѣленно. Когда Ростиславичи обратились къ владимірцамъ съ требованіемъ выдать лицъ, посовѣтовавшихъ Давиду ослѣпить Василька, то, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ, «гражани... созвониша на вѣче», и дальше — «и слышаша людье»²⁾. Когда вѣчу было доложено объ убійствѣ Мсти-

¹⁾ Въ 1202 г., по извѣстію лѣтописи, «посла Володимеръ на рѣчье попомъ к Володимерцемъ реки имъ: «не имать остатися градъ вашъ, аще ли не выдасте Романовичю, аще не примете брата моего Святослава княжити в Володимерѣ. Володимерцемъ же хотящимъ убити попа». Въ 1204 г. «приидоша Ляховѣ на Володимеръ, и отвориша имъ врата Володимерци, речуще: «се сыновець Романови»; а «Берестьяне просиша (у Лешка) Романовой и дѣтий. . они же съ великою радостью срътоша и, яко великаго Романа жива видящи»; въ 1227 г. лучане, не смотря на то, что у нихъ былъ князь Ярославъ Ингваревичъ, отворяютъ ворота Данилу Романовичю. Ип. 481, 482—3, 501. Хронологія Галицко-вол. лѣтописи вообще невѣрна. О значеніи вѣча на Волыни см. И. А. Липиниченко — Черты изъ исторіи сословій въ юго-зап. (галицкой) Руси XIV—XV в. М. 1894 г. стр. 211.

²⁾ Ипат. 175.

слава Святополковича, то, по словамъ лѣтописи, «рекоша людье»: «се князь убьенъ»¹⁾. И такъ, участвуютъ на вѣчѣ — «гражани, людье». Но это такъ было въ приведенныхъ случаяхъ; въ другихъ же — насколько можно заключить по аналогіи съ вѣчаніиныхъ городовъ, участниками являлись и князья, и дружина, и духовенство.

На вѣче народъ сходился по звону («созвоняша на вѣче»²⁾). Въ какомъ мѣстѣ происходило засѣданіе вѣча, лѣтописецъ не говоритъ.

Таково было вѣче въ Волынской землѣ. Съ теченіемъ времени власть его постепенно начинаетъ падать, но прослѣдить процессъ этого упадка вѣча и указать всѣ причины подобнаго явленія, по недостаточности данныхъ, трудно. Безъ сомнѣнія, татарское иго играло весьма важную роль въ похоронахъ вѣчевой свободы, но были и другія причины, способствовавшія нпзведенію значенія вѣча до нуля. И въ ряду ихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить возвышеніе княжеской дружины, которая была тѣсно связана съ княземъ.

Дружина дѣлилась на старшую и «моложьшнюю»³⁾. Ее составляли — бояре (мужи) и отроки («дѣцкіе»)⁴⁾. Кажется, въ дружинѣ владимірскаго князя были и *иридни*, какъ то можно думать

¹⁾ Ib. стр. 178.

²⁾ Ib. 175.

³⁾ І реку (Василько Ростиславичъ) брату своему Володареву и Давидови: дати дружину свою «*моложьшнюю*» (Ип. 174); «и рече Изяславъ брату своему Володимеру: «пойди ты на Вѣлгородъ передомъ, а мы вси пуцаемъ с тобою дружину свою «*моложьшнюю*». Ип. 287.

⁴⁾ Выбѣже Ярославъ Святополчичъ изъ Володимера Угры, и бояре его и отступаша отъ него» (Ип. 205). «Володимеръ-же рече, възрѣвъ на *дѣцкыи*: а се будутъ мои бояре (ib. 367) «Изойма (Святоша) мужь Давыдови (ib. 179). «Изяславъ же посла мужи свои» (ib. 274). «Изяславъ же пойда къ Киеву, а ко королеви посла мужь свой... и рекоша мужи Изяслави» (ib. 313). «А Ярополка взяша отроки на конь» (ib. 145). «И приставиша 30 мужь стрѣщи, а 2 отрока князя, Улана и Колчю» (Ип. 171. Здѣсь — «мужь» не въ смыслѣ «бояринъ»). «Да се, Василю, шлю тя, ѣди къ Василюви со сима отрокама» (ib. 173).

на основаніи названія однихъ воротъ во Владимірѣ — «гридшинными» ¹⁾).

Въ чемъ же заключалась дѣятельность дружины? Изъ приведенныхъ выше въ примѣчаніи лѣтописныхъ извѣстій о дружинѣ (за время до к. XII в.) можно видѣть, что на послѣднюю возлагались разныя порученія: отроки, напримѣръ, стерегутъ Васплька, «Изяславли» мужи, то-жъ бояре ²⁾, исполняютъ посольскія обязанности; отроки являются княжескими тѣлохранителями (Василько ѣдетъ въ Звенигородъ съ отроками). Кроме того, дружина была постояннымъ войскомъ князя, и, какъ таковая, противопоставляется земскому ополченію — *волям*: «Изяславъ же», говоритъ лѣтописецъ, «и король, скупивше своя *воя* и всю свою *дружину*» ³⁾. Дружина составляла постоянный *советъ* князя: «И приидохъ къ нему» (къ Давиду Игоревичу), читаемъ въ лѣтописи, «и сидяху дружина около его» ⁴⁾. «Изяславъ же поча *думати съ дружиною*» ⁵⁾. Изяславъ, узнавъ отъ захваченнаго имъ галичанина, что Владимірко недалеко, предлагалъ дружинѣ ѣхать на него; однако, дружина отсѣтовала ему дѣлать это: «дружина же рекоша ему: княже! не лѣзъ ти понти на нь» ⁶⁾.

Князья заботились о своей дружинѣ: «Изяславъ рече своей дружинѣ... люблю голову свою слоужу, пакы ли отчину свою налѣзу и вашу всю жизнь» ⁷⁾.

¹⁾ «Гюрги ета у Гридшинныхъ воротъ» (Ип. 334). Быть можетъ, «гридь» и «дворьскій» одно и то-же? Въ лѣтописи подъ 1171 г. читаемъ: «Мыстиславъ же Изяславичъ бѣжа изъ Киева на Василевъ; и постигше и Бастѣва чадь... и много изомаша дружины около его: яша Дмитра Хороброго и Олексу дворьского» (*Полонія. Изслѣд. etc.* III, 222. Ип. 372).

²⁾ Ип. 402—3.

³⁾ Ib. 310.

⁴⁾ Ib. 173. Тутъ разумѣется совѣщаніе Давида Игоревича съ дружиною относительно мѣръ, какія слѣдовало предпринять въ виду угрожавшей отъ коалиціи князей опасности.

⁵⁾ Ипат. 284.

⁶⁾ Ib. 286.

⁷⁾ Ib. 284.

Дружина иногда оставляла своего князя. Это бывало тогда, когда князь замышлялъ что-нибудь дѣлать безъ совѣта съ нею или вопреки ея совѣтамъ. По лѣтописи, мы знаемъ только одинъ случай оставленія князя дружиной за время, напр., до $\frac{1}{2}$ XII в. Такъ, въ 1188 г. «выбѣже Ярославъ Святополчичъ изъ Володимера Угры, и бояре его и отступиша отъ него» ¹⁾. Въ данномъ случаѣ намъ неизвѣстны мотивы поступка Ярославовыхъ бояръ. Позже, лѣтописецъ записалъ слѣдующій фактъ дружина оставляетъ Владимира Мстиславича и мотивируетъ свой поступокъ такъ: «о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали» ²⁾.

Въ главномъ городѣ княжества сидѣлъ князь, а въ пригородахъ — его посадники, назначавшіеся изъ той-же дружины: «приходи», говоритъ лѣтописецъ, «Ярославъ с Ляхы къ Чьрьвну, при посадницѣ Фомѣ Ратиборичи» ³⁾. «И пришедъ Изяславъ Володимерю посла посадники своя въ города.. Бужескъ, въ Шюмескъ, въ Тихомль, у Выгошевѣ, у Гнойницю» ⁴⁾.

Лѣтописецъ не даетъ точныхъ указаній, кто собственно входилъ въ составъ княжеской дружины. Кажется, дружина набиралась изъ охотниковъ, русскихъ и иностранцевъ; напр., въ дружинѣ Давида Игоревича мы видимъ отроковъ — «Кульмѣя, Влана и Колчка», судя по именамъ, — не русскихъ.

Съ вопросомъ о князѣ и дружинѣ тѣсно связанъ вопросъ о содержаніи ихъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для сужденій объ этомъ интересномъ вопросѣ; да и вообще мы мало знаемъ о распредѣленіи богатствъ въ то время. Князья распоряжались городами, какъ своею неотъемлемою собственностью; напр., Давидъ предлагаетъ Васильку нѣсколько городовъ на выборъ: Всеволожъ, Шеполь, Перемиль ⁵⁾; но какія средства доставляли города князю — не знаемъ. Князья владѣютъ

¹⁾ Ib. 205.

²⁾ Ib. 367.

³⁾ Ib. 206.

⁴⁾ Ib. 313.

⁵⁾ Ипат. 173.

селами и волостями; тѣмъ и другими они распоряжаются по собственному усмотрѣнію. Владиміръ Мстиславичъ, хитростью овладѣвшій Дорогобужемъ по смерти Владиміра Андреевича (1171 г.), говорилъ дружинѣ его: «цѣлую к вама крестъ и к княгини вашей, якоже ми на васъ не позрѣти лпхомъ, ни на ятровъ свою, ни на села еѣ...» ¹⁾; села княгини достались, вѣроятно, отъ князя. Подъ 1158 г. лѣтопись упоминаетъ о томъ, что князь владимірскій и туровскій Ярополкъ Изяславичъ «вда («къ святѣй Богородици и къ отцю Оедосью») всю жизнь свою, Небльскую волость и Деревьскую и Лучьскую» ²⁾.

Главное богатство въ ту пору составлялъ скотъ; имъ то и владѣли князья и бояре: въ 1087 г. по поводу смерти Ярополка Изяславича лѣтопись говоритъ: «Ярополкъ десятину даѣ отъ всихъ скотъ своихъ святѣй Богородици и отъ жита ³⁾»; въ 1149 г. князья Изяславъ Мстиславичъ и Юрій заключили миръ на томъ, между прочимъ, условіи, что каждый изъ князей долженъ возратить захваченное раньше у противника: «Изяслав же посла мужи своя и тивуны, своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, его же бѣ отшелъ, а мужи своего дѣля они самѣ ѣхаша, а друзии тивуны своѣ послаша» ⁴⁾. Въ приведенномъ извѣстіи упоминаются княжескіе товары; значитъ, торговля, которою занимались князья и дружинники, составляла не послѣднюю статью дохода. Дружина княжеская владѣла также селами: «Изяславъ же рече дружинѣ своей «ви есте по мнѣ из Рускые земли вышли, своихъ селъ и своихъ жилищий лишпвса» ⁵⁾.

Таково было положеніе князя и его дружины до конца XII в. Съ теченіемъ врененіи это положеніе начинаетъ измѣняться.

Дружина, составлявшая постоянный совѣтъ князя, его неразлучныхъ спутниковъ въ мирное и военное время, постепенно

¹⁾ Ип. 374.

²⁾ Ип. 338.

³⁾ Ипат. 145.

⁴⁾ Ib. 274.

⁵⁾ Ип. 284. Впрочемъ, это извѣстіе относится къ Кіевской землѣ.

приобрѣтаетъ первенствующее положеніе въ княжествѣ и къ XIII—XIV в. оттѣсняетъ на задній планъ вѣче. На это усиленіе значенія дружины вліяли многіе факторы. Самымъ главнымъ изъ нихъ было сосредоточеніе въ рукахъ дружины, преимущественно, старшей — боярь, огромной земельной собственности.

Авторитетъ князя въ XIII—XIV в.в. сильно возрастаетъ: Романа лѣтописецъ называетъ «*самодержцемъ*», Даніилъ принимаетъ титулъ короля, а въ XIV в. князья изображаютъ себя на печати въ коронѣ со скипетромъ въ рукѣ и присваиваютъ себѣ титулъ -- «Мы, Божьею милостью» ¹⁾). Понятно, что при взглядѣ на княжескую власть, какъ на даръ Бога, на права земства мало обращаютъ вниманія. Если и прежде князья считали землю своею собственностью и надѣляли ею членовъ своего семейства, то теперь они пошли дальше — стали раздавать ее своимъ боярамъ. Приведемъ характерныя мѣста лѣтописи, относящіяся сюда. Въ 1287 г. Мстиславъ Даніиловичъ, оправдываясь предъ Владиміромъ Васильковичемъ въ томъ, что онъ будто-бы раздаетъ боярамъ села и города, принадлежащіе Владиміру Васильковичу, говоритъ: «господине! «рци», брате, земля Божия и твоя и города твои...» ²⁾ Владиміру въ томъ-же 1287 г. доносятъ: «братъ ти (Мстиславъ) даетъ городъ Всеволожь бояромъ и села роздаваетъ». Владиміръ былъ очень недоволенъ такимъ извѣстіемъ и «нача молвити: «се лежю къ болести, а братъ мой придалъ ми еще болии болести; мнѣ еще живу сущу, а онъ роздаваетъ города мое и села моа; ольны могъ по моему животу роздавати» ³⁾). Владиміръ Васильковичъ завѣщаетъ своей женѣ села, купленные у «Юрьевича у Давыдовича Фодорка» ⁴⁾). Быть можетъ, этотъ Фодорокъ получалъ упомянутыя села отъ князя-же; но если даже нѣтъ, все-таки,

¹⁾ Карамзинъ — IV, пр. 204 (грамоты отъ 1316 — 1335). Бугановъ. Обзоръ. 145.

²⁾ Ип. 593.

³⁾ Ип. 592—3.

⁴⁾ Ib. 595.

извѣстіе это служить доказательствомъ, что въ рукахъ бояръ сосредоточивалась громадная земельная собственность. Въ XIV в. мы видимъ, что Любартъ даетъ во владѣніе князю Острожскому за его службу нѣсколько округовъ, территорія которыхъ равнялась территоріи теперешнихъ нѣсколькихъ уѣздовъ¹⁾.

Громадная экономическая сила, которою обладали бояре, по-мимо другихъ причинъ, была причиною того, что бояре пріобрѣли мало по малу и огромное политическое значеніе²⁾. Въ ихъ рукахъ въ XIII—XIV в. находились высшія должности княжества, какъ-то воеводы³⁾, посадника⁴⁾, тысяцкого⁵⁾ тіуна⁶⁾ (дворскаго тіуна)⁷⁾, посла⁸⁾. Помимо занятія названныхъ должностей, бояре въ это время вмѣстѣ съ епископомъ были членами *верховнаго совѣта*. Такъ, Владиміръ Васильковичъ въ 1287 г. «нача молвити княгини своей и бояромъ... а са мене мѣсто епископъ Маркъ»⁹⁾. На грамотѣ 1334 г. подписались и приложили печати 6 бояръ и епископъ: Фѣдоръ, епископъ Галицкій, Дмитрій Детко, Хотько, тіунъ дворскій, Юрій Кальвъ, Михайлъ Елезаровичъ, Александръ Молдаовичъ, Борись Кракуля. Грамотой 1335 г. князь Юрій подтверждаетъ всѣ договоры, заключенные его предшественниками съ орденомъ «*Nos una cum dilectis et fidelibus nostris baronibus militibusque scilicet Demetrio*

¹⁾ «Archivum Sang. t. I, № V. «Грамота» кор. Владислава — Ягайла, 1386 г., данная князю Федору Даниловичу Острожскому.

²⁾ О роли полынскихъ бояръ см. Ипат. 480, 481, 483. Папа Иннокенті IV въ буллѣ Прже. архіепископу отъ VII Id. Sept. 1247 г. говоритъ о королѣ Даниилѣ, рускомъ духовенствѣ и *вельможахъ*. Акты истор. Т. I, Спб. 1841 г., стр. 64.

³⁾ Ипат. 503, 575. Карамзинъ—IV, прим. 276 (грам. 1335 г.); «Archivum Sang.», t. I, Грам. (Любарта 1366 г.), № 1.

⁴⁾ Ип. 355, 373.

⁵⁾ Ibid. 491, 508.

⁶⁾ Иб. 365, 372.

⁷⁾ Грам. 1334 и 1335 гг.; грам. Любарта духовенству Луцкому (*Stechi* —Лук, стр. 41).

⁸⁾ Ип. 341, 365, 502—3.

⁹⁾ Ип. 592.

Detcone nostro, Mychalo Jelezarowicz pallatine Belzenci» etc.; въ грамотѣ 1320 г. Андрей Юрьевичъ говоритъ : «*consilio maturo baronum ac nobilium nostrorum*» ¹⁾; въ грамотѣ Любарта Гедиминовича отъ 1366 г. читаемъ : «Я (Любартъ) на то есть приложилъ свою печать, и отецъ мой владика лучьскый Арсений, князь Данилий, Васко Кирдѣвичъ, Иванъ воевода лучьскый, Иванъ Мъстишиньскый» ²⁾.

Кромѣ дружины въ распоряженіи князя находились еще тивуны; послѣдніе были и у бояръ, какъ это видно изъ слѣдующаго лѣтописнаго извѣстія «Изяславъ же посла мужи своя и тивуны, своего дѣля товара и сяюхъ дѣля стадъ... а мужи своего дѣля они сами ѣхаша, а друзии тивуны свои послаша» ³⁾.

Дружина вмѣстѣ съ войми составляла войско княжества. Войско это пополнялось иногда наемниками ⁴⁾. Напр. въ войскѣ Владиміра Мстиславича, защищавшаго въ 1149 г. Луцкъ отъ Юрія Владиміровича, находятся и нѣмцы : «единъ же отъ Нѣмчичъ хотѣ просунути (Андрея Юрьевича) рогатиною» ⁵⁾.

Вопны въ лѣтописи назывались то пѣшцами, то стрѣльцами ⁶⁾; они соединяются въ полки; такъ, въ 1147 г. къ Изяславу Мстиславичу пришелъ изъ «Володиміря полкъ»; въ 1148 г. «Изяславъ... поя полкъ у стрія своего Вячеслава и Володымерьскій полкъ прпѣде»; подъ 1150 г. упоминается о переправѣ черезъ р. Ушу полковъ Изяславовыхъ ⁷⁾. Полкъ имѣетъ стягъ (знамя), подъ которымъ становится князь : «а Давыда (Игоревича) постави подъ стягомъ» ⁸⁾. Вопны собируются на битву подъ удары въ бубны и подъ звуки трубъ : «утрии же день въ пятницу, яко зорѣ почаша ся займати. у Вячслава, и у Изяслава,

¹⁾ Карамзинъ — IV, 276 пр.; Зубричскій — Ист. 237 прим.

рус. кн. III, 251,

²⁾ Archivum Sang. t. I, № 1.

³⁾ Ип. 274.

⁴⁾ Будиновъ—Обзоръ 82—83.

⁵⁾ Ип. 272.

⁶⁾ Ib. 272, 283.

⁷⁾ Ib. 251, 254, 283.

⁸⁾ Ib. 178.

и у Ростислава, почаша бити въ бубны и въ трубы трубити, полци же начаша доспѣвати»¹⁾. Оружіе воиновъ составляли — сабли, стрѣлы, пращи, рогаины²⁾. При полкѣ находился обозъ (товары)³⁾.

Таково было войско Волынской земли до половины XII в. Съ этого времени и до к. XIV в. въ распоряженіи князя находилось войско, состоявшее также изъ дружины (бояре, княжьи слуги, отроки, дворные слуги, сыновья боярскіе)⁴⁾ и полковъ (воп, войско изъ добрыхъ людей—это земское ополченіе⁵⁾). Кроме того, въ составъ войска входили служилые русскіе князья и иноземцы⁶⁾.

Главное командованіе войсками и въ это время, какъ и раньше, принадлежало князю, но иногда онъ вмѣсто себя назначалъ воеводу⁷⁾. Отдѣльными частями командовали воеводы.

Вооруженіе войска въ XIII—XIV в. в. состояло изъ скѣпища⁸⁾, шелома, щитовъ⁹⁾, копій, мечей и сулицъ¹⁰⁾.

Кромѣ войска у князя былъ цѣлый штатъ слугъ сѣдельники, кощеи, челядь¹¹⁾.

Источники содержанія князя и его богатство въ XIII — XIV в. составляли: 1) недвижимая собственность, принадлежавшая лично князю—таковы села и города. И тѣ, и другіе платили

¹⁾ Ипат. 301.

²⁾ «Ярополкъ (Изяславичъ) выторгну изъ себе саблю». Владимиръ Андреевичъ проситъ червянъ выпустить его въ городъ, а «одинъ с города потягнувъ стрѣлою, удари его въ горло». «А съ города (Луцка) яко дождь каменные метяху на нь»; «единъ же отъ нѣмчичъ (изъ воиновъ луцкихъ) хотъ просунути рогаиною». Ип. 144, 334, 272.

³⁾ Изяславъ же и король... стага товары передъ городомъ». Ип. 310.

⁴⁾ Ипат. 509, 563, 578—9, 584, 592—3, 598, 604.

⁵⁾ Ib. 461, 512, 582—3.

⁶⁾ Ib. 586, 612, 582—4.

⁷⁾ Ib. 574.

⁸⁾ Ib. 505, 512.

⁹⁾ Ib. 510.

¹⁰⁾ Ib. 512.

¹¹⁾ Ib. 370, 509, 586.

мыто и дань. Такъ, Владиміръ Васильковичъ завѣщаетъ своей женѣ городъ Кобринъ «и с людьми и з данью, како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ать дають княгинѣ моей», село Городель «п съ мытомъ» ¹⁾. Любартъ Гедиминовичъ завѣщалъ соборной церкви св. Іоанна Богослова въ Луцкѣ «село свое Рожищи»; кромѣ того «для приличней того отправления (говорится въ завѣщаніи) хвалы Божій при соборной церкви, даемъ для того подъ Острогомъ село наше Буще, великій и малый Мизочъ, Бадаражъ, Пивне, Тетевичи з рощами, ловлями и всимъ имуществомъ» ²⁾.

Какимъ же образомъ самъ князь приобрѣтали недвижимую собственность? Владиміръ Васильковичъ отдалъ своей женѣ село «Березовичѣ», купленное имъ у «Юрьевича у Давыдовича Фодорка» ³⁾. Такимъ образомъ, однимъ изъ способовъ приобретенія была купля, другихъ—не знаемъ.

Кромѣ мытъ и даней принадлежавшія князьямъ имѣнія доставляли имъ еще и иные доходы. У нихъ было заведено тамъ собственное хозяйство—разводили рогатый скотъ и лошадей, обрабатывали землю и проч.⁴⁾. Отсюда и понятны слова Владиміра Васильковича въ его завѣщаніи: «а людье како на мя страдалѣ, тако и на княгиню мою по моему животѣ» ⁵⁾. 2) *Дни съ городовъ и селъ*, шедшая только въ казну князя. Такъ, въ 1289 г. Мстиславъ Даниловичъ налагаетъ на жителей Берестя и округа его такого рода дань: «се азъ князь Мстиславъ», говорится въ лѣтописи, «сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестяны и в вѣкы, за ихъ коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятнадесяти десятьковѣ лну, а по сту хлѣбовѣ, а по пяти цебровѣ овса, а по пяти цебровѣ ржи, а по 20 куръ; а потолку со всякаго ста; а на горожанахъ 4 гривны кунъ; а хто мое слово пору-

¹⁾ Ип. 595. См. также—Пр. *Будановъ*. Обз. 409.

²⁾ *Steski*—Luck, p. 40; *Архивъ юго-зап. Руси*, ч. I, т. I.

³⁾ Ипат. 595.

⁴⁾ Ib. 370, 374, 595, 601.

⁵⁾ Ib. 595.

шить, а станеть со мною передъ Богомъ»¹⁾. 3) *Мыто*. Любарть общаетъ королю Казимиру «мыта не примышляти», съ купцовъ, разумѣется²⁾. Въ грамотѣ Андрея Юрьевича отъ 1320 г. говорится: «omnibus hospitibus jus tale per preces concedimus, quod nullus de cetero theloneatorum vel ministreriorum nostrorum ab eis raenos vel mercimonia exigere debeat³⁾», а Владиславъ Ягайло, въ 1386 г. утверждая за кн. Феодоромъ Острожскимъ владѣнія, данныя Любартомъ Гедиминовичемъ его отцу Данилу, говоритъ: in ipsius castro Ostrog theloneum tourthoye a solenaye mito, theloneum salis in Luczko et nos (такъ же, какъ и Любарть) ei damus»⁴⁾. Значить, вообще пошлины съ торговли шли въ пользу князя.

Кромѣ доходовъ, поступавшихъ въ казну князя и употреблявшихся на нужды князя, въ эту же казну собирались «поборы» и «татарщина», шедшія на общегосударственныя нужды, напр., на уплату дани татарамъ⁵⁾.

Что касается содержанія въ XIII — XIV в. в. дружины, то, какъ мы говорили выше, князя надѣляли дружинниковъ селами и городами, которые и представляли источники для ихъ содержанія. Кромѣ того, дружина, по всей вѣроятности, принимала участіе въ торговлѣ и пзъ нея пзвлекала не малыя выгоды.

Общество Волынской земли состояло въ разсматриваемое намп время пзъ нѣсколькихъ слоевъ. Самымъ высшимъ была *дружина*, въ составъ которой въ XIII—XIV в. входили бояре (старые и молодые) извѣстнаго князя, бояре прежнихъ князей, «княжіи» слуги⁶⁾ и служилые князя⁷⁾. Второй слой представляло — *духовенство*, состоявшее пзъ епископа, черноризцовъ и

¹⁾ Ипат. 613.

²⁾ «Arch. Sang.», т. I, р. 1.

³⁾ *Зубрицкій*—III, 251.

⁴⁾ «Arch. Sang.» t. I, № V, р. 5.

⁵⁾ Ип. 595.

⁶⁾ Ib. 563, 579, 592, 593, 596, 598, 604, 611 и 614.

⁷⁾ У Владимира Васильковича служить князь Василько Слонимскій, у Мстислава Даниловича — Юрій Поросскій (Ип. 586, 612), у Любарта — кн. Данилъ (Острож.). («Arch. Sang.» t. I, 1, 5).

поповъ ¹⁾, третій— «люди» ²⁾, о которыхъ за время до $\frac{1}{2}$ XII в. въ лѣтописи мы находимъ всего только два указанія, да и то относящіеся къ одному XI в., и которые въ XIII—XIV в. дѣлились на горожанъ (лѣпшии мужи, мѣстичи рускіе) ³⁾ и сельчанъ (смерды) ⁴⁾. Все это люди свободные, но были и зависимые—холопи ⁵⁾, челядь ⁶⁾.

Мы уже говорили о князѣ, вѣчѣ и дружинѣ; теперь скажемъ о духовенствѣ ⁷⁾. Духовенство на Волыни (какъ и вообще на Руси) всегда пользовалось большимъ значеніемъ, но въ концѣ XIII в. и въ XIV в. оно пріобрѣтаетъ еще большее вліяніе на дѣла въ княжествѣ. Его представитель—епископъ находится въ числѣ членовъ верховнаго совѣта; замѣстителемъ своимъ князь назначаетъ епископа ⁸⁾; на послѣдняго возлагаются посольскія порученія—такъ, напр., въ 1287 г., по словамъ лѣтописца: «и

¹⁾ Ип. 481.

²⁾ Ib. 574, 613, 175, 178.

³⁾ Ип. 596.

⁴⁾ Ib. 494.

⁵⁾ Ип. 370. Въ договорной грамотѣ литовскихъ князей съ Казиміромъ III говорится: «аже побѣгнеть Русинъ а любо Руска, или во Львовѣ, или *холопа* чин, или *раба*, выдать его». Акты зап. Руси, I, стр. 2.

⁶⁾ Лѣтопись подъ 1097 г. и 1170 упоминаетъ о княжескихъ конюхахъ, сѣдельникахъ, а подъ 1149 г., наравнѣ со скотомъ упоминается вообще о челяди. Ип. 170, 370, 274, 505, 586. По словамъ г. Линниченко («Черты изъ ист. сосл. въ юго-зап. (Гал. Руси) XIV—XV в.», стр. 72—73) названіемъ челяди (въ Галицкой Руси) обозначалось не одно только не свободное населеніе, а крестьянское сословіе вообще».

⁷⁾ Введеніе христіанства, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ (Р. ист. I, 229) «рядомъ съ обществомъ свѣтскимъ поставило общество духовное—церковь, и между разрядами, на которые распадался русскій народъ, создало новый разрядъ—духовенство».

⁸⁾ См. грам. Юрія II отъ 1334 г., договор. гр. Любарта съ Казиміромъ В. отъ 1366 г., въ которой, между прочимъ, говорится: «я (Люб.) на то есмь приложилъ свою печать, и отецъ мой владика лучьскій Арсеній». «Arch. Sang.» t. I, 1. Владиміръ Васильковичъ говоритъ: «а се мене мѣсто пископъ же Маркъ». Ип. 592. См. также фундуш. запись Любарта у Stecki—Luck, p. 40.

посла (Владиміръ Васильковичъ) ко брату епископа своего Володимерьскаго Евъсѣягнѣа»¹⁾).

Каковы были права епископа въ это время лучше всего показываетъ фундушевая записъ Любарта Гедиминовича на нѣкоторыя села въ пользу соборной церкви Іоанна Богослова въ Луцкѣ²⁾. Изъ документа этого видно, во 1-хъ, что епископъ участвовалъ вмѣстѣ съ боярами въ совѣтѣ князя; во 2-хъ, въ его (епископа) завѣдываніи находились дѣла благотворительности и, въ 3-хъ, что епископу принадлежало право не только рукопологать архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ, но и судить духовныхъ.

Что касается остальныхъ духовныхъ лицъ, то о положеніи ихъ мы знаемъ мало. Изъ той-же фундушевой записи Любарта видно, что со священниковъ, какъ и съ мірянъ, тіуны брали «куницу». Любартъ воспрещаетъ впредь это дѣлать. Кромѣ того, до грамоты Любарта тіуны судили и духовныхъ; Любартъ считаетъ послѣднихъ неподсудными свѣтскому суду.

Изъ епископовъ, бывшихъ на Волыни со времени учрежденія во Владимірѣ епископской кафедры, намъ извѣстны слѣдующіе: 1) *Стефанъ*—первый Владимірскій епископъ³⁾; 2) *Стефанъ*—бывшій игуменомъ Кіево-Печерскаго монастыря съ 1074 г. Какъ епископъ владимірскій онъ упоминается въ лѣтописи подъ 1091 г.: въ этомъ году (14 августа) онъ вмѣстѣ съ другими русскими епископами участвовалъ въ перенесеніи мощей св. Θεодосія. Умеръ въ 1094 г.⁴⁾ 3) *Амфилохій*—поставленъ епископомъ въ 1105 г., умеръ—въ 1122 г.⁵⁾ 4) *Симеонъ*—епис-

¹⁾ Ип. 593.

²⁾ Грам. (фундушевая записъ) напечатана въ соч. *Стеукаго*—Луцк, Крак., 1876 ч., р. 40—41; также—Арх. юго-зап. Русь, ч. I, т. VI, № 1, стран. 1.

³⁾ О первомъ еп. Владимірскомъ см. *Н. И. Теодоровича*—Гор. *Владиміръ*, Вол. губ., стр. 30.

⁴⁾ Ип. 148, 158. О немъ см. Патерикъ Кіево-Печ. лавры, изд. 1843, л. 63, 64, 90, 91, а также—«Житіе пр. Θεодосія». Чтен. Моск. общ. ист. и древ. 1879 г., кн. I, стр. 35—41. *Теодоровичъ*—Гор. *Владиміръ*, стр. 31.

⁵⁾ Ип. 185, 206.

скопъ съ 1123 г., умеръ — въ 1136 г.¹⁾ 5) *Θεοδoρoς* — скопецъ, поставленъ епископомъ въ 1137 г.²⁾; участвовалъ въ 1147 г. въ избраніи въ митрополиты Кліма Смолятича (кандидата Изяслава Мстиславича), изгнаннаго въ 1156 г. Юріємъ во Владиміръ³⁾.

Изъ епископовъ, жившихъ въ XIII в., лѣтописецъ называетъ слѣдующихъ: 1) *Ioасафи* (со Святой горы), 2) *Василія* (оттуда-же), 3) *Никифора* (Станила — прежде слуга Василька), 4) *Кузьмѣ*. Всѣ четверо были епископами владимірскими въ княженіе Даниіла и Василька. Въ к. XIII в. лѣтописецъ упоминаетъ объ епископахъ *Маркѣ* и *Евсимиѣ*, жившихъ при Владимірѣ Васильковичѣ. Въ 1328 — 35 г. во Владимірѣ былъ епископомъ *Аванасій*⁴⁾.

Въ XIII в. учреждена была луцкая епархія⁵⁾. Изъ епископовъ ея намъ извѣстны — *Арсеній* и *Климентѣ*, жившіе въ княженіе Любарта⁶⁾, *Θεοδοcіѣ*, участвовавшій въ 1326 г. въ погребеніи митр. Петра, а въ 1328 г. — въ избраніи епископовъ владимірскаго — Аванасія и галицкаго — *Θεοδοpа*; *Трифoнѣ*, хиротонисованный 6 дек. 1331 г. и участвовавшій въ избраніи еп.

¹⁾ Лавр. 289.

²⁾ *Кенисб.* подъ 1137.

³⁾ Ип. 241; *Татищевъ* — III, 98. О Клімѣ Смолятичѣ см. въ Патерикѣ Кіево-Печ. л. житіе пр. Нифонта, еп. Новг.

⁴⁾ *Шараневичъ*. Ист. Гал. Вол. кн. 142. Въ 1331 г., при рукоположеніи митр. *Θεοгностомъ* Василія въ епископы Новгорода, присутствовалъ, въ числѣ другихъ, еп. Владимірскій Аванасій. Новг. I, по синод. хар. сп., 325—26. Подробно объ этомъ — въ лѣт. Авраамка подъ 6839 г. *Никоновская*, ч. III, стр. 157, 158. Объ еп. Аванасіѣ см. *Теодоровичъ* — Г. Владимірѣ, стр. 39. Г. Теодоровичъ упоминаетъ еще о двухъ преемникахъ еп. Аванасія — еп. Іовѣ (1359—1389) и еп. Аванасіѣ (1388—1391) ib. 42. Объ Аванасіѣ и другихъ владиміро-волинскихъ епископахъ см. *О. И. Левицкій* — «Истор. описаніе Владиміро-вол. Успенскаго храма», стр. 126 — 128. Еп. Аванасій рукоположенъ былъ во епископы митрополитомъ *Θεοгностомъ* въ 1328 г. См. объ этомъ — «Записки о поставленіи русскихъ епископовъ» въ Ж. М. Н. Пр. 1888 г., кн. II, стр. 450. О немъ-же ib. 451—2.

⁵⁾ Ип. 609.

⁶⁾ «Archiv. Sang.» t. I, 1; *Stecki*—Luck, p. 40—41.

Черниговскаго Іоанна (въ 1335 г.), *Іоаннъ*, домогавшійся галицкой митрополіи въ Константинополѣ предъ патріархомъ, *Теодора*, въ 1397 г. ѣздившій вмѣстѣ съ митр. Кипріаномъ въ Москву и тамъ скончавшійся ¹⁾).

Волинскіе епископы съ давнихъ временъ находились въ зависимости отъ кievскихъ митрополитовъ ²⁾), а по перенесеніи митрополіи сначала во Владиміръ на Клязьмѣ, а затѣмъ въ Москву — отъ митрополитовъ владимірскихъ и московскихъ, носившихъ по старинѣ титулъ митрополитовъ кievскихъ и всея Русіи.

Однако, были попытки образовать отдѣльную митрополію галицкую и подчинить ей, между прочимъ, и волинскія епархіи (владимірскую и луцкую).

Русь юго-западная и Русь сѣв. восточная въ политическомъ отношеніи были разобщены, но была еще связь между этими обширными частями Руси, и связь эту представляла общая для нихъ власть митрополита кievскаго и «всея Руси». Нѣкоторые галицко-волинскіе князья стремятся порвать и эту связь. Кому изъ нихъ принадлежитъ починъ въ этомъ дѣлѣ, сказать трудно, но какъ можно думать, основываясь на «Житіи» митр.

¹⁾ *Теодоровичъ* — Гор. Владиміръ, стр. 38; *Карамзинъ* — т. IV, пр. 283 (объ еп. Теодосіѣ). Объ еп. луцкомъ Іоаннѣ, которому кор. Ягайло представилъ галицкую митрополію, но котораго, однако, не смотря на просьбы Ягайла, патріархъ Антоній не соглашался поставить въ галицкіе митрополиты и приказалъ даже митр. Кипріану (грам. отъ окт. 1393 г.) низложить и на его мѣсто поставить въ Луцкѣ епископомъ другого; см. *Русская истор. библ.* т. VI, прил. 35, 39, 42, 43—45; *Протоколы Конст. Патріархата* — Ж. М. Н. Пр. 1847 г., ч. 54, стр. 158—159; *Макарій* — Ист. рус. ц. IV, 79—83. Объ еп. Теодосіѣ и Трифонѣ см. Ж. М. Н. Пр. 1888, II, 450—452.

²⁾ Въ хрисовулѣ имп. Іоанна Кантакузина отъ 1347 г. о присоединеніи галицкой митрополіи къ кievской говорится: «Съ того времени, какъ русскій народъ, по благодати Христовой, получилъ богопознаніе, святѣйшія епископіи Малой Руси, находящіяся въ мѣстности, называемой Волинью: галицкая, владимірская, холмская, перемышльская, луцкая и туровская, также какъ и святѣйшія епископіи Великой Руси, принадлежали къ кievской митрополіи». *Рус. ист. библ.*, т. VI, прилож. 3, стр. 14.

св. Петра, написанномъ митр. Кипріаномъ ¹⁾, Юрій Львовичъ былъ однимъ изъ этихъ князей, задумавшихъ галицкую епископію возвести на степень митрополіи, съ подчиненіемъ ей и другихъ юго-зап. русскихъ епископій.

Послѣ смерти митр. Максима (1305 г.), Юрій Львовичъ, пользуясь правомъ «рекомендаціи» кандидата въ митрополиты, принадлежавшаго въ старину кіевскимъ князьямъ ²⁾, отправилъ св. Петра, — бывшаго тогда игуменомъ основаннаго имъ самимъ на рѣчкѣ Рата монастыря ³⁾, въ Константинополь, къ патріарху, съ грамотой, въ которой изложена была просьба князя о поставленіи игумена Петра въ галицкіе митрополиты. Патріархъ Аѳанасій исполнилъ желаніе кн. Юрія Львовича — въ 1308 г. поставилъ въ митрополиты св. Петра, но, судя по извѣстію Степенной книги, лѣтописи Авраамка и Никоновской, — всей Руси, а не одного Галича съ юго-зап. Русью.

И дѣйствительно, митрополитъ св. Петръ, по прибытіи изъ Царяграда на Русь, сначала, по словамъ Никоновской лѣтописи, «сѣдѣ» въ Кіевѣ, но затѣмъ отправился во Владиміръ Суздальскій и утвердилъ свое пребываніе на сѣверѣ.

Такимъ образомъ, судя по нашимъ источникамъ, попытка Юрія не удалась ⁴⁾.

¹⁾ *Степенная книга*, ч. I. М. 1775 г., стр. 414: «князь же (не названъ по имени, но, конечно, это былъ не кто иной, какъ Юрій Львовичъ) Волинскія земли совѣщаетъ совѣтъ не благъ, восхотѣ галицкую епископію въ митрополію претворити». Этому нѣтъ въ краткомъ житіи св. Петра, написанномъ еп. ростовскимъ Прохоромъ, конч. въ 1327 г. *Макарій* — Ист. р. ц.

IV, прил. № III, стр. 308.

²⁾ Проф. *Будановъ* — Обзоръ стр. 151.

³⁾ *Степенная книга*, ч. I, стр. 412, 414. «За горами Потылицкими читаемъ вздожь *Раты* кромѣ Монастырца Верхратскаго, оподаль лежачого на лѣвомъ березѣ Раты, Дворце село, где надъ Ратою въ долині стоялъ монастырь св. Петра — первого митрополита Московскаго — и где еще днесь тое урочище въ устахъ простолюдина словеть Петровою долиною». *Шараневичъ* — Изслѣдов. на поли отеч. геогр. стр. 87. Поставленіе св. Петра въ митр. всерос. относится къ 1308 г. См. *Лѣт. Авраамка* подъ 6816 г. (стр. 58), *Никоновская*, ч. III, стр. 104.

⁴⁾ *Степенная кн.* I, 415—416, *Никонов.* ч. III, стр. 105. *Смирновъ* — Судьбы — 139—140.

Но съ другой стороны, по византійскимъ источникамъ, — не вѣрять которымъ нѣтъ основанія, — митрополія въ Галичѣ была, дѣйствительно, учреждена въ началѣ XIV в., и именно тогда, когда еще живъ былъ митрополитъ Максимъ — въ 1303 г., въ княженіе, значитъ, того-же Юрія. Этой новой митрополіи были подчинены въ то время епархіи — владимірская, перемышльская, луцкая, туровская и холмская¹⁾).

Какъ же согласовать извѣстія нашихъ источниковъ съ таковыми же византійскими? Для разрѣшенія этого вопроса, кажется намъ, можно высказать слѣдующее предположеніе. Въ 1303 г., по опредѣленію императора Андроника Палеолога и патр. Аѳанасія съ соборомъ была учреждена отдѣльная митрополія въ Галичѣ. Немного времени спустя скончался (въ 1305 г.) митр. всероссійскій Максимъ. Этимъ обстоятельствомъ рѣшилъ воспользоваться Юрій Львовичъ, чтобы выставить кандидатуру св. Петра въ преемники митр. Максиму, рассчитывая на то, что, хотя его кандидата и поставятъ въ митрополиты кіевскіе и всея Руси, но онъ будетъ имѣть пребываніе въ его, Юрія, владѣніяхъ — въ Галичѣ (подобно тому, какъ Максимъ и его преемники, хотя и именовались митрополитами кіевскими и всея Руси, но не жили въ Кіевѣ).

Патріархъ съ соборомъ, не имѣя ничего противъ подобнаго желанія Юрія Львовича, поставилъ св. Петра въ митр. кіевскіе и всея Руси, тѣмъ болѣе, что, б. м., этого-же самого Петра патріархъ Аѳанасій раньше, согласно съ желаніями Юрія, возвелъ въ митрополиты отдѣльной галицкой митрополіи²⁾. Но св. Петръ, вопреки ожиданіямъ Юрія Львовича, поселился на сѣверѣ, а не въ Галичѣ или въ Кіевѣ, и оттуда сталъ управлять своей паствой, и попытка Юрія учредить отдѣльную галицкую митрополію должна была такимъ образомъ въ концѣ концовъ завершиться неудачею.

¹⁾ *Рус. истор. библ.* т. VI, прил. 3, стр. 15—16, прим.

²⁾ Кор. Казиміръ въ своей грамотѣ къ патр. Антонію въ числѣ галицкихъ митрополитовъ называетъ и Петра. *Рус. истор. библ.* т. VI, прил. 22, стр. 126.

Однако, такая неудача не остановила галицко-волынских князей въ ихъ стремленіи къ основанію самостоятельной митрополіи для Галича и вообще для юго-зап. Руси, такъ какъ въ этомъ, видно, была настоятельная нужда, и дѣло въ данномъ случаѣ не ограничилось попыткой одного только Юрія Львовича. По всей вѣроятности, и его преемники — кн. Андрей и Левъ думали о томъ-же. По крайней мѣрѣ, изъ хрисовула императора Іоанна Кантакузина, даннаго въ авг. 1347 г., о присоединеніи галицкой митрополіи къ кіевской, а также изъ его грамоты Любарту Гедиминовичу отъ сентября 1347 г. можно заключить, что къ подобнымъ попыткамъ (всегда, по словамъ императора, завершавшимся неудачею) прибѣгали не разъ ¹⁾.

Въ пользу своего предположенія можемъ еще привести и слѣдующее соображеніе. Въ перечнѣ подчиненныхъ константинопольскому патріарху епископскихъ кафедръ, — по словамъ проф. Павлова, извѣстномъ уже по списку XIV вѣка, — говорится между прочимъ, объ учрежденіи въ патр. Іоанна Глики (1315—1319) литовской митрополіи ²⁾, а въ актахъ патріархата упоминаются литовскіе митрополиты, какъ присутствовавшіе на патріаршихъ соборахъ въ 1317 и 1327 гг., при чемъ, одинъ изъ нихъ даже названъ по имени (Θеоφιλъ, на соборѣ 1327 г.) ³⁾. Такимъ образомъ, изъ этихъ извѣстій явствуетъ, — какъ это справедливо замѣчаетъ и проф. Павловъ, — что еще до Романа были литовскіе митрополиты. Но были ли въ дѣйствительности они литовскими, или греки называли ихъ такъ, только потому

¹⁾ «Такъ точно и въ прежнія времена» (т. е. до учрежденія галицкой митрополіи въ патріаршество Іоанна Калеки), говоритъ императоръ, «когда тоже была замышляема такая новость, она падала и разрушалась въ самомъ началѣ». А въ грамотѣ къ Любарту: «И хотя по временамъ нѣкоторые и покушались нарушить этотъ порядокъ (т. е. чтобы во всей Руси, Великой и Малой, находился одинъ митрополитъ — кіевскій), но имъ не удавалось до конца довести свое намѣреніе: ибо вслѣдъ за такими покушеніями дѣла опять приходили въ прежнее обычное состояніе, какъ знаете и вы сами». *Рус. Истор. библ.* т. VI, прил. 3 и 6, стр. 16, 30.

²⁾ Ib., прил. 3, въ прим. на стр. 15—16.

³⁾ Ib., стр. 71—72 въ прим. 2.

что ихъ вѣдѣнію были подчинены вмѣстѣ съ епархіями мало-россійскими и литовскія, а на самомъ дѣлѣ, это — митрополиты галицкіе? Хотя положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, конечно, дать нельзя, но все-же можно сказать предположительно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло скорѣе съ галицкими митрополитами — такъ какъ о попыткахъ литовскихъ князей до Ольгерда къ учрежденію у себя особой митрополіи ни изъ какихъ источниковъ намъ ничего неизвѣстно, да и по обстоятельствамъ тогдашняго положенія дѣлѣ въ литовскомъ вел. княжествѣ нельзя себѣ представить, чтобы въ то время Гедиминъ сталъ хлопотать о чемъ-нибудь подобномъ. По-мимо того, изъ какихъ епархій составила бы тогда собственно литовская митрополія? Развѣ только пѣз двухъ-полоцкой и туровской. Тогда какъ въ составъ галицкой могли войти епархій — галицкая, перемышльская, холмская, владимірская и луцкая. Скорѣе же, въ такомъ случаѣ, предположить можно, что галицкая митрополія привлекла къ себѣ двѣ литовскихъ епархій, чѣмъ наоборотъ¹⁾.

Если же все это до нѣкоторой степени справедливо, то, значитъ, въ княженіе преемниковъ Юрія Львовича — Андрея и Льва — Галичъ представлялъ изъ себя митрополію, — но какъ долго, — сказать нельзя.

Впослѣдствіи мы встречаемся съ новой попыткой въ этомъ родѣ, при этомъ, несомнѣнно, увѣнчавшейся успѣхомъ, хотя, какъ можно думать, и не на долго.

Изъ нѣкоторыхъ византійскихъ²⁾ источниковъ явствуетъ, что незадолго до января 1347 г. въ Константинополь прибылъ галицкій епископъ, который, воспользовавшись временемъ быв-

¹⁾ Иное дѣло, конечно, было при митр. Романѣ, когда въ составъ его митрополіи могло уже войти много епархій, принадлежавшихъ Литвѣ. По словамъ проф. Павлова, — названія *Λιθων* или *Λιθων* и *ὁ Γαλιτς*, по всей вѣроятности, употреблялось (въ актахъ соборовъ) у грековъ, какъ синонимы («последнее» говоритъ онъ, встрѣчается въ актахъ 1331 и 1337 г. См. Acta patr. I, 164, 171). *Рус. истор. библ.* т. VI, 72—73, прил. 2.

²⁾ *Хрисовул* нмп. Иоанна Кантакузина о присоединеніи галицкой митрополіи къ кіевской, изд. въ авг. 1347 г.; *грамоты* того-же императора къ

шихъ тамъ тогда церковныхъ смуть «склонилъ на свою сторону тогдашняго константинопольскаго патріарха (Іоанна Калеку), а съ нимъ увлекъ и дурныхъ, злонамѣренныхъ правителей государства и общественныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ возведенъ былъ изъ епископовъ въ митрополиты, съ подчиненіемъ ему и другихъ епископій, находящихся въ Малой Русіи». Но въ 1347 г. патр. Іоаннъ, «за свои безразсудства и за все, учиненное имъ противъ божественныхъ и священныхъ каноновъ, изверженъ (изъ сана), а съ тѣмъ вмѣстѣ отмѣнено все, что сдѣлано было прежнимъ патріархомъ вопреки божественнымъ и священнымъ канонамъ», и въ августѣ и въ сентябрѣ того-же 1347 г., по приказу императора Іоанна Кантакузина и соборному рѣшенію, согласно съ просьбой вел. кн Симеона и митр. Θεογνοста, упразднена была также учрежденная патріархомъ Іоанномъ галицкая митрополія, и повелѣно было, чтобы «святѣйшія епископіи галицкая и прочія опять состояли подъ святѣйшею митрополіею кievскою, — какъ было и прежде». Тогда же было сдѣлано постановленіе, чтобы митрополитъ галицкій явился въ Константинополь для дачи отвѣта по обвиненіямъ, взводимымъ на него митрополитомъ Θεογностомъ, который еще и раньше предъявлялъ таковыя обвиненія къ нему, и ¹⁾ который въ качествѣ обвинителя также долженъ былъ явиться въ Константинополь или прислать отъ себя довѣренное лицо. Импер. Іоаннъ Кантакузинъ обращался при этомъ съ просьбой «къ благороднѣйшему князю владимірскому и сроднику (его) царскаго величества, кнрь Дмитрію — Любарту» посодѣйствовать

митр. Θεογносту — объ отмѣнѣ состоявшагося при патр. Іоаннѣ постановленія, коимъ часть русскихъ епархій отдѣлялась отъ галицкой митрополіи; къ вел. кн. Симеону Ивановичу и къ кн. владимірскому Дмитрію — Любарту о томъ же; наконецъ, соборное дѣяніе отъ сентября 1347 г., подтверждающаго царскій хрисовулъ о присоединеніи галицкой митрополіи къ кievской. *Рус. истор. библ.* т. VI, прил. 3—8, стр. 14—40. *Прот. Конст. патр.* Ж. М. Н. Пр. 1847 г., ч. LIV, стр. 139—140.

¹⁾ См. грамоту патр. Исидора къ митр. галицкому отъ сентября 1347 г. съ призывомъ явиться на судъ. *Рус. истор. библ.* т. VI, прил. 8, стр. 40.

удаленію «того галицкаго архіерея» и побудить его прибыть въ Константинополь.

Что сталося затѣмъ съ этимъ галицкимъ митрополитомъ, мы не знаемъ, равно какъ не знаемъ ни его имени, ни времени поставленія его въ митрополиты.

Митрополитъ Макарій¹⁾ предположительно называетъ его Теодоромъ, о которомъ извѣстно, что онъ былъ рукоположенъ въ галицкіе епископы въ маѣ 1328 г. митрополитомъ Теоностомъ и, несомѣнно, занималъ галицкую епископскую кафедру съ этого года и по 1335 г. включительно²⁾. Г. Филевичъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ митр. Макарія, относитъ вмѣстѣ съ Петрушевичемъ и Шараневичемъ смерть этого Теодора къ 1338 г. и, значитъ, не его считаетъ галицкимъ митрополитомъ³⁾.

Сказать что-нибудь положительное по этому вопросу трудно. Дѣйствительно, въ грамотѣ кор. Казимира къ патр. Филофею отъ 1370 г. упомянуть въ числѣ бывшихъ галицкихъ митрополитовъ Теодоръ, который, несомѣнно, въ указанное

¹⁾ Макарій—Ист. р. ц. т. IV, 26.

²⁾ Записки о поставленіи русскихъ епископовъ Ж. М. Н. Пр. 1888, II, 450—453. Еп. Теодоръ упоминается кромѣ того въ грам. Юрія, данной въ 1334 г. в. маг. тевтонскаго ордена (Chodore episcopo Galicensi.).

³⁾ Проф. Филевичъ—Борьба Польши и Литвы—Руси за гал. влад. на слѣдѣ, стр. 148—149. Смерть галицкаго еп. Теодора г. Филевичъ относитъ къ 1338 г. безъ достаточнаго основанія, такъ какъ таковымъ не можетъ быть считаема ссылка на челобитную галицко-русскаго и подольскаго православнаго духовенства и мірянъ, отправленную изъ Львова 13 декабря 1539 г. къ митр. кievскому Макарію, въ которой, между прочимъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣд. слова: «Преосвященный господине! маемъ то въ.. нѣкахъ (вѣроятно, въ хроникахъ), ажъ тому есть двѣсти лѣтъ и одинъ рокъ отъ святого... минуло, якъ владыка на Галичи былъ» (Акты зап. Р. т. II, № 198). Быть можетъ, въ 1338 г., вслѣдствіе бывшаго тогда въ Галицко-владимірскомъ княжествѣ смутнаго времени, галицкій епископъ ушелъ изъ Галича, и это событіе занесено было въ хроники. Не встрѣчая затѣмъ въ хроникахъ записей ни о возвращеніи этого же самаго епископа въ Галичъ, ни о другихъ епископахъ, бывшихъ въ этомъ городѣ, составители челобитной и выразились въ ней такъ, какъ выше приведено.

выше время былъ галицкимъ епископомъ, или какой-нибудь другой—невозможно сказать.

Что касается времени поставленія галицкаго епископа въ митрополиты, то относительно этого можно высказать одно предположеніе. Митр. Макарій, а вслѣдъ за нимъ и проф. Филевичъ, указываетъ на время около 1345 г. Быть можетъ, это и такъ. Несомнѣнно, что это событіе случилось до 8 января 1347 года, когда на престолъ византійскій взошелъ импер. Іоаннъ Кантакузинъ¹⁾, и *незидолго* до этого времени, — какъ это явствуетъ изъ упомянутыхъ выше византійскихъ источниковъ²⁾, — т. е. дѣйствительно, можетъ быть, ок. 1345 или 1346 г., когда Во-лынью, а также, всего вѣроятнѣе, и Галичемъ³⁾ владѣлъ Любартъ Гедиминовичъ. Ему-то въ данное время могла принадлежать и самая инициатива возбужденія дѣла о самостоятельной галицкой митрополіи. Последняя просуществовала недолго, и

¹⁾ Макарій—Истор. рус. ц. IV, 26; Терновскій—Изученіе виз. истор. вып. I, 142.

²⁾ Въ хрисовулѣ отъ авг. 1347 г. говорится: «*въ недавнее время смуты* (Макарій — Ист. р. ц. т. IV, 25), благопріятное для всякихъ безпорядковъ, правящіе дѣлами государства (когда царствовали Іоаннъ Палеологъ съ матерью Анною—см. Терновскій—Изуч. виз. исторія, вып. I, 142) и недостойно предостоятельствовавшій въ церкви (Іоаннъ IV Калека См. Макарій—Ист. р. ц. т. IV, 25; Рус. ист. библ. т. VI, прил. 3, стр. 13—16, прим.)... ввели ту новизну, что отторгли отъ сей святѣйшей митрополіи кievской именованную епископію Малой Руси и подчинили ихъ галицкому архіерею, возведя его изъ епископовъ въ митрополиты». Въ грамотѣ императора къ митр. Θεογνωсту читаемъ: «*Причиною недавно случившагося отторженія*» въ грам. къ в. Симеону Ивановичу—«*Поелику же Божиимъ поущеніемъ, недолго преда силѣ*... а въ грам. Любарту—«*во вотъ недавно приходившій сюда галицкій архіерей*»... Рус. истор. библ. VI, прил. 3—7.

³⁾ Въ заключеніе своей грамоты къ Любарту Гедиминовичу Іоаннъ Кантакузинъ пишетъ: «*Обо всемъ этомъ извѣщаетъ тебя мое царское величество на тотъ конецъ, дабы ты содѣйствовалъ удаленію того галицкаго архіерея и побудилъ его прибыть сюда*». Рус. ист. библ. т. VI, прил. 6, стр. 34. Эти слова говорятъ въ пользу высказаннаго еще раньше насъ проф. Филевичемъ мнѣнія (см. его соч. — Воряба etc., 80) о принадлежности въ это время Галиція Любарту Гедиминовичу, а не кому-другому.

обстоятельство это нужно, кажется намъ, приписать тому, во 1-хъ, что учрежденіе митрополіи относится ко времени церковныхъ смутъ въ Константинополѣ, завершившихся низверженіемъ съ престола того именно патріарха, который «претворилъ» галицкую епископію въ митрополію, во 2-хъ, восшествію на престолъ новаго императора, въ 3-хъ, — что особенно немаловажно — вліянію на императора и патріарха со стороны в. кн. Симеона и митрополита Теогноста ¹⁾.

Бѣдѣлъ ли послѣдній въ Константинополь, какъ того требовалъ императоръ, не знаемъ. Извѣстно только изъ Никоновской лѣтописи, что Теогностъ, не разъ посѣщавшій Волинь и раньше ²⁾, былъ тамъ въ послѣдній уже разъ ок. 1349 г. Здѣсь оцъ видѣлся, конечно, съ Любартомъ Гедиминовичемъ и, м. б., не безъ посредничества митрополита вскорѣ заключенъ былъ бракъ Любарта Гедиминовича съ дочерью ростовскаго князя Константина Борисовича. По крайней мѣрѣ, въ Никоновской лѣтописи, подъ 6857 г., вслѣдъ за извѣстіемъ о прибытіи митрополита изъ Волини на сѣверъ, записано слѣдующее: «при-

¹⁾ Въ хрисовулѣ императора отъ авг. 1347 г. читаемъ: «Вотъ и теперь объ этомъ дѣлѣ доноситъ моему царскому величеству благородившій в. кн. Руси, любезный сродникъ моего царскаго величества, кпръ Симеонъ и вмѣстѣ съ другими тамошними князьями просить, чтобы моимъ царскимъ хрисовуломъ тѣ епископіи снова подчинены были упомянутой святѣйшей митрополіи кievской, какъ и прежде». Въ грам. митр. Теогносту: «Посланные отъ твоего святительства прибыли на поклонъ моему царскому величеству и повергли предо мною твое писаніе, изъ котораго мое царское величество узнало, о чемъ ты писалъ доносилъ». И дальше — «А какъ твое святительство донесло моему царскому величеству и о той новизнѣ, которая состоялась относительно тебя, и просило возстановить дѣло въ прежнее положеніе, то... Рус. ист. биб. т. VI, прил. 3 4 См. также—Никонов. ч. III, 186: В лѣто 6855 «Преосв. Теогностъ митрополитъ, посовѣтовавъ нѣчто духовне съ сыномъ своимъ в. кн. Семеномъ Ивановичемъ, и тако послаша въ Царьградъ къ патріарху о благословеніи».

²⁾ По павѣстіямъ Никоновской лѣтописи (отчасти Новгородской I и Авраамка) митр. Теогностъ былъ на Волини въ 1329—1332 и ок. 1349 г. Никонов. III, 154—155. 157—58, 192, Новгород. I, 325—326, лѣт Авраамка подъ 6839 г

сла къ вел. кн. Семену Ивановичу из Воляня князь Любордъ Гедиминовичъ, прося за себя сестричнина его, дщери князя Константина Борисовича Ростовскаго, онъ же даде за него сестричну свою въ Волянь»¹⁾.

Итакъ, единство митрополіи и на этотъ разъ было восстановлено, но опять не на долго, такъ какъ еще при жизни митрополита Феогноста явилась новая попытка ея раздѣленія. Въ 1352 году прибылъ въ Константинополь инокъ Феодоритъ съ просьбой посвятить его въ митрополиты русскіе, но, не достигнувъ здѣсь желаемого, ушелъ въ Трновъ, гдѣ патріархъ болгарскій и поставилъ его въ митрополиты. Затѣмъ онъ отправился на Русь и утвердилъ свою резиденцію въ Кіевѣ, гдѣ находился и въ 1354 г. Константинопольскій патріархъ, какъ и слѣдовало ожидать, призналъ поступокъ Феодорита и Трновскаго патріарха противнымъ канонамъ и разослалъ по Руси грамоты (между прочимъ, къ новгородскому владыкѣ Мойсею, въ іюлѣ 1354 г.) о непринятіи «того Феодорита, какъ низложеннаго божественными канонами и божественнымъ и священнымъ Соборомъ». Однако, не смотря на низложеніе и отлученіе отъ церкви, Феодоритъ какъ видно, преспокойно сидѣлъ себѣ въ Кіевѣ («разбойнически и насильственно владѣетъ Кіевомъ и находится въ немъ», говорится въ опредѣленіи патріаршаго собора отъ 1354 г. о перенесеніи кааедры русской митрополіи изъ Кіева во Владиміръ»). Вѣроятно, въ такомъ случаѣ онъ находилъ въ комъ-нибудь поддержку. Въ виду этого, кажется намъ очень правдоподобнымъ утвержденіе въ «Житіи» св. Алексія (*Филаретъ*—Рус. свят., февр. 12-го, стр. 91), что патріархъ болгарскій рѣшился поставить Феодорита митрополитомъ по просьбѣ южныхъ князей Россіи²⁾. Что-же это за князья такіе? Зная, откуда въ XIV в. шли по-

¹⁾ *Никоновская* лѣт. III, 192.

²⁾ О Феодоритѣ—Рус. ист. библ. т. VI, прил. 11, 12, стр. 62, 68, 70; Макарій—ист. р. ц., т. IV, стр. 40, 318, 322; *Никоновская*—т. III, 201: «Того-же лѣта» (6860) инокъ Феодоритъ поставленъ былъ митрополитомъ отъ Терновскаго патріарха и «прииде въ Кіевъ».

Рус. стор библ. т. IV, прил. II, стр. 60—64 (на стр. 62—«Итакъ, смотри (обр. къ новг. арх. Мойсею), не принимай того Феодорита, чтобы и тебѣ не подпасть подъ осужденіе, въ какомъ находится Феодоритъ»).

пытки создать отдѣльную митрополію для южной Русь, мы, вѣроятно, не ошибемся, если скажемъ, что въ данномъ случаѣ разумѣются, главнымъ образомъ, князья литовско-русскіе. Теодоритъ могъ, напр., быть кандидатомъ или Любарта, или Ольгерда. Какъ бы то ни было, но онъ, по крайней мѣрѣ, года съ два былъ митрополитомъ, и его въ это время могли признавать своимъ высшимъ пастыремъ и тѣ южно-русскія епархіи, которыя входили раньше въ составъ галицкой митрополіи.

Въ мартѣ 1353 г. скончался митр. Θεογνoστῆς, предъ смертью (въ декабрѣ 1352 г.) вмѣстѣ съ в. княземъ Семеномъ Ивановичемъ отправивъ пословъ въ Константинополь къ царю и патріарху съ просьбой о предоставленіи всероссійской митрополіи, когда она сдѣлается свободною, епископу владимірскому Алексію. Послѣ смерти Θεογνoστῆς св. Алексій отправился въ Константинополь, и здѣсь, въ іюнѣ 1354 г. былъ поставленъ въ митрополиты кievскіе и всея Руси¹⁾. Но вел. князь литовскій Ольгердъ желалъ имѣть для своихъ владѣній самостоятельнаго митрополита, и въ томъ же 1354 г. ему удалось добиться поставленія своего кандидата—Романа въ митрополиты для литовскихъ епархій, а затѣмъ, послѣ происшедшихъ между Романомъ и Алексіемъ споровъ изъ-за епархій, соборъ, бывшій въ Константинополѣ въ 1355 г. (на которомъ присутствовали оба русскіе митрополита) постановилъ, чтобы Романъ «вмѣстѣ съ двумя литовскими епископіями, полоцкою и туровскою, съ присоединеніемъ Новагородка, митрополичьей каведры, имѣлъ еще епископіи Малой Руси»²⁾. Послѣ смерти Романа (1362 г.) опять возстановлено было един-

¹⁾ Настоящая грамота патр. Филовея владимір. епископу Алексію на митр. кiev. и всея Руси, изданная 30 іюля 1354 г. См. Рус. истор. библ. т. VI, прил. 9, стр. 42.

²⁾ О митр. Романѣ—Рус. ист. библ. т. VI, прил. 13 (1361 г. въ іюль—Соборное опредѣленіе патр. Каллиста о предѣлахъ кiev. и литов. митр.), 14, 15, 30 (Соборное опредѣленіе патр. Нила отъ іюня 1380 г.). Макарій—Ист. рус. ц. IV, 42, 45, 322; Никоновская ч. III, стр. 204, 206, 207 («Того же лѣта т. е. 6864 — «Тако же и Романъ митр. прииде изъ Царяграда отъ патріарха на Литовскую землю и на Волинскую»), 214.

ство митрополіи, и митрополитомъ всероссійскимъ и литовскимъ былъ св. Алексій¹⁾, но Ольгердъ, указывая патріарху Филоею въ грамотѣ своей отъ 1371 г. на то, что митр. Алексій «благославляетъ Московитянъ на пролитіе крови, и ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не наѣзжаетъ», просилъ его дать «другого митрополита на Кіевъ, Смоленскъ, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижній Новгородъ»²⁾.

Однако, прежде чѣмъ, Ольгерду удалось добиться своего, вновь былъ поднятъ вопросъ о самостоятельной галицкой митрополіи, и на этотъ разъ инициатива принадлежала польскому королю Казимиру Вел., который, въ качествѣ обладателя Галиціи и нѣкоторыхъ земель Волынскаго княжества, ок. 1370 г. обратился къ патр. Филоею съ питтакіемъ отъ себя («короля земли ляшской и Малой Руси»), «отъ князей русскихъ, вѣрующихъ въ христіанскую вѣру, и отъ бояръ русскихъ». Въ этомъ питтакіѣ Казиміръ, указывая на то, что «вся земля нынѣ гибнетъ безъ закона, ибо законъ исчезаетъ», просилъ патріарха рукоположить въ галицкіе митрополиты епископа Антонія, избранника его, короля, князей его и бояръ, «дабы не исчезъ, не разорился законъ русскій», заявляетъ король. При этомъ, Казиміръ ссылается на то, что «отъ вѣка вѣковъ Галичъ слылъ митрополіею во вѣхъ странахъ и былъ престоломъ митрополіи отъ вѣка вѣковъ», и дальше говоритъ: «первый митрополитъ вашего благословенія былъ Нифонтъ, второй митр. Петръ, третій митр. Гавріилъ, четвертый митрополитъ Феодоръ. Всѣ они были на престолѣ Галича». Грамоту свою Казиміръ заканчиваетъ такою угрозою: «А не будетъ милости Божіей и вашего благословенія на семъ человѣкѣ (т. е. Антоніѣ), то послѣ не жалуйтесь на насъ: намъ нужно будетъ крестить русскихъ въ латинскую вѣру, если у нихъ не будетъ митрополита, такъ какъ земля не можетъ быть безъ закона»³⁾.

¹⁾ Рус. истор. библ. т. VI, прил. 15, 24, 30.

²⁾ Ib. прил. 24.

³⁾ Ib. прил. 22, 23, *Протоколы Конст. патр. Ж. М. Н. Пр.* 1847, ч. 54, стр. 147, и дальше. М. Р. h t. I, 626—628; *Макарій—Ист. р. ц.* IV, 56—

Эта грамота кор. Казимира доложена была Константинопольскому собору, и въ маѣ 1371 г. состоялось соборное постановление, въ силу котораго епископъ Антоній былъ «произведенъ и поставленъ пзъ епископа въ митрополита» «святѣйшей митрополіи галицкой, много лѣтъ вдовствовавшей», при чемъ, сверхъ того онъ былъ «уполномоченъ временно взять въ свое вѣдѣніе святѣйшія епископіи холмскую, туровскую, перемышльскую и владимірскую, пока» (говорится въ соборномъ дѣяніи) «не прекратятся тамъ происходяція теперь брани и не настанетъ миръ и конецъ соблазнамъ¹⁾».

О такого рода постановленіи собора былъ извѣщенъ и митр. св. Алексій грамотой патр. Филоелъ, написанной въ авг. 1371 г. и представляющей не малый интересъ. Въ ней патріархъ, указавъ на дошедшіе до него слухи о томъ, что св. Алексій заботится не о всѣхъ христіанахъ, обитающихъ въ разныхъ частяхъ Руси, но утвердился на одномъ мѣстѣ, всѣ же прочія мѣста оставилъ безъ пастырскаго руководства, безъ ученія и духовнаго надзора, сообщаетъ дальше, что подобный образъ дѣйствій митрополита. не посвящавшаго и не обозрѣвавшаго въ продолженіе многихъ лѣтъ Малой Руси, привелъ къ тому, что король Казимиръ и другіе князья попросили его, патріарха, дать имъ самостоятельнаго митрополита. Что было дѣлать патріарху и собору, какъ не удовлетворить просьбы Казимира: вѣдь онъ, въ противномъ случаѣ, могъ бы привести въ исполненіе свою угрозу о поставленіи въ митрополиты латинянина. Однако, патріархъ, вынужденный сдѣлать то, что, конечно, не могло понравиться св. Алексію, отдалъ въ распоряженіе митрополита Антонія только «Галичъ, гдѣ бы онъ пмѣлъ митрополію, а изъ епископій—владимірскую, перемышльскую, и холмскую, которыя находятся подъ властью ляхскаго короля: больше этого», заклю-

59, прил. № XIII, стр. 333. Грамота Казимира безъ даты, но за таковую принимаютъ 1370 г. См. *Рус. истор. библ.* VI, прил. 22, *Mon. Pol. h.* 626—628. У митр. Макарія (Истор. р. ц. IV, стр. 56) указанъ ошибочно 1371 г., когда Казимира уже не было въ живыхъ.

¹⁾ *Рус. истор. библ.* т. VI, прил. 23.

часть патріархъ, «мы ничего ему не дали ни Луцка, ни другой какой (епископія)»¹⁾.

Какъ видно изъ этой грамоты, не вся Владимірская земля въ это время въ духовномъ отношеніи была подчинена вѣдѣнію галицкаго митрополита. Такъ, территорія, уступленная Любарту Гедиминовичу, по договору его съ Казиміромъ въ 1366 г., не

¹⁾ *Рус. истор. библ.* VI, прил. 25. Проф. Филевичъ, въ своемъ сочиненіи, о которомъ мы выше много разъ упоминали, а именно — Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко Владимірское наслѣдіе—подвергъ подробному разсмотрѣнію грамоту кор. Казиміра къ патр. Филовею, при чемъ. пришелъ къ заключенію, что «точное согласованіе ся показаній съ извѣстными (ему) фактами изъ исторіи русской церкви не возможно, а это обстоятельство въ значительной степени должно подорвать вѣру въ точность приводимаго Казиміромъ перечня галицкихъ митрополитовъ» (137, 139). Въ то-же время г. Филевичъ не находитъ возможнымъ не признавать за этимъ документомъ несомнѣнной подлинности. Намъ кажется, что г. Филевичъ не совсѣмъ правъ, умаляя значеніе этого интереснаго документа, не вполне довѣряя сообщаемымъ въ немъ свѣдѣніямъ, которыя, между тѣмъ, находятъ для себя до нѣкоторой степени подтвержденіе въ актахъ Константинопольскаго патріархата.

Разсмотримъ тѣ мѣста грамоты, истинность показаній которыхъ заподозриваетъ г. Филевичъ.

Кор. Казиміръ говоритъ, что «отъ вѣка нѣковъ Галичъ слытъ митрополію во вѣхъ странахъ и былъ престоломъ митрополіи отъ вѣка вѣковъ». Конечно, эти слова не нужно понимать буквально, это только риторическій приемъ выраженія мысли, что галицкая митрополія существовала задолго до 1370 г. когда кор. Казиміръ обратился къ патріарху. И действительно, митрополія эта появляется впервые не около ¹⁾ XIV в., какъ то заявляетъ

Филевичъ («Борьба» etc. стр. 143), а гораздо раньше. Такъ, изъ византійскихъ источниковъ мы узнаемъ (*Рус. истор. библ.* т. VI, прил. 3, стр. 15—16, прим.), что еще въ 1303 г., въ царствованіе императора Андроника Палеолога, при патр. Аванасіѣ, галицкая епископія была «претворена» въ митрополію. Этотъ фактъ извѣстенъ г. Филевичу, но онъ, во 1-хъ, безъ достаточнаго основанія находитъ возможнымъ сомнѣваться въ датѣ, а во 2-хъ, —довольно своеобразно толкуетъ самый фактъ. По его мнѣнію, послѣдній «свидѣтельствуетъ лишь о безсиліи Царьграда по отношенію къ подчиненнымъ его духовной власти церквямъ Въ Царьградѣ, естественно, могли придать именно такое толкованіе назначенію Петра». Затѣмъ, изъ приведенныхъ раньше словъ имп. Іоанна Кантакузина явствуетъ также, что еще

зависѣла отъ его власти, а находилась въ вѣдѣніи митр. св. Алексія, — впрочемъ недолго.

Выше говорилось, что в. кн. литовскій Ольгердъ домогался предъ патріархомъ о назначеніи для Литвы и Малой Руси особаго митрополита. Эти домогательства увѣнчались въ концѣ

до учрежденія галицкой митрополіи при патр. Іоаннѣ XIV было не одно «покушеніе» создать отдѣльную митрополію для юго-зап. Руси и Литвы, и «покушенія» эти, скажемъ отъ себя, увѣнчивались успѣхомъ, такъ какъ на актахъ патріархіи 1317 и 1327 г. встрѣчаемъ подписи митрополитовъ литовскихъ (подъ которыми, какъ мы выше старались установить, греки могли тогда разумѣть именно митрополитовъ галицкихъ). Далѣе, около 1345—1346 г. была, несомнѣнно, учреждена галицкая митрополія, и г. Филевичу, вопреки яснымъ свидѣтельствамъ византійскихъ источниковъ, угодно назвать это духовное раздѣленіе Руси *первымъ*, возникшимъ, какъ *небывавшая* новизна, какъ *произвольное* нарушение извѣчнаго порядка, необычнымъ явленіемъ, не имѣвшимъ подъ собою *никакихъ внутреннихъ основъ*. Г. Филевичъ, однако, взялъ на себя, при этомъ, труда разъяснить это явленіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе XIV в. и затѣмъ въ XV в. въ юго-зап. Руси и въ Литвѣ настойчиво добиваются учрежденія отдѣльной митрополіи — значитъ, была въ томъ настоятельная необходимость, а г. Филевичу видится во всемъ этомъ явленіи одно только отсутствіе внутреннихъ основъ.

Въ 1347 г. послѣдовала отмена галицкой митрополіи. Для г. Филевича ясна причина — галицкая митрополія пала «въ силу собственной несостоятельности». Но г. Филевичъ игнорируетъ факты, предшествующіе этой отменѣ, и о которыхъ говорить, между прочимъ, митр. Макарій въ своей «Исторіи рус. ц.» (т. IV, 25—26). «Въ самой Греціи», повѣствуетъ онъ, «происходили тогда церковныя смуты, которыя были очень неблагопріятны для церкви русской. Все духовенство греческое занято было спорами о свѣтѣ еаворскомъ, возбужденными, съ одной стороны, Варлаамомъ и Акиндиномъ, а съ другой — препод. Григоріемъ Паламою. Въ Константинополѣ составляемы были соборы (1341—1345) въ защиту то одной, то другой стороны, въ которыхъ принимали участіе и императоры. Самъ патріархъ Іоаннъ XIV держался мнѣній Варлаама и Акиндина и предавалъ анаемѣ послѣдователей Паламы. Волненіе обнимало всю столицу. Во время этихъ-то смутъ открыта была особая митрополія въ Галичѣ, съ подчиненіемъ ей всѣхъ епархій Волыни». И затѣмъ — «Въ январѣ 1347 г. взошелъ на константинопольскій престолъ новый императоръ Іоаннъ Кантакузинъ, и тогда-же Іоаннъ XIV соборомъ низведенъ съ своей кathedры за послѣдованіе Варлааму и Акидину. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ кathedру эту занялъ Исидоръ Бухиръ, котораго Іоаннъ

концовъ успѣхомъ, и въ 1376 г., еще при жизни св. Алексія, патр. Филоеѣй рукоположилъ въ митрополита кievскаго и литовскаго серба инока Кипріяна, но съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти св. Алексія этотъ Кипріянъ занялъ всероссійскій митрополитскій столъ. Кипріяну, конечно, въ это время была под-

XIV предавалъ анаѣмъ за приверженность къ Паламѣ, и который, какъ только сдѣлался патріархомъ, немедленно началъ отпѣлывать все, сдѣланное его предшественникомъ. Вотъ если принять все это во вниманіе, а также и то, что объ упраздненіи отдѣльной галицкой митрополіи ходатайствовали в. кн. Симеонъ и митр. Теофилактъ, то и станетъ тогда понятной недолговѣчность галицкой митрополіи.

И вообще, при рѣшеніи вопроса о причинахъ недолгатаго существованія возникшихъ въ Галиціи и въ Литвѣ митрополій, прежде чѣмъ говорить о внутренней состоятельности или несостоятельности, нужно брать во вниманіе то, что (какъ это говоритъ и г. Филевичъ, на стр. 151 своего сочиненія) дѣйствія патріархата, несомнѣнно, сообразовались съ положеніемъ вещей. Такъ, Ольгердъ въ 1376 г. добился своего—Кипріянъ (при жизни св. Алексія) былъ назначенъ въ митрополиты кiev. и литовскіе, и так. обр. явилось три митрополита, но патріархъ не считалъ тогда аномальнымъ подобнаго порядка вещей, а почему—г. Филевичъ даетъ объясненіе: «Очевидно», говоритъ онъ, «въ лицѣ Ольгерда патріархъ видѣлъ новую звезду на русскомъ горизонтѣ» (стр. 151). Значитъ, при поставленіи извѣстнаго митрополита на Русь, при раздѣленіи митрополіи или, на оборотъ, при возстановленіи ея единства, патріархатъ обращалъ также вниманіе «на новыхъ звездъ на русскомъ горизонтѣ». Нужно помнитъ при этомъ, какое въ данномъ случаѣ сильное вліяніе на патріарха и императора оказывали московскіе князья, такъ что даже на константинопольскомъ соборѣ въ іюнѣ 1380 г. было постановлено: «а послѣ него (т. е. митр. Кипріяна) на всѣ времена архіереи всея Руси будутъ поставляемы не иначе, какъ только по просьбѣ изъ Великой Руси» (Рус. истор. библ. т. VI, прил. 30, стр. 184).

Не мѣшаетъ также помнитъ и того, что говорится, напр., въ одномъ изъ житій св. Алексія: «Во время поставленія его (св. Алексія), содѣяся митежъ во святительствѣ, его жъ не бысть преже сего въ Руси. Сій же митежъ ничтоже ино, кромѣ вражія зависти и человѣческаго *ради сребролюбія*, его же ради поставленъ бысть тогда другій митрополитъ на Русь, именемъ Романъ, и бысть ему со блаженнымъ митрополитомъ Алексіемъ *крамолъ велія*» (Степенная кн. I, 452). Интересенъ комментарий къ этому мѣсту житія св. Алексія—преосв. Макарія: «Свидѣтельство это о сребролюбіи» говоритъ онъ, «имѣвшее такую силу въ столицѣ Греціи, тѣмъ замѣчательнѣе,

чинена и указанная выше область Любарта Гедимновича, а когда въ 1380 г. состоялось о Кипріяні новое опредѣленіе, въ силу котораго онъ долженъ былъ оставаться только митр. Малой Руси и Литвы, а митр. Кіевскимъ и Вел. Руси назначался Пимень, тогда, разумѣется, въ вѣдѣніе его перешли и епархіи

что оно дано не русскимъ, а грекомъ—Пахоміемъ, составителемъ означеннаго житія Алексіева». И дальше: «Конечно, патріархъ могъ и не знать о дарахъ Романа и Ольгерда въ Константинополѣ—дары могли быть поднесены не самому патріарху, а окружающимъ его лицамъ, или даже самому императору, который имѣлъ такое рѣшительное вліяніе на церковныя дѣла и въ частности на постановленіе митрополитовъ» (Ист. р. ц. т. IV, прил. № IX, стр. 323). На серебролюбіе, царившее въ Константинополѣ, указываетъ намъ и соборная грамота (отъ 15 ноября 1415 г.) литовскихъ епископовъ объ избраніи и посвященіи кіевского митр. Григорія Цамблака. Здѣсь, между прочимъ, говорится, что «царь Маноилъ не восхотѣ послушати прошенія его (т. е. Витовта о назначеніи другого митрополита) «праведнаго, *своихъ дѣлъ прибитковъ неправедныхъ*». И въ концѣ грамоты: «*ибо святыи вселенскій патріархъ и божественный соборъ священнаго Константинополя града по правиламъ поставити митрополита не могутъ, но кого царь повелитъ; и отсель купується и продается даръ св. Духа, яко же и отецъ его сътвори нѣкв. церковь, въ днѣхъ нашихъ о Кипріяні митр. и о Пимені и о Діонисіи и о иныхъ многихъ, и не смотря на честь церковную, но смотря на злато и серебро мною*» etc. (Акты, относящ. къ ист. зап. Рос. т. I, 35).

Послѣ отъѣзды митр. галицкой въ 1347 г. единство митрополіи сохранилось до 1352 г., когда явился нѣкій Феодоритъ, которому удалось быть рукоположеннымъ въ митрополиты кіевскіе патр. Трнвскимъ. Этотъ Феодоритъ, очевидно, нашедшій поддержку въ средѣ литовско-русскихъ князей, не смотря на отлученіе его константинопольскимъ патр. отъ церкви, сидѣлъ нѣкоторое время въ Кіевѣ и отсюда, вѣроятно, управлялъ епархіями, бывшими прежде въ подчиненіи галицкаго митрополита, но онъ, конечно, не могъ быть упомянутъ въ перечнѣ галицкихъ митрополитовъ, сообщаемомъ Казиміромъ въ грамотѣ, такъ какъ здѣсь, во 1-хъ, говорится только о митрополитахъ, удостоившихся благословенія конст. патріарха («вашего»), а во 2-хъ, онъ и не былъ собственно галицкимъ митрополитомъ. Равно, какъ таковымъ не былъ и Романъ, поставленный въ 1354—1355 г. въ митрополиты литов. и Малой Руси.

Итакъ, хотя Галичъ и не могъ слѣдить митрополіей во всѣхъ странахъ «отъ вѣка вѣковъ», какъ говоритъ кор. Казиміръ въ своей грамотѣ, но, несомнѣнно, что галицкая митрополія получила свое существованіе уже въ

владимирская, бывшая только временно въ соединеніи съ галицкой митрополіей.

Но волынскія епархіи не долго были въ запертости отъ литовской митрополіи, такъ какъ скоро и сама она прекратила свое существованіе, и глава ея, митр. Кипріянь, по соборному

нач. XIV в., т. е. задолго до написанія Казиміровой грамоты, и съ перерывами была до $\frac{1}{2}$ XIV в., когда послѣдовало ея упраздненіе. Затѣмъ ея епархіи находились въ подчиненіи то у всероссійскаго митр., то, одно время, вѣроятно, у Феодорита, то, наконецъ, у литовскаго митр. Романа, пока въ 1371 г. опять не была восстановлена самостоятельная галицкая митрополія. Да и самъ кор. Казиміръ даетъ намъ, такъ сказать, ключъ къ уразумѣнію его словъ объ извѣщномъ существованіи послѣдней, перечисляя бывшихъ ея представителей. Всѣхъ ихъ оказывается только 4 — значитъ, митрополія во всякомъ случаѣ не изъ древнихъ.

Впрочемъ, г. Филевичъ не даетъ никакой вѣры этому перечню, и въ этомъ отношеніи онъ, конечно, послѣдователенъ, такъ какъ, признавъ достовѣрность его, онъ имѣетъ съ тѣмъ долженъ былъ бы признать за галицкой митрополіей болѣе продолжительное существованіе, а не «мимолетное», какъ онъ говоритъ (стр. 140). Считаая, вслѣдъ за митр. Макаріемъ (Истор. р. ц.

IV, 56), перечень ложнымъ, г. Филевичъ утверждаетъ, что «патріарху не трудно было бы обличить это, но онъ не могъ этого сдѣлать въ виду прямой угрозы Казиміра крестить русскихъ въ латинскую вѣру». Такое утвержденіе, кажется намъ, неосновательнымъ, во 1-хъ, потому что патріархъ могъ и обличить Казиміра въ ложныхъ показаніяхъ и въ то же время, какъ бы признавая справедливыми доводы короля о необходимости поставитъ для Галича особаго митрополита, исполнить просьбу тѣмъ предотвратить пріаведеніе въ исполненіе королевской угрозы, а во 2-хъ, если бы онъ этого

не захотѣлъ сдѣлать, то что ему препятствовало указать на ложность показаній въ грамотѣ своей къ митр. св. Алексію, гдѣ онъ такъ откровенно сообщаетъ о мотивахъ, побудившихъ его пойти на уступку требованіямъ короля. Однако, патріархъ ни однимъ словомъ объ этомъ не обмолвился, и такимъ образомъ какъ бы призналъ справедливость за этими показаніями.

Въ виду вышесказаннаго нами выше о галицкой митрополіи, мы не можемъ согласиться съ г. Филевичемъ и склонны считать перечень галицкихъ митрополитовъ въ Казиміровой грамотѣ—истиннымъ. Къ тому же нельзя, по нашему мнѣнію, и допустить, чтобы Казиміръ рѣшился прибѣгнуть къ такому грубому обману, — какъ это приписывать ему г. Филевичъ. Неужели же Казиміръ, составивъ грамоту съ ложными показаніями о галицкихъ митрополитахъ, могъ разсчитывать на то, что ни патріархъ, ни императоръ, ни члены собора не пожелаютъ провѣрить его показаній по актамъ патріархата?

опредѣленію отъ февр. 1389 г., былъ возстановленъ въ званіи митр. Кіева п всея Руси. Съ упраздненіемъ же литовской митрополіи, волынскія епархіи были подчинены до нач. XV в. не галицкой митрополіи, продолжавшей еще тогда существовать, а всероссійской¹⁾.

Сообщивъ нѣкоторые свѣдѣнія объ іерархической зависимости волынскихъ епархій до XIV в. отъ кіевского митрополита, а въ XIV в. отъ разныхъ митрополитовъ — кіевского и всея Руси, галицкаго п, наконецъ, литовскаго, скажемъ нѣсколько словъ о стремленіяхъ польскихъ королей и папъ къ распространенію въ смежной съ Польшей Руси католицизма²⁾. Не приводя примѣровъ изъ болѣе отдаленнаго времени, вспомнимъ, какъ папа Иннокентій III присылалъ посольство къ Роману Мстиславичу съ предложеніемъ ему королевской короны, подъ условіемъ принятія имъ католицизма. Напѣ лѣтописецъ сообщаетъ, насколько имѣло успѣха это посольство: «Единою же молвящу послу тому ко Романови, како папа мочный, и можетъ его богата, сильна п честна мечемъ Петровымъ устроить, изъявъ мечъ свой рече послу: «Такій ли то мечъ Петровъ у папы? ижъ имать такій, то можетъ города давати, а азъ доколѣ имамъ и при бедрѣ, не хочу куповати ино кровію, яко же отцы п дѣды наши разиномжали землю русскую»³⁾.

Дѣйствительно, изъ упомянутыхъ въ перечнѣ митрополитовъ двое — совершенно неизвѣстныя лица, это — Нифонтъ и Гавріилъ. Но изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что ихъ никогда и не было на свѣтѣ Божьемъ, и что они не были галицкими митрополитами. Что касается св. Петра и еп. галицкаго Федора (умершаго, неизвѣстно когда), то они могли быть представителями галицкой митрополіи — первый, напр., съ 1303 г. а второй — съ 1345 — 1346 г.

¹⁾ О митрополитѣ Кипріанѣ см. *Рус. истор. библ.* VI, 30, 32, 29, 33, 39, 45; *Макарій* — *Ист. р. ц.* IV, 59—85.

²⁾ Мы здѣсь этого вопроса касаемся только вскользь, такъ какъ о немъ говорятъ подробно — проф. *Дашкевичъ*, въ соч. — «Первая унія» etc. — и проф. *Филевичъ* — въ соч. «Борьба Польши и Литвы-Руси» etc. (см. въ особенности, главу — «Дѣла церковныя»). См. также — *Смирновъ* — *Судьбы Черв.* или Г. Р. стр. 143 и др.

³⁾ *Кенігсбергъ*, 301.

Потерпѣвъ неудачу съ Романомъ Мстиславичемъ, папы не отказались, однако, отъ повторенія попытокъ въ томъ же родѣ и впослѣдствіи. Такъ, въ 1245 г. папа Иннокентій IV отправилъ къ татарамъ монаха Плато-Карпини, который, по дорогѣ въ татарскую орду, былъ во Владимірѣ у Василька. «По просьбѣ нашей» говоритъ Плато-Карпини, (Василько) «собралъ своихъ епископовъ, которымъ мы прочли грамоту святѣйшаго отца, увѣщавшаго ихъ возвратиться къ соединенію со святою матерью церковью».

На обратномъ пути изъ татарской орды Плато-Карпини проѣзжалъ черезъ Волынь. Даниилъ и Василько, по словамъ Плато-Карпини, «сдѣлавъ соборъ со своими епископами и другими благочестивыми людьми, разсуждали о томъ, что мы имъ предлагали въ проѣздѣ нашъ къ татарамъ, и всѣ единогласно сказали намъ, что желаютъ имѣть его святѣйшество особеннымъ своимъ владыкою и отцемъ, а святую церковь римскою владычицею и госпожею, подтверждая все то, что прежде о томъ писали со своимъ аббатомъ, и о томъ же самомъ отправили съ нами къ святѣйшему отцу своихъ пословъ и грамоту»¹⁾.

Но мы уже выше говорили, насколько была успѣшна попытка папы склонить галицко-волынскихъ князей къ уніи съ католической церковью. Правда, Даниилъ и Василько, въ виду политической необходимости, вступили съ папой въ переговоры объ уніи, и Даниилъ даже принялъ отъ папы королевскую корону, при чемъ, вѣроятно, обѣщалъ быть въ едненіи съ римскою церковью и повиноваться ея главѣ, но впослѣдствіи, не добившись у папы и запада желанной помощи для борьбы съ татарами, братья-князья прервали сношенія съ папою по вопросу объ уніи, при этомъ, Даниилъ обнаружилъ такую ревность къ католической церкви, что папа Александръ IV, преемникъ Иннокентія IV, счелъ вынужденнымъ обратиться къ нему въ 1257 г. (Id. Febr.) съ буллою, заключающей въ себѣ укоризны за отступленіе отъ католической церкви, убѣжденіе возвратиться

¹⁾ *Плато-Карпини*,—изд. Языкова. Спб. 1825 г., стр. 8, 44.

въ пѣдра ея и угрозы предать его, въ противномъ случаѣ, проклятiю ¹⁾).

Такимъ образомъ, попытка къ уніи нашей зап. русской церкви съ католической не удалась.

И польскіе короли при случаѣ не оставляли заботъ о насажденіи католицизма на Русь. Такъ, относительно Казимира III мы находимъ характерную замѣтку въ «Кроникѣ русской» (также и въ Новгородской I) подъ 1349 г.: «Прійде», говорится здѣсь, «Король Краковскій со многю силою, и взя лествію землю Волинскую, и много зла христіаномъ створи, церкви святыхъ претвори на латинскія, богомерское служеніе» ²⁾).

Само собою разумѣется, этимъ словамъ «кроники» довѣрять вполне нельзя. Казиміръ, если и разгромилъ въ 1349 г. Волинь, то за собой ее, во всякомъ случаѣ, не удержалъ, и власть его надъ этой землею прекратилась по уходѣ отсюда польскихъ войскъ. Могъ-ли Казиміръ на самомъ дѣлѣ сдѣлать въ это время на Волини то, что ему приписываетъ «кроника»? Конечно нѣтъ! А если и сдѣлалъ, то сейчасъ же по уходѣ его, «богомерское служеніе», было, несомнѣнно, отмѣнено.

Но при всемъ томъ, слова «кроники» характерны — они даютъ намъ нѣкоторое указаніе на то, что Казиміръ, дѣйствительно, стремился къ распространенію католицизма на Русь. Этому же служить подтвержденіемъ и его вышеупомянутая грамота къ патріарху Филофею, заканчивающаяся угрозою обратить русиновъ въ католицизмъ, въ случаѣ неисполненія патріархомъ требованія относительно поставленія для Галича особаго митрополита.

Преемникъ Казимира III — Людовикъ венгерскій вмѣстѣ съ Владиславомъ опольскимъ также принимали мѣры къ распро-

¹⁾ Булла папы Александра IV къ Даниилу отъ 12. Febr. 1257 ап. см. въ *Актахъ истор.*, изд. Тургеневымъ, т. I, 84; *Scarbiec diplomatów*, т. I, р. 95, № 164; *Чистовичъ* — «Очерки исторіи зап. русской церкви». Спб. — 1882 г., I, 13.

²⁾ «*Kronika Ruska*», изд. Даниловичемъ. Wilno, 1827 г., стр. 170. *Новгородская I* по синодальному харатейному списку, стр. 350.

страшенію католичества среди русских и, между прочимъ, и по ихъ представленіямъ папа Григорій XI 13 февр. 1375 г. издалъ буллу²⁾, начинающуюся словами — «Ad perpetuam rei memoriam. Debitum pastoralis officii»... — въ которой объявляетъ, что церкви въ Галичѣ, Перемышлѣ, Холмѣ и Владимірѣ были (и есть) кафедральными, и постановляетъ, чтобы и впредь церкви въ Холмѣ, Перемышлѣ и Владимірѣ были епископальными, подчиненными галицкой церкви, возведенной папою на степень архиепископіи.

Такимъ образомъ, этой буллой сообщена была католической церкви въ Галиціи и отчасти на Волыни известная организация, при существованіи которой католическая пропаганда въ этихъ русскихъ земляхъ должна была бы пойти успѣшнѣе.

Однако, не касаясь здѣсь Галиціи, относительно Волыни скажемъ, что все мѣры, какія только предпринимали папы и польскіе короли къ окатоличенію ея разбивались о непоколебимую прпверженность къ православію волынянъ, ревниво охранявшихъ вмѣстѣ съ православіемъ свою національную самобытность.

Сказавъ о духовенствѣ, объ іерархической его зависимости и о попыткахъ и мѣрахъ къ распространенію католицизма на Волыни, кстати будетъ тутъ сказать нѣсколько словъ о здѣшнихъ церквахъ и монастыряхъ.

Князья стремились къ умноженію церквей и монастырей и къ ихъ процвѣтанію,—для чего надѣляли ихъ разнаго рода движимой и недвижной собственностью³⁾. Особенной ревностью въ этомъ отношеніи отличался Владиміръ Васильковичъ. Онъ создалъ много церквей и монастырей³⁾, украсилъ ихъ разными

¹⁾ *Изъ изв Чарикова* Mon. Pol. h. t. II, 665. *Theineri* — Mon. Pol. t. I, p. 712—713, №№ 963, 964; *Scarbiec diplom.* t. I, p. 219; *Stadnicki*—Syn. Ged. t. II, p. 66; *Cromeri*—De orig et reb. gestis Pol. lib. XIII, p. 340—141.

²⁾ Романъ Метиславичъ, напр., «надалъ святой Пречистой, Володимирской епископѣ» с. Купечовъ и «иныя села» О. Н. *Левинскій* — Ист. опис. Влад. Вол. Успенск. хр. стр. 33.

³⁾ Ип. 607—8.

драгоценными вещами ¹⁾ и надѣлплъ недвижимою собственностью. Такъ, къ созданному имъ монастырю Св. Апостоловъ онъ приписалъ село «Берестовичъ», купленное у какого-то Фодорка ²⁾. Любартъ Гедимновичъ также радѣлъ о поддержаніи православія среди русскихъ, строилъ церкви и надѣлялъ послѣднія недвижимою собственностью. Такъ въ Луцкѣ имъ построенъ былъ кафедральный соборъ во имя Св. Іоанна Богослова, и во владѣніе собора имъ дано было нѣсколько селъ ³⁾.

Назовемъ главнѣйшіе изъ церквей и монастырей. 1) Церковь Св. Богородицы во Владимірѣ, кафедральный соборъ владимірскихъ епископовъ. Въ Ипатской лѣт. о ней подъ 1172 г. говорится слѣдующее: «Положиша тѣло его (Мстислава Изяславича) въ святѣй Богородици въ епископы, юже бѣ самъ созда въ Володимѣри» ⁴⁾, а подъ 1160 г. въ Никоновской лѣтописи читаемъ: «того же лѣта князь Мстиславъ Изяславичъ подписа святую церковь въ Володимери Волынскомъ, и украси ю дивно святыми и драгими иконами, и книгами, и вещми многими чудными, и священными сосуды златыми и серебряными з бисеромъ и с каменіямъ драгимъ» ⁵⁾. Въ 1204 г., по извѣстію лѣтописи, поляки, разграбивъ Владимірѣ, ~~хотѣли то же сдѣлать~~ и съ церковью Св. Богородицы, но «твердымъ же бывшимъ дверемъ, не могла и съѣхати» ⁶⁾; въ 1265 г. въ этой церкви была погребена Елена, жена Василька Романовича ⁷⁾, а нѣсколько лѣтъ спустя и онъ самъ ⁸⁾; въ 1289 г. тутъ же былъ похороненъ Владимірѣ

¹⁾ ib.

²⁾ ib. 595.

³⁾ Stecki—Luck, p. 39 — 41. Фундушевая запись кн. Луцкаго и Владимірскаго Любарта — Арх. юго-зап. Русс., ч. I, т. I. Успенскому храму во Владимірѣ онъ «придалъ» с. Сушично «з данью медовою и грошовою» и пр. и озеро Стобуховъ». См. О. И. Левицкій. Усп. хр., стр. 45.

⁴⁾ Ип. 382.

⁵⁾ Никоновская — П. С. Р. Л. т. IX, 229.

⁶⁾ Ип. 482.

⁷⁾ Ib. 570.

⁸⁾ Ib. 574.

Васпльковичъ¹⁾. Изъ приведенныхъ выше лѣтописныхъ извѣстій явствуетъ, что церковь во имя св. Богородицы была основана въ XII в. княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Но, несомнѣнно, что еще и до этого князя во Владимірѣ существовала церковь тоже во имя св. Богородицы. Въ ней, по сказанію лѣтописи, въ 1044 г. были погребены, послѣ совершенія надъ ними крещенія, кости князей Ярополка и Олега Святославичей²⁾.

2) Монастырь св. Михаила во Владимірѣ; въ этомъ монастырѣ былъ убитъ Войшелкъ³⁾.

3) Святогорскій монастырь, близъ Владиміра⁴⁾.

¹⁾ Ib. 604.

²⁾ Ип. 109. О судьбѣ Успенскаго храма во Владимірѣ см. *Дверницкій* — Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волинскомъ. Объ этомъ же храмѣ — *Голубинскій* — Исторія р. церкви, т. I, 552; въ особенности — О. И. *Левицкій* — Историческое описаніе Владиміро-Волинскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в. кн. Мстиславомъ Изяславичемъ. Кіевъ, 1892 г. Г. Левицкій, на основаніи разныхъ соображеній, приходитъ къ заключенію, «что Владиміро-Волинскій Успенскій храмъ, величественныя развалины котораго сохранились до-нынѣ, построенъ кн. Мстиславомъ Изяславичемъ между 1157—1160 гг. и при томъ не на новомъ мѣстѣ, а по всей вѣроятности на развалинахъ древняго кафедральнаго храма того-же имени, современнаго эпохѣ св. Владиміра». Г. Левицкій дальше говоритъ, что «не смотря на то, что это былъ первый по времени каменный храмъ на Волыни, его нельзя не признать однимъ изъ грандіозныхъ сооруженій XII в.: длина его 41 арш., шир. 31, высота древняя неизвѣстна, но въ 1806 г., до паденія главнаго купола, она достигала 68 арш.» (стр. 30—31). Въ августѣ 1886 г., коммиссіей, состоявшей изъ О. И. Левицкаго и профессоровъ — г. Прахова и В. Б. Антоновича были произведены раскопки въ храмѣ, которыя привели, между прочимъ, къ опредѣленію его древней архитектуры. О результатахъ раскопки см., между прочимъ, въ газ. «Заря», 1886 г., № 156.

³⁾ Ип. 573.

⁴⁾ О Святогорскомъ монастырѣ близъ г. Владиміра находимъ свѣдѣніе въ Житіи пр. Феодосія (Чт. Москов. общ. ист. и др. 1879, кн. I). Здѣсь говорится о томъ, какъ игуменъ Кіевского монастыря св. Дмитрія — Варлаамъ на обратномъ пути изъ святыхъ мѣстъ въ свой монастырь, — «уже въ странахъ своихъ си, впаде въ недугъ лють. Таче яко дойде града володиміря вниде въ монастырь ту сущи близъ города, иже наричюти и стая гора, ту же оуспе съ мирьмъ». По словамъ г. Теодоровича, этотъ Святогорскій (пе-

4) Церковь во имя св. Богородицы Иоакима и Анны¹⁾.

5) Монастырь св. Апостоловъ, созданный Владиміромъ Васильковичемъ²⁾.

6) Полоинскій монастырь, въ которомъ пребывалъ нѣкоторое время Войшелкъ. Монастырь этотъ пользовался извѣстностью, благодаря присутствію въ немъ игумена Григорія³⁾.

7) Церковь св. Григорія въ Любомлѣ⁴⁾.

8) Церковь Благовѣщенія св. Богородицы въ Каменцѣ, созданныя, какъ и въ Бѣльскѣ, паживеніемъ Владиміра Васильковича. Послѣдній украсилъ ихъ драгоценными сосудами, золотыми иконами и снабдилъ богослужебными книгами, между которыми находился и «сборникъ отца его».

9) Церковь св. Николая въ Жидчинѣ (въ Луцкомъ кв.). Сюда въ 1227 г. ѣздилъ на богомолье Даніилъ⁵⁾.

10) Кафедральный соборъ св. Іоанна Богослова въ Луцкѣ, построенный вмѣсто деревяннаго Любартомъ Гедиминовичемъ. Въ этой церкви Любартъ былъ и похороненъ⁶⁾.

Какъ сказано выше, князья волынскіе надѣляли церкви и монастыри земельной и иной собственностью, и такое надѣленіе являлось, помимо всякихъ другихъ соображеній, необходимою еще и потому, что при церквахъ и монастыряхъ находились госпитали, страннопріимные дома и дома для бѣдныхъ; на содержаніе всѣхъ этихъ учрежденій, бывшихъ въ завѣдываніи епископа, — какъ то явствуетъ изъ упомянутой выше фундуш-

церный) монастырь существовалъ въ Зимно, бывшемъ предмѣстьѣ гор. Владиміра Вол. (г. Владиміръ, стр. 35).

¹⁾ Ип. 616. *Теоодоровича*—Гор. Владиміръ--142.

²⁾ Ип. 395.

³⁾ Ib. 567, 573.

⁴⁾ Ib. 602.

⁵⁾ Ib. 501.

⁶⁾ *Stechki*—Луцк. р. 39. О. П. *Левицкій*—Луцкая старина. Чтенія въ истор. общ. Нестора Лѣтописца, кн. V, стр. 57, 65, 73, 79. Г. Левицкій указываетъ еще на церковь св. Дмитрія въ Луцкѣ, какъ на одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ на Волыни. Истор. описаніе Влад. Успен. х. 30, Чт. Нест. Л., кн. V, стр. 84 (ст. «Луцкая Старина»).

вой записи кн. Любарта Гедимновича, — необходимы были, конечно, средства, и въ большинствѣ случаевъ такія средства доставляли церквамъ и монастырямъ разные лица (преимущественно, князья) чрезъ пожалованіе движимаго и недвижимаго имущества.

Перейдемъ затѣмъ къ третьему слою Волынскаго общества — къ «людямъ». Последніе, какъ мы сказали выше, дѣлились на горожанъ (мѣстичи) и сельчанъ (смерды). *Сельчане*, кажется, дѣлились на совершенно свободныхъ и, быть можетъ, полусвободныхъ. Такъ, Мстиславъ Даніиловичъ налагаетъ «ловче» на берестянъ (жителей округа, тянувшего къ городу Берестю) и горожанъ¹⁾. Въ данномъ случаѣ, сельчане какъ бы люди свободные; но изъ словъ завѣщанія Владимира Васильковича: «далъ есмь княгинѣ село свое Городелъ, и с мытомъ, а людье како на мя страдалъ, тако и на княгиню мою по моемъ животъ», можно заключить, что были и полусвободные сельчане; говоримъ «полу», потому что о несвободныхъ въ данномъ случаѣ и рѣчи не могло бы быть²⁾. Занятія сельчанъ, какъ то видно изъ извѣстія о наложенной на берестянъ дани, состояли въ бортничествѣ, скотоводствѣ и земледѣліи³⁾. Сельчане платили въ казну разные поборы и «татарцину».

Вообще, вопросъ о положеніи земледѣльцевъ, въ высшей степени интересный, не можетъ быть сколько-нибудь удовлетворительно разрѣшенъ за отсутствіемъ данныхъ.

Что касается *вoroжанъ*, то они занимались разными промыслами и торговлею. Лѣтописецъ, напр., сообщаетъ, что Да-

¹⁾ Ип. 613.

²⁾ Г. Линиченко во II главѣ («судьба крест. населенія Галицкой Руси XIV—XV в.») своего сочиненія — «Черты изъ исторіи сословій въ юго-зап. (Галицкой) Руси XIV — XV в.» — о «людяхъ» говоритъ: «Названіе «люди», какъ кажется, въ частности примѣнялось къ классу населенія не свободному, прикрѣпленному къ землѣ, отбывавшему натуральныя повинности въ пользу землевладѣльца» (стр. 73). Г. Линиченко ссылается при этомъ на завѣщаніе Владимира Васильковича («а людье како то на мя страдалъ»).

³⁾ Ип. 613. Впрочемъ, занятія въ разныхъ мѣстахъ могли быть различны, смотря по характеру мѣстности.

ніилъ, построивъ Холмъ, «нача призывати прихожаѣ Нѣмцѣ и Русь, иноязычники и Ляхы; идяху день и во день, и увоты и мастерѣ всяции бѣжаху ис Татаръ, сѣдѣльницѣ и лучници, и тулници, и кузницѣ желѣзу и мѣди и серебру»¹⁾. Вотъ эти-то иноязычники (нѣмцы, византійцы и др.) и были учителями волянянъ въ дѣлѣ разныхъ ремеслъ и искусствъ. Нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что воляняне уже въ XII в. были довольно опытнымъ архитекторами: они умѣли, напр., строить каменные храмы (послѣдніе, — какъ-то можно заключить, по остаткамъ Мстиславова храма во Владимірѣ, — строились въ византійскомъ стилѣ) «предивна, красотою сияющи»²⁾, хоромы, «столпы» каменные, «подобные удивленію всѣмъ зрящимъ на нь»³⁾, каменные гробницы⁴⁾.

Воляняне были и довольно искусными живописцами. Раскопка Успенскаго собора во Владимірѣ въ 1886 г. показала, что храмъ былъ украшенъ фресковыми изображеніями; затѣмъ, раскопка въ томъ-же году древняго храма во Владимірѣ на мѣстѣ, наз. «Старая катедра», обнаружила въ этомъ храмѣ «непрерывный рядъ фресокъ, писанныхъ свѣтлыми красками; въ бабинцѣ найдены кусокъ штукатурки, расписанный аль-фреско, толщиной 3 дюйма»⁵⁾. Конечно, храмы эти могли быть росписаны иноземными художниками, но можно предположить, что и наши польскіе живописцы участвовали въ этомъ дѣлѣ.

Про Владиміра Васильковича въ лѣтописи говорится, что онъ «икону списа на золотѣ намѣстную святого Георгіа... и святую Богородицу списа на золотѣ же намѣстную»⁶⁾...

Митрополитъ св. Петръ, уроженецъ Волини, здѣсь научился иконописанію и былъ очень искусенъ въ этомъ⁷⁾. Въ

¹⁾ Ипат. 558.

²⁾ Ib. 597.

³⁾ Ib. 608, 616.

⁴⁾ Ib. 616.

⁵⁾ «Заря», 1886 г., № 160.

⁶⁾ Ип. 609—610.

⁷⁾ *Степенная книга*, ч. I, 412, 413

житію его говорится, между прочимъ: «Еже и въ желаніе приходитьъ ученію иконному, иже и вскорѣ навѣчѣ повелѣніемъ наставника, и сему убо дѣлу прилѣжа, и образъ Спасовъ пища, и того всенепорочную матеръ и паки же святыхъ воображенія и лица». Митр. Максиму, посѣтившему Волинь, св. Петръ вручилъ икону Божьей Матери своего письма ¹⁾).

Воляняне были знакомы также съ обработкой металловъ ²⁾).

Главное занятіе горожанъ составляла торговля. Послѣдняя предполагаетъ существованіе рынковъ, на которыхъ бы происходила купля-продажа товаровъ. Кромѣ того, мѣста, въ которыхъ находятся рынки, должны быть защищены отъ непріятелей. Всѣмъ такимъ условіямъ удовлетворяли города, существовавшіе на Волини съ давнихъ временъ. Главнымъ городомъ княжества былъ Владиміръ. Къ числу важнѣйшихъ, слѣдовавшихъ за нимъ, городовъ принадлежалъ Луцкъ, впоследствии обособившійся въ самостоятельный княжескій городъ и даже при Любартѣ и его преемникахъ сдѣлавшійся стольнымъ городомъ Волинской земли ³⁾. Предшествовала ли этому обособленію пригорода борьба съ главнымъ городомъ, наблюдаемая въ другихъ земляхъ, напр., въ Ростово-Суздальской, лѣтопись не даетъ никакихъ указаній на этотъ счетъ. Лѣтопись говоритъ намъ только: «Новгородци бо изначала, и Смольняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти яко же на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшія сдумаютъ, на томъ же пригородѣ стануть» ⁴⁾). Эти слова лѣтописи можно, конечно, отнести и къ Волини; но имѣла ли здѣсь мѣсто борьба между стольнымъ городомъ и пригородами, когда послѣдніе за-

¹⁾ Ib.

²⁾ Владиміръ Васильковичъ «съсуда скова служебныя сребрены... икону Пречистыя Богородица окова серебромъ». Ип. 608 610. Для помощи пострадавшимъ отъ нашествія Телебуги тотъ же Владиміръ Васильковичъ «блюда великаа серебрянаа, и кубки золотые и серебряные, самъ передъ своимъ очима побѣ и полѣ въ гривны и мониста золотая все полѣ, полѣ же и колоколы дивны слышаніемъ, таковыхъ же не бысть во всей земли» Ип. 610

³⁾ См. также О. И. *Левичкій*. Ист. описан. Влад. Вол. Усп. Хр. стр. 44.

⁴⁾ II. С. Р. Л. I, 160.

хотѣли жить особною, самостоятельною жизнью, мы повторяемъ, не знаемъ.

Волинскіе города еще въ до-татарское время окружались стѣнами или валами (доселѣ сохранилась масса городищъ съ валами и рвами); на стѣнахъ устраивались дощатые заборы¹⁾. Кроме того, для укрѣпленія города строились «*вежи*» (башни)²⁾. Въ городскихъ стѣнахъ дѣлались ворота, которые, при наступленіи врага, запирались. Такихъ воротъ въ городѣ могло быть нѣсколько³⁾. У города, окруженнаго стѣною или валомъ, находилось, по всей вѣроятности, предгоріе, какъ можно, кажется, заключить изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: «Давидъ прииде внезапно и зая Володимирѣ, а Мстиславъ затворися у градѣ съ засадою»⁴⁾. По словамъ Длугоша, волинскіе города XI в., между которыми самыми главными были — Владиміръ, Волинь и Холмъ, расположенные на холмахъ, не имѣли каменныхъ стѣнъ, а были защищены или природою, или деревянными стѣнами; дома въ нихъ были тоже изъ дерева⁵⁾.

Что волинскіе города вели съ давнихъ поръ торговлю видно, напр., хоть изъ того, что Владимірко взялъ въ 1150 г. контрибуцію съ нихъ серебромъ⁶⁾. Откуда взялось послѣднее? Очевидно, оно пріобрѣтено было путемъ торговли. Торговлей занимались не одни только «люди». Ею не брезгали ни князья, ни бояре (мы упоминали выше о княжескихъ товарахъ и боярскихъ).

¹⁾ «Мстиславу же хотящу стрилити, внезапно вдаренъ бысть подъ плечу стрѣлою на заборолѣхъ» Ип. 178.

²⁾ «Единою подступниша къ граду подъ *вежами*, онѣмъ же бьющимся съ града» (ib.).

³⁾ «Червяне же затворишася въ городѣ». Во Владиміръ были ворота «Гридишны» и «кіевскіе»: «Гюрги ста у Гридишнихъ воротъ, Ярославъ у Кіевскихъ воротъ» (Ип. 334).

⁴⁾ Ип. 178.

⁵⁾ Dlug. I, 142 и 249.

⁶⁾ «И рече (Владимірко) Мъчаномъ: «дайте ми серебро, что вы язъ хочю; пакы ли я вѣзму вы на щитъ»; они же не имѣяхуть дати чего у нихъ хотяше, они же емлюче серебро изъ ушью и съ шии, сливаюче же серебро даяхуть Володимеру. Володимеръ же поймавъ серебро и поиде, такоже смя серебро по всемъ градомъ, оли и до своей земли». Ип. 289.

Князья всеми силами стремились къ расширенію торговых сношеній ¹⁾ волеявъ съ иностранцами,—для чего надѣляли послѣднихъ разными льготами; напр., въ 1320 г. кн. Андрей Юрьевичъ заключилъ торговый договоръ съ г. Торномъ, по которому купцы этого города освобождались отъ всякихъ торговых пошлинъ внутри княжества и пріобрѣтали гарантію отъ причиненія имъ убытковъ (за каждый динарій убытка они получали два динарія) ²⁾. Въ этомъ документѣ весьма важно слѣдующее мѣсто: «*Ceterum omnia jura, quae tempore patris nostri felicitis memoriae, in terra Russiae omnes negotiatores habuerunt*». Эти слова могутъ служить указаніемъ на то, что князья волинскіе издавно уже стремились къ увеличенію торговых сношеній съ иностранцами. Какія же льготы предоставлялись иностранцамъ? Они освобождались отъ пошлинъ, которыя должны были платить купцы; затѣмъ, для нихъ, вѣрно, не были обязательны извѣстные торговые пути и рынки. Черезъ Волюнь проходили торговые пути въ разныя государства; князья стараются опредѣлять эти пути и обязываютъ купцовъ заѣзжать въ извѣстные города и тамъ сначала продавать свои товары. Это, конечно, было очень стѣснительно для торговли вообще, но для нѣкоторыхъ городовъ было выгодно. Отъ всякихъ такихъ стѣсненій и освобождаютъ князья иностранныхъ купцовъ. Договоръ Любарта Гедиминовича съ Казиміромъ III гласитъ: «а мыто не примышляти, но какъ изъ вѣка пошло; а по старымъ дорогамъ гостемъ пойти куда хочеть, а гостя не приневоляти, но куда хочеть, туда поидеть ³⁾». Въ другомъ документѣ (отъ 1379 г.), однако, Любартъ, кн. владимірскій и луцкій, объявляетъ «радѣ» города Львова, что складочнымъ мѣстомъ товаровъ по старому будутъ

¹⁾ И вообще, сношенія галицко-волинскихъ князей съ иноземными государствами учащаются въ XIII — XIV в. — стоитъ только припомнить о томъ участіи, которое принимали эти князья въ дѣлахъ сосѣднихъ странъ— Венгріи и Польши, объ ихъ «снємахъ» съ поляками (въ Тернавъ, напр. Ил. 561. 571), о брачныхъ дѣлахъ съ иноземцами.

²⁾ *Зубрицкій*—III, 251.

³⁾ «Arcg Sang. I. 1

города Львовъ, Владиміръ и Луцкъ¹⁾, т. е. здѣсь уже не говорится о свободѣ купцовъ торговать, гдѣ имъ захочется.

Торговля повела къ обогащенію общества и князя. Насколько значительно было богатство князя, видно, напр., хотя изъ тѣхъ пожертвованій, которыя дѣлаетъ Владиміръ Васильковичъ церквамъ, монастырямъ и бѣднымъ людямъ. Какая масса золота и серебра! Лѣтописецъ сообщаетъ, что у Владиміра Васильковича были большія серебряныя блюда, кубки золотые и серебряные пояса отца его и золотыя мониста матери его и бабки; умершаго Владиміра Васильковича обернули въ «оксамить» съ кружевами²⁾. Откуда все это богатство, какъ не отъ торговли? Торговля и промышленность были причиною процвѣтанія городовъ; послѣдніе украсились каменными зданіями и церквами. Каковъ былъ городъ Владиміръ въ XIII в., видно изъ того удивленія, какимъ проникся предъ его величіемъ король угорскій. По словамъ лѣтописи: «пришедшу ему Володимеру (въ 1231 г.), дивившуся ему, рекъшу, яко така града не изобрѣтохъ ни въ нѣмѣцкихъ странахъ»³⁾; а въ 1260 г. Василько зажегъ Владиміръ «зане немощно бысть разметати его вбоявъ его величествомъ»⁴⁾. Про предмѣстье Луцка — «Гай», любимое мѣстопробываніе Мстислава Даніловича, лѣтописецъ говоритъ: «мѣсто же то (Гай) красно вѣдѣниемъ и устроено различными хоромы, церкви же баше въ немъ предивна, красотою сияющи»⁵⁾...

Торговля и промышленность мыслимы тогда, когда въ странѣ царить миръ. Этого не доставало Волини, въ періодъ ея зависимости отъ татаръ, которые, по временамъ, какъ мы говорили выше, вторгались на Волинь и производили здѣсь ужасныя опустошенія, сопровождавшіяся разрушеніемъ городовъ, разграбленіемъ имуществъ и убійствомъ собственниковъ ихъ.

¹⁾ *Stecki*—Luck, 37; *Stadnicki Syn. Ged.* II, 157. *Supplementum ad historica Russiae monumenta.* Petropoli, 1848. *Смирнов*—Суд. 134.

²⁾ Ип. 604.

³⁾ Ib. 510.

⁴⁾ Ib. 562.

⁵⁾ Ib 597

Князья являются на помощь въ горѣ—вмѣсто разрушенныхъ городовъ они создаютъ новые ¹⁾, тщательно укрѣпляютъ ихъ посредствомъ валовъ и стѣнъ съ «заборалами», «вежъ» и «столповъ»²⁾. Благодаря такимъ заботамъ, въ городахъ сосредоточивается огромное населеніе, состоявшее изъ представителей различныхъ національностей: тутъ были и нѣмцы, и «суроужцы», «жиды» и русскіе другихъ княжествъ (напр., изъ Новгорода³⁾). Иноземцы, поселившись въ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ, по словамъ Шараневича, «набивали недвижиміи имѣнія, села, млины и проч.»⁴⁾. Нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣтали большую пзвѣстность и становились даже въ близкія отношенія къ князьямъ; такъ, въ Ипатской лѣтописи упоминается нѣмецъ Марколтъ, у котораго пировали Войшелкъ, Василько Романовичъ и Левъ Даниловичъ⁵⁾.

¹⁾ Ип. 608, 578. Особенною дѣятельностью въ этомъ отношеніи отличался Владиміръ Васильковичъ и его отецъ.

²⁾ «Създа же въ немъ (Каменцѣ) столпъ камянь, выотою 17 сажень, подобенъ удивленію вѣмъ зрящимъ на нь». Ип. 608. «Того же лѣта (1291 г.) въ Черторыйски въ городѣ заложи (Мстиславъ Даниловичъ) столпъ камень». Ип. 616. Что «столпы» были создаваемы съ цѣлю защиты города—видно изъ Ип. 579, 599.

³⁾ Ип. 605. Папа Григорій XI въ буллѣ арх. Гнѣзненскому и др. отъ 1332 г. пишетъ о томъ, что бѣдные люди въ Польшѣ, притѣсняемые тамошними князьями, убѣгаютъ къ русскимъ («ad perfidiam Ruthenorum et Prutenorum transenut cohibitatione fidelium derelicta»). Акты истор., изд. Тургеневымъ, т. I, 32.

⁴⁾ Шараневичъ — Истор. Гал. Вол., кн. 146.

⁵⁾ «Марколтъ же Нѣмчичъ зва къ собѣ всѣ князѣ на обѣдъ, Василка, Лва, Войшелка; и начаша обѣдати и пити и веселитися». Ип. 573.

Интересна булла папы Иннокентія IV Данилу, его брату и сыну отъ VI Kal. Sept. 1247 г. о томъ, чтобы никто изъ крестоносцевъ или духовныхъ лицъ не могъ пріобрѣтать имѣній въ областяхъ кор. русскаго, его брата и сына безъ ихъ позволенія. Эта булла указываетъ на то, что Даниилъ и Василько, хотя и заботились объ увеличеніи населенія своихъ княжествъ, однако, стремились урегулировать иноземную колонизацію въ своихъ княжествахъ, поставить ее въ зависимость отъ своей воли. Акты истор., извл. Тургеневымъ, т. I, стр. 62.

Не всѣ города, по всей вѣроятности, находились въ одинаковомъ положеніи по отношенію къ князю; нѣкоторые изъ нихъ, напр., платили «ловчее»¹⁾, другіе — нѣтъ; въ нѣкоторыхъ городахъ была княжеская «засада»²⁾, въ другихъ — не было. Городъ отличался отъ села въ своихъ отношеніяхъ къ князю, между прочимъ, тѣмъ, что первый платилъ дань деньгами, а второй — натурой³⁾.

Съ вопросомъ о торговлѣ связанъ вопросъ о торговыхъ путяхъ и деньгахъ. Шараневичъ указываетъ слѣдующіе старинные пути изъ Волыни въ другія земли: 1) путь изъ Владимира и Червеня въ Польшу черезъ Вислу, у Завихвоста; 2) туда же изъ Волыни черезъ р. Санъ, ниже Ярославля; 3) отъ Луцка и Кременца къ р. Серету, а отсюда къ Теребовлю и Звенигороду⁴⁾. По словамъ Шараневича, «торговля городовъ нѣмецкаго ордена ходила черезъ Русь двумя шляхами; разъ вдоль Буга черезъ Червоную Русь, другій разъ вдоль Днѣпра, куда купцы надбалтицкихъ городовъ въ головніи города Галицко-Володимирской Руси товары посылали»⁵⁾. Нѣмецкимъ купцамъ было позволено Казиміромъ В. ѣздить чрезъ Казиміръ и Люблинъ къ Владимиру, а черезъ Брестъ къ Сандомиру⁶⁾.

Деньгами служили — кѹны (гривна кунъ⁷⁾), гривна золотая и серебряная⁸⁾, динарій⁹⁾. Гривна была мѣрою вѣса, цеберъ —

¹⁾ «Ловчее» — дань на содержаніе княжескихъ охотниковъ. Охота въ то время была не только любимымъ времяпрепровожденіемъ (Ип. 596), но и прибыльною статью, такъ какъ мѣха составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ торговли волынянъ и вообще Руси. См. также *Сергѣевича* — Юрид. древ. т. I, 470.

²⁾ Ип. 610, 612. «Засада» вѣрно, ставилась въ окраинныхъ городахъ.

³⁾ Ип. 613.

⁴⁾ *Шараневича* — Изслѣд. 74.

⁵⁾ Его-же. Истор. Гал. В. кн 196.

⁶⁾ Ib. 197.

⁷⁾ Ип. 460, 595, 613.

⁸⁾ Въ 1097 г. «Ляхове взяша у него (Давида Игоревича) 50 гривенъ злата (Ип. 176). Ип. 601. Подъ 1288 г. лѣтописецъ сообщаетъ, что Владимиръ Васильковичъ «гривну златую възложи на нь (на икону св. Георгія) съ женюгомъ» (Ип. 610).

⁹⁾ Грам. Андрея Юрьевича отъ 1320 г. *Зубрицкій* — III, 251.

мѣрою сыпучихъ тѣлъ; кромѣ того, въ значеніи мѣры употреблялось «лукио»¹⁾.

Въ заключеніе очерка внутренняго быта скажемъ нѣсколько словъ объ образованности. Торговля и пшныя сношенія съ иностранными землями, должны были, безъ сомнѣнія, оказать известное вліяніе на воляныя въ XIII — XIV в. и вызвать въ нихъ, между прочимъ, стремленіе къ образованію. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для сужденія объ этомъ интересномъ предметѣ. Татищевъ говоритъ о Мстиславѣ Изяславичѣ, что онъ много книгъ читалъ²⁾; про Владимира Васильковича лѣтописецъ сообщаетъ, что онъ «бысть книжникъ великъ и философъ, акого же не бысть во всей земли и ни по немъ не будетъ»³⁾; кромѣ того, лѣтописецъ о немъ же говоритъ, что онъ занимался «списываніемъ» церковныхъ книгъ⁴⁾. Очевидно, въ это время русскіе считали «списываніе» церковныхъ книгъ дѣломъ богоугоднымъ, душеспасительнымъ и полезнымъ; чтеніе книгъ священнаго писанія было въ то время однимъ изъ любимѣйшихъ занятій русскаго. Кромѣ начетчиковъ священныхъ книгъ были еще, такъ называемые, «хитрѣци» «мужи хитріи» — представители науки. Такъ, подъ 1265 г. лѣтописецъ говоритъ «Явися звѣзда на востоцѣ хвостатая, образомъ страшнымъ, испущающе отъ себе лучѣ великы, сиже звѣзда нарѣчается власатая; отъ видѣнія же сея звѣзды страхъ обья вся челоуѣки и ужасть. Хитрѣци же смотрѣвше тако рекоша: «оже мятежъ великъ будетъ в земли»⁵⁾. Изъ этихъ словъ видно, что «хитрѣци» были людьми авторитетными, знанія которыхъ не позволяли имъ уже такъ ужасаться небывалаго явленія, какъ обыкновеннымъ смертнымъ. «Хитрѣци» эти, по всей вѣроятности, занимались астрономіей или, скорѣе, астрологіей, но и не при

¹⁾ Ип. 613.

²⁾ Татищевъ — Ист. III, 178.

³⁾ Ип. 601, 605.

⁴⁾ Ib. 608—9. «Въ лѣто 1286 списанъ бысть сей Номоканонъ боголюбивымъ княземъ Владиміромъ, сыномъ Васильковымъ». См. выше, въ прим.

⁵⁾ Ип. 570.

числяющій себя къ «хитрѣцамъ» лѣтописецъ тоже кое-что смыслитъ въ астрономіи — онъ называетъ появившуюся звѣзду — власатою. Въ другой разъ, въ лѣтописи «мужъ хитрій» является въ роли инженера: Владиміръ Васильковичъ, «посла мужа хитра, именемъ Алексеу, иже бяше при отцѣ его многы города рубя и посла и... изнайти таково мѣсто горѣдъ поставити»¹⁾).

Необходимость въ образованіи вызывалась и государственными нуждами. Такъ, усложнившаяся жизнь требовала учрежденія должности писца, который бы писалъ грамоты²⁾ отъ имени князя и вообще, по всей вѣроятности, завѣдывалъ бы княжеской канцеляріей. О такихъ писцахъ упоминаетъ лѣтописецъ подъ 1287 г. (Федорець) и 1289 г.³⁾. Само собою разумѣется, что подобное лицо должно было обладать довольно большимъ запасомъ знаній. Къ тому же, быть можетъ, тотъ же княжескій писецъ былъ и официальнымъ лѣтописцемъ; по крайней мѣрѣ, существованіе официального лѣтописанія не подлежитъ сомнѣнію: подъ 1289 г. лѣтописецъ сообщаетъ, что за измѣну берестянь Мстиславъ Даниловичъ «вопсалъ въ лѣтописѣиъ коромолу ихъ»⁴⁾).

Галицко-волынская лѣтопись, въ составъ которой вошли, по всей вѣроятности, и извѣстія такой официальной лѣтописи, написанная очень живо, образно и обстоятельно, принадлежитъ, по предположенію Костомарова, лицамъ мірскимъ, участникамъ политическихъ событій. Въ ней, по словамъ того-же Костомарова, «встрѣчаются характеристическія замѣчанія о лицахъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ въ прежнихъ лѣтописяхъ, не безстрастныя, скромныя тенденціи на одинъ складъ, не одностороннія сужденія, но рѣзкіе и сильные отзывы участника событій»⁵⁾. Эта лѣтопись, по нашему мнѣнію, служитъ наилучшимъ доказательствомъ культуры волянянъ въ к. XII в.

¹⁾ Ип. 578

²⁾ Въ XIV в. грамоты писались на рус., лат. и нѣм. яз.

³⁾ Ип. 594—613.

⁴⁾ Ib. 613.

⁵⁾ Костомаровъ—Лекціи по рус. ист. Спб. 1861 г., стр. 48.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать еще нѣсколько словъ.

Богато одаренная природою, Волынь, обладала всѣми шансами на блестящую будущность. Прекрасная, плодородная почва, съ избыткомъ вознаграждавшая трудъ земледѣльца, обширные дремучіе лѣса съ безчисленнымъ множествомъ разнаго рода звѣрей, многоводныя рѣки, изобиловавшія всякой рыбой, климатъ хорошій и проч. — все это должно было содѣйствовать развитію благосостоянія волынскаго населенія. Волынь рано входитъ въ дѣятельныя торговыя сношенія съ разными народами, — что въ значительной степени объясняется ея окраиннымъ положеніемъ, по близости къ западно-европейскимъ государствамъ. Издавна уже на Волынь стекались по хорошо протореннымъ дорогамъ разные иноземцы; въ нѣкоторыхъ городахъ ея съ давнихъ поръ существовали товарные склады. Торговыя сношенія съ иноземцами, болѣе культурными, чѣмъ воляняне, должны были благотворно дѣйствовать на послѣднихъ, въ смыслѣ ознакомленія ихъ съ зап. европейской культурой. Многіе изъ иноземцевъ, принадлежавшихъ къ разнымъ профессіямъ, пріобрѣтали даже на Волинѣ осѣдлость, постоянную или временную, и этимъ, конечно, еще болѣе могли содѣйствовать пріобщенію Волинѣ къ зап. европейскому міру. Волынь, заимствуя отъ иноземцевъ полезное, не думала, однако, отказываться отъ своего родного, отъ того, что составляло коренныя основы ея жизни. Всякія попытки иноземцевъ измѣнить эти устои вызывали со стороны волянянъ сильное противодѣйствіе.

Въ XIII в. Волынь (какъ и всю Русь) постигло страшное бѣдствіе — она подпала татарскому игу. Но какъ не велико было это бѣдствіе, все же оно не могло убить начавшагося мирнаго культурнаго развитія нашей земли. Большую опасность въ данномъ случаѣ представляло иго другого народа.

Находясь на окраинѣ русскаго государства, среди литовцевъ и поляковъ, двухъ народовъ, жизненныя потребности которыхъ заставляли стремиться къ захвату сосѣдней богатой земли, Волынь должна была сдѣлаться достояніемъ одного изъ изъ названныхъ народовъ. Не литовское иго, однако, страшило волянянъ! Литовское государство, сдѣлавшееся сильнымъ, благодаря

дѣятельности Витеня и его преемниковъ, въ большей своей части состояло изъ земель русскихъ. Русскій элементъ, численно превосходявшій таковой же литовскій, къ тому же, и будучи болѣе культурнымъ, чѣмъ литовскій занималъ преобладающее положеніе въ молодомъ, еще не окрѣпшемъ государствѣ Русскій языкъ, нравы и обычаи, наконецъ, православіе все болѣе и болѣе пріобрѣтали здѣсь право гражданства. При нормальномъ теченіи дѣлъ, можно было бы ожидать, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ литовцы ассимилируются съ русскими совершенно, такъ сказать, поглотятся послѣдними, какъ болѣе культурными. Конечно, при такомъ порядкѣ вещей наша Волынь шла бы безпрепятственно по пути прогресса. Случилось, однако, иное. Старинный врагъ Волынской земли — Польша за-частую послушное орудіе римскаго престола, — издавна уже «жаднымъ взоромъ» глядѣвшая на Волынь, въ 1386 г. торжествуетъ побѣду. Для Польши открывалась блестящая перспектива поработить, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, сосѣднюю съ нею русскую землю. Вотъ это иго должно было быть во сто кратъ опаснѣе для Волыни! Оно угрожало послѣдней ополченіемъ и и окатоличеніемъ, потерей самобытности, а это для народа равносильно смерти.

Мы довели свое изложеніе историческихъ судебъ Волынской земли до самаго конца XIV в. (1399 г.), хотя собственно говоря, правильнѣе было бы закончить 1386 г. Съ этого времени начинается переломъ въ исторіи Волыни. Послѣдней стараются теперь навязать чуждыя ей западно-польско-католическія начала и сдѣлать возможнымъ, такимъ образомъ, въ будущемъ окончательное сліяніе ея съ Польшей. Отсюда понятными становятся всѣ эти награжденія Ягайломъ и Ядвигой разныхъ вліятельныхъ лицъ на Волыни; представленіе шляхтѣ и боярамъ луцкимъ правъ шляхты и бояръ львовскихъ и проч. Ягайло ревностно содѣйствуетъ видамъ Польши на захватъ Волыни, съ усердіемъ старается распространить здѣсь католицизмъ (въ лѣт. Быховца читаемъ: «(Ягайло) къ тому фундавалъ бискупство Луцкое и почалъ размножати вѣру римскую въ литовскомъ панствѣ») Витовтъ своей политикой также не мало способствовалъ

укорененію въ литовско-русскомъ государствѣ, а слѣдовательно, и на Волыни, чуждыхъ русскимъ землямъ началъ; но онъ, какъ и его преемникъ Свидригайло, все-таки, дѣятельно боролся съ пропсками поляковъ и не подавалъ имъ, такимъ образомъ, надежды на скорое осуществленіе ихъ завѣтной мечты. Въ особенности плодотворна была въ этомъ отношеніи дѣятельность Свидригайла, энергично отстаивавшаго интересы русскаго населенія въ Литовскомъ великомъ княжествѣ¹⁾. Благодаря Витовту и Свидригайлу, а также и послѣдующимъ борцамъ за самостоятельное существованіе Литовско-русскаго великаго княжества, послѣднее, а въ частности Волынь, полякамъ удастся присоединить къ своимъ владѣніямъ только лишь въ 1569 г. Это событіе 1569 г.—Люблинская унія, а также позднѣйшее—Брестская унія (1596 г.), въ связи съ вызванными ими новыми порядками, ввергли нашу страну (Волынь) въ столь печальное положеніе, что слѣды его не изгладились даже и понынѣ.

¹⁾ *Любавскій*. Областное дѣленіе и мѣстное управ. Литов. р. госуд., стр. 41—42, 59—60.

